

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

К.В. ДУШЕНКО

**МЕТАФОРЫ, ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ:
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

**МОСКВА
2023**

УДК 316.734

ББК 71.04

Д 86

Печатается по решению Ученого совета
ИНИОН РАН

Рецензенты:

Соколова Е.В., кандидат филологических наук,
заведующая отделом литературоведения ИНИОН РАН

Ответственный редактор:

Кулешова О.В., кандидат филологических наук,
заведующая отделом культурологии ИНИОН РАН

Д 86

Душенко Константин Васильевич

**Метафоры, образы, символы : Из истории культуры и
языка : Сборник статей / К.В. Душенко ; ИНИОН РАН. – Москва,
2023 : – 346 с.**

ISBN 978-5-248-01062-2

В книге исследуются избранные метафоры, образы, символы и понятия русской и мировой культуры – их происхождение, эволюция и значение в разные эпохи, в различных странах и языках. Одна из тем сборника – соотношение вербального и визуального в символах культуры.

Издание предназначено филологам, историкам и культурологам.

Konstantin Dushenko.

Metaphors, Images, Symbols: From the History of Culture and Language

The book explores selected metaphors, images, symbols and concepts of Russian and world culture, their origin, evolution and meaning in different eras, in different countries and languages. One of the themes of the collection is the correlation between the verbal and the visual in the symbols of culture.

The publication is intended for philologists, historians and culturologists.

УДК 316.734

ББК 71.04

ISBN 978-5-248-01062-2

DOI: 10.31249/metaphor/2023

© ИНИОН РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Фигуры и символы: архитектурное пространство утопии	6
Голубь мира: языковая метафора и визуальный символ	52
Метафоры деспотизма: от «железной руки» до «железной пяты»	91
«Аристократия духа» и «орден интеллигенции»: генеалогия понятий	110
«Парадокс о мандарине»: этический эксперимент в литературе	126
«За четверть часа до смерти он был еще живой»: литературный образ Ла Палиса и феномен «бестолкового стиля»	149
Мужчина как недовершенная женщина: сюжет из истории феминизма	169
«...В СССР секса нет»: о понятии 'секс' в советской культуре	182
«Одна ночь Парижа», или «Бабы еще нарожают»	196
Nomo unius libri, или Человек одной книги: эволюция понятия	208
Увидеть и умереть: от Неаполя до Парижа	219
Хорошо забытое старое, или Ничто не ново под луной	228
«Слон в посудной лавке»: к истории выражения	239

«Случай, мгновенное орудие Провидения»: культурно-исторический фон пушкинского афоризма	260
«Определяйте значение слов...»: об источниках пушкинского афоризма	275
«Презренной прозой говоря»: к истории выражения «vile prose»	279
«Толстый генерал» и князь Гремин: превращения литературного образа	287
Презренный металл: вхождение идиомы в литературу	299
«Мораль сей басни такова»: от дидактизма к пародии	312
«Над всей Испанией безоблачное небо»: между историей и поэзией	318
«Капля никотина убивает лошадь»: история загадочного плаката	324
Был ли Достоевский крестным отцом слова «стушеваться»? ...	338
Первые публикации статей, включенных в сборник	344

ОТ АВТОРА

В книге исследуются избранные метафоры, образы, символы и понятия русской и мировой культуры – их происхождение, эволюция и значение в разные эпохи, в различных странах и языках, а также соотношение вербального и визуального в символах культуры.

Статьи, включенные в настоящее издание, ранее публиковались в журналах и сборниках. Некоторые из них публикуются с изменениями. Сведения о первых публикациях приведены в конце книги.

Константин Душенко.
Март 2023 г.

ФИГУРЫ И СИМВОЛЫ: АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УТОПИИ

*Мы входим в город Солнцестана,
Где только мера и длина.*

Велимир Хлебников

«Абстрактный урбанизм» утопии

Образ идеального общества теснейшим образом связан с образом идеального *городского пространства*. Почти неперемный атрибут утопических сочинений – план идеального города, сначала вербальный, а начиная с эпохи Возрождения также графический. «Устройство города – это, по сути, материализация устройства социума» [Буцко, 2012]. Подобное двуединство содержалось уже в понятии «полис», означавшем не только город как населенный пункт, но и самодостаточную общественно-политическую единицу: «Город – это люди, а не стены» (Фукидид, «История», VII, 77) [Фукидид, 1993, с. 348].

Для античного мышления характерно представление о городе как модели космоса, восходящее к ионийской философии и развитое стоиками. По хрестоматийному определению Цицерона, «мир – это как бы общий дом богов и людей, *или город тех и других*, потому что только они, пользуясь разумом, живут по праву и закону» («О природе богов», II, 62; курсив наш. – К.Д.) [Цицерон, 1985, с. 153].

Этот мотив был воспринят утопической мыслью. В утопии история «прекращает течение свое»; космическая модель города отрицает время, несущее с собой упадок и умирание [Линч, 1986, с. 79]. Поскольку же космос мыслился как царство числа и совершенных фигур, те же законы распространялись на устройство идеального города. Такова одна из причин приверженности утопистов к точным числовым соотношениям, центральной симметрии и геометрическим фигурам.

Мотив уподобления города космосу органично сочетался со стремлением к тотальному упорядочению утопического мира. Платон, устанавливая законы идеального государства, говорит: «...Надо считать числовое распределение и разнообразие числовых отношений полезным для всего, безразлично, касается ли это отвлеченных чисел или же тех, что обозначают длину, глубину, звуки и движение <...>» («Законы», V, 747b) [Платон, 2007а, с. 239].

Облик идеального города «соответствует некоторым чисто формальным закономерностям, отвечающим скорее эстетическим, чем функциональным требованиям» [Кавтрадзе, 1994]. Это вполне согласуется с трактовкой города как подобия космоса, в котором античность видела «наилучшее, совершеннейшее произведение искусства» [Лосев, 1992, с. 317]. Французский автор Борис Амзеян называет это явление «абстрактным урбанизмом»: «Изобилие кругов, квадратов и навязчивое присутствие платонических форм следует интерпретировать как метафору совершенства и рациональности» [Hamzeian, 2015, p. 7].

Архетипы утопического пространства

Столица Платоновой Атлантиды построена на холме и заключена в три водных и два сухопутных кольца, т.е. круга, «проведенных словно циркулем из середины острова и на равном расстоянии друг от друга» («Критий», 113d) [Платон, 2007б, с. 599]. Радиальной планировке города с его двенадцатью секторами соответствует деление граждан на 12 фил; сам же остров разделен на 10 частей («Критий», 113–119; «Законы», V, 745–746).

Утопический остров Ямбула¹ (Пв. до н.э.) именуется Островом Солнца; он круглый, как солнечный диск. Всего же таких островов

¹ Сочинение Ямбула «Острова Солнца» известно в изложении Диодора Сицилийского («Историческая библиотека», II, 55–60).

семь, по числу известных древним планет (в число которых включалось и Солнце).

Согласно поздней ветхозаветной Книге премудростей Соломона (ок. II–I вв. до н.э.), Господь «все расположил мерою, числом и весом» (Прем 11:21). В Средние века архетипом идеального города был Небесный Иерусалим, описанный в гл. 21 Откровения Иоанна Богослова. В этом описании главенствуют сакральные числа 4 и 12, а из геометрических форм квадрат. Небесный Иерусалим окружен стеной толщиной 144 локтя (т.е. 12 в квадрате), возведенной на двенадцати основаниях, по числу апостолов. В стене 12 ворот, по три с каждой из четырех сторон, как и у Нового Иерусалима в гл. 48 книги Иезекииля (где число 12 соответствует числу колен Израилевых). Длина каждой стороны 12 тысяч стадий; поскольку же высота, длина и ширина города равны, его можно представить в виде куба. При этом в иконографии Небесный Иерусалим изображался весьма различно в разные эпохи и в разных культурах.

В средневековой Европе город имел в плане форму прямоугольника с квадратным или прямоугольным рынком; главные улицы пересекались в центре. Этот план, вероятно, восходит к плану древнеримских укреплений. Тем не менее он неоднократно истолковывался как подобие Небесного Иерусалима, а скрещение улиц на рыночной площади – как знак креста [Lilley, 2004, p. 300–302].

В XI в. в арабской части Испании был составлен сборник «Цель мудреца» – своего рода руководство по астрологии и магии. В XIII в. он был переведен на испанский, а затем на латынь под загл. «Пикатрикс». Хотя эта книга не входила в герметический корпус (свод сочинений, приписываемый Гермесу Трисмегисту), Гермес в ней упоминается часто. Одним из его деяний, согласно «Пикатриксу», было основание в Египте города Адоцентин (*араб.* аль-Ашмунайн) в 12 миль шириной. Внутри города стоял замок, четверо ворот которого выходили на четыре стороны света. Замок венчала башня со светящимся шаром¹, причем его цвет менялся в каждый из семи дней недели, – что, по-видимому, соответствовало семи планетам. По окружности города Гермес разместил «высеченные образы», под воздействием которых «жители сделались добродетельны и удалялись от всякого зла и вреда» [Йейтс, 2000, с. 54].

¹ В латинском переводе, который цитирует Ф. Йейтс [Йейтс, 2000], говорится о маяке.

Описание Адоцентаина содержит ряд элементов, встречающихся в утопиях Нового времени. Образы идеального города в этих утопиях несут на себе отпечаток христианских, неоплатонических и магических (герметических) представлений о священном пространстве; в частности, совершенно очевидно обращение утопистов к числовой символике Небесного Иерусалима.

Фигуры и числа

У Томаса Мора все города Утопии разделены на четыре равные части, а столица Амаурот в плане представляет почти квадрат («Утопия», 1516). В «Утопии» есть и другие топографические указания, однако Луи Марен, автор монографии «Утопика: игры с пространством», обнаружил, что на основании этих указаний можно построить три плана Амаурота, несовместимых друг с другом [Marin, 1973, p. 163]. Это еще раз показывает, что описание столицы Утопии не претендует на реалистичность; перед нами, скорее, совокупность символических форм.

С квадратом как идеальной символической формой соседствует, а иногда и соперничает круг, напоминающий, среди прочего, о столице Атлантиды Платона.

Первым немецким утопистом считается Каспар Штиблин, автор «Краткого описания Эвдемона, города государства Макарии» (лат. «De Eudaemonis Macariae civitatis Republica commentariolus», 1553). Топоним Макария образован от др.-греч. ‘макариос’ – ‘блаженный’, ‘счастливый’; Эвдемон – от ‘эвдемония’ – ‘благополучие’, ‘блаженство’, ‘счастье’. Макария расположена на круглом острове того же названия; в центре острова находится город Эвдемон. В плане он также круглый и окружен тройным кольцом стен. Хотя Штиблин описывает католическую общину, его утопия не религиозная, а политическая, но не коллективистская, как у Мора, а консервативная. В центре Эвдемона он размещает здание курии – резиденцию светских властей, не упоминая о здании церкви [Kortmann, 2007, S. 103, 113–114]. Гравер, иллюстрировавший сочинение Штиблина, решил, по-видимому, исправить это упущение и рядом с курией изобразил храм (рис. 1).

Утопический остров Кампанеллы круглый и расположен, как и у Ямбула, на экваторе, что предполагает равенство (симметрию) дня и ночи («Город Солнца», 1602). Семь concentрических поясов Города Солнца названы по имени семи планет, так что план города

Рис.1. Вид Эвдемона.

Гравюра из книги Каспара Штиблина «Краткое описание Эвдемона» (1553)

представляет собой подобие Солнечной системы (из текста неясно, гелио- или геоцентрической). В центре города помещен идеально круглый храм с круглым куполом. Этот храм «представлял собой подробную модель космоса, а культ, отправлявшийся в нем, был культом космоса» [Йейтс, 2000, с. 323]. Окружность Города Солнца равна семи милям; через четверо ворот ведут четыре дороги, ориентированные по сторонам света. «Доминирует эстетика центральной симметрии, совершенных форм, очерченности, исчисленности» [Панченко, 1984, с. 102].

В 1619 г. Иоганн Андреэ, немецкий математик и теолог-протестант, опубликовал свой проект христианской утопии – «Описание Христианополитанской республики». Архитектурная среда Христианополиса разработана гораздо тщательнее, чем у его предшественников-утопистов. В книге Андреэ есть не только гравюра с изображением вида города сверху (не вполне совпадающим с описанием в тексте), но также схематический план города (рис. 2).

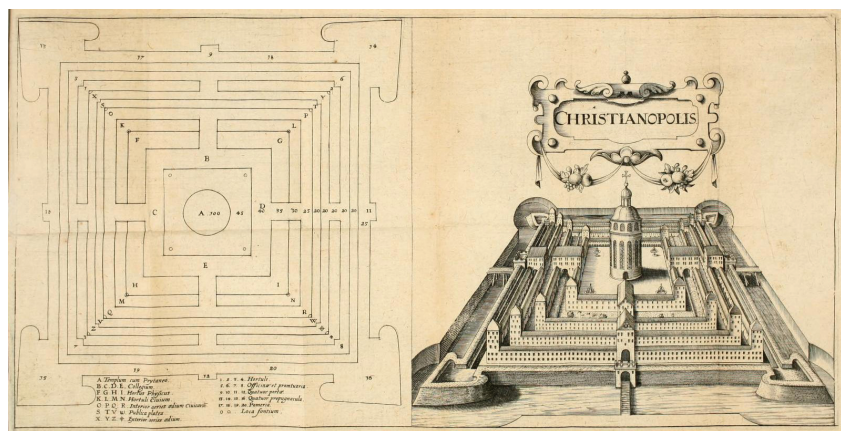

Рис.2. Вид Христианополиса и план города.
Гравюры из книги И.В. Андреэ
«Описание Христианополитанской республики» (1619)

Христианополис расположен на острове, имеющем очертания равностороннего треугольника. Эта фигура, редкая в описании утопического пространства, служила, в частности, символом троичности Бога. В плане город представляет собой квадрат, ориентированный по странам света. В нем 24 башни – 8 больших и 16 поменьше. Застройка состоит из четырех вписанных друг в друга квадратных рядов зданий. Город разделен на три зоны по функциональному принципу: мельницы, съестные лавки, мастерские и т.д. размещены в периферийном, четвертом квадрате; жилые дома – во втором и третьем. В центральном квадрате, вокруг рыночной площади, расположены здания Академии (Kollegium), а в центре площади – круглая церковь [Kortmann, 2007, S. 136–138].

Майк Кортман, автор монографии об утопии Андреэ, отмечает, что в космологии эпохи Возрождения и раннего барокко сочетание круга и квадрата символизировало единство человека и космоса, как

в знаменитом рисунке Леонардо да Винчи, где человек вписан в круг и квадрат одновременно. Андреэ и сам пробовал изобразить витрувианского человека [иллюстрации в кн.: Kortmann, 2007, S. 396–397]. В описании Христианополиса Кортман усматривает «литературный аналог витрувианского человека», поскольку Андреэ, в отличие от большинства утопистов, заботится об индивиде в той же мере, что и об обществе в целом [ibid., S. 326–327]. У каждой семьи здесь три комнаты, ванна, спальня и кухня, балкон и небольшой садик; тут Андреэ намного опередил свое время [Груза, 1972, с. 34].

В «Истории севарамбов» (1677–1679) Дени Вераса столичный город Севаринда имеет квадратные очертания, все дома квадратные, в каждом доме 4 этажа и 4 двери; в квадратном Дворце Солнца 12 дверей, а перед фронтоном высятся 144 колонны [Верас, 1971, с. 384, 389–390].

Арман де Леспар в романе «Известие о Стране Счастливых» (1727) почти не прибегает к утопической схематизации городского пространства. Этот роман, впрочем, далек от радикализма утопий, восходящих к Платону. Страна Счастливых – усовершенствованная версия просвещенного европейского государства. Ее жители добродетельны по природе, ее законы гуманны, а столица Лелиополис – усовершенствованная версия Парижа: «Дома там не такие высокие, как в Париже, но более ровные, улицы вычерчены по прямой» [Lesparré, 1756, p. 358–359].

В романе Даньеля де Вильнёв «Философ-путешественник в стране, неведомой жителям Земли» (1761) содержится описание Селенополиса, столицы лунной империи. План города – идеальный квадрат с огромной квадратной площадью посередине; от нее идут восемь улиц, которые заканчиваются квадратными площадями поменьше [Villeneuve, 1761, p. 81–83].

В 1793 г. англичанин Ричард Бразерс (1757–1824) провозгласил себя наследником царя Давида, которому предназначено создать на Ближнем Востоке нечто вроде нового Израиля, а затем опубликовал детальное описание столицы этого государства – Нового Иерусалима («A Description of Jerusalem», 1801). Хотя новоявленный пророк утверждал, что следует описанию Нового Иерусалима в книге Иезекииля, в действительности он проектировал вполне земной, современный город. По каждой стороне центральной квадратной площади стоят 12 дворцов, длина каждого 444 фута. В Новом Иерусалиме 320 улиц, 4 храма и 20 колледжей [Brothers, 1805, p. 19; Dictionary of National ..., 1889, p. 34]. Планировка города регулярная, ибо «без регулярности не может быть истинной красоты» [Brothers, 1805, p. 27].

Утопическая Икария Этьена Кабе разделена на 100 провинций, провинции – на 10 общин, главный город провинции находится почти в ее центре, а город общины – в центре общины («Путешествие в Икарию», 1840). Столичный город Тирам почти круглый в плане; два рукава протекающей через него реки образуют почти круглый остров – центральную площадь города. 50 улиц прорезывают город параллельно реке, и еще 50 – перпендикулярно к ней. Даже река здесь прочерчена по линейке: ее течение «выправлено и заперто между двумя стенами по прямой линии» [Кабе, 1948, с. 118–120].

План идеального города Виктория, предложенный Д.С. Бекингом, состоит из восьми concentрических квадратов; восемь главных проспектов ведут к восьмиугольной башне на центральной площади («Национальное зло и реальные средства против него», 1849) [Buckingham, 1849, p. 183–191] (рис. 3).

В «Счастливой колонии» (1854) Роберта Пембертона «город должен быть идеально круглым <...> и иметь форму поясов или колец, расширяющихся по мере удаления от центра» [Pemberton, 1854, p. 82]. Таково устройство всего мироздания: «...Все великие формы в природе круглые – солнце, луна, звезды, планеты, наш мир <...>. Прямые углы враждебны гармонии движения <...>» [ibid., p. 80–81] (рис. 9).

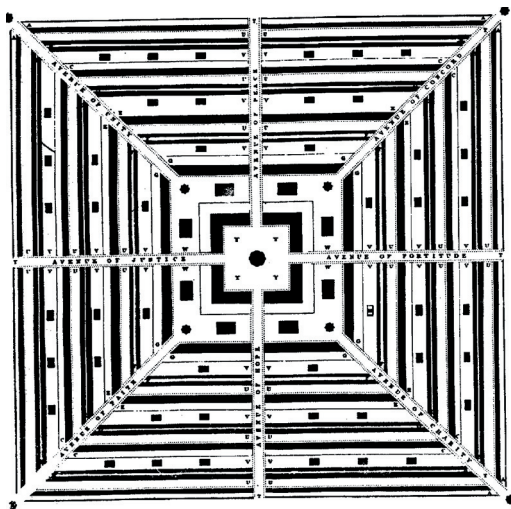

Рис. 3. План г. Виктория Д.С. Бекингема (1849)

Унификация пространства

Унификация архитектурного пространства утопии прямо вытекает из стремления к тотальной упорядоченности, уравнительности и контролю общества над индивидом. «Однородный и систематизированный материал наиболее удобен для управления» [Панченко, 1984, с. 106]. Но есть и еще одно объяснение этого феномена. В рациональном, стандартизованном пространстве утопий Нового времени нашли отражение процессы, связанные с зарождением капитализма и становлением современного национального государства [Tally, 2014, p. 59] – даже если сами утописты были настроены антикапиталистически.

Все города Утопии Мора похожи один на другой: «Кто узнает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии» [Мор, 1971, с. 80]. Дома здесь каждые десять лет меняют по жребию; стало быть, и они почти одинаковы.

В «Воображаемой республике» итальянца Лодовико Агостини, написанной в конце 1580-х годов под влиянием «Утопии», все живут в одинаковых домах, построенных за счет государства (хотя плебс занимает нижние этажи) [Чикколини, 1995, с. 167; Manuel Frank E., Manuel Fritzie P., 1997, p. 152].

Во Франции первым стал проектировать идеальные города Жак Перре, автор трактата «О фортификации и изобретении: архитектура и перспектива» (1601). Его дома состоят из отдельных повторяющихся секций [Perret, 1601; Груза, 1972, с. 23]. В «Кодексе природы» Морелли (1755) «кварталы равные, одинаковых очертаний», а все здания одинаковой формы [Морелли, 1956, с. 209]. Все города Икарии построены по одному плану, а все дома внутри одинаковы [Кабе, 1948, с. 170, 205].

В конце XVII в. в «Истории севарамбов» Вераса появляется новая архитектурная единица – единый тип здания, соответствующий производственно-потребительской ячейке общества. Города и поселки различаются между собой лишь количеством таких зданий – осмазий, от отдельно стоящей осмазии до 267 в столице [Хан-Магомедов, 2001, с. 22].

Осмазия с ее общим хозяйством, общим столом и кухней была прообразом трудовых ассоциаций, фаланстеров и коммун эпохи расцвета утопического социализма (рис. 4, 5). Все проекты подобного рода имели целью стереть различия между городом и деревней. «Коммуна, – говорит Теодор Дезами, – <...> будет представлять все преимущества города и сельской местности» («Кодекс общности»,

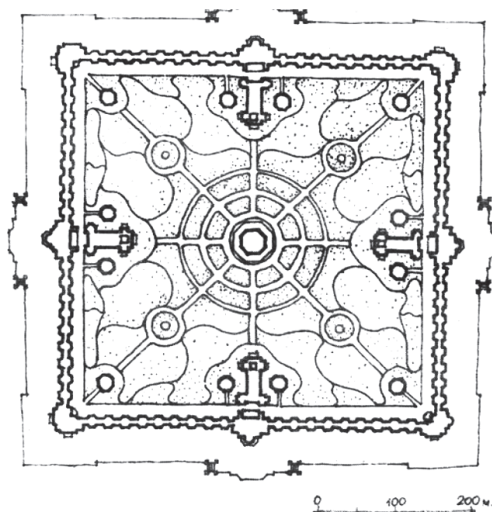

Рис. 4. Роберт Оуэн. План «поселка единения и сотрудничества» (1833)

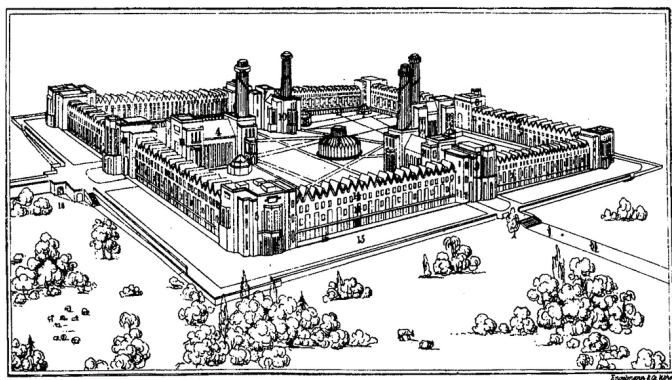

Рис. 5. Вид коммуны Р. Оуэна «Новая Гармония»,
выполненный С. Уитвеллом (1830)

1842) [Дезами, 1956, с. 117]. Таковы же дворцы-коммуны в утопическом сне героини Чернышевского: «...По всему пространству стоят <...> громадные здания в трех, в четырех верстах друг от друга, будто бесчисленные громадные шахматы на исполинской шахматнице» («Что делать?») (1863), IV, 16) [Чернышевский, 1939, с. 280].

План идеального города

Элементы регулярной планировки появились у греков в VI в. до н.э., но по традиции первым градостроителем, применившим этот принцип, считался Гипподам Милетский (498 – ок. 408 до н.э.). Ортогональная, близкая к квадрату планировка городских кварталов сочеталась у него с ориентацией улиц по странам света. Наиболее известным достижением Гипподама стала планировка Пирея, морских ворот Афинской республики.

Проектирование городов Гипподам сочетал с политическим проектированием; тут он был предшественником Платона. Согласно Аристотелю, Гипподам «первым из не занимавшихся государственной деятельностью людей попробовал изложить кое-что о наилучшем государственном устройстве. Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую – земледельцы, третью – защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную», а все должностные лица избираются народом («Политика», II, 1267 b-1268a) [Аристотель, 1984, с. 423].

В комедии Аристофана «Птицы» (414 г. до н.э.) среди эпизодических персонажей выведен геометр Метон. Метон Афинский – реальная личность, астроном, математик и инженер; в 432 г. до н.э. он построил на площади в Афинах прибор для наблюдения солнцестояний (гномон). Но сатира, несомненно, метила и в Гипподама. Персонаж Аристофана не только математик и астроном, но также градостроитель, одержимый идеей геометрической планировки. С помощью циркуля и линейки он пытается «отмерить каждому полосу воздуха», т.е. спроектировать идеальный воздушный город:

...Прямую <...> по линейке
Я проведу, чтоб круг квадратом сделался.
Здесь, в центре, будет рынок. К рынку улицы
Пойдут прямые. Так лучи расходятся,
Сверкая, от звезды. Звезда округлая,
Лучи прямые [Аристофан, 1954, с. 61].

Удивительным образом здесь предугадан план идеального города, появившийся два тысячелетия спустя, в эпоху Возрождения.

Почву для урбанизма социальных утопий позднего Возрождения готовили «не столько античные теории, сколько этические

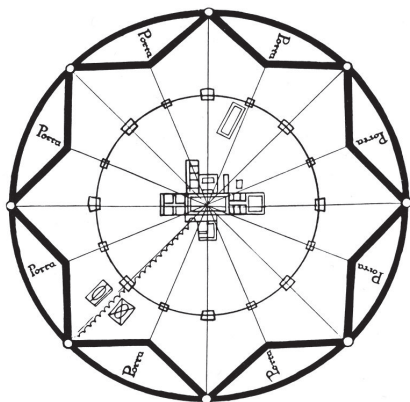

Рис. 6. Антонио Филарете.
План Сфорцинды

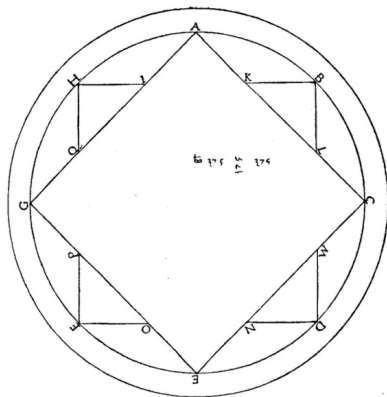

Рис. 6а. Происхождение плана
Сфорцинды из наложения
двух квадратов

и эстетические установки ренессансной городской культуры» [Панченко, 1986, с. 77]. Первый план идеального города содержался в «Трактате об архитектуре» Антонио Филарете (ок. 1465 г.). Трактат написан в повествовательной форме, что сближает его с литературными утопиями. Речь здесь идет о строительстве города Сфорцинда, названного в честь миланского герцога Франческо Сфорца, покровителя Филарете. План Сфорцинды представляет собой восьмиконечную звезду, созданную наложением двух квадратов и вписанную в идеально круглый ров (рис. 6, 6а). Эта форма восходит к средневековым космограммам, а также к плану афинской Башни Ветров (I в. до н.э.) [Михайлова, 1984, с. 216–217].

Филарете словно бы ставит целью «вместе с оптимальной городской планировкой спланировать и образцовое общество» [Rahmsdorf, 1999, S. 54]. При этом Сфорцинда не знает ни общей собственности, ни принципа равенства. Хотя идеальные города Возрождения оставались на бумаге, их создатели исходили из практических целей, надеясь обновить и облагородить существующие города; утопия же бросала вызов реальности [Баткин, 1995, с. 360–370, 373].

Главные черты плана Сфорцинды будут затем повторяться во множестве сочинений, как собственно архитектурных, так и

утопических¹. Все позднейшие планы идеального города итальянского Ренессанса симметричны и сфокусированы вокруг центра; внешние стены образуют сложный геометрический узор, чаще всего восьмиугольник или звезду [Ingersoll, 1959, p. 31].

В трактате Жака Перре (1601) описываются города в форме звезды с шестнадцатью и даже двадцатью тремя лучами. План города в «Кодексе природы» Морелли (1755) сходен с планами идеальных городов итальянского Возрождения: вписанные друг в друга круги, из центра выходят лучи улиц, образуя семиконечную звезду. Эта планировка почти повторена у Роберта Оуэна: семь радиальных улиц выходят из центра, пересекая три кольцевые улицы («Книга нового нравственного мира», 1836–1841) [Груза, 1972, с. 23, 38, 40].

Крайним примером символизма утопического пространства служит книга «Город Истины, или Этика», изданная в Париже в 1609 г. [Del Bene, 1609]. «Город Истины» – дидактическо-аллегорическая поэма итальянца Бартоломео дель Бене (1515–1595), написанная на латыни по мотивам «Никомаховой этики» Аристотеля; в печатном издании она снабжена обширным прозаическим комментарием Теодора Марсиля. В поэме дель Бене его покровительница Маргарита Валуа, герцогиня Савойская, путешествует по Городу Истины. Пять ворот города означают пять чувств, три бурных потока – человеческие пороки, пять храмов посвящены Науке, Искусству, Рассудительности, Разуму и Мудрости и т.д.

Своей известностью это издание обязано прежде всего серии из 33 великолепных гравюр-иллюстраций; неясно, принадлежат ли они дель Бене или добавлены издателями [Manning, 2004, p. 92]. Хотя изображения носят аллегорический характер, общий вид Города Истины содержит характерные признаки идеального города: кругообразный план, радиальная планировка, круглая площадь, центральный храм на возвышении, сады (рис. 7). Эта гравюра нередко ошибочно используется в качестве иллюстрации к «Городу Солнца» Кампанеллы.

Утопические города XVI–XVII вв. обычно расположены на отдаленном острове либо в глубине недоступных земель. Тем не менее

¹ Филарете был старшим другом и учителем строителя Кремля Аристотеля Фьораванти. Согласно В.А. Глазычеву, первый вариант проекта Успенского собора воспроизводил одну из центральных церквей Филарете. То же относится к башням Кремля: «Достаточно прикрыть рукой шатры главных кремлевских башен, чтобы опознать в них башню Филарете» [Филарете, 1999, с. 8].

Рис. 7. Общий вид Города Истины. Гравюра из книги Бартоломео дель Бене «Город Истины, или Этика» (1609)

они и тогда ограждены крепостной стеной (рис. 8). Стена отделяет упорядоченное пространство города от внешнего мира. «Силы зла, хаоса вытеснены за городскую черту» [Линч, 1986, с. 74].

Французский историк архитектуры Антуан Пикон констатирует, что архитектурное пространство в утопических сочинениях «редко прорисовывается подробно, словно любое слишком детализированное графическое изображение может поставить под угрозу их идеологическую и программную эффективность» [Picon, 2017, р. 95]. Несколько видных сенсимонистов были инженерами; тем не менее их графические иллюстрации столь же метафоричны, как иллюстрации их товарищей-литераторов или юристов. Виктор Консидеран, один из ближайших учеников Фурье, также был инженером, но и его «Соображения об архитектуре» (1834) не выходят за рамки схематических набросков.

За этим стоит нечто большее, чем простая неспособность утопии конкретизировать свои пространственные проекты. Подобно научной фантастике, утопия кажется тем реалистичнее, чем меньше углубляется в детали. «...Размытость – или, скорее, сочетание точности и неточности – <...> имитирует эффект глубины». В утопиях, словно на пейзаже XVIII в., некоторые детали бросаются в глаза, тогда как другие образуют пейзажный фон [Picon, 2017, р. 98].

Рис. 8. Карта Утопии из 1 издания книги Т. Мора (1516).
Художник Амброзий Гольбейн

Центральная вертикаль

Обычный элемент утопического города – центральная вертикаль в виде высокого храма или башни. Она, по-видимому, ведет свое происхождение от замков, соборов и ратуш как символов власти, светской либо духовной. Попутно заметим, что в Небесном Иерусалиме храма нет вовсе, «ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец» (Ап. 21:22).

В самом центре Сфорцинды Филарете помещает высокую дозорную башню. Город Солнца Кампанеллы (как и столица Атлантиды Платона) построен вокруг холма; в этой пирамидальной композиции центральный храм безусловно господствует над городским пространством.

В «Новой Атлантиде» Бэкона центральной вертикали нет, зато есть «высокие башни; самые высокие из них достигают полумили, а некоторые выстроены на высоких горах; так что если прибавить еще и высоту горы, то в самой высокой из башен будет не менее трех миль» [Бэкон, 1971, с. 217].

В фаланстере Фурье по центру «высится сигнальная башня, где расположены сигнальные знаки и телеграфы для связи с соседними фалангами и рабочими, рассредоточенными по равнине» (Э. Помпери, «Изложение социальной науки, основанной Ш. Фурье», 1839) [Pompey, 1840, p. 40]. В русской литературе принят перевод «Башня порядка» – калька с французского ‘*tour d’ordre*’, которая, однако, неверно передает мысль французского утописта. Упоминаемый здесь телеграф – это оптический телеграф; в одной из фантазий Фурье о будущем мире упоминается даже «вавилонская сигнальная башня» (*la tour d’ordre de Babylone*), передающая указания промышленным армиям в окрестностях Вавилона («Трактат о домашней и земледельческой ассоциации», 1822) [Fourier, 1822, p. 462]. Фурье воспользовался историческим наименованием *Tour d’Ordre*; так назывался маяк в виде массивной башни, возведенный еще римлянами в порту Булонь-сюр-Мер и обрушившийся в 1644 г. Едва ли Фурье мог знать, что его сигнальная башня имеет черты сходства с магическим «маяком», возвышавшимся над цитаделью Адоцетина.

В центре идеальной Виктории Д.С. Бекингема высится башня, увенчанная почти стометровым шпилем, притом что речь идет о городке с 10-тысячным населением [Buckingham, 1849, p. 191].

Посреди центральной площади столицы Икарии на террасе воздвигнут дворец с садом, «из центра которого выступает высокая колонна, увенчанная колоссальной статуей, господствующей над всеми зданиями» [Кабе, 1948, с. 119].

Вертикаль мыслится как средство визуального господства над окружением [Линч, 1986, с. 79]. Она подчеркивает устремленность городского пространства к центру, но может также символизировать устремленность в небо, в сферу трансцендентных ценностей. В этом последнем качестве вертикаль стала излюбленным символом авангардного революционного искусства XX в. Таков «Памятник

III Интернационалу» Татлина; таков же проект Дворца Советов – центральной вертикали коммунистической Москвы, увенчанной, как в утопии Кабе, «колоссальной статуей, господствующей над всеми зданиями».

Дидактическое пространство

Утопия стремится быть рациональной. Мудрость (без которой невозможна и добродетель), знание, наука – одна из высших, а иногда и высшая ценность в утопических сочинениях. Это находит выражение не только в законах утопического общества, но и в его архитектурном пространстве. «Архитектура, понимаемая как язык, обладает способностью излагать, среди прочего, также ценности и принципы утопии» [Hamzeian, 2015, p. 10]. Пространство утопии не только символично, но и дидактично: оно служит делу воспитания граждан совершенного общества.

Как уже говорилось, в архитектурной утопии Филарете нет характерных признаков радикальной социальной утопии. Однако один его архитектурный сюжет вполне утопичен. Речь идет о сооружении, описанном в кн. 18 «Трактата об архитектуре» и обычно именуемом «Дом Добродетели и Порока». Это большая круглая башня в семь этажей, разделенная в плане на семь секций. В ней расположены как пристанища порока («таверны, распивочные, бани и храмы Венеры») [Филарете, 1999, с. 342], так и своего рода академия наук и ремесел.

Чтобы изучить семь гуманитарных наук, необходимо пройти через семь помещений, а семь этажей соответствуют семи добродетелям и семи смертным грехам. «Архитектура становится зримым воплощением программы воспитания» [Kruft, 1994, p. 55]. Посетитель Дома оказывается перед дилеммой: «либо спускаться на все более низкие ярусы действительности, в направлении “порочных наслаждений”, либо постепенно подниматься вверх по ступеням и уровням совершенствования в трудовых навыках, искусствах и науках» [Ситар, 2012, с. 188]. Различные помещения Дома снабжены аллегорическими изображениями и надписями наподобие следующих: «Сюда входит множество искателей удовольствия, кто позже пребудет в печали», «Вот путь достичь добродетели в трудах» [Филарете, 1999, с. 333]. Горожан «ведет к совершенствованию/спасению <...> само устройство города и его сооружений» [Ситар, 2012, с. 189].

Роберт Пембертон, обращаясь к жителям своей утопической колонии, распланированной по образцу небесных тел и орбит (рис. 9, 10), восклицает: «...И вы начнете действовать в соответствии с универсальными системами, как те, что мы видим в божественном творении» [Pemberton, 1854, p. 80–81]; стало быть, по мысли автора проекта, городское пространство «Счастливой колонии» организует не только быт, но и поведение граждан.

Городом Солнца Кампанеллы правит Мудрость. Стены, окружающие город семью кольцами, «внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности, отображающей все науки». Здесь присутствуют «все математические фигуры <...>, и определения, и теоремы», «крупное изображение всей земли в целом; <...> картины всевозможных областей, при которых помещены краткие описания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей», «все виды деревьев и трав», с надписями, поясняющими, «в чем сходствуют они с явлениями небесными, <...> каково их применение в медицине» и т.д. [Кампанелла, 1971, с. 147–148]. Таким образом, город являет собой не только подобие мироздания, но также исчерпывающий свод знаний. Мудрость в понимании Кампанеллы неотделима от магии, поэтому можно предположить, что изображения на стенах обладали еще и магическими свойствами, подобно «высеченным образам», размещенным вокруг Адоцентина.

В первом, центральном круге «Счастливой колонии» Пембертона, расположена «Элизейская академия, или Природный университет» (The Elysian Academy, or Natural University). Здесь же, прямо на земле, помещены «образовательные круги (educational circles), такие как карты земного шара и звездного неба» [Pemberton, 1854, подпись к иллюстрациям в конце книги] (рис. 10).

В государстве Морелли «все главы <...> законов будут выгравированы, каждая отдельно, на соответственном числе колонн или пирамид, возведенных на общественной площади каждого города» [Морелли, 1956, с. 236–237].

Такого рода идеи (правда, в сильно суженном понимании) Ленин, согласно А.В. Луначарскому, назвал весной 1918 г. «монументальной пропагандой». В статье «Ленин и монументальная пропаганда» (1929) Луначарский так излагает слова вождя: «Наш климат вряд ли позволит фрески, о которых мечтает Кампанелла», однако «в разных видных местах <...> можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма <...>». А еще лучше

MODEL TOWN FOR THE HAPPY COLONY.

To be established in NEW ZEALAND by the Workmen of Great Britain.

Designed by ROBERT PEMBERTON, F.R.S.E.

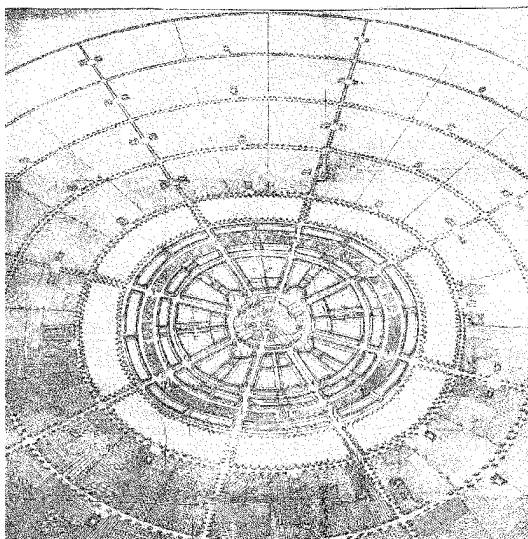

Рис. 9. Роберт Пембертон. План «Счастливой колонии» (1854)

VIEW OF THE COLLEGES FOR THE HAPPY COLONY.

To be established in NEW ZEALAND by the Workmen of Great Britain.

Designed by ROBERT PEMBERTON, F.R.S.E.

Рис. 10. Роберт Пембертон. План центральной части «Счастливой колонии»

использовать для той же цели «памятники: бюсты или целые фигуры, может быть барельефы, группы» (мотив, также обычный в утопических сочинениях) [Луначарский, 1968, с. 198].

В описании «Новой Атлантиды» Бэкона центральное место занимает Дом Соломона – «Общество для познания истинной природы всех вещей» [Бэкон, 1971, с. 209]; но это не единый архитектурный комплекс, а множество научных учреждений, разбросанных по всей стране. Упоминавшиеся выше огромные башни Новой Атлантиды «служат <...> для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, <...> и <...> наблюдений над явлениями природы», т.е. выступают в роли храмов науки [там же, с. 217] (рис. 11).

Рис. 11. Поздняя гравюра с изображением Дома Соломона в Новой Атлантиде Ф. Бэкона

В Христианополисе Академия представляет собой духовный и административный центр города, а ее описание занимает треть книги Андреэ [Kortmann, 2007, S. 137]. Но если в Новой Атлантиде наука – средство «расширения власти человека над природой, пока все не станет для него возможным» [Бэкон, 1971, с. 216], то христианопольская Академия занята прежде всего воспитанием и образованием молодежи. Академия и храм, наука и религия вполне органично сочетаются в христианской утопии Андреэ. Его естествознание служит вере, а его Бог – математик [Kortmann, 2007, S. 327, 330].

В 1648 г. в Англии увидело свет анонимное сочинение «Новый Салим, или Христианское сообщество» (*лат.* «Nova Solyma, sive Institutio Christiani»); его автором считается Сэмюэл Готт (1614–1671), пуританин, член Долгого парламента. Известность эта книга получила лишь в 1902 г., когда она была переведена с латыни на английский под заглавием «Идеальный город, или Вновь обретенный Иерусалим», причем публикатор приписал ее Джону Мильтону [Gott, 1902]. Образ Нового Салима как нельзя лучше иллюстрирует веберовскую концепцию протестантской этики: пуританская аскеза здесь прямо связана с «духом капитализма».

В центре внимания автора воспитание граждан нового, буржуазного общества. Новый Салим – это Новый Иерусалим, построенный на руинах старого, после того как иудеи признали «истинного Мессию», т.е. Христа. Город обнесен крепостной стеной с двенадцатью башнями, по числу патриархов и колен Израилевых. Наиболее заметные сооружения в Новом Салиме – Публичная академия и расположенная неподалеку Биржа. В Академии молодежь обучают прежде всего наукам, необходимым деловому человеку. Здание Биржи, квадратное в плане, увенчано «квадратной башней с циферблатом на каждой из четырех сторон, чтобы привлечь внимание к уходящему времени, меж тем как внутренние часы постоянно отбивали время, дабы каждый мог его слышать» [Gott, 1902, vol. 1, p. 201].

Прямо-таки маниакальное напоминание о ценности времени – и именно в контексте деловой активности – предвосхищает позднейшую формулу «Время – деньги». «Публичная академия, – замечает американский литературовед Анна Боэски, – представляет собой духовное и интеллектуальное зеркало Биржи <...>, научая приобретению знаний, а не материальных благ, обмену идеями, а не деньгами и товарами. У обоих учреждений как методы, так и ценности одни и те же» [Boesky, 1997, p. 97].

В Тираме, столице Икарии, «каждый квартал носит имя одного из шестидесяти главных городов древнего и нового мира и представляет в своих памятниках и домах архитектуру одной из шестидесяти главных наций. <...> Таким образом, Икария – действительно земной шар в миниатюре» [Кабе, 1948, с. 120].

В незаконченной утопии Вл. Одоевского «4338-й год» (1835) здание, в котором помещаются научные академии, построено на середине Невы и имеет «вид целого города». Васильевский остров занят огромным крытым садом, где гуляют всевозможные звери. «Этот сад – сокращение всей нашей планеты; исходить его то же, что сделать путешествие вокруг света» [Одоевский, 1959, с. 78].

Многое из описанного Одоевским, Кабе и более ранними авторами было воплощено в Хрустальном дворце, построенном Джозефом Пакстоном в Лондоне для Всемирной выставки 1851 г. В этом огромном здании помещался зимний сад, аквариум, читальни, концертный зал, галерея живописи, а также копии сооружений различных архитектурных стилей. Тем самым дворец «как бы вбирал в себя всю историю культуры» [Ямпольский, 2012, с. 121].

Ойкема как архитектурная утопия

Едва ли не самый известный пример архитектуры, понимаемой как символическая и дидактическая форма, содержится в трудах французского зодчего Клода Никола Леду (1736–1806). В представлении Леду архитектура – это «искусство, объединяющее все знания», теснейшим образом связанное «с общим управлением, правосудием, общественными и частными нравами, науками, литературой, сельским хозяйством, торговлей» [Ledoux, 1804, р. 17]. Но Леду идет еще дальше, наделяя зодчего властью исправлять общество: «Архитектура отваживается на то, что не дерзает сделать правительство» [ibid., р. 199].

В 1774 г. Леду предложил проект образцового города Шо при королевских солеварнях в провинции Франш-Конте. Проект постоянно перерабатывался; опубликован он был в книге «Архитектура, рассмотренная в связи с искусствами, нравами и законодательством» (1804). По своему стилю это менее всего научный трактат; перед нами скорее антология архитектурных метафор, прозрений и видений.

Леду создавал «не город, а символ города» [Reese, 1986, p. 5], предвосхищая авангардистские идеи XX в. Дом садовника он спроектировал в виде правильной сферы, дом речного смотрителя – в виде полого цилиндра, из которого льется вода.

Первый план города Шо представлял собой квадрат внутри квадрата, второй – две пары вписанных друг в друга полукругов, разделенных широкой полосой (эта форма нередко ошибочно описывается как овальная). По соображениям экономии был оставлен лишь один полукруг с радиальными улицами [Ledoux, 1804, ill. 15–16] (рис. 12). Эта форма, согласно Леду, «столь же чиста, как та, которую описывает в своем движении Солнце» [ibid., p. 77]. Речь тут идет не о солнечной (эллиптической) орбите, но о перемещении солнца по небесному своду, как оно видится глазу. Архитектура города, будучи строго функциональной, в то же время всецело подчинена целям социальной педагогики: «Как облик зданий, так и их сущность служат распространению нравственности и очищению нравов» [ibid., p. 3].

Самым радикальным примером того, «что не дерзает сделать правительство», но отваживается предложить зодчий, стал проект здания, которому Леду дал имя Ойкема. Ойкему нередко именуют «утопическим борделем», а иногда – «храмом регулирования страстей». Второе определение ближе к замыслу архитектора.

Наименование «Ойкема» образовано от др.-греч. ‘ойкео’ – ‘обитать, населять’ (ср. ойкумена)¹. Основное значение этого слова – ‘жилище’.

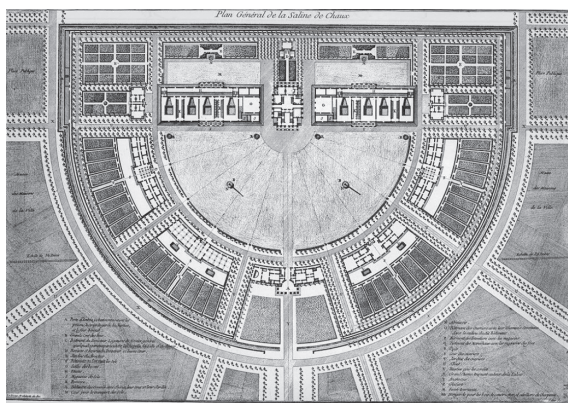

Рис. 12. К.Н. Леду. Второй план города Шо (1774–1778)

¹ В трактате Леду встречаются написания Oïkema, Oikema. В русской научной литературе принята транскрипция Ойкема, не учитывающая этимологию слова.

Но у него есть и другие значения, в т.ч. 'поместье', 'тюрьма', 'храм' и, наконец, 'прибежище порока' [Lebensztejn, 2007, p. 17]. Леду парадоксальным образом объединяет все эти смыслы. В его трактате Ойкема именуется то «Павильоном испорченности» (L'Atelier de corruption), то «Домом встреч и удовольствий» (la maison de réunion et de plaisirs)¹, то храмом (le temple) [Ledoux, 1804, p. 2, 6, 203].

Идея этого храма имеет немало сходства с «Домом Добродетели и Порока» Антонио Филарете. На первый план Леду выдвигает воспитательную функцию Ойкемы: «Здесь повелевает добро, оно обезвреживает страсти головы, чтобы приуготовить дивные порывы сердца <...>» [ibid., p. 200]. Ужас, внушаемый зрелищем порока, заставляет душу устремляться к добродетели. «Ойкема объясняет кипучей и изменчивой юности, что своей наготой она привлекает разврат, а осознание унижения человека, возрождая спящую добродетель, ведет к алтарю добродетельного Гименя <...>» [ibid., p. 2]. Речь идет не об осознании унижения женщины, как мог бы подумать современный читатель. 'Человек' (l'homme) у Леду всюду означает мужчину; женщина лишена субъектности и выступает лишь как необходимое условие удовольствия или счастья мужчины.

Только брак позволяет сочетать «очарование жизни с очищением нравов», личное счастье с общественным благом. Поэтому на фризе главного фасада Ойкемы помещена надпись: «Здесь поселены непостоянные грации, дабы утвердить добродетель» («Ici on fixe les grâces mobiles pour éterniser la vertu») [ibid., p. 199, 203].

Но цель Ойкемы вовсе не сводится к «возрождению спящей добродетели». Другая ее цель эвфемистически сформулирована в приведенной выше цитате: «обезвреживать страсти головы», т.е. направлять мужскую сексуальность в контролируемое русло. Леду рассказывает, как «суровый Платон», увидев возле публичного дома знакомого юношу, подошел к нему и сказал: «Достойный юноша, значит, ты не растлитель жен своих друзей!» [Ledoux, 1804, p. 202]. Эта история взята из «Сатир» Горация (I, 2), где вместо Платона выступает Катон. В схолиях Псевдо-Акрона² она имеет продолжение (цитируем перевод И.С. Баркова): «Марк Порций Катон, <...> увидев честного человека, когда он выходит из непотребного

¹ Название «Дом удовольствий» Леду дал проекту публичного дома для Парижа, план которого во многом повторяет план Ойкемы.

² Комментатор Горация, живший предположительно в VII в.

дому, похвалил его, с тем разсуждением, что надлежит обуздывать сластолюбие, но в вину того ставить не должно; а как после того приметил, что сей юноша часто из того же дому выходит, сказал: мальчик! я тебя похвалил за то, что временем сюда приходишь, а не за то, что здесь живешь» [Барков, 2005, с. 65].

Именно так смотрит на это Леду. Если в романе Л.С. Мерсье «Год 2440» (1770) проституция исключена из жизни будущего общества, то для Леду она необходимое зло [Lebensztejn, 2007, p. 45].

Оказывается, однако, что помимо дидактической и социально-регулятивной функции Ойкема имеет и вполне самостоятельную ценность, как место отдохновения души и тела. «Там, с помощью приготовленных для тебя развлечений и на пирах, в которых ты будешь участвовать, ты сможешь стереть память о своих печалях, предать забвению свою усталость и в освежающем отдохновении почерпнуть новые силы и мужество, необходимые для работы» [Ledoux, 1804, p. 6]. Восстановить утраченные силы помогают игры, ванны, душевые кабины, железистые воды и прочее.

Тут возникает вопрос: точно ли Ойкема – лишь средство «утвердить добродетель» и не оказывается ли средство целью? Гравюра, изображающая Ойкему на местности, носит отчетливо пасторальный характер, включая изображение пастуха, пасущего стадо; тем самым как бы предполагается, что Ойкема находится в Аркадии [Liss, 2006, p. 106]. Описание в тексте лишь усиливает это впечатление: «...Долина, в которой возведено это здание, полна соблазнительного очарования; легкий ветерок ласкает воздух»; «на стенах источают благоухание тимьян, ирис, фиалка, мята; укрывающая стены листва дарует прохладу, шелестит и трепещет. Любовная волна дрожит на обнимающем ее берегу <...>» [Ledoux, 1804, p. 200].

Эта психоделическая Аркадия в то же время подобие рая мусульман, сулящего «наслаждения, обещанные Магометом». «Итак, у Магомета есть рай? Нет... Но если бы это было так... тысячи лет поцелуев! О, это блаженная вечность... Я убью себя сегодня же вечером... Я убью себя, чтобы обрести вечную жизнь завтра» [ibid.].

Происходящее внутри здания описывается как языческая мистерия: «Смех и Игры завладевают кельями, предназначенными для таинства (*mystère*); пренебрегая дневным светом, совершая тайные возлияния богам, они низводят с облаков опаляющие огни Прометея, и посвященные знакомятся с ними». Верховные жрецы (*Hiérophantes*) совершают обряды в «общем святилище»

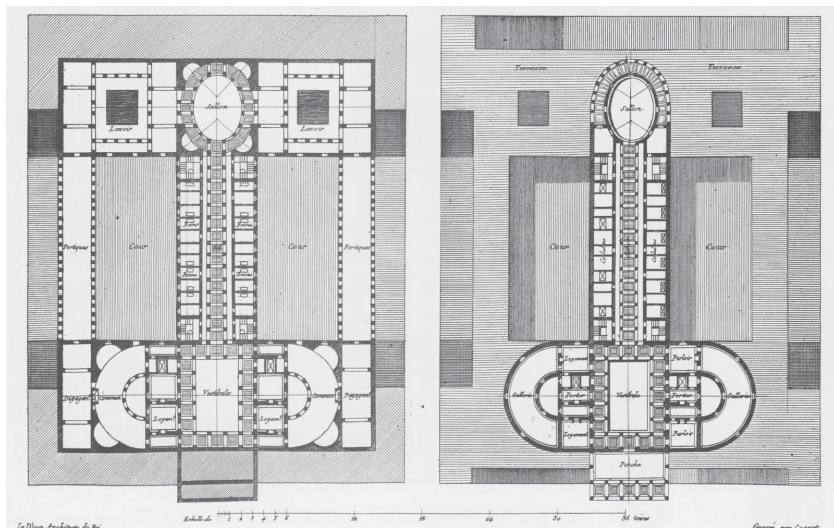

Рис. 13. К.Н. Леду. План Ойкемы

(un sanctuaire commun), где «друг с другом встречаются удовольствия» [ibid., p. 201]. Это, скорее, язык либертинской утопии, нежели социальной педагогики.

В Ойкеме «удовольствие и мораль <...> нераздельны, о чем свидетельствует сама ее архитектура, странным образом сочетающая строгость и роскошь» [Lebensztein, 2007, p. 44]. Главный фасад здания – модернизированная реплика греческого храма; но в плане, с высоты птичьего полета, Ойкема оказывается гигантским изображением мужских гениталий, а «общее святилище» в виде овальной гостиной помещено на кончике архитектурного изображения фаллоса (рис. 13).

Термины «кельи», «привратники», «комнаты для свиданий» на подписях к планам Ойкемы взяты из монастырской жизни. «Поскольку же монастырь был основным местом обучения девушек, архитектурный язык Леду намекает на Ойкему как на школу и тюрьму для женщин» [Liss, 2006, p. 114]. Комбинируя монастырь, греческий храм и базилику, Леду пытается примирить противоположные смыслы – добродетели и порока, труда и досуга, мужественности и женственности [ibid., p. 109].

Свет и стекло

Еще один мотив архитектурного пространства утопии – свет и стекло.

Уже у Платона атланты обнесли стену акрополя орихалком¹, «испускавшим огнистое блистание» («Критий», 116с) [Платон, 2007б, с. 602]. Небесный Иерусалим в Апокалипсисе «подобен чистому стеклу», его свет подобен сиянию «камня ясписа кристалло-видного», его улицы – «как прозрачное стекло» (Ап. 21:11, 18, 21). В христианском богословии Бог – это свет, и готические соборы были храмами света.

В храме Города Солнца Кампанеллы «семь золотых лампад, именующихся по семи планетам, висят, горя неугасимым огнем» [Кампанелла, 1971, с. 145–146]. Этот образ восходит к описанию семисвечника, установленного в скинии Иерусалимского храма, «семь светочей» которого «указывают на течение планет» (Иосиф Флавий, «Иудейские древности», III, 7, 7) [Иосиф Флавий, 1994, с. 36].

Ночное освещение улиц в Христианополисе имеет не только практический, но и религиозно-символический смысл. «Таким образом, – сообщает автор утопии, – они [жители города] защищают себя от дьявольской власти тьмы и желают, чтобы им напоминали о вечном свете» [цит. по: Kortmann, 2007, S. 138].

Колокола башни Виктории Д.С. Бекингема созывают горожан на богослужение, при этом башня по вечерам освещает весь город электрическим светом – идея вполне фантастическая в те времена, что лишь подчеркивает ее символический смысл [Buckingham, 1849, p. 191].

Стекло в утопии поначалу носит сугубо функциональный характер. В «Утопии» Мора все окна «от ветров защищены стеклом, которое там в очень большом ходу» [Мор, 1971, с. 82]. Реально стеклянные окна широко вошли в обиход в Англии лишь в XVII в.

В романе Л.С. Мерсье «Год 2440» (1770) купол Храма Высшего существа «заканчивался наверху не каменной кладкой, а прозрачными стеклами» [Мерсье, 1977, с. 56].

В XIX в. стеклянный дом оказывается в центре множества градостроительных проектов, связанных с утопическим социализмом.

¹ Таинственный самородный металл, упоминаемый у Геснода и других древних авторов.

Начиная с 1850-х годов количество проектов застекленных городов растет лавинообразно [Ямпольский, 2012, с. 123].

Хрустальный дворец Пакстона, сооруженный полностью из стекла и несущих конструкций, мыслился как храм грядущего единения человечества. У Чернышевского люди социалистического будущего живут в «громадном хрустальном доме», окна в котором «огромные, широкие, во всю вышину этажей» [Чернышевский, 1939, с. 277, 280].

За четыре десятилетия до романа «Что делать?» появилось первое в русской литературе описание путешествия во времени – повесть Ф. Булгарина «Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке» (1824). В изображенной здесь столице Полярной империи «все дома построены <...> из толстых масс самого чистого стекла». Отражаясь на солнце, стены кажутся объатыми пламенем (что заставляет вспомнить описание акрополя в столице Атлантиды Платона). Повсюду «стеклянные портики, храмы и великолепные здания с цветными колоннами» [Булгарин, 1997, с. 347].

В утопии Вл. Одоевского «4338-й год» Москва и Петербург слились в один город, на богатых домах которого «крыши все хрустальные или крыты хрустальною же белою черепицей, а имя хозяина сделано из цветных хрусталей» [Одоевский, 1959, с. 77]. И Булгарин, и Одоевский были как нельзя более далеки от социалистического утопизма, тем не менее хрустальные дома у них такой же признак социального рая, как в социалистических утопиях их современников [Корндорф, Вязова, 2018, с. 91].

Город и сад

Если город – воплощение цивилизации, то сад – окультуренная частица природы, а в христианской традиции еще и напоминание о райском саде. Утопия – всегда проект некоего социального устройства; тема же сада теснейшим образом связана с представлениями об идиллическом пространстве, в котором люди живут вне социальной организации.

Сады становятся частью пространства утопий в эпоху Возрождения. В «Утопии» Мора «к задним частям домов на всем протяжении улицы прилегает сад <...>. Здесь имеются виноград, плоды, травы, цветы»; «основатель города ни о чем, по-видимому, не заботился в такой степени, как об этих садах» [Мор, 1971, с. 81].

В Новой Атлантиде Бэкона множество «обширных и разнообразных садов и огородов», однако их назначение прежде всего научно-практическое. Граждане этого государства ученых стремятся «не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав», а также к выведению новых растений. «Всевозможные парки и заповедники для животных и птиц <...> нужны не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов» [Бэкон, 1971, с. 217, 218]. Такова же, как мы видели выше, роль сада в утопии Вл. Одоевского.

Сады и огороды в городской черте Христианополиса служат для «пользы и удовольствия», а именно: «для наставления ума» путем изучения флоры; для получения лекарственных средств; наконец, сады радуют горожан своим ароматом и «стройным пением птиц» [Andreä, 1619, p. 201; Kortmann, 2007, S. 148–149].

У Вераса в стране севарамбов всюду «вода, тень, цветы и зелень» [Верас, 1971, с. 390]. В романе Морелли «Базилиада» (1753) описано утопическое аграрное общество. Здесь «в изобилии растут цветы, кусты, травы и редкие деревья», которые «всегда сохраняют свою свежесть», – картина истинно идиллическая [Morelly, 1753, p. 130]. Не случайно Морелли снабдил свой роман подзаголовком «Героическая поэма».

У Л.С. Мерсье в Париже будущего террасы на крышах домов засажены растениями, составляя «как бы один сплошной огромный сад; и если бы посмотреть на город с высоты какой-нибудь башни, он показался бы увенчанным цветами, плодами и зеленью» [Мерсье, 1977, с. 24]. Идеальный город К.Н. Леду «окружен садами, соперничающими со знаменитым Эдемом» [Ledoux, 1804, p. 1].

В центре главной площади Нового Иерусалима Ричарда Бразерса находится «парк, или Эдемский сад, где может гулять публика» [Brothers, 1805, p. 19]. Свой Эдем Бразерс связывает с «рекой воды жизни» (Ап. 21:1), но, как видим, в его описании он скорее похож на сад Тюильри в Париже.

Сады и оранжереи – неотъемлемая часть пространства фаланстеров и коммун у Ш. Фурье, Р. Оуэна, Т. Дезами. Главное здание этих коммун мыслится как дворец, только теперь уже дворец трудящихся. В частности, Фурье уподоблял центральное здание фаланстера дворцу Пале Рояль.

В индустриальной и урбанизированной Икарии Этьена Кабе «восхитительные сады» служат для общественных гуляний. Озеленены и тыловые стороны улиц, составляя «великолепный сад, который наполнял благоуханием воздух и очаровывал взор» [Кабе, 1948,

с. 102, 122]. «Эта страна – рай», – восклицает попавший в Икарию чужеземец [там же, с. 181].

В «Счастливой колонии» Пембертона внешний (загородный) круг занят парком окружностью в три мили [Pemberton, 1854, подпись к плану города в конце книги]. Пембертон намеревался основать свою колонию в Новой Зеландии на основе общественной собственности, назвав ее «Город королевы Виктории». «Правление Ее Величества, – заявляет он, – станет тогда эпохой начала Тысячелетия, что означает совершенное и счастливое существование» [Pemberton, 1854, р. 81–82]. Тут явственно звучат мотивы нового Золотого века, который, в сущности, есть не что иное, как идиллия, обращенная в будущее.

Эти мотивы сочетаются с постмилленаристскими представлениями, согласно которым возможно менять мир к лучшему уже в его земном существовании, в результате чего и наступит тысячелетнее царство Христа, предсказанное в гл. 20 Апокалипсиса. «...Теперь, – полагает Пембертон, – люди могут помочь себе сами и достичь нравственного совершенства». Однако, в отличие от идиллии Золотого века, «это Тысячелетие будет основано на царстве труда» [Pemberton, 1854, р. 84].

Роберт Оуэн тоже не сомневался в том, что его система заложит «долговременный и прочный фундамент для тысячелетнего состояния счастья человечества. <...> Все знамения времени указывают на то, что этот славный период близок» («Лекции о рациональной системе устройства общества» (1841), XXI) [Owen, 1841, р. 163].

У Чернышевского здание фаланстера расположено «среди нив и лугов, садов и рощ». «И повсюду южные деревья и цветы; весь дом – громадный зимний сад». Труд необременителен, ведь «почти все делают за них [людей] машины»; «для всех вечная весна и лето, вечная радость» [Чернышевский, 1939, с. 277, 278, 280]. Это опять же стилистика не социального проекта, но идиллического Золотого века; недаром картина будущего показана как сновидение героини.

Чернышевский шел по стопам Фурье, который предсказывал, что уже в обозримом будущем в Варшаве зацветут апельсиновые рощи, в Петербурге созреют виноградники, вода в морях обретет вкус лимонада и на протяжении 70 тысячелетий люди будут наслаждаться счастьем, «бесконечно превышающем» все их желания («Теория четырех движений», 1808) [Фурье, 1938, с. 74, 62, 178]. В другом месте Фурье говорит о необходимости вновь разгадать «тайну утраченного счастья», знакомую «первобытному обществу» [там же, 1938, с. 103].

Наиболее известный из проектов города-сада, появившихся в конце XIX в., принадлежал английскому социологу Эбенизеру Говарду. Модель города будущего описана в его книге «Завтра: Мир-

ный план реальной реформы» (1898); 2-е издание (1902) вышло под заглавием «Города-сады будущего». Город будущего мыслится как органическое сочетание городской и природной среды; его планировка – кольцевая и радиальная. Шесть широких бульваров разделяют город на шесть равных секторов. В самом центре разбит круглый сад, а вторая центральная окружность представляет собой парк, опоясанный стеклянной аркадой – «Хрустальным дворцом», который служит убежищем в непогоду [Howard, 1902, p. 22–23] (рис. 14). Этот план имеет немало общего с планом «Счастливой колонии» Пембертона. Но у Говарда уже нет ни числовой и геометрической символики, ни предсказаний Тысячелетия всеобщего счастья; его план диктуется прежде всего функциональными соображениями.

Отсутствие садов, да и вообще какой-либо растительности, – характерная черта антиутопий. Альтернативу взбунтовавшиеся герои Замятина и Оруэлла ищут в дикой местности за Зеленой стеной («Мы») или в идиллическом ландшафте Золотой страны («1984») [Giesecke, Jacobs, 2012, p. 12].

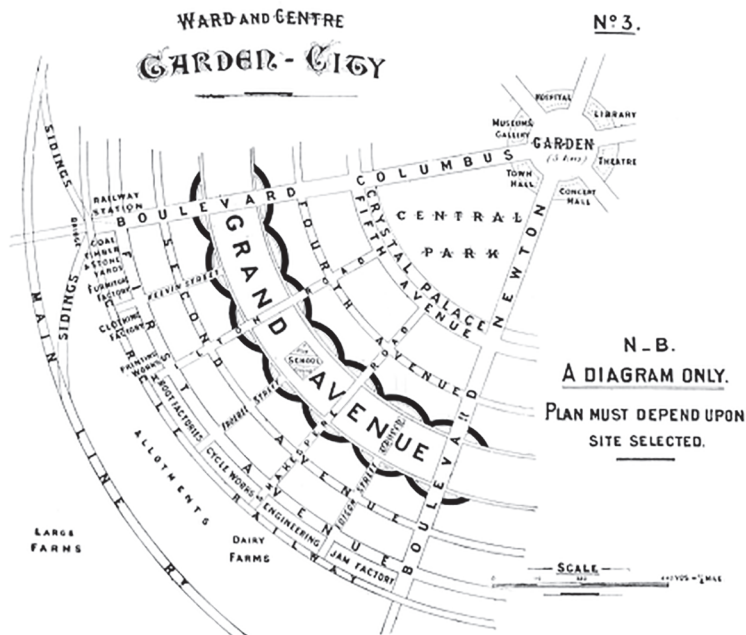

Рис. 14. Центр и один из районов «Города-сада». Рисунок из книги Э. Говарда «Города-сады будущего» (1902)

Творец и правитель

В работах Д.В. Панченко (Панченко, 1984, 1986) предложен чрезвычайно плодотворный, как мы полагаем, подход к рассмотрению сюжетов, затронутых в этой статье. Совершенство форм, констатирует он, – важнейший конструктивный принцип утопии. Но совершенство это особого рода. «Чтобы воспринять объект в его совершенстве, необходимо занять по отношению к нему определенную позицию. Оценить стройность описанной картины может лишь наблюдатель, находящийся вовне» [Панченко, 1984, с. 101]. Социальная гармония интересует автора утопии не столько как ее обитателя, сколько как ее создателя и творца. «Красота совершенного города может быть увидена лишь извне (и по преимуществу сверху)» [там же, с. 105].

Позиция творца проявляется, в частности, в том, что утописты обычно имеют дело с четко очерченным объектом (город, окруженный стенами; долина среди гор, остров) или объектом, концентрирующим внимание (храм, дворец) [там же, с. 107]. Если обратиться к утопии Кампанеллы, то его идеальное государство конструируется не только с позиции творца, но и с позиции правителя. Совмещение обеих ролей в одном лице приводит к предельной централизации плана Города Солнца и жизни его обитателей. Конусообразной архитектурно-топографической структуре утопического пространства соответствует пирамидальная структура правящей иерархии (1, 3, 9, 27 высших должностных лиц). На вершине помещен правитель, именуемый Солнцем, или Метафизиком, и на этом месте Кампанелла мыслит себя. По мере возрастания ценности индивидуальной свободы позиция творца и особенно – позиция правителя табуируются; отныне в полной мере они возможны лишь в антиутопии [там же, с. 105, 107–108].

Не архитектура ли Города Солнца проглядывает в облике оруэлловского «Министерства правды» (т.е. пропаганды), а также «Министерства любви» (т.е. политической полиции)? («...Исполненное пирамидальное здание, сияющее белым бетоном, вздымалось, уступ за уступом, на трехсотметровую высоту» [Оруэлл, 1989, с. 23].)

В советской архитектуре наиболее известный пример архитектурного сооружения, вид на который предполагается прежде всего сверху, – здание Центрального театра Красной Армии (1940): в плане это огромная пятиконечная звезда, что крайне затруднило планировку внутренних помещений театра.

Позиция творца и правителя превосходно выражена в «Законах» Платона (V, 745b–746b): «...Это срединное положение страны и города, это кругообразное расположение жилищ! Все это точно рассказ о сновидении или лепка государства и граждан из воска!» [Платон, 2007а, с. 237–238].

Аристотелю платоновский утопизм чужд. По поводу жесткой ортогональной сетки он замечает: «Правильную распланировку не следует придавать всему городу, а лишь отдельным частям и местам. Это будет хорошо в смысле безопасности и красоты» («Политика», VII, 1330b) [Аристотель, 1984, с. 610]. Здесь красота воспринимается отнюдь не с точки зрения внешнего наблюдателя, взирающего на план города сверху.

Две тысячи лет спустя так же видит идеальный город Леон Баттиста Альберти – глазами не демиурга, но обычного горожанина. Прямые дороги, по его мнению, хороши для военных целей, а улица должна быть «подобной реке, извивающейся мягким изгибом то туда, то сюда <...>; она заставит и город казаться больше, чем он есть, <...> много придаст прелести и создаст много удобств <...>. И как хорошо будет, когда при прогулке на каждом шагу постепенно будут открываться все новые стороны зданий» («Десять книг о зодчестве» (1452), IV, 5) [Альберти, 1935, с. 123].

В России проект идеального города, вызванного к жизни единоличной волей творца и правителя, ассоциируется прежде всего с Петербургом. Согласно созданному в XVIII в. «петербургскому мифу», «из хаоса был образован космос, из преисподней <...> – “парадиз”» [Топоров, 2003, с. 41]. В основе градостроительной схемы города лежит лучевая и ортогональная планировка. Отсюда, а также из «плоскостной» топографии Петербурга вытекает одна из главных характеристик невской столицы – ее обозримость, т.е. возможность увидеть огромные части города с немногих точек (В.Н. Топоров использует термин «просматриваемость»).

«В Москве, – замечает А. Герцен, – на каждой версте прекрасный вид; плоский Петербург можно исходить с конца в конец и не найти ни одного даже посредственного вида; но, исходивши, надо воротиться на набережную Невы и сказать, что все виды Москвы – ничего перед этим» (очерк «Москва и Петербург», 1842) [Герцен, 1954, с. 40].

«Обозримость», «открытость», заданные при основании города, типичны именно для утопического пространства. Но характеристики эти амбивалентны. «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю

твой строгий, стройный вид», – восклицает Пушкин во Вступлении к «Медному всаднику» (1834) [Пушкин, 1978, с. 10]. 'Стройность' у Пушкина чаще всего синоним 'гармоничности' – понятия, ключевого в его поэтике. Однако в его же более раннем стихотворении 'стройность' творения Петра означает скорее 'упорядоченность' и сопряжена с 'неволей' и 'скукой': «Дух неволи, стройный вид, / <...> Скука, холод и гранит» («Город пышный, город бедный...», 1828) [Пушкин, 1948, с. 124].

Прозрачность пространства утопии

Стеклянная архитектура была тесно связана с эстетикой прозрачности. Исчезновение стен превращается в символ освобождения человека; Хрустальный дворец с его дематериализованной несущей конструкцией мыслится приближением к чисто духовной субстанции [Ямпольский, 2012, с. 113, 122, 137].

В антиутопиях прозрачность архитектуры утопий оборачивается другой своей стороной – как полное исчезновение личного пространства и частной жизни. В романе Замятина «Мы» все здания и даже тротуары стеклянные, а «странные, непрозрачные обиталища древних» кажутся чем-то непостижимым. «...Среди своих прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха, стен – мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга. К тому же это облегчает тяжкий и высокий труд Хранителей. Иначе мало ли бы что могло быть» [Замятин, 1988, с. 20].

В романе Оруэлла «1984» стеклянных стен нет, зато появляется телеприемник с функциями телекамеры, так что граждане и здесь «живут всегда на виду».

Эти образы антиутопий двадцатого века, в сущности, доводили до крайнего предела черты архитектурного и социального пространства классических утопий: открытость индивида внешнему наблюдению и контролю. Однако в утопиях прозрачность социума действует в обе стороны; должностные лица, как правило, и сами на виду у граждан. У Томаса Мора правители-сифогранты, хотя и живут во дворцах, обедают там вместе с прочими жителями Утопии.

В антиутопиях прозрачна жизнь граждан, но не правителей. В романе Замятина «сонм Хранителей» лишь «незримо присутствует» среди рядовых граждан, а глава Единого Государства – Благодетель – появляется в самых исключительных случаях.

В романе Оруэлла жители Ангсоца, не принадлежащие к «Внутренней партии», не знают о ней почти ничего; что же касается вождя (Старшего Брата¹), то само существование его оказывается под вопросом.

Мудрый или безумный мир?

Классическая утопия серьезна и дидактична. «Утопия в принципе чужда всему комическому, так как оно предполагает какое-то несовершенство» [Шушпанов, 2002, с. 53]. Тем не менее существуют утопические сочинения, в которых серьезность трудно отделить от насмешки. Хрестоматийным примером такого сочинения служит диалог «Мудрый или безумный мир» Антона Франческо Дони (1513–1574), предшественника Кампанеллы. Этот диалог, написанный под впечатлением «Утопии» Мора, изданной по-итальянски в 1548 г., входит в книгу Дони «Миры» (1552)².

Утопическое общество у Дони представлено как сон, а не как реальное – хотя и неизвестно где находящееся – место. Диалог, который ведут Мудрец и Безумец, балансирует между серьезностью и гротеском.

В идеальном городе все получают поровну и «кто не трудится, тот не ест» [Donato, 2019, р. 29]. Город обнесен стеной в форме круга; в центре высокая башня «в четыре или шесть раз выше любой флорентийской» [ibid., р. 23]. В башне живут сто священников, а из сотни ее дверей лучами выходят сто улиц, так что из центра можно увидеть весь город сразу. (Тут можно вспомнить «обозримость» Петербурга как его сущностную характеристику.) Безумец, словно не замечая этого абстрактного совершенства форм, то ли наивно, то ли с иронией комментирует: «Мне нравится, что человек, прибыв в этот город, может не беспокоиться о том, что свернет не туда, а горожане – о том, чтобы показывать ему дорогу» [ibid., р. 24].

Мудрец и Безумец в диалоге нередко меняются ролями и ставят под сомнение то, что сами же одобряли. «...Думая создать мир мудрецов и прозываться мудрецом, – говорит Мудрец во вступлении

¹ Принятый у нас буквалистский перевод «Большой Брат» не слишком удачен. Идиома «big brother» означает именно «старший брат». «Отец и старший брат» – эпитеты Сталина в книге Анри Барбюса «Сталин» (1935), хорошо известной Оруэллу.

² У Дони он носит разные названия в разных местах книги.

к диалогу, – я сомневаюсь, не стану ли безумцем и не создам ли мир безумцев» [цит. по: Баткин, 1995, с. 378]. Идеальная градосозидающая мудрость грозит обернуться идеальным безумием. «Мечта о совершенно рациональной организации социального пространства в конечном счете фантастична, как и сама утопия», а ее «вербальные или визуальные карты <...> оказываются фантастическими пространствами» [Tally, 2014, p. 60].

Евангельск, или Город Солнца

Крайне любопытный в историко-культурном плане проект утопического поселения появился в СССР в 1920-е годы. Речь идет о Евангельске, или Городе Солнца.

Инициатором проекта был Иван Степанович Проханов (1869–1935)¹, бессменный лидер российских евангельских христиан с 1905 по 1928 г. Мировоззрение Проханова Игорь Григорьев определяет как постмилленаристское [Григорьев, 2020, с. 219]. Его также можно было бы назвать христианским оптимизмом. В автобиографии Проханов писал: «...Их [православных] религия была пессимистичная. Они проповедовали, что ни один человек не может получить спасение здесь, на Земле <...>. Лучи солнечного света, наполненные оптимизмом, должны проникать через дождевые тучи пессимизма» [Проханов, 1993, с. 130].

Уже в 1894 г. Проханов стал одним из организаторов евангелической коммуны «Вертоград» в Крыму. А в его брошюре «Евангельское христианство и социальный вопрос» (1918) заявлялось: «...Христианство <...> не только учение, но и преобразованная жизнь. Поэтому <...> евангельское движение в России должно выразиться не только в проповеди, но и создании новых форм социально-экономической жизни» [Проханов, 1918, с. 12]. В 1920-е годы Всероссийский союз евангельских христиан организовал ряд сельскохозяйственных трудовых общин, назвав их новозаветными именами Гефсимания, Вефиль (город в древнем Израиле) и т.д. [Проханов, 1993, с. 171].

В программной статье Проханова «Новая, или евангельская жизнь» (1925) описывались образцовые христианские поселения: «В новой жизни все будет построено на основе разума, т.е. на основе данных науки». «Все города, села и деревни будут тонуть

¹ Двоюродный дед писателя Александра Проханова.

в растительности»; «Жилища будут <...> украшены текстами и цветами»; «Здания будут обширны и светлы» [Проханов, 1925, с. 15, 22–23]. Наконец, «над всем селом по ночам должно гореть яркое электрическое солнце» [там же, с. 20]. Тут стоит заметить, что до революции Проханов служил инженером в петербургском филиале электрической компании Вестингауза.

Проект создания подобного поселения в Сибири поддержал секретарь Антираелигиозной комиссии при ЦК ВКП (б), сотрудник ОГПУ Евгений Тучков. По мнению современного историка, «концентрация верующих в рамках одного большого поселения представляла интерес как возможностями оперативной работы и контроля за ними, так и “очистки” от евангелистов за счет миграции в Сибирь крупных населенных пунктов европейской России» [Савин, 2009, с. 47].

В августе-сентябре 1927 г. Проханов снарядил экспедицию в Алтайский край, выбрал место для будущего поселения при слиянии рек Бия и Катунь и посадил там три кедра. Более подробно план поселения изложен в его статье «Что нам делать?», опубликованной в начале 1928 г.

Здесь говорилось об «основании “города Солнца”, или “Евангельска”, внутри Сибири». Архитектурное пространство Евангельска во многом сходно с пространством прежних утопических городов: «Устроен он будет по типу “солнца”; в центре – круглая площадь, диаметром около 2-х верст, обсаженная деревьями, среди которых будут красоваться здания: молитвенного дома, школы, больницы и т.п.; улицы будут идти по радиусам, как спицы в колесе. Из центра будет светить электрический прожектор – солнце <...>. Весь город будет тонуть в зелени садов и рощ» [Проханов, 1928б, с. 13]. Отсюда следует, что в качестве центральной вертикали Евангельска предполагался высоко размещенный прожектор; нечто подобное мы видели в проекте Виктории Д.С. Бекингема.

Здесь же Проханов, автор огромного множества духовных гимнов, поместил стихотворение «Город Солнца». Начиналось оно с упоминания о Небесном Иерусалиме:

Для вечной жизни совершенства <...>
Есть город дивный в небесах.

В нем Солнца нет, его светило –
Сиянье Агнца, Божий лик.

Далее следовало стихотворное описание Евангельска:

Но для скитальцев дебрей мира,
Рассвета ищущих во мгле,
Мы город Солнца, город мира
Построим людям на земле.

Сиянье солнца с небосвода
Дневным светилом будет там;
Там будет свет иного рода –
Электро-солнце по ночам.

.....
Тот город Солнца будет ясен,
Как светлый храм на высоте;
И будет луч его прекрасен
Чудесной вестью о Христе.

.....
Там будут улицы прямые,
Как солнца яркие лучи <...>.

.....
Тот город Солнца, город света,
Всех будет к вере привлекать,
И к небу – городу Завета, –
Где свет без солнца, будет звать [Проханов, 1928a].

Проект обсуждался на заседании Антирелигиозной комиссии 29 апреля 1928 г. Е. Тучков считал более уместным название «Город Солнца», но принято все же было название Евангельск [Ярыгин, 2004, с. 71]. В том же году проект был ликвидирован по указанию Сталина, а Проханов уехал из СССР.

В научной литературе преобладает мнение, что вариант названия «Город Солнца» был навязан Е. Тучковым. Но, как мы видели выше, образ солнца – постоянный мотив высказываний Проханова об идеальном христианском поселении. Накануне отъезда из СССР он написал «Призыв к воскресению», адресованный зарубежным братьям по вере: «Мы знаем, что все должны держаться солнечной стороны и отдернуть завесы, и свет солнца будет сиять для нас. <...> Да сияет солнце Нового Завета <...>» [Проханов, 1993, с. 244].

Таким образом, вариант «Город Солнца», с одной стороны, шел навстречу советской идеологии (в которой утопический социализм как раз в 1920-е годы оценивался очень высоко), а с другой –

соответствовал «солнечному», постмиллениаристскому мировоззрению самого Проханова.

Тут можно бы вспомнить творчество Андрея Белого, в котором солярный миф, истолкованный в теософском духе, занимает огромное место, а образ Города Солнца «соединяет мечту о личностном изменении с мечтой о преобразении всего человечества» [Глухова, 2015, с. 148]. Примечательно то, что Белый увлечен даже не столько социальной, сколько именно архитектурной утопией Кампанеллы как прообразом Солнечного Храма теософии (рис. 15). Эссе «Утопия» (1921) он заканчивает двустушием:

По слову мечтателя вступим мы в Солнечный Град.
Его Царствию да не будет конца! [Там же, с. 150].

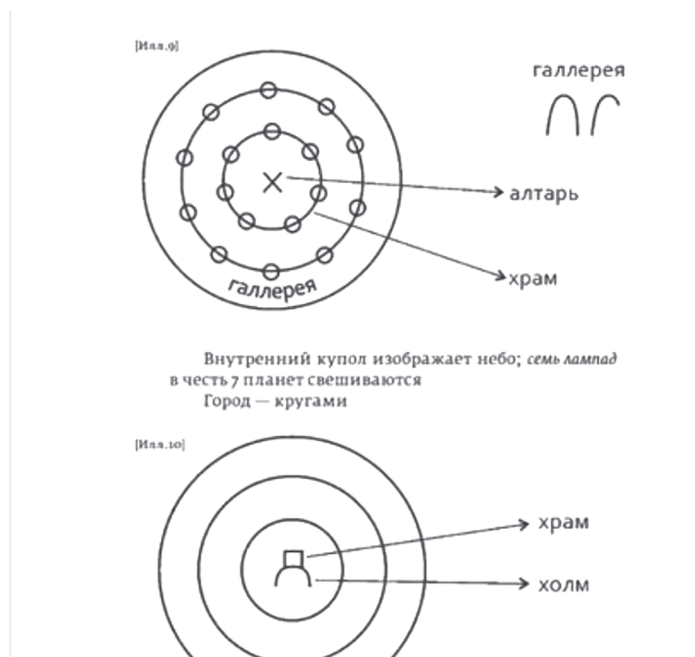

Рис. 15. Андрей Белый. Рисунки в конспекте «Города Солнца» Кампанеллы (ок. 1918 г.)

Прямоугольники, чурбаны из стекла,
Шары, углов, полей полет.

.....
Мы входим в город Солнцестана,
Где только мера и длина.

.....
Разрушив жизни грубый кокон,
Толпа прозрачно-светлых окон <...>.

.....
В высоком и отвесном храме
Здесь рода смертного отца
Взошли на купола концы.

.....
Дворцы-страницы, дворцы-книги,
Стеклянные развернутые книги <...>.

.....
Ты мечешь в даль стеклянный дол <...>
[Хлебников, 1986, с. 117–120].

Эти поэтические образы в то же время формулы мысли, вполне адекватно описывающие архитектуру утопии.

Список литературы

Аинса Ф. Реконструкция утопии : эссе / пер. с франц. Е. Гречаной, И. Стаф. – Москва : Наследие, 1999. – 206 с.

Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве : в 2 т. / пер. Ф.А. Петровского. – Москва : Всесоюз. академия архитектуры, 1935. – Т. 1. – 392 с.

Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебелева // Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 375–644.

Аристофан. Птицы / пер. С. Апта // Аристофан. Комедии. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1954. – Т. 2. – С. 3–100.

Барков И.С. Полное собрание стихотворений. – Санкт-Петербург : Академич. проект, 2005. – 624 с.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение : проблемы и люди. – Москва : РГГУ, 1995. – 448 с.

Булгарин Ф.В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке // Косморама : фантастические повести первой половины XIX века. – Москва : Рус. книга, 1997. – С. 315–353.

Буцко А. Ангажированная архитектура : судьбы городов-утопий: [Сетевая публ. от 02.11.2012]. – URL: <https://p.dw.com/p/16WQx> (дата обращения: 01.02.2021).

Бэкон Ф. Новая Атлантида / пер. З. Александровой // Утопический роман XVI–XVII веков. – Москва : Худож. лит., 1971. – С. 191–224.

Верас Д. История севарамбов / пер. Е. Дмитриевой // Утопический роман XVI–XVII веков. – Москва : Худож. лит., 1971. – С. 309–448.

Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. – Москва : АН СССР, 1954. – Т. 2. – 515 с.

Глухова Е.В. Мифология «Солнечного града» в работах Андрея Белого послереволюционного периода // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма. – Москва : Индрик, 2015. – С. 146–169.

Григорьев И. Иван Проханов и город Евангельск : история, богословие и философия // Богомыслие : литературно-богословский альманах. – [Б. м. и], 2020. – № 28. – С. 216–247.

Груза И. Теория города / сокр. пер. с чеш. Л.Б. Мостовой. – Москва : Стройиздат, 1972. – 248 с.

Дезами Т. Кодекс общности / пер. Э.А. Желубовской и Ф.Б. Шуваевой. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – 548 с.

Иосиф Флавий. Иудейские древности : в 2 т. / пер. Г.Г. Генкеля. – Минск : Беларусь, 1994. – Т. 1. – 553 с.

Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция / пер. Г. Дашевского. – Москва : Новое лит. обозрение, 2000. – 528 с.

Замятин И.Е. Сочинения. – Москва : Книга, 1988. – 574 с.

Кабе Э. Путешествие в Икарию : Философский и социальный роман : [в 3 ч.] / пер. под ред. Э.Л. Гуревича. – Москва : Изд-во АН СССР, 1948. – Ч. 1. – 648 с.

Кавтрадзе С. Идеальный город // Художественный журнал. – Москва, 1994. – № 4. [Сетевая версия]. – URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/62/article/1276> (дата обращения: 10.02.2021).

Кампанелла. Город Солнца / пер. Ф. Петровского // Утопический роман XVI–XVII веков. – Москва : Худож. лит., 1971. – С. 141–189.

Корндоρφ А., Вязова Е. По ту сторону стекла : утопия прозрачности и тотальный контроль в архитектуре авангарда // Утопический упадок : искусство в советскую эпоху : сб. статей. – Белград : Белградский ун-т, 2018. – С. 80–103.

Линч К. Совершенная форма в градостроительстве / пер. В.Л. Глазычева. – Москва : Стройиздат, 1986. – 264 с.

Лосев А.Ф. История античной эстетики : [в 8 т.]. – Москва : Искусство, 1992. – Т. 8, кн. 1. – 656 с.

Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. – Москва : Сов. Россия, 1968. – 377 с.

Мерсье Л.С. Год две тысячи четыреста сороковой : Сон, которого, возможно, и не было / пер. А.Л. Андрес. – Ленинград : Наука, 1977. – 240 с.

Михайлова М. Античный элемент в формировании города Возрождения (Теория и практика) // Античное наследие в культуре Возрождения. – Москва : Наука, 1984. – С. 214–220.

Мор Т. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии / пер. А. Малкина и Ф. Петровского // Утопический роман XVI–XVII веков. – Москва : Худож. лит., 1971. – С. 39–140.

Морелли. Кодекс природы, или Истинный дух ее законов / пер. М.Е. Ландау. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – 300 с.

Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. – Москва : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1959. – 496 с.

Оруэлл Д. 1984 : роман / пер. Голышева // Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 22–208.

Панченко Д.В. Утопический город на исходе Ренессанса : (Дони и Кампанелла) // Городская культура : средневековье и начало нового времени. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 75–97.

Панченко Д.В. Ямбул и Кампанелла (О некоторых механизмах утопического творчества) // Античное наследие в культуре Возрождения. – Москва : Наука, 1984. – С. 98–110.

Платон. Законы / пер. А.Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007а. – Т. 2, ч. 2. – С. 89–514.

Платон. Критий / пер. С.С. Аверинцева // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007б. – Т. 3, ч. 1. – С. 589–608.

Проханов И.С. В котле России : Жизнь оптимизма в земле пессимизма / пер. с англ. А.М. Бычкова. – Москва : Протестант, 1993. – 256 с.

[*Проханов И.С.*] Город Солнца : [стихотворение] // Христианин. – Ленинград, 1928а. – № 1. – С. 15–16. – Подпись: И.С. П.

Проханов И.С. Евангельское христианство и социальный вопрос. – Петроград : [Б. и], 1918. – 40 с.

Проханов И.С. Новая, или евангельская жизнь // Христианин. – Ленинград, 1925. – № 1. – С. 4–23.

Проханов И.С. Что нам делать? // Христианин. – Ленинград, 1928б. – № 1. – С. 6–15.

Пушкин А.С. Медный всадник / издание подготовил Н.В. Измайлов. – Ленинград : Наука, 1978. – 288 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 3, кн. 1. – 1379 с.

Савин А.И. «Город Солнца» : к истории одной религиозной утопии в Советской России // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия История, филология. – Новосибирск, 2009. – Т. 8, вып. 1. – С. 45–49.

Ситар С. Архитектура внешнего мира : искусство проектирования и становление европейских представлений. – Москва : Новое изд-во, 2012. – 272 с.

Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы : избр. труды. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2003. – С. 7–118.

Филарете (Антонио ди Пьетро Аверулино). Трактат об архитектуре / предисл., примеч. и пер. В.Л. Глазычева. – Москва : Русский университет, 1999. – 448 с.

Фукидид. История : в 9-ти кн. / пер. Г.А. Стратановского. – Москва : Ладомир, 1993. – 600 с.

Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб : проспект и анонс открытия. – Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – Т. 1. – 312 с.

Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. – Москва : Стройиздат, 2001. – Кн. 2 : Социальные проблемы. – 712 с.

Хлебников В. Проза. – Москва : Современник, 1990. – 126 с.

Хлебников В. Творения. – Москва : Сов. писатель, 1986. – 736 с.

Цицерон. О природе богов / пер. М.И. Рижского // Цицерон. Философские трактаты. – Москва : Наука, 1985. – С. 60–190.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. – Москва : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1939. – Т. 11. – 750 с.

Чикколини Л.С. Итальянский город на заре нового времени: идеал и реальность // Город как социокультурное явление исторического процесса. – Москва : Наука, 1995. – С. 161–170.

Шушпанов А. Организация образов : Забытый рассказ А. Богданова // Потенциальная литература в культурно-исторической перспективе. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2002. – С. 52–55.

Ямпольский М. Наблюдатель : очерки истории видения. – Санкт-Петербург : Мастерская «Сеанс» : Порядок слов, 2012. – 344 с.

Ярыгин Н.Н. Евангельское движение в Волго-Вятском регионе. – Москва : Академич. проект, 2004. – 224 с.

Andreä J.V. Reipublicae Christianopolitanae descriptio. – Argentorati [Strasbourg] : Lazarus Zetznerus, 1619. – 220 p.

Boesky A. Founding Fictions : Utopias in Early Modern England. – Ann Arbor : Univ. of Georgia Press, 1997. – 248 p.

Brothers R. A Letter to the Subscribers for Engraving the Plans of Jerusalem. – London : E. Spragg, 1805. – 46 p.

Buckingham J.S. National Evils and Practical Remedies. With the Plan of a Model Town. – London : Jackson, 1849. – XXX, 512 p.

Del Bene B. Civitas Veri sive Morum. – Parisiis : Apud Ambrosium et Hieronymum Drouart, 1609. – 258 p.

Dictionary of National Biography / Ed. by L. Stephen. – New York : Macmillan, 1889. – Vol. 19. – 447 p.

Donato A. Italian Renaissance Utopias : Doni, Patrizi, and Zuccolo. – New York : Palgrave Macmillan, 2019. – 318 p.

Fourier C. Traité de l'association domestique-agricole. – Paris ; Londres : Bossange, 1822. – T. 2. – 648 p.

Giesecke A., Jacobs N. Nature, Utopia, and the Garden // Earth Perfect? Nature, Utopia and the Garden. – London : Black Dog Publishing, 2012. – 305 p.

[*Gott S.*] The Ideal City; Or Jerusalem Regained : An Anonymous Romance Written in the Time of Charles I <...> Attributed to <...> John Milton / With Introduction, Translation, Literary Essays and a Bibliography by the Rev. Walter Begley. – London : J. Murray, 1902. – Vol. 1. – 359 p.

[*Gott S.*] The Ideal City; Or Jerusalem Regained : An Anonymous Romance Written in the Time of Charles I <...> Attributed to <...> John Milton / With Introduction, Translation, Literary Essays and a Bibliography by the Rev. Walter Begley. – London : J. Murray, 1902. – Vol. 2. – 414 p.

Hamzeian B. Architecture and Utopia : A Critical Analysis of Utopian Lights by Bronislaw Baczkowski. – Lausanne : Ecole Polytechnique Fédérale de Lausanne, 2015. – 12 p. [Электронная публикация]. – URL: <https://www.academia.edu/19739089> (дата обращения: 15.02.2021).

Howard E. Garden Cities of To-Morrow. – London : G. Allen, 1902. – 191 p.

Ingersoll P.W. Ideal Forms for Cities : An Historical Bibliography. – Berkeley (Calif.) : Univ. of California, 1959. – 53 p.

Kortmann M. Die Quadratur des Kreises : Johann Valentin Andreaes «Christianopolis» : Dissertation. – Hamburg : Universität der Bundeswehr, 2007. – 413 S. [Электронная публикация. doi:10.24405/351]. – URL: <https://openhsu.ub.hsu-hh.de/handle/10.24405/351> (дата обращения: 15.02.2021).

Kruff H.-W. History of Architectural Theory : From Vitruvius to the Present. – London : New York : Zwemmer : Princeton Architectural Press, 1994. – 706 p.

Lebensztejn J.-C. Transaction Fleurs de rêve II. – Amsterdam : Editions Amsterdam, 2007. – 87 p.

Ledoux C.-N. L'architecture considérée sous le rapport de l'art, des mœurs et de la législation. – Paris : L. Perronneau, 1804. – T. 1. – 240, [5] p.

Lesparre A. de, marquis de Lassay. Relation du Royaume des Feliciens // *Lesparre A. de, marquis de Lassay.* Recueil de différentes choses. – Lausanne : Bousquet, 1756. – Part. 4. – P. 345–491.

Lilley K.D. Cities of God? Medieval Urban Forms and Their Christian Symbolism // Transactions of the Institute of British Geographers. – London, 2004. – Vol. 29, N 3 (September). – P. 296–313.

Liss A.J. The Rhetoric of Architecture and the Language of Pleasure : The Maison de Plaisance in Eighteenth-Century France. – [Cambridge (Mass.)] : Massachusetts Institute of Technology, 2006. – 155 p. [Электронная публикация]. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/4400463.pdf> (дата обращения: 25.02.2021).

Manning J. The Emblem. – London : Reaktion Books, 2004. – 398 p.

Manuel Frank E., Manuel Fritzie P. Utopian Thought in the Western World. – Cambridge (Mass.) : Belknap Press, 1997. – 896 p.

Marin L. Utopiques : jeux d'espaces. – Paris : Editions de Minuit, 1973. – 358 p.

Morelly. Naufrage des isles flottantes, ou Basiliade du célèbre Pilpai : poëme héroïque. – [Paris] : Societe de libraires, 1753. – Т. 1. – 307 p. – (На титуле в качестве места издания указано: Messine.)

Owen R. Lectures on the Rational System of Society. – London : The Home Colonization Society, 1841. – 188 p.

Pemberton R. The Happy Colony. – London : Saunders and Otley, 1854. – 217 p.

Perret J. Des fortifications et artifices, architecture et perspective. – [Paris : Éditeur non identifié, 1601]. – 20 p., 22 ill.

Picon A. Notes on Utopia, the City, and Architecture // Translated by M. Faciejew // Grey Room. – Cambridge (Mass.), 2017. – N 68, Summer 2017. – P. 94–105. – (Французский оригинал статьи опублик. в 2013 г.)

Pompey E. de. Exposition de la science sociale, constituée par C. Fourier. – 3 e éd., revue et augmentée. – Paris : Librairie sociale, 1840. – 76 p.

Rahmsdorf S. Stadt und Architektur in der literarischen Utopie der frühen Neuzeit : (Beiträge zur neueren Literaturgeschichte). – Heidelberg : Universitätsverlag, 1999. – 345 S.

Reese T.F. Type and Image : Functional Buildings, Urban Symbolism, and the Enlightenment. – Austin : The Univ. of Texas, 1986. – 33 p. – (The City as Social Crucible). [Электронная публикация]. – URL: <https://www.academia.edu/34947341> (дата обращения: 27.02.2021).

Tally R. In the Suburbs of Amaurotum: Fantasy, Utopia, and Literary Cartography // English Language Notes [Digital journal]. – 2014. – Vol. 52, N 1. – P. 57–66. – URL: <https://www.academia.edu/9015121> (дата обращения: 1.03.2021).

[*Villeneuve D.-J. de.*] Le Voyageur philosophe dans un pays inconnu aux habitants de la terre. – Amsterdam : [Éditeur non identifié], 1761. – Т. 1. – 339 p. – (На титуле псевд.: Mr. de Listonai.)

ГОЛУБЬ МИРА: ЯЗЫКОВАЯ МЕТАФОРА И ВИЗУАЛЬНЫЙ СИМВОЛ

Истоки символа

Символика голубя мира возникла в результате взаимодействия сразу нескольких мотивов, принадлежавших двум традициям – иудеохристианской и античной. Центральным из этих мотивов была история о Ноевом ковчеге; все прочие группировались вокруг него.

В Ветхом Завете Ной, странствуя в поисках суши, сначала выпустил ворона, но тот всякий раз возвращался обратно. Затем он трижды выпустил голубя; на третий раз голубь вернулся в ковчег, «и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Быт. 8:11). В византийской иконографии встречались изображения Ноя с вороном на одном плече и голубем на другой [Кондаков, 1876, с. 93].

В повествовании о потопе, включенном в шумеро-аккадский «Эпос о Гильгамеше», роли ворона и голубя обратные. Праведник Утнапиштим выпускает поочередно голубя, ласточку и ворона, чтобы найти землю; голубь и ласточка кружат и возвращаются, а ворон остается на показавшейся из воды суше [Миф о потопе, 1963, с. 265].

Позднее голубь и ворон нередко противопоставлялись друг другу как вестники добра и зла или персонификации мира и войны, но эта метафорика не связана с повествованием о потопе.

В древнееврейском тексте Книги Бытие использовано слово м. р. *yoná* – голубь (отсюда имя пророка Ионы). *Др.-гр.* *peristera* и *лат.* *columba* – слова ж. р. То же относится к романским языкам и немецкому языку (*die Taube*). *Англ.* *dove* среднего рода. В церковнославянском переводе ‘голубица’, а в синодальном ‘голубь’. Выражение «голубка мира» чаще всего относится у нас к эмблеме Пикассо, как перевод фр. «*la colombe de la paix*».

В иудейской традиции голубь из ковчега не служит символом мира в каком бы то ни было смысле. В Вавилонском Талмуде (Брахот 53b) встречается уподобление голубя еврейскому народу со ссылкой на Книгу Псалмов, 68(67):14: «...Вы стали, как голубица, которой крылья покрыты серебром, а перья – чистым золотом». В каббалистической традиции голубь из ковчега толкуется как аллегория судьбы еврейского народа в изгнании (книга «Зохар», получившая известность в XIII в.) [Zohar ..., 2000, р. 240].

У античных авторов голубь прежде всего символ любвеобилия. Голубь (голубка) был атрибутом богини любви Афродиты (Венеры), а также священной птицей Афины Паллады. В позднейшей европейской культуре пара голубков – обычная эмблема супружеской любви.

На реверсе монет г. Сикион в Пелопоннесе с IV в. до н.э. помещался лавровый венок, а в нем – летящий голубь (рис. 1). Встречалось истолкование этого изображения как символа мира [напр.: Васильевский, 1869, с. 201], но это очевидный анахронизм.

Оливковые (масличные) ветви, обвитые белой шерстью, у греков были знаком мольбы о защите, обращенной к богам или к людям (напр.: Геродот, «История», V, 51; Аристотель, «Афинская политика», 43, 3). Этот обычай Дионисий Галикарнасский, греческий

Рис. 1. Серебряный статер г. Сикион (IV в. до н.э.)

историк I в. до н.э., перенес в описания ранней римской истории: побежденные племена обращаются к римлянам с просьбой о мире с оливковой ветвью в руках. В «Энеиде» Вергилия на вопрос латинян: «Нам войну или мир принесли вы?» – Эней простирает руку «с миротворной ветвью оливы» (*paciferaeque ramum olivae*) (VIII, 114–116; пер. С. Ошерова) [Вергилий, 1971, с. 266]. Символом мира, а не только просьбы о мире, оливковая ветвь стала в эпоху Римской империи. На римских монетах, начиная с последней трети I в. до н.э., оливковую ветвь держит богиня мира Пакс (у греков – Эйрена), что символизировало воцарение гражданского мира в империи (*Pax Romana*).

В латинских переводах Ветхого Завета масличный/оливковый лист из повествования о потопе превратился, под влиянием античной традиции, в оливковую ветвь (*ramum olivae*), а сама эта ветвь была истолкована как знак примирения Бога с человеком, символ благой вести: «...Поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа» (Быт 9:11).

Нередко можно прочесть, что в античности голубю приписывалось особое миролюбие, поскольку у него нет желчного пузыря¹, а желчь, согласно Гиппократу, является источником злобы. Однако Аристотель, главный авторитет древности в области зоологии, утверждал, что у голубя есть желчный пузырь и что «животное это воинственно»² («История животных», II, 15; IX, 7) [Аристотель, 1996, с. 118, 353]. В наличии у голубя желчного пузыря не сомневались Плиний Старший («Естественная история», XI, 194) и Гален, главный наставник европейских физиологов и анатомов вплоть до Нового времени («О черной желчи», 9).

У иудеев голуби и горлицы приносились в жертву для очищения от ритуальной нечистоты (Левит, гл. 5, 12, 14–15; Числа, гл. 6). В Новом Завете Св. Дух нисходит на Иисуса в виде голубя, а Иисус говорит ученикам: «...Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»³ (Мф. 10:6). Поэтому у раннехристианских апологетов голубь –

¹ Накопление желчи у голубя совершается в главных желчных протоках.

² Того же мнения был Пикассо, создатель наиболее известных образов голубя мира: «...Смесь, он говорил, что голуби жадные и драчливые птицы, непонятно, почему их сделали символом мира» [Эренбург, 1990, с. 214].

³ Употребленное в греческом оригинале слово ‘*akéraiōs*’ допускает различные толкования. В латинском переводе ‘*simplices*’ (просты), в *ц.-сл.* ‘цели’ (чисты, непорочны), в традиционном английском ‘*harmless*’ (безобидны, невинны), в немецком переводе Лютера ‘*ohne Falsch*’ (без лукавства), в современных русских переводах: ‘простодушны’, ‘бесхитростны’, ‘невинны’.

символ кротости, чистоты и невинности. Тертуллиан (2-я пол. II в. – начало III в.) писал, что голубю присущи чистота и невинность, ибо (вопреки Аристотелю и другим античным авторитетам) «даже тело голубя лишено желчи». «...Точно так же после вод потопа, которыми было вычищено древнее нечестие, после, можно сказать, крещения мира, голубь-вестник, выпущенный из ковчега и возвратившийся с оливковой ветвью (что даже у язычников служит знаком мира), возвестил землям о прекращении небесного гнева» («О крещении», VIII; пер. Ю. Панасенко) [Тертуллиан, 1994, с. 93].

Любвеобилие голубя, не слишком согласное с понятиями чистоты и невинности, Киприан Карфагенский толкует в духе христианской любви: «Дух Святой явился в виде голубя. Это простое и кроткое животное, без горькой желчи, <...>; пары <...> проводят жизнь во взаимном сожителстве, поцелуями свидетельствуют о своем согласии и мире, во всем наблюдают закон единомыслия. И в Церкви должно быть знаемо такое же простосердечие, должна быть достигаема такая же любовь <...>» («О единстве Церкви», III в.) [Киприан Карфагенский, 1996, с. 299].

Иначе, чем Тертуллиан, обосновывал миротворческую символику оливы Августин (IV в.): оливковая ветвь, принесенная голубем, служит символом вечного мира потому, что оливковое масло сохраняется долго, а само дерево вечно зелено («О христианском учении», II, 24) [Augustin, 1995, р. 84]. «Вечный мир» (*рaх реррeтуa*), о котором говорит Августин, мог пониматься в религиозном смысле – как вечный мир, даруемый душе, но также в политическом смысле. «*РАХ РЕРРЕТУА*» – один из вариантов надписи на монетах с изображением богини Пакс.

В позднейшем богословии возобладало толкование Тертуллиана: Всемирный потоп уподоблялся крещению погрязшего в грехах мира, а голубь из ковчега – голубю, в образе которого явился Св. Дух.

Эмблематика (до конца XIX в.)

В раннехристианской иконографии голубь символизировал Св. Дух и крещение. Голубь *с веточкой в клюве (или сидящий на ней)* изображался обычно на гробницах – как символ мира, дарованного душе (рис. 2). Такие изображения сопровождались надписью «*In pace (vixit)*» «Он (а) (жил (а) в мире», т.е. праведно.

В Средние века Св. Дух, сошедший на Иисуса в виде голубя, в ряде случаев также изображался с ветвью в клюве. Эта ветвь

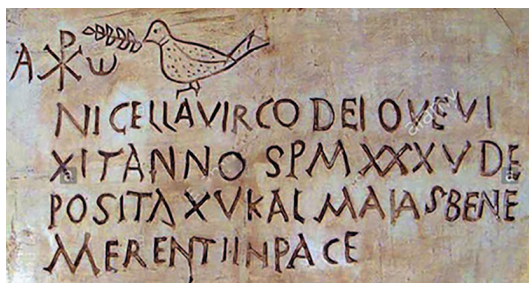

Рис. 2. Изображение голубя с ветвью в римских катакомбах (III в.)

означала «мир, дарованный падшему человеку Спасителем» [Покровский, 2001, с. 252, 258–261, 275].

Цвет голубей и горлиц, упоминаемых в Ветхом и Новом Завете, не уточняется; нет на этот счет указаний и в талмудической традиции. Зато римские авторы неоднократно упоминают именно о белых голубях как священных птицах Венеры/Афродиты (напр.: Катулл, «Стихотворения», 29, 8; Овидий, «Фасты», I, 452; Апулей, «Метаморфозы», VI, 6). Белый цвет голубей Афродиты, по-видимому, восходит к гораздо более древней шумеро-аккадской мифологии¹.

Эмблематический голубь в послеантичной иконографии также всегда белый. В христианской традиции это цвет чистоты и невинности. Белый голубь с зеленой ветвью на красном поле был частью герба папы Иннокентия X (1574–1655). Этот голубь изображен на одном из пилястров собора Св. Петра, созданном в 1646–1649 гг. по заказу Иннокентия.

В иконографии и литературе Нового времени вплоть до конца XIX в. символом политического мира служила, как и у римлян, оливковая ветвь, гораздо реже – голубь с ветвью в клюве. Изображение голубя с ветвью встречалось на различного рода сооружениях и памятных знаках, изготовлявшихся по случаю заключения мира (Утрехтский мир 1713 г., Ништадтский мир 1721 г. и т.д.).

В 1771 г. голубь с ветвью был помещен на банкноте североамериканской колонии Северная Каролина с девизом «Мир восстановлен»; имелось в виду подавление так называемого Восстания регуляторов, направленного против колониальных чиновников и крупных землевладельцев (рис. 3).

¹ Так, на цветной фреске дворца правителя царства Мари в Сирии (XVII в. до н.э.) рядом с богиней Иштар изображен большой белый голубь [Schroer, 2014, p. 147].

Рис. 3. Голубь на банкноте колонии Северная Каролина (1771)

В 1777 г., в разгар Войны за независимость, на крыше дома Джорджа Вашингтона в Маунт-Верноне был установлен огромный флюгер в виде голубя с ветвью. На банкноте штата Джорджия 1778 г. рядом с голубем помещен символ тираноборства – рука, держащая кинжал. Девиз: «Война или мир – готовы к тому и другому». Тот же смысл имело изображение на лицевой стороне государственной печати США (1782): белоголовый орлан, символ США, в одной лапе держит пучок стрел, в другой – оливковую ветвь, причем голова его повернута в сторону ветви в знак предпочтения мира, а не войны.

В викторианской Англии голубь с ветвью становится элементом новых гражданских гербов. Примером может служить герб фабричного города Блэкберн, утвержденный в 1852 г.: здесь голубь держит в клюве оливковую ветвь и нить ткацкого челнока.

В 1895 г. увидел свет утопический роман голландского писателя Луи Купейруса (L. Couperus) «Всеобщий мир» («Wereldvrede»); в русском переводе (1906) – «Мир всему миру». В романе описывалось открытие Конгресса мира, организованного королем-пацифистом. «...Благородная мысль о мире вошла в общую моду. <...> ...Повсюду происходили балы мира, банкеты мира, балеты мира; композиторы сочиняли оперы мира, а писатели – романы мира и драмы мира. Созданы были общества мира для женщин и общества мира для детей. <...> Голубь с веткой маслины в клюве сделался любимым символом и являлся везде: от почтовой бумаги до дамских брошек» (курсив наш. – К.Д.) [цит. по: Парламент... , 1899, с. 1020].

Здесь предугадано многое из того, что случилось полвека спустя.

Голуби в шлеме воина

Еще один важный для нашей темы мотив – голуби в шлеме воина. В XVI в. была опубликована латинская эпиграмма, которая в средневековых манускриптах приписывалась Петронию¹:

Militis in galea nidum fecere columbae:
apparet Marti quam sit amica Venus.

В шлеме воина голуби свили гнездо:
видно, как любит Марса Венера.

Этот образ, вероятно, восходит к комедии Аристофана «Лисистрата», написанной в разгар Пелопоннесской войны². По призыву Лисистраты, объявившей всеобщую «сексуальную забастовку» ради прекращения войны, афинский Акрополь захватывают женщины. Одна из них пытается сбежать, укрыв под платьем священный бронзовый шлем со статуи Афины Паллады, воздвигнутой в Акрополе. Когда шлем обнаруживают, беглянка оправдывается тем, что она на сносях и придется ей, «как голубке, прямо в шлем рожать» («Лисистрата», 753–755) [Аристофан, 1954, с. 144].

Голуби были священными птицами Афины, а шлем – ее постоянным атрибутом в иконографии. Аристофан дает пародийную отсылку к мифу о рождении Афины, вышедшей из головы Зевса в полном вооружении: женщина с шлемом собралась рожать, хотя еще вчера не была беременна. В латинской эпиграмме гротескный образ из комедии Аристофана переведен в лирический ряд, а богиня мудрости и военной стратегии заменена богиней любви.

Ранний пример истолкования эпиграммы в политическом смысле мы находим в сборнике «Моральные эмблемы» (1610) испанского энциклопедиста Себастьяна де Коваррубиаса. «Коваррубиас, – замечает современная испанская исследовательница, – не допускает применения насилия практически ни в каком контексте, за исключением божественного наказания и некоторых других строго ограниченных условий <...>» [González, 2015, p. 126].

¹ Обычно она цитировалась как принадлежащая Петронию, однако М.Л. Гаспаров в издании «Сатирикона» 1989 г. не включил ее в число подлинных стихотворений Петрония.

² Эта параллель отмечена во французском переводе «Лисистраты» 1790 г. [Aristophane, 1790, p. 404].

EMBLEM A. 83.

*Simple paloma, dime porque pones
Tus guenecitos sobre la celada?
No siendo el nido, de los alciones,
Quando es la martráquila, y sosegada?
Pero ya me conuenientus razones,
Viendo la paz, tan firme, y assentada,
Si demuestras por nuevo modo, y arte,
quáto es amiga Venus, del dios Marte,*

Aa 3 La

Рис. 4. Эмблема из книги Себастьяна де Коваррубиаса
«Моральные эмблемы» (1610)

На одной из эмблем сборника (II. 83) шлем лежит на вершине горы; голубка летит к сидящим в шлеме птенцам. Надпись: «Apparet, Marti quam sit amica Venus». В клюве у голубки оливковая ветвь, так что это, собственно, уже не голубка Венеры, а голубь из Ноева ковчега (рис. 4). Изображенная на эмблеме гора, возможно, понималась как гора Арарат, к вершине которой пристал Ноев ковчег. «Война, — поясняет автор, — не должна иметь никакой иной цели, кроме достижения мира¹, что и показывает голубка, свившая гнездо в шлеме воина» [Covarrubias, 1610, cent. II, emb. 83; González, 2015, p. 515].

¹ Это общее место античных авторов: «Конечной целью войны служит мир» (Аристотель, «Политика», VII, 13, 16, 1334 а); «Войны надо начинать с целью <...> жить в мире» (Цицерон, «Об обязанностях», I, 11, 35) [Аристотель, 1984, с. 619; Цицерон, 1974, с. 67].

С этого времени образ голубей в шлеме воина становится обычным в европейской культуре как символ победы любви над воинским пылом либо как символ победы мира над войной. В ряде случаев обыгрывались оба эти значения.

Англичанин Джон Холл поставил эпитафией к своему стихотворному сборнику 1647 г. изречение «*Sæpe quidem in galea nidos fecere Columbæ*» – «Поистине, голуби часто свивали гнезда в шлеме» [Hall, 1647]. Книга была издана в промежутке между Первой и Второй гражданской войной в Англии, однако голуби в шлеме здесь не политический символ, а символ любви.

Изображение пары голубей с ветвями в клюве, свивших гнездо в пернатом шлеме Марса, помещено на памятной медали 1714 г. Медаль была отлита в Австрии по случаю заключения Раштаттского мира, положившего конец Войне за австрийское наследство. Надпись гласит: «*In galea Martis nidum fecere columbæ*» – «В шлеме Марса голуби свили гнездо» [Hauschild, 1805, S. 436]. Здесь, как и в эмблеме Коваррубиаса, образ из латинской эпиграммы совмещен с образом ветхозаветного голубя.

В 1768 г. французский художник Жозеф Мари Вьен по предложению Дидро написал картину «Венера, показывающая Марсу голубей, свивших гнездо в его шлеме». Картина была приобретена Екатериной II для Эрмитажа. По всей вероятности, именно к ней отсылает строка Г. Державина «В шлеме страсть гнездо свила» («Геркулес», 1798) [Державин, 1987, с. 219]. (В русской культуре данный сюжет не слишком известен, и в изданиях Державина этот образ оставляется без комментария.)

Свою версию того же сюжета создал Луи Жан Франсуа Лагрене (Lagrenée). На его картине «Марс и Венера, аллегория мира» (1770) Марс просыпается на ложе рядом с Венерой, его щит и меч валяются на полу, а в его шлеме уже свила гнездо пара голубков.

На фронтисписе «Исторического календаря для дам на 1793 год», издававшегося Фридрихом Шиллером, богиня плодородия Церера с улыбкой наблюдает, как Купидон кормит двух голубей, свивших гнездо в огромном шлеме [Historischer ..., 1792].

Знаменитый немецкий искусствовед И.И. Винкельман увидел в латинской эпиграмме «образ мира, обеспеченного любовью или браком между воюющими сторонами» («Опыт аллегории», 1766) [Winckelmann, 1766, S. 141]. Отчасти сходное истолкование предлагалось в немецкой газете 1800 г.: «Генерал Моро женится

на дочери банкира Франка в Страсбурге. Да сплетет он ветвь мира с венками Гименея, а вскоре и с победными лаврами! К нему мы применим следующие стихи Петрония:

*Militis in galea nidum fecere columbae.
Apparet Marti, quam sit amica Venus»* [Politik ..., 1800, S. 1].

7 ноября 1801 г. в Париже была показана одноактная опера-балет «Шлем и голуби», написанная по случаю заключения мира с Англией и Россией (муз. Ж.Б. Гретри, либретто Н.Ф. Гийяра). Амур здесь поет: «В шлеме бога войны / Эти голуби свили гнездо: / Марс и Венера вместе за мир на земле <...>» [Guillard, 1801, p. 18]. Накануне свадьбы Наполеона с австрийской принцессой Марией Луизой (апрель 1810) французский придворный художник Ж.Б. Изабей получил заказ на миниатюру с изображением двух голубей в шлеме Марса [Taigny, 1859, p. 32]. Заказ императора в точности соответствовал толкованию символа, предложенному Винкельманом.

В стихотворении Томаса Мура «Светлые звуки арфы» (1807) читаем: «И вновь Красота усыпила бога Войны; / <...> / И семейство молодых голубей свило гнездо в его шлеме» [Moore, 1826, p. 457].

Символом перехода от военных занятий к мирным служит этот образ в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834), кн. VI: «Под кровлей висят четыре огромных шишака, / Украшавшие чело воинов: теперь же птицы Венеры, / Голубки, воркуя, кормят в них своих птенцов» [Mickiewicz, 1834, p. 30].

В 1869 г. Элиу Бёррит, американский дипломат и пропагандист пацифизма, писал об Уорикском замке, который был основан Вильгельмом Завоевателем, а в XIX в. стал пристанищем множества голубей: «Здесь белокрылая голубка Мира свила себе гнездо в ржавом, погнутом шлеме угрюмой Войны» [Burritt, 1869, p. 84].

Голубь, свивший гнездо в солдатской каске, – сюжет антивоенной литографии (1938–1939) американского художника Рокуэлла Кента. Подпись к ней взята из той же латинской эпитаграммы: «*Militis in galea nidum fecere columbae*» (рис. 5). Литография воспроизведена на советской открытке 1960 г.; на обратной стороне осовремененный перевод: «И в шлемах солдат голуби мира совьют свои гнезда...»

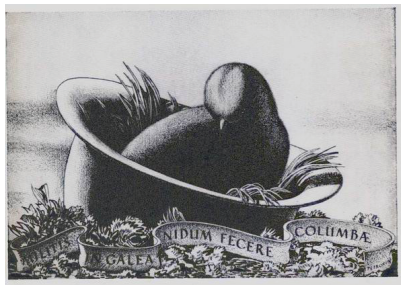

Рис. 5. Рокуэлл Кент. Литография «Militis in galea nidum fecere columbae» (1938—1939)

Близким аналогом античного двустипшия является лозунг молодежного движения протеста против Вьетнамской войны, появившийся в 1965 г.: «Занимайтесь любовью, а не войной» («Make love, not war»).

Метафорика Нового времени

Хотя символика голубя мира восходит к первым векам н.э., само это выражение вошло в язык сравнительно поздно, по-видимому, лишь в XVII в. Значение его установилось не сразу.

Лопе де Вега называет Деву Марию «Голубкой мира (Paloma de la paz) нашей жизни» («Вифлеемские пастухи» (1612), сочинение в стихах и прозе) [Lope de Vega, 1617, p. 287].

В драме Шекспира «Генрих VIII» (1613) в числе атрибутов королевы Анны Болейн упомянут «серебряный жезл с голубем», а затем «жезл, и птица мира (bird of peace), и прочие эмблемы» (IV, 1). В энциклопедическом словаре XIX в. шекспировская «птица мира» отождествлена с голубем из Ноева ковчега [Hunter, 1879, p. 547]. В действительности имелся в виду голубь как символ Св. Духа. Скипетр королей Англии, известный как «жезл справедливости и милосердия» (the Rod of Equity and Mercy), увенчан фигурой голубя с распростертыми крыльями, что символизировало духовную власть монарха.

Во французской духовной литературе XVII в. метафора «голубь мира» (colombe de (la) paix) отсылает к широкому кругу значений. Иезуит Жан Пьер Камю вкладывает в нее как духовное, так и светское содержание: «Приди, о голубь Мира, и ты упокоишься

в ранах Распятого, и пасись среди лилий нашего справедливого Людовика, нашего Соломона, незлобивого (*pacifique*) к смиренным, нашего Давида, смиряющего могучей десницей гордыню бунтовщиков и мятежников» [Camus, 1623, p. 581].

Бenedиктинец Клод Мартен (1619–1696), один из представителей французского мистицизма, по-своему развивает мотив уподобления ветхозаветного и новозаветного голубя: «...Когда Бог скончался на кресте, его душа стала мистическим голубем, который вылетел из ковчега, т.е. из его тела, и который, узнав, что потоп грехов наших <...> обратился вспять, вернулся (т.е. явился своим ученикам после Воскресения. – К.Д.), чтобы возвестить мир, как это сделал в древности голубь Ноя, вернувшийся после потопа в ковчег патриарха с оливковой ветвью, символом мира. <...> Приди же, о Голубь; приди, душа Иисуса, возвестить слова мира моему сердцу <...>» [Martin, 1669, p. 265].

Контаминация сакрального и политического значений метафоры «голубь мира» особенно заметна в духовной литературе эпохи Гражданской войны в Англии (середина XVII в.).

Джон Фитли, капеллан Карла I, обращается к Господу со словами: «Ты, Боже, Ты еси *Бог мира* (God of peace); Ты, Христос, Ты еси *Князь мира* (Prince of peace); Ты, Небесный и Благословенный Дух, Ты еси *Голубь мира*: Ты, Единая *Троица*, даруй мир этой земле нашей <...>» [Featley, 1646, p. 719].

Уильям Стамп, капеллан принца Уэльского, обличая сторонников парламентской партии, вопрошает: «...Должны ли они возлагать всю свою нечестивость на самого Бога <...>? Должен ли *Голубь мира и Любви* служить оправданием их беспощадности и кровавых казней?» [Stampe, 1651, p. 199].

Джон Годольфин, сторонник парламентской партии, называет Евангелие «Голубем Мира с оливковой ветвью (Olive-Dove of Peace)» [Godolphin, 1651, p. 25]. Здесь, как и в ряде других случаев, совмещены символы голубя как воплощения Св. Духа и голубя из ковчега как вестника спасения.

* * *

В собственно политическом смысле метафора «голубь мира» стала использоваться в XVIII в., прежде всего в англоязычной литературе. Эдуард Юнг в дидактической оде «Купец» (1730) писал: «Торговля рождается из Мира, Богатство – из Торговли <...>: / ...А потому приветствую тебя, Голубь Мира!» [Young, 1741, p. 108].

В Баварии «голубем мира» (Friedenstaube) был назван курфюрст Максимилиан III Иосиф, который в 1745 г. заключил сепаратный мир с Австрией, выйдя из Войны за австрийское наследство. В сочиненном по этому поводу панегирике говорилось о голубе Ноя, прилетевшем с оливковой ветвью [Маур, 1745].

«Голубь (голуби) мира» – частая метафора в англоязычной религиозной и дидактической поэзии XIX в. Голубь выступает здесь как вестник мира (умиротворения) в самых различных контекстах. В Германии первой половины XIX в. метафора «голубь мира» встречается главным образом в поэзии, в значении «вестник умиротворения» и с ярко выраженными религиозными коннотациями. В немецкий политический язык метафора устойчиво входит со времени Крымской войны. Во Франции до конца XIX в. выражение «голубь мира» существенно реже встречалось в актуальном политическом контексте.

Ранний известный нам пример использования этой метафоры в русской литературе содержится в трагедии Рафаила Зотова «Разбойник Богемских лесов» (1829), ч. 1, III, 2¹. Здесь голубь мира – символ надежды, избавления от опасности, грозящей герою:

Кто прилетит в ковчег моей надежды?
Ты ль, верности символ, о голубь светлый,
Спасенье принесешь зеленой ветвью?
.....
Вот голубь мира, вот моя надежда!
О сын мой, обними меня, скажи,
Мы безопасны ли? [Зотов, 1829, с. 42].

В позднейшей русской литературе XIX в. также преобладало неполитическое значение метафоры, например:

«Он подарил мне маленькое серебряное яичко с голубком, несущим масличную ветвь.

– Пусть этот голубь <...> будет вестником мира...

– Для кого? <...>

– Для вашей души, для вашего сердца» [Вагнер, 1891, с. 126].

В словаре Даля читаем: «Голубь, несущий в клюве маслячную ветвь, завет мира». Слово ‘завет’ указывает на то, что речь

¹ Зотов переделал трагедию Байрона «Вернер», однако у Байрона «голубя мира» нет.

идет о примирении Бога с человечеством. О голубе из ковчега говорится не в статье «Голубой», в которую включено слово ‘голубь’, а в статье «Масляничать»: на первом месте для Даля не голубь, а ветвь, которую он несет. То же относится к справочникам М.И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (1894), «Русская мысль и речь» (1903–1904).

* * *

Иногда (преимущественно в Англии) голубь как вестник мира упоминался в связи со славословием ангелов при рождении Иисуса (Лк. 2:14). В православном богослужении это часть Великого славословия, в латинском – гимн «Gloria», в английском и немецком языках – «ангельское песнопение». В латинском переводе: «Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bonae voluntatis» – «Слава в вышних Богу и мир на земле людям доброй воли». Церковнославянский перевод ближе к греческому оригиналу: «...на земле мир, во человецех (синод. в человеках) благоволение». То же относится к традиционному английскому переводу («...good will toward men» – «...благоволение людям») и немецкому переводу Лютера («...den Menschen ein Wohlgefallen»).

В 1713 г. пуританин Джон Эдвардс писал: «...Христос принес с собой мир всем народам»; «христианская религия, <...> подобно древнему голубю, летит к нам с оливковой ветвью в клюве и несет такие же добрые вести, как некогда ангел, – мир на земле, благоволение людям <...>» [Edwards, 1726, p. 542]. «Христианское учение, – писал другой английский автор XVIII в., – превзошло римский меч стремительностью своих завоеваний <...>. Настолько быстрее были крылья голубя, несущего радостную весть о мире на земле и благоволении людям, чем крылья римского орла, несущего людям войну и опустошение» [Rowlands, 1766, p. 143]. Еще одно высказывание относится к XIX в.: «...Голубь мира <...> взлетел на еще более высокие вершины, чем прежде, разбрасывая на своем пути счастливые эмблемы “мира на земле, благоволения к людям”» (т.е. листья оливы) [Mallett, 1856, p. 366].

В новейшее время голубь с оливковой ветвью встречался на рождественских открытках и другой рождественской атрибутике.

«Голуби мира» и «ястребы войны»

«Голубь мира» как политическая метафора выступал в двух основных значениях. В первом – назовем его «дипломатическим» – голубь был символом миротворческой дипломатии. С середины XIX в. «голубями мира» чаще всего называли дипломатов как посланников мира:

«...Голуби мира и примирения не примчатся, чтобы унять бушующее море политических разногласий» [Russia, Turkey ..., 1829, p. 308];

«Голуби мира порхают во всех направлениях, и кажется несомненным, что воля всех вовлеченных держав никогда еще не склонялась к миру так сильно, как ныне» [цит. по: Krieg oder ..., 1856];

«...Барон Бруннов, первый голубь мира, прилетевший к нам из русского ковчега» [Aus Paris, 1856, S. 473].

Вплоть до середины XX в. «дипломатическое» значение решительно преобладало.

Во втором, «пацифистском» значении голубь мира – символ отрицания войны как таковой. Примером может служить обращение унитариянского пастора Орвилла Дьюи, прочитанное в Американском обществе мира в 1848 г.: «...Вековая буря утихнет; потоп наших бедствий схлынет, и голубь мира вылетит из ковчега милости Божией, чтобы отдохнуть на лоне земли. “Волк возляжет с ягненок”» и т.д., в духе пророчества Исайи о царстве Мессии (Ис. 11:1–5) [Dewey, 1848, p. 17].

Цитировавшийся выше американский филантроп Элиу Бёррит основал пацифистскую Лигу всеобщего братства (1846) и организовал международный Конгресс друзей мира (Брюссель, 1848). В своих изданиях он широко использовал символику Оливкового Листа (The Olive Leaf) и голубя как вестника мира. «Оливковыми Листьями» он называл пацифистские статьи, рассылавшиеся в сотни европейских газет. Публикация этих статей, замечает Бёррит, равносильна «посещению голубя мира, передающего людям слова доброй воли» [Burrirt, 1851, p. 77]. Год спустя после начала Крымской войны Бёррит писал в своей газете «Узы братства»: «Злобно клекочущий, кровожадный ястреб войны парит где-то вдали, в дыму сражений, и, как стервятник, чует свою человечью добычу; так давайте же отправим в полет голубя мира, <...> чтобы <...> он разбросал свои послания среди миллионов жителей континентальной Европы» [Burrirt, 1854, p. 37]. А затем, незадолго до окончания войны: «На удаляющейся темной туче войны белеют крылья Голубя Мира,

несущего эмблему надежды и обещания человечеству», т.е. оливковую ветвь [Burritt, 1856, p. 127]. Столетием позже те же обороты перекочуют в риторику просоветского движения сторонников мира.

Ранний пример оппозиции «голуби мира – ястребы войны» мы находим в биографии Б. Франклина, опубликованной в 1829 г. «Голубями мира» именуются здесь англичане, осуждавшие политику налогового угнетения североамериканских колоний накануне Американской революции: «...Эти голуби мира были недостаточно многочисленны, чтобы помешать ястребам войны <...>» [Weems, 1829, p. 215].

Выражение «ястребы войны», или «военные ястребы» (war-hawks), появилось в США в 1792 г.; так были названы сторонники войны с Англией. Это наименование было в особом ходу накануне и во время англо-американской войны 1812 г. Его использовали прежде всего федералисты против провоенного крыла Конгресса [Hickey, 2014]. О «ястребах войны» изредка писали и позже, например, во время американо-мексиканской войны 1846–1848 гг.

Одним из источников этой метафоры могла послужить цитата из Овидия: «Ненавистен нам ястреб, который всегда при оружии» (лат. «Odimus accipitrem qui semper vivit in armis») («Наука любви», II, 147) [King, 1904, p. 238]. Эта строка включалась в англоязычные словари цитат с конца XVIII в.

В 1811 г. лидером провоенной фракции – «ястребов войны» – был спикер Палаты представителей Генри Клей (1777–1852). В 1840-е годы он сыграл ведущую роль в достижении компромисса по вопросу о рабстве в новых штатах США. Закон о компромиссе 1850 г. Клей назвал «голубем мира, который, поднявшись с купола Капитолия, несет во все отдаленные уголки этой обезумевшей страны радостную весть о том, что мир обеспечен и согласие восстановлено» (речь в Сенате 22 июля 1850 г.) [Clay, 1857, p. 563].

Иногда «голубю мира» метафорически сопутствует «ворон войны», например: «В некоторых землях губительные войны прекратились; белый голубь мира парит там, где видели ворона войны» [Spurgeon, 1872, p. 240]. Здесь мирная птица противопоставляется хищной, а белому – черное.

Отметим также высказывание Альфонса Луи Констан¹, в котором голубю мира противопоставляется «стервятник гражданских войн».

¹ А.Л. Констан (1810–1875), французский оккультист. Цитируемое здесь «Завещание свободы» – последнее его политическое сочинение.

В случае социальной революции, предостерегает Констан, «весь общественный строй погибнет в крови, огне и руинах». «Пусть же голубь мира со своей оливковой ветвью найдет пристанище среди нас, пока есть еще время <...>! Ибо стервятник гражданских войн, привлеченный запахом разложения, исходящим от нашего прогнившего общества, уже парит над нами в ожидании часа бойни <...>» [Constan, 1848, p. 110].

Оппозиция «голуби – ястребы» в значении «миролюбцы – сторонники войны» устойчиво вошла в обиход в США во время Вьетнамской войны (1960-е годы).

Политическая карикатура Нового времени

Уже в XVIII в. голубь как вестник мира появляется в политической карикатуре, что означало, в сущности, десакрализацию символа. В сентябре 1762 г., когда в Париже шли переговоры о прекращении Семилетней войны, английский художник Уильям Хогарт создал гравюру «Времена» («The Times»). Пылающий город символизирует войну, а в небе парит голубь с оливковой ветвью.

Ответом противников мира стала гравюра Эдуарда Самптера «Редкое зрелище!» (по мотивам Джеффриса О'Нила). Место голубя здесь занимает сова с оливковой ветвью, изображающая французского посла.

Год спустя Хогарт создал гравюру «Избивающий» («The Bruiser», 1763). В левом нижнем углу изображена пародийная гробница Уильяма Питта-старшего, фактического главы кабинета министров во время Семилетней войны. Восседающая на гробнице, Питт стреляет из пушки в голубя с оливковой ветвью, но промахивается.

В марте 1815 г. увидела свет английская сатирическая гравюра «Придется платить Дьяволу, или Возвращение Бони с острова Эльба» (худож. Дж. Льюис Маркс). Наполеон приближается к берегам Франции. Стоя на корабле, он убивает из пистолета голубя, вестника мира, восклицая: «Прочь с глаз моих, Мир, ты мне ненавистен!» Голубь роняет оливковую ветвь, которую держал в клюве, а дьявол, сидящий за веслами, замечает: «Теперь мы пройдем через море крови» [Grand-Carteret, 1895, p. 163].

Частым персонажем политических карикатур голубь мира (теперь уже называемый именно так) становится с конца XIX в. и в еще большей степени – в Первую мировую войну.

Сюжетом американской карикатуры, озаглавленной «Орел войны и голуби мира», были мирные переговоры между США

Рис. 6. Карикатура «Орел войны и голуби мира» (1898)

и Испанией, ведшиеся в августе 1898 г. Женщина, олицетворяющая США, кормит голубей мира. В клювах у голубей оливковые листочки с надписями испанских владений, оккупированных Соединенными Штатами в ходе войны; за голубями наблюдает злобный американский орел со штыком под крылом [Bartholomew, 1899, p. 114] (рис. 6).

На карикатуре Леонарда Равен-Хилла «Привет, Колумбия!» («Панч», 8 сентября 1915 г.) президент Вудро Вильсон, обращаясь к огромному американскому орлу с оливковой ветвью в клюве, восклицает: «Боже, какого голубя я из тебя сделал!»

Карикатура в миланском журнале «Mondo Umoristico» (1916) под заглавием «На ужин» высмеивала мирные инициативы Германии. Адьютант обращается к русскому царю: «Государь, его величество кайзер шлет вам голубя мира». «Хорошо, пусть его зажарят», — отвечает царь [The European ..., 1916, p. 805].

Советская печать (до 1945 г.)

В декабре 1919 г. «белый» публицист писал о советско-эстонских переговорах в Юрьеве (Тарту): «Голубь мира, прилетев из Москвы и побывав в Юрьеве, невольно для себя превратился в живого

носителя заразы. <...> Ему невдомек, что изворотливый, жестокий ум московского коршуна стремится использовать его как агента “мировой революции”» [Бережанский, 1919].

В советской печати вплоть до середины 1930-х годов голубь мира скорее чужая эмблема, за которой кроется милитаристская сущность буржуазного строя. В стихотворении Валерия Брюсова «Над картой Европы 1922 г.» образ голубя мира служит обличению взаимной вражды в послеверсальской Европе:

Где мечты? Везде пределы,
Каждый с каждым снова враг;
Голубь мира поседелый
Брошен был весной в овраг.

Это – Крон седобородый
Говорит веками нам:
Суждено спаять народы
Только красным знаменам [Брюсов, 1922, с. 60].

На карикатуре в «Правде» от 1 января 1927 г. голубь с оливковой ветвью в клюве парит над лесом штыков, на котором написано «Капитализм». Текст: «Странно, я так популярен здесь, и, несмотря на это, не могу найти места для отдыха». Отметим, что тот же образ встречался в передовице английской газеты, опубликованной незадолго до Крымской войны: «Голубь мира едва ли смог бы слететь с неба, не наткнувшись на острие штыка» [Pease at ..., 1853, p. 98].

Под саркастическим заглавием «Голуби мира» были изданы очерки и репортажи Ивана Микитенко о Западной Европе (1929–1930).

Настороженное отношение к эмблеме вытекало из тогдашнего отношения коммунистов к пацифизму. На VI конгрессе Коминтерна (1928) было предложено вести «самую ожесточенную политическую и пропагандистскую борьбу против пацифизма» [Мир/Pease, 1993, с. 255]. А в статье «Огонька» о Женевской конференции по разоружению 1932 г. говорилось: «Пацифистский яд струится из речей делегатов капиталистических стран, <...> из передовых статей и корреспонденций “демократической”, фашистской и социал-фашистской печати» [Зверев, 1932, с. 10].

Тем не менее Советский Союз принял активное участие в Женевской конференции, а два года спустя, после прихода Гитлера к власти, вступил в Лигу наций. Теперь уже Коминтерн считал

необходимым «вовлечение пацифистских организаций и их сторонников в ряды единого фронта борьбы за мир» (Резолюция VII конгресса Коминтерна от 20 августа 1935 г.) [Мир/Peace, 1993, с. 256].

На плакате «Фашизм – это война» (1936, худож. В. Дени и Н. Долгоруков) немецкий фашист в образе обезьяны пронзает штыком голубя. Стихотворный текст Демьяна Бедного начинался со слов: «Штыком пронзенный “голубь мира” – / Фашистских планов первый шаг» [Бедный, 1954, с. 287].

В годы Великой Отечественной войны символика голубя мира временно уходит из советской печати. Стоит, однако, отметить неожиданное – квазирелигиозное – использование «голубиной» символики у Демьяна Бедного, автора множества антирелигиозных агиток. 9 января 1943 г. в «Комсомольской правде» появилось его стихотворение «Месть» с подзаголовком «Легенда». Здесь убитый под Сталинградом мальчик превращается в мстителя, «воскрешенного любовью народной»; по ночам он встает из могилы и идет навстречу немецкому фронту. Мальчик отмечен особым знаком: «Белый голубь сидит / На плече его левом». Фашистские пули его не берут, и врагов охватывает мистический ужас – всюду является перед ними «мальчик с голубем белым на левом плече» [Бедный, 1965, с. 272–274].

Между тем белый голубь – обычный символ Св. Духа, а также чистой (праведной) души. На Цареградской иконе Божьей Матери, известной на Руси во множестве позднейших списков, младенец Иисус держит белого голубя в левой руке. Тот же сюжет изображен на Коневской иконе (XIV в.); отсюда ее второе название – Голубицкая.

Современная политическая эмблема

Вплоть до начала XX в. голубь как вестник мира изображался всегда с оливковой ветвью и, как правило, в соседстве с другими визуальными символами. Важным шагом на пути его превращения в совершенно самостоятельную, универсальную и легко узнаваемую политическую эмблему стало его появление на почтовых марках¹. В 1919 г. в Японии была выпущена серия марок в ознаменование Версальского мира. На двух из них изображен белый голубь без атрибутов, но ветви оливы представлены в орнаменте; на двух

¹ Обширное собрание таких марок представлено на сетевом форуме филателистов «Голуби как символы мира» [Doves As Symbols ...].

Рис. 7. Японская марка
в ознаменование окончания
Первой мировой войны (1919)

Рис. 8. Почтовая марка Швейцарии
в честь конференции
по разоружению в Женеве (1932)

Рис. 9. Почтовая марка «Печать мира» (Голландия, 1932)

других он сидит на оливковой ветви (рис. 7). На швейцарской марке, выпущенной к Женевской конференции по разоружению 1932 г., голубь с оливковой веткой в клюве сидит на сломанном мече (рис. 8). На французской марке 1934 г. (худож. Ж.Г. Даранье) голубь в полете держит в клюве большую оливковую ветвь.

По случаю Дня Лиги наций, отмечавшегося в Голландии 18 мая 1932 г., была выпущена марка, известная под названием «Печать мира» (*нидерл.* «Vredeszegel»). Голубь вписан здесь в гексаграмму, от которой исходят к земле по пяти лучей с двух сторон (рис. 9). В описаниях марки гексаграмма именуется «звездой мира», а лучи толкуются как сияние звезды над пятью континентами. Голубь изображен анфас, с раскинутыми крыльями, без ветви. В таком

виде это уже не голубь из ковчега, а символ Св. Духа, от которого на иконах часто исходит сияние. (Автор дизайна марки П.А.Х. Хофман много работал в области религиозного искусства.) Наименование «Печать мира», возможно, отсылает к масонскому символу «Печать Соломона»: гексаграмма, вписанная в круг.

В 1945–1947 гг. голубь – как с веткой, так и без ветки – многократно изображался на марках как символ установления мира. Такие марки были выпущены в Австрии, Австралии, Великобритании, Германии, Румынии, Болгарии, Корее, Иордании, Бразилии. К открытию Парижской мирной конференции (июль 1946) во Франции была выпущена серия из двух марок. На одной из них девушка держит голубя без ветви, а ветка представлена в орнаменте; на другой раскрытые ладони выпускают голубя в полет, и это первое известное нам изображение голубя мира без мотива оливковой ветви.

* * *

Хотя к концу 1940-х годов голубь уже регулярно встречался в качестве эмблемы миротворчества, ее стремительное распространение по всему миру было связано прежде всего с движением сторонников мира, организованным СССР в 1949 г., и рисунками Пабло Пикассо, созданными в рамках этого движения.

Голубка Пикассо впервые появилась на плакате к I Всемирному конгрессу сторонников мира (Париж, апрель 1949). Идея сделать голубя символом Конгресса не принадлежала Пикассо. Первым проектом плаката был рисунок Андре Фужерона «Раненый голубь» («La Colombe Poignardée»), появившийся в печати в декабре 1948 г. Но Луи Арагон, увидев в мастерской Пикассо литографию голубя, сказал: «Вот наш плакат: голубь мира» [Orozco, 2018, p. 252]. Эта литография представляла собой реалистическое изображение голубя, сидящего на земле (рис. 10).

На плакате Пикассо ко II Всемирному конгрессу сторонников мира (Шеффилд и Варшава, ноябрь 1950) изображен летящий голубь без ветви (рис. 11). Несколько раньше Пикассо нарисовал плакат для Встречи франко-итальянской дружбы в Ницце за запрет атомного оружия (август 1950). Здесь девушка держит голубя на ладони, а в центре плаката помещена оливковая ветвь. Этот голубь намного ближе к условному, эмблематическому, чем голуби на двух описанных выше плакатах.

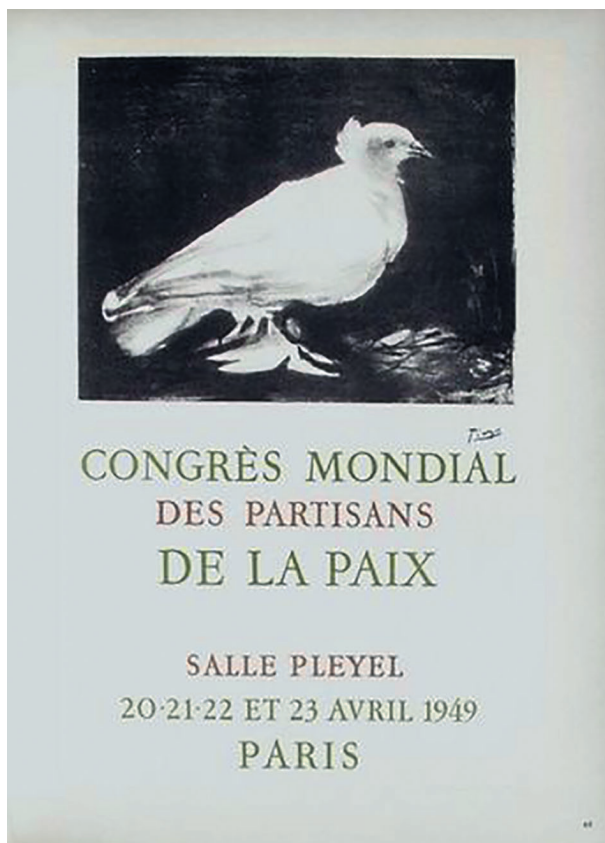

Рис. 10. Плакат к I Всемирному конгрессу сторонников мира (Париж, 1949)

Рис. 11. Рисунок Пикассо для плаката к II Всемирному конгрессу сторонников мира (Лондон, 1950)

На плакате к III Всемирному конгрессу сторонников мира (Вена, декабрь 1952) голубь парит над земным шаром. Автором плаката был испанский художник-коммунист Жозеп Ренау Беренгер.

В 1949–1952 гг. во многих социалистических странах были выпущены марки с голубем мира, чаще всего по мотивам плакатов Пикассо. На болгарской марке 1949 г. голубя с ветвью пускает в полет Сталин.

Популяризации этого образа способствовали всемирные фестивали молодежи и студентов. Голубь изображен на плакате Будапештского фестиваля (август 1949), на эмблемах Берлинского, Бухарестского и Варшавского фестивалей (1951, 1953, 1955).

В советской печати голубь мира нередко именовался «голубем Пикассо». Со временем изображение голубя на рисунках Пикассо становилось все лаконичнее, приближаясь к графическому знаку. На рисунке 1957 г. голубь держит в клюве веточку с цветами (шелкография на шейном платке к Московскому фестивалю). На литографии, известной под названием «Голубой голубь» (декабрь 1961), летящий голубь изображен с оливковой веточкой (рис. 12). На плакате к Всемирному конгрессу за всеобщее разоружение и мир (Москва, 1962) голубь с оливковой ветвью сидит на груди сломанного оружия (образ, встречавшийся на швейцарской марке 1932 г.). Ныне «голубь (голубка) Пикассо» чаще всего ассоциируется с рисунком 1961 г.; многие из позднейших эмблем с голубем мира представляют собой вариации голубок Пикассо.

С 1950 г. движение сторонников мира начинает использовать голубой флаг с белым голубем; нередко он именуется «флагом

Рис. 12. Литография Пикассо «Голубой голубь» (1961)

мира». Упоминания о нем встречаются вплоть до нашего времени¹, хотя этот флаг, по-видимому, так и не стал официальным символом движения.

Судя по частоте упоминаний в советской печати (согласно электронной базе East View), с 1949 г. голубь мира становится в ряд таких символов, как красная звезда или серп и молот. На местных выборах 1951–1952 гг. в Италии голубь мира фактически заменил серп и молот в качестве символа ряда коммунистических и социалистических групп [Mariuzzo, 2010, p. 30]. Этот феномен отмечен в романе чешского писателя Милана Кундеры «Бессмертие» (1990): «...Все, что осталось от Маркса, уже давно являет собою <...> лишь ряд суггестивных образов <...> (улыбающийся рабочий с молотом, белый человек, держащий за руку желтого и черного, голубь мира, взмывающий в поднебесье <...>)» [Кундера, 1994, с. 57]. «Маркс» здесь – метонимия позднекоммунистической идеологии; самому Марксу символ голубя мира был чужд.

В постсоветской России образ голубя мира утрачивает связь с коммунистической символикой. 16 апреля 2003 г. в московском храме Христа Спасителя состоялась антивоенная благотворительная акция «Путем мира, а не силой оружия». Поводом для нее стала война в Ираке, а основными лозунгами: «Мы знаем, что такое война», «Сегодня промолчим – завтра будет поздно», «Мир без войны». Здесь же была вручена премия «Голубь мира» патриарху Алексию II, председателю Госдумы Г. Селезневу и врачу Л. Рошалю².

В 2005 г., на 60-летие победы в Великой Отечественной войне, в Мраморном зале Московского вокзала (Петербург) установили памятный знак «Голубь мира»: позолоченный голубь с оливковой ветвью в клюве держит в лапах свиток с печатью города. В надписи на вделанной в стену доске пояснялось: «Голубь – древний символ мира и согласия, вестник благих замыслов и добрых свершений».

28 июля 2012 г. в Бендерах (Приднестровье) был установлен памятный знак в честь миротворческого контингента РФ: голубь мира с оливковой ветвью взлетает с острия меча, а помогают ему руки миротворца.

¹ Этот флаг использовался, например, в Волгограде 21 сентября 2019 г. в ходе акции по случаю международного Дня мира.

² Премия была учреждена международным общественным фондом «Мир без войны», о деятельности которого больше ничего не известно.

Просоветское движение сторонников мира предполагало, что угроза миру исходит исключительно со стороны Запада, и прежде всего со стороны США. Противники СССР утверждали обратное. «...Уверяют, будто голубка мира напоминает пресловутого троянского коня», – сообщал Илья Эренбург в «Открытом письме писателям Запада» («Литературная газета», 5 апреля 1950 г.) [Эренбург, 1986, с. 279]. Он, вероятно, имел в виду выражение «троянский голубь», появившееся не позднее 1949 г. (*фр.* «la colombe de Troie», *нем.* «die Trojanische Taube», *англ.* «Trojan dove»). В политической пропаганде этот образ использовался уже в начале Второй мировой войны. На карикатуре «Деревянный голубь» («Панч», 27 дек. 1939 г.) Гитлер с Герингом стоят у подножия огромного голубя, установленного на танковых гусеницах; из амбразуры его деревянной обшивки торчит пушка.

На плакате французской антикоммунистической организации «Мир и свобода» (1950) бронированный голубь с оливковой веточкой в клюве и серпом и молотом на оперении несет атомную бомбу. Подпись: «Голубь, который ВЗРЫВАЕТ» («La colombe qui fait BOOM») (рис. 13). На другом плакате с той же подписью изображен танк в виде белого голубя с советской символикой. На плакате под названием «Мерзкий голубок» («Jojo la colombe», 1952) изображен Сталин в виде бандита. В правой руке у него табличка с надписью «Мир», в левой – устрашающий боевой цеп с шипами, белый голубь на поводке привязан к его поясу.

Те же образы использовались в коммунистической печати по отношению к западному блоку. Левая итальянская газета «Il Paese» публиковала карикатуры, на которых президент США Гарри Трумэн в виде охотника целится в голубя мира [Mariuzzo, 2010, p. 32].

Рис. 13. «Голубь, который ВЗРЫВАЕТ», французский плакат (1950)

Рис. 14. Карл Сомдал, карикатура «Сохраняя лицо» (1945) (фрагмент)

Этот сюжет, как мы видели, восходит к XVIII в. «Премьер-министр Франции г. Бидо взял на себя нелегкий труд – перекрасить мрачный фасад агрессивного Атлантического блока в идиллические миролюбивые тона, – писала “Литературная газета” в 1950 г. – Отныне символом этого блока, уверяет г. Бидо, должно быть изображение голубя. <...> Его “голубь мира” держит в клюве не пальмовую ветвь¹, а атомную бомбу» [Мдивани, 1950].

В сугубо позитивном контексте голубь мира с атомной бомбой изображен на карикатуре Карла Сомдала «Сохраняя лицо», опубликованной через несколько дней после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки («Чикаго трибюн», 12 августа 1945 г.). В клюве у голубя оливковая ветвь, на крыльях написано «Мир», устрешенный японец в окопе выбрасывает белый флаг капитуляции (рис. 14). С этой карикатурой неожиданно перекликается замечание И.В. Курчатова в ноябре 1955 г., после испытания в СССР мощной водородной бомбы: «Теперь война невозможна. На корпусе каждой водородной бомбы следует нарисовать голубя мира» (по воспоминаниям Л.В. Альтшуллера) [Альтшуллер, 2011, с. 88].

¹ О смешении пальмовой ветви с оливковой см. ниже, в разделе «Пальмовая ветвь и радуга мира».

Варлам Шаламов заметил: «Голубь мира, рисованный Пикассо, – это ведь сознательно выбранная заправилами движения церковная эмблема с тем, чтобы не оттолкнуть религиозных людей, которых еще так много, а им, организаторам, – все равно» (письмо к Н.А. Кастальской, конец 1955 г.) [Шаламов, 2004, с. 563].

Шаламов был не вполне точен; как мы видели, голубь и до Пикассо нередко использовался в качестве светской эмблемы. По мере своего распространения символ голубя мира все больше утрачивал связь с христианской традицией. Стокгольмское воззвание 1950 г. с требованием запрета ядерного оружия адресовалось «всем людям доброй воли всего мира». В оригинале, написанном Ф.Ж. Кюри по-французски, – «hommes de bonne volonté»; этот оборот взят из традиционного (католического) перевода Нового Завета. Связь этого выражения с ангельским словословием наиболее ясно осознавалась в католических странах, а всего менее – в СССР. С 1949 г. в СССР становятся обычными лозунги «Мир – миру!» (с 1951 г. – «Миру – мир!») и «Мир всему миру». Их связь с православной Великой ектенией [см.: Душенко, 2019, с. 358–359] также не осознавалась огромным большинством населения.

Тем не менее на исходе 1960-х годов Всеволод Кочетов, писатель-коммунист сталинской закалки, подверг символ голубя мира критике за его пацифизм и его религиозные корни. Один из героев памфлетного романа Кочетова «Чего же ты хочешь?» (1969) наставляет сына: «Вы беспечны, вы слишком поверили сиренам миролюбия – и зарубежным, и нашим отечественным. Эмблемой вашей стал библейский голубь с пальмовой ветвью в клюве. Кто только вам его подsunул вместо серпа и молота? Голубь – это же из Библии, он не из марксизма» [Кочетов, 1969, с. 68].

Живые голуби как символ

Живые голуби в качестве символа мира появились на Олимпийских играх. Уже на I Играх в Афинах (1896) кто-то выпустил в воздух белых голубей, когда победитель марафона Спиридон Луис пересекал финишную черту. Символическое значение этой акции

неясно¹; церемониал Игр ее не предусматривал. Сообщения о том, что голубей выпускали на церемонии открытия или закрытия Афинских игр, по-видимому, недостоверны [Young, 2003, p. 153, 229]. Официальным этот ритуал стал на церемонии открытия Олимпиады в Антверпене (1920). После минуты молчания в память спортсменов, погибших в мировой войне, в небо запустили две тысячи голубей, к лапкам которых были привязаны разноцветные ленты. При открытии Берлинской олимпиады 1936 г. было выпущено уже 30 тыс. голубей. Этот ритуал был упразднен после того, как несколько голубей сгорели в олимпийском огне при открытии игр в Сеуле (1988). На зимней Олимпиаде в Турине (2006) голубь мира был сложен из тел акробатов в белом.

На уличном параде 21 октября 1946 г. в честь открытия первого Каннского кинофестиваля Советский Союз представляла колесница, на которой высилась сотканная из цветов Кремлевская башня. Когда колесница проезжала мимо главной трибуны, из башни вылетели шестнадцать белых голубей. По словам режиссера Ф. Эрмлера, «все газеты мира писали <...>, что было бы хорошо, если [бы] эти белые голуби – символ шестнадцати советских республик² – сели на зеленые столы Мирной конференции в Париже» [Эрмлер, 1947, с. 170].

С 1951 г. выпускание белых голубей становится обычным элементом программы фестивалей молодежи и студентов. Для фильма-репортажа о Берлинском фестивале («Мы за мир», 1951) была написана получившая широкую известность песня «Летите, голуби» (слова М. Матусовского, муз. И. Дунаевского):

Летите, голуби, летите,
Для вас нигде преграды нет.
Несите, голуби, несите
Народам мира наш привет.

¹ В популярной литературе встречается утверждение, будто в античности голубей использовали для сообщения о победителях Олимпийских игр. По-видимому, единственный такой случай описан у Клавдия Элиана («Пестрые рассказы», IX, 2), причем Элиан не уверен в его достоверности. «Какое-то видение, говорят, в тот же день возвестило отцу Тавростена, жившему в Эгине, о победе сына в Олимпии. По словам других, юноша взял с собой голубку, <...> а после своей победы повязал ей красную тряпочку и выпустил птицу на свободу. Она устремилась к птенцам и за один день проделала путь <...> в Эгину» [Элиан Клавдий, 1963, с. 67].

² Включая Карело-Финскую, которая тогда имела статус союзной.

Апофеозом этого ритуала стал Московский фестиваль 1957 г. На церемониях его открытия и закрытия на стадионе «Лужники» было выпущено 25 тысяч белых голубей¹, что потребовало двух лет подготовки. Позднее выпускание голубей практиковалось на самых различных мероприятиях и празднествах, вплоть до нашего времени, в частности по случаю международного Дня мира (21 сентября). 24 июня 2020 г. в 12:00 по всей стране были выпущены тысячи голубей в ознаменование годовщины победы в Великой Отечественной войне.

В 1995 г. православное общество «Радонеж» предложило выпускать белых голубей после литургии в праздник Благовещения (7 апреля / 25 марта по ст. стилю). С этого времени после литургии в Благовещенском соборе Кремля патриарх выпускает голубей со ступенек собора (рис. 15). То же происходит во многих других храмах.

Рис. 15. Патриарх Алексий выпускает голубей со ступеней Благовещенского собора (1998). Фотография С. Власова

¹ Называлась также цифра 34 тыс. (по числу участников) и более высокие цифры.

Представители общества «Радонеж» утверждали, что возрождают старый обычай, забытый в годы советской власти [Бубенцова, 2015].

В России и других восточнославянских странах птиц на волю выпускали во время весенних праздников – чаще всего на Благовещение, а в некоторых местностях на Пасху [Зеленин, 2004]. В известном стихотворении Пушкина «На волю птичку выпускаю...» (1823) под «светлым прадником весны» имеется в виду Пасха. Однако прежде этот обычай не был церковным и не связывался с «голубиной» символикой. Выпускали на волю небольших певчих птиц – чижей, синиц, щеглов, жаворонков и т.д. Алексей II, хорошо знакомый с этим обычаем, вместе с голубями выпускал на волю и семь синичек.

Этот обряд, вероятно, дохристианского происхождения; его аналоги известны во многих культурах. Согласно одному из сохранившихся заговоров эпохи Новоассирийского царства (X–VI вв. до н.э.), в первый день нового года, который в Месопотамии обычно приходился на март по юлианскому календарю, нужно было выпустить на волю голубя и голубку. «В основе обряда – магическое тождество: как человек выпускает птиц из несвободы, так боги и вышестоящие инстанции выпускают благо человека из зажатых кулаков» [Емельянов, 2012, с. 102].

В России под влиянием христианства этот обычай нередко истолковывался как символ освобождения души: «получившая из твоих рук свободу птица станет твоим представителем перед Богом» [Никитина, 2006, с. 225; цит. по: Емельянов, 2012, с. 109].

Выбор «Радонежем» голубя вместо певчих птиц был, конечно, продиктован прежде всего тем, что в иконографии белый голубь символизирует Св. Дух, в т.ч. в сценах Благовещения. Но идея использовать *живых* голубей в качестве символа возникла, как можно предположить, не без влияния советского обычая выпускать голубей в качестве вестников мира.

Пальмовая ветвь и радуга мира

На современных эмблемах миротворчества иногда изображается голубь с пальмовой ветвью, а в описаниях старинных изобразительных сюжетов оливковая ветвь порой именуется пальмовой. Это результат контаминации различных символов.

В античности пальмовая ветвь – символ победы, и уже следствием победы является мир, заключенный на условиях победителя. Эта символика сохраняла актуальность вплоть до XIX в. Один

из барельефов Триумфальной арки в Париже представляет собой аллгорию Прессбургского мира (1805); богиня победы Ника изображена здесь с пальмовой ветвью в руке.

В Новом Завете пальмовая ветвь знаменует въезд Иисуса в Иерусалим, когда «множество народа <...> взяли пальмовые ветви» и вышли ему навстречу» (Ин 12:13), т.е. встретили его как триумфатора. В Апокалипсисе «великое множество людей <...> из всех племен, и колен, и народов, и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих» (Откр 7:9). Здесь ветви толкуются обычно как символ победы над дьяволом или духа над плотью. В иконографии они также могли символизировать рай и вечную жизнь.

В повествовании о потопе «знамением завета» названа радуга (Быт 9:13). В качестве знака примирения Бога с людьми она нередко упоминалась в богословии. В христианской иконографии радуга изображалась вместе с голубем, хотя этот сюжет был довольно редок. На мозаичном своде ортодоксального баптистерия Равенны (2-я пол. V – начало VI в.) изображено крещение в Иордане; на Иисуса слетает голубь, а сверху раскинулась радуга. На мозаике в венецианском Соборе Св. Марка (XI–XII вв.) голубь вылетает из ковчега, над которым раскинулась радуга (рис. 16).

Ранним и уникальным по замыслу примером изображения радуги как миротворческого символа служит российская наградная медаль «В память Ништадтского мира» (1721). Над Ноевым ковчегом летит голубь с масличной ветвью в клюве¹; силуэты Петербурга и Стокгольма на заднем плане соединены радугой, над радугой надпись: «Союзом мира связуемы». Кроме наградной, были изготовлены и памятные медали с тем же изображением. На них надписи сделаны на латыни, в т.ч.: «Neopoli post belli in septentrione diluvium» – «В Ништадте после потопа Северной войны».

С конца XVII в. в европейских языках появляется выражение «радуга мира» (*фр.* «l'arc de la paix», *нем.* «der Bogen des Friedens», *англ.* «the bow of peace»). Первоначально оно использовалось в сугубо религиозном контексте, а затем также и в политическом. Символика радуги, олицетворяющей «дражайший, вселюбезный Мир», занимает видное место в оде Василия Петрова «На торжество мира 1793 года» [Петров, 1811, с. 117]. О «радуге мира» говорилось в стихотворении Державина «Радуга», написанном в разгар войны

¹ В описаниях медали говорится о «пальмовой ветви», но это ошибка.

Рис. 16. Ной и его семья выходят из ковчега.
Мозаика Собора Св. Марка (Венеция, XI—XII вв.)

с Наполеоном (1806) [Державин, 1987, с. 365]. В канун Парижского конгресса 1856 г., положившего конец Крымской войне, «Северная пчела» писала: «На горизонте показалась радуга мира, приветствуемая всеми друзьями цивилизации...» [цит. по: Маркс, Энгельс, 1958, с. 622]. Во всех этих случаях радуга – символ миротворчества, но не пацифизма.

Зато у французского социалиста Жана Жореса радуга мира выступает именно в качестве пацифистского символа: «Война – это однообразие, монотонность, угрюмость; “Радуга мира” со всеми ее переливами разнообразнее, чем кричащий контраст между черной грозовой тучей и молнией» («Мир и социализм», 1905) [Jaurès, 1931, p. 259].

В советской печати упоминания о радуге мира появляются в послевоенные годы – разумеется, без религиозных коннотаций: «Когда-то радуга считалась в народе знаком надежды. Прошла война, недолго стояла радуга мира над сожженной землей <...>» (В. Шкловский, «В некотором государстве...», 1948) [Шкловский, 1985, с. 227]; «...Чтобы радуга мира всегда, вечно озаряла жизнь человечества» [Ермилов, 1950, с. 217].

К III Всемирному конгрессу сторонников мира (Вена, 1952) Пикассо создал плакат с изображением голубя, летящего над радугой. Этот плакат не был принят организаторами. Голубь над радугой

появился лишь на плакате Пикассо, который французская компартия выпустила к Парижской встрече в верхах по разоружению в мае 1960 г. [Orozco, 2018, p. 267] (рис. 17). У Пикассо радуга уже не «знамение завета», а символ единства народов мира.

Та же идея – многоцветие как символ единства человечества – реализована на плакате Пикассо для Берлинского фестиваля молодежи (1951). Здесь голубь, летящий с веточкой в клюве, окружен четырьмя профилями – белым, черным, красным и желтым. Символом Московского фестиваля (1957) стал наряду с голубем земной шар с пятью разноцветными лепестками-континентами (худож. К. Кузгинов). Этот образ был подсказан олимпийской эмблемой, предложенной Пьером де Кубертенем в 1913 г., – пять переплетенных олимпийских колец. По мысли де Кубертена, цветные кольца в сочетании с белым фоном объединяли цвета различных национальных флагов. После Второй мировой войны кольца стали истолковывать как символ единства пяти континентов.

На плакатах Пикассо радуга семицветная. Такой ее стали представлять себе лишь после Ньютона; в старинной иконографии радуга трех- или четырехполосная. В последние десятилетия

Рис. 17. Плакат к Парижской встрече в верхах по разоружению (май 1960)

семь цветов радуги часто соседствуют с голубем мира. С 1978 г. семицветная радуга и голубь мира изображаются на борту судов «Rainbow Warrior» («Воин радуги»). Они принадлежат организации «Greenpeace», борющейся, в частности, против испытаний ядерного оружия в Тихом океане. Этот символ нередко ошибочно смешивают с символом ЛГБТ-сообщества – шестиполосным радужным флагом, принятым в качестве международного в 1985 г.

Список литературы

Альтшуллер Л.В. «Судьба была благосклонна ко мне...» // Экстремальные состояния Льва Альтшуллера / под ред. Б.Л. Альтшуллера, В.Е. Фортова. – Москва : [Физматлит] 2011. – С. 74–88.

Аристотель. История животных / пер. с древнегреч. В.П. Карпова ; под ред. и с примеч. Б.А. Старостина. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. – 528 с.

Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Москва : Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.

Аристофан. Лисистрата / пер. Д. Шестакова // Аристофан. Комедии : в 2 т. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1954. – С. 101–172.

Бедный Д. Собрание сочинений : в 5 т. – М., 1954. – Т. 4. – 416 с.

Бедный Д. Стихотворения и поэмы. – Москва : Сов. писатель, 1965. – 592 с.

Бережанский Н. Голубиная контрабанда // Сегодня. – Рига, 1919. – 9 дек. – С. 1.

Брюсов В.Я. Дали: Стихи 1922 года. – Москва : Гос. изд-во, 1922. – 87 с.

Бубенцова Н. «Сейчас вылетит птичка» // Сайт prichod.ru. – 2015. – 07.04. – URL: <https://prichod.ru/parishioners-on-the-feasts/bogoroditsa/21246/> (дата обращения: 5.05.2022).

Вагнер Н.П. Свет и мрак (Рассказ) // Вагнер Н.П. Повести, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. – Санкт-Петербург : Стасюлевич, 1891. – Т. 5. – С. 115–163.

Васильевский В.Г. Политическая реформа в Древней Греции в период ее упадка. IV // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1869. – Т. 141. – С. 164–202.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. – Москва : Худож. лит., 1971. – 447 с.

Державин Г.Р. Сочинения. – Москва : Худож. лит., 1987. – 502 с.

Душенко К.В. Русская история в изречениях и цитатах : 2300 цитат от призвания варягов до наших дней : справочник. – Москва : Азбука-Аттикус, 2019. – 543 с.

Емельянов В.В. Ассииро-вавилонский обряд выпуска птицы (дополнение к статье В.К. Шилейко «Родная старина») // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии : движение во времени // Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2012. – С. 99–110.

Ермилов В.В. Советская литература – борец за мир // Новый мир. – Москва, 1950. – № 10. – С. 180–234.

Зверев М. Женева в кругу противоречий // Огонек. – 1932. – № 6, 29 фев. – С. 10–11.

Зеленин Д.К. Выпускать птиц на волю // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954. – Москва : Индрик, 2004. – С. 237–242.

Зотов Р.М. Разбойник Богемских лесов : трагедия в пяти действиях, взятая из трагедий Байрона (Verner) : В двух частях. – Санкт-Петербург : Плюшар, 1829. – 95 с.

Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви // Отцы и учителя Церкви III века : антология. – Москва : Либрис, 1996. – Т. 2. – С. 295–307.

Кондаков Н.П. История византийского искусства и иконографии : по миниатюрам греческих рукописей. – Одесса : тип. Ульриха и Шульце, 1876. – 276 с.

Кочетов В.А. Чего же ты хочешь? : роман // Октябрь. – Москва, 1969. – № 9. – С. 11–136.

Кундера М. Бессмертие: (Роман) / пер. Н. Шульгиной // Иностранная литература. – Москва, 1994. – № 10. – С. 5–162.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1958. – Т. 11. – 787 с.

Мдивани Г. Генерал Брэди и компания // Литературная газета. – 1950. – 19 апр. – С. 4.

Мир/Реасе : Альтернативы войне от античности до конца Второй мировой войны : антология. – Москва : Наука, 1993. – 348 с.

Миф о потопе. Из эпоса о Гильгамеше / пер. Л.А. Липина // Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. – Москва : Изд-во восточной лит-ры, 1963. – С. 264–266.

Никитина А.В. Благовещенские обычаи с птицами у русских и болгар // «Морфология праздника» : К 110-летию со дня рождения В.Я. Проппа : доклады научной конференции 12–14 мая 2005 г. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 219–232.

Парламент мира // Исторический вестник. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 76, № 6. – С. 1011–1031. – Подпись: И.М. Т.

Петров В.П. Сочинения. – Санкт-Петербург : Медицинская тип., 1811. – Ч. 2. – 275 с.

Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 562 с.

Тертуллиан. Избранные сочинения. – Москва : Прогресс : Культура, 1994. – 448 с.

Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – Москва : Наука, 1974. – 247 с.

Шаламов В.Т. Воспоминания, записные книжки, переписка, следственные дела. – Москва : Эксмо, 2004. – 1066 с.

- Шкловский В.Б.* За 60 лет : работы о кино. – Москва : Искусство, 1985. – 572 с.
- Элиан Клавдий.* Пестрые рассказы / пер. С.В. Поляковой. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1963. – 185 с.
- Эренбург И.* Собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Худож. лит., 1986. – Т. 6. – 621 с.
- Эренбург И.* Люди, годы, жизнь : воспоминания : в 3 т. – Москва : Сов. писатель, 1990. – Т. 1. – 634 с.
- Эрмлер Ф.* Париж и Канны (Заметки участника кинофестиваля) // Звезда. – Ленинград, 1947. – № 1. – С. 169–173.
- Aristophane.* Théâtre d'Aristophane / Traduit par P. de Sivry. – Paris : Desray, 1790. – Т. 2. – 416 p.
- Augustine.* De Doctrina Christiana / Ed. and transl. by R.P.H. Green. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – XXV, 293 p.
- Aus Paris* // Die Grenzboten. – Leipzig, 1856. – Bd. 1. – S. 473–477.
- Bartholomew C.L.* Cartoons of the Spanish-American War. – Minneapolis : The Journal Print. Co, 1899. – [160] p.
- [*Burritt E.*] Onward! Onward! // Bond of Brotherhood. – London, 1854. – N 51, October. – P. 37–39.
- [*Burritt E.*] The Foreign Mission of the Dove // Bond of Brotherhood. – London, 1851. – N 7, February. – P. 77–78.
- [*Burritt E.*] The Olive Leaf Mission // Bond of Brotherhood. – London, 1856. – N 68, March. – P. 127–128.
- Burritt E.* Walks in the Black Country and Its Green Border-land. – London : Sampson Low, 1869. – 414 p.
- Camus J.-P.* Homelies panegyriques de S. Ignace de Loyola, fondateur de la Compagnie de Jésus. – Lyon : J. Gaudion, 1623. – 601 p.
- Clay H.* The Speeches / Ed. by Calvin Colton. – New York : A.S. Barnes, 1857. – Vol. 2. – 632 p.
- Constant A.* Le testament de la liberté. – Paris : Frey, 1848. – 219 p.
- Covarrubias S. de.* Emblemas morales. – Madrid : Luis Sanchez, 1610. – [301] p.
- Dewey O.* An Address Delivered Before the American Peace Society. Boston, May 1848. – Boston : American Peace Society, 1848. – 24 p.
- Doves As Symbols Of Peace [Сетевой форум]. – URL: https://www.stamp-community.org/topic.asp?TOPIC_ID=50970&whichpage=1 (дата обращения: 5.05.2022).
- Edwards J.* Theologia Reformata : Or, Discourses on those Graces and Duties which are Purely Evangelical. – London : T. Cox, 1726. – 618 p.
- González S.P.* Edición filológica y estudio de Emblemas morales de Sebastián de Covarrubias Orozco (1610) : Tese de doutoramento UDC / 2015. – Universidade da Coruña, [2015]. – 816 p. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/95054355.pdf> (дата обращения: 5.05.2022).

Featley J. A Fountain of Teares emptying itself into three rivelets. – Amsterdam : I. Crosse, 1646. – 725 p.

Godolphin J. The Holy Arbor, Containing a Body of Divinity. – London : J. Field, 1651. – 383, [11] p.

Grand-Carteret J. Napoléon en Images : Estampes anglaises. (Portraits et caricatures). – Paris : Firmin-Didot, 1895. – 190 p.

Guillard N.-F. Le Casque et les Colombes, opéra-ballet en un acte. – Paris : Ballard, 1801. – 20 p.

[*Hall J.*] The Second Book of Divine Poems. – London : Bonhwel, 1647. – Дата издания на титуле: 1646. Подпись: J.H.

Hauschild J.F. Beytrag zur neuern Münz- und Medaillengeschichte vom XVten XVten Jahrhunderts bis jetzt. – Dresden : Gärtner, 1805. – 462 S.

Hickey D.R. «War Hawks» : Using Newspapers to Trace a Phrase, 1792–1812 // Journal of Military History. – Lexington, 2014. – Vol. 78, April. – P. 725–740.

Historischer Calender für Damen für das Jahr 1793 / [herausg.] von F. Schiller. – Leipzig : Göschen, 1792. – 28 Bll., S. 473–860 (продолжающаяся pag.).

Hunter R. The Encyclopædic Dictionary. – London ; Paris ; New York : Cassel, 1879. – Vol. 1. – 768 p.

Jaurès J. Œuvres: La paix menacée (1903–1906). – Paris : Rieder, 1931. – 476 p.

King W.F.H. Classical and foreign quotations. – London : J. Whitaker, 1904. – 412 p.

Krieg oder Frieden? // Kemptner Zeitung. – Allgäu, 1856. – N 5, 5 Januar. – S. 21. – Перепечатка из «Wiener Zeitung».

Lope de Vega F. Pastores de Belen, prosas y versos divinos. – Lerida : L. Manescal, 1617. – 336 p.

Mallett J. The Peace – its Bearings and Forbearings // The Idler. – London, 1856. – N 6. – P. 359–369.

Mariuzzo A. Stalin and the dove: Left pacifist language and choices of expression between the Popular Front and the Korean War (1948–1953) // Modern Italy. – 2010. – Vol. 15, N 1, February. – P. 21–35. – DOI: 10.1080/13532940903375373.

Martin C. Méditations Chrestiennes. – Paris : P. de Bats, 1669. – 359 p.

Mayr J.N. Dank-Ruffe der Noemitischen Friedenstaube, <...> Maximilian Joseph. – München : Riedlin, 1745. – [20] S.

Mickiewicz A. Pan Tadeusz, czyli, Ostatni zajazd na Litwie. – Paryż : A. Jełowicki, 1834. – T. 2. – 300 s.

Moore T. Works. – Leipsic : E. Fleischer, 1826. – 620 p.

Orozco M. Picasso Lithographer and Activist. [A revised English language version of the book «Picasso litógrafo y militante» (Málaga, 2016)] © 2018. – 423 p. – URL: https://www.academia.edu/36544351/Picasso_lithographer_and_activist (дата обращения: 5.05.2022).

Peace at any Price : [Editorial] // Eliza Cook's Journal. – London, 1853. – N 215, June 11 th. – P. 97–99.

Politik steigt auf der zum Krieg // Reich der Todten: eine Zeitschrift enthaltend politische Gespräche ... – [Frankfurt/a.M.], 1800. – N 19, 5ten März, Beilage. – S. [1–2].

Rowlands H. Mona Antiqua Restaurata : An Archæological Discourse on the Antiquities, natural and historical, of the isle of Anglesey. – 2nd ed. – London : J. Knox, 1766. – XVI, 357 p. – [1-е изд.: 1723].

[Russia, Turkey and India] // The Foreign Review, and Continental Miscellany. – London, 1829. – Vol. 3, N 6. – P. 279–322. [Art. 1.] (Заглавие в колонтигуле).

Schroer S. Ancient Near Eastern Pictures as Keys to Biblical Metaphors // The Writings and Later Wisdom / Ed. C.M. Maier, N. Calduch-Benages. – Atlanta : SBL Press, 2014. – P. 129–164.

Spurgeon C.H. The Metropolitan Tabernacle Pulpit : Sermons Preached and Revised During the Year 1871. – London, 1872. – Vol. 17. – 720 p.

Stampe W. A Treatise of Spiritual Infatuation, Being the Present Visible Disease of the English Nation. – Hague : S. Broun, 1650 [i.e. 1651]. – [66], 242 p.

Taigny E.J.-B. Isabey : sa vie et ses oeuvres. – Paris : E. Panckoucke, 1859. – 55 p.

The European War as Seen by Cartoonists // The New York Times Current History of the European War. – New York, 1916. – Vol. 3, N 4 (January). – P. 791–814.

Weems M.L. The Life of Benjamin Franklin. – Philadelphia : U. Hunt, 1829. – 239 p.

Winckelmann J.J. Versuch einer Allegorie besonders für die Kunst. – Dresden : In der Waltherischen Hof Buchhandlung, 1766. – 158, [12] S.

Young D.C. The Modern Olympics : A Struggle for Revival. – Baltimore ; London : Johns Hopkins University Press, 2003. – 272 p.

Young E. The Poetical Works. – London : M. Kurll, 1741. – Vol. 2. – 304 p.

Zohar : Selections / Transl. and annot. by Moshe Miller. – Morristown : Fiftieth Gate Publications and Seminars, 2000. – Vol. 1. – 366 p.

МЕТАФОРЫ ДЕСПОТИЗМА: ОТ «ЖЕЛЕЗНОЙ РУКИ» ДО «ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТЫ»

В конце XVIII – первой половине XIX в. в европейском культурном пространстве появились родственные метафоры, связанные с образом закованного в броню рыцаря: «железная рука», «железная стопа/пята», «бронированный кулак», «железная рука в бархатной перчатке». Обычно они используются в политическом контексте, чаще всего – как обозначение безжалостной, деспотической силы. Тогда же появился образ «штыков» как символа деспотической власти. Происхождение и бытование этих метафор в различных национальных культурах, насколько нам известно, еще не становилось предметом специального изучения. Мы постараемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

1. Железная рука

«Железная рука» в политическом языке появилась в наполеоновскую эпоху – вероятно, по ассоциации с рыцарской латной перчаткой (рукавицей)¹. В 1804 г. парижская газета «Journal du commerce» писала

¹ Металлические рукавицы как часть рыцарского снаряжения появились в XIV в. и существовали вплоть до XVII в.

по поводу Египта: «...она [Англия] распостерла бы свою железную руку над этой плодородной страной» [Paris, le 17 ..., 1804, p. 3].

В печати других европейских стран та же метафора применялась к Наполеону:

«Известны уловки, мошенничества, предательства, к которым прибегнул Наполеон, чтобы ввести <...> свои войска в нашу [испанскую] столицу <...> и железной рукой управлять совещаниями нашего правительства <...>» [Don Acha, 1808, col. 55];

«...На нас тяготела железная рука самого ужасного (т.е. наполеоновского. – К.Д.) деспотизма» [Bekanntmachung, 1814, S. 124; это – цитата из «Патриотической книжки для всякого возраста» («Patriotisches Taschenbuch auf alle Jahre»; место издания неизвестно)].

Сам Наполеон в воспоминаниях о мятеже 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) замечает: «Революция состарилась; <...> железная рука тяготела на людях» [Napoléon, 1842, p. 306].

Лексикографы дали определение этого оборота в 1835 г., в седьмом издании словаря Французской академии: «Обладать железной рукой (Avoir une main de fer) – обладать суровой и деспотической властью» [Dictionnaire ..., 1835, p. 148].

Эта метафора встречается в черновиках Пушкина к «Медному всаднику» (1833) и неоконченной поэме «Езерский» (1832–1833) «Но побежденная стихия / Петра железною рукою»; «И усмиренное боярство / Его железн<ою> рукой» [Пушкин, 1978, с. 30, 97]. Здесь речь идет о благодетельном, хотя и деспотическом по форме насилии. В окончательном тексте «Медного всадника» оставлена лишь метафора того же типа, связанная с фальконетовским памятником Петру: «...уздой железной / Россию поднял на дыбы», причем в XX в. эта строка нередко цитировалась в форме «рукой железной».

В положительном контексте метафора «железная рука» встречается в аллегорическом стихотворении Александра Одоевского «Брак Грузии с Русским царством» (1838). Об Исполине, олицетворяющем Россию, здесь сказано: «А железная рука / Твердо правит осью мира!» [Одоевский, 1958, с. 158]. В Национальном корпусе русского языка (крайне неполном) первые примеры употребления этой метафоры в значении «деспотическая власть» датируются 1850-ми годами.

Итак, в XIX в. «железная рука» чаще всего синоним деспотического правления. В СССР тот же оборот, в том же значении применялся исключительно к странам капитализма. Обычно же он использовался в сугубо позитивном смысле, как синоним революционной диктатуры, твердой политики компартии и советского государства. Уже в декабре 1917 г. Ленин заявил:

«Никто, кроме социалистов-утопистов, не утверждал, что можно победить без сопротивления, без диктатуры пролетариата и без наложения железной руки на старый мир.

Вы принципиально и эту диктатуру принимали, но когда это слово переводят на русский язык и называют его “железной рукой”, применяя это на деле, вы предупреждаете о хрупкости и запутанности дела» [Ленин, 1974, с. 172].

Любопытно, что уже в 1891 г. в том же значении говорил о «железной руке» Лев Тихомиров, один из вождей «Народной воли», а затем идеолог абсолютной монархии. В статье «Социальные миражи современности» он писал: «Власть нового государства над личностью будет по необходимости огромна. Водворяется новый строй <...> путем железной *классовой* диктатуры»; «... Придется железной рукой устраивать новые порядки, подавляя внутренние смуты и, по всей вероятности, ведя внешние войны» [Тихомиров, 1997, с. 143, 145].

2. Бронированный кулак

В середине XIX в. в немецкоязычной публицистике появилась метафора «бронированный кулак» – «Gepanzertter Faust»; ее буквальное значение: «латная (рыцарская) рукавица».

Ранний пример этой метафоры находим в антикатолическом романе «Неокатолики» (1845) писателя из Саксонии Франца Любояцки: «Нам нужен человек с бронированным кулаком и хорошо зарешеченным шлемом, чтобы атаковать гнездо этой осы» (т.е. католической церкви) [Lubojatzky, 1845, S. 89].

В 1850 г. публицист-демократ Густав Фрейтаг писал: «...В Австрии суверен <...> удерживает враждующие народы вместе при помощи бронированного кулака» [Freitag, 1850, S. 2]. В сходном контексте использовалось это выражение до конца XIX в.

15 декабря 1897 г. принц Генрих Гогенцоллерн, брат императора Вильгельма II, отплыл из порта Киль с германской эскадрой в Китай, где были убиты два немецких миссионера. В своей напутственной речи Вильгельм II заявил: «Если кто-либо когда-либо попытается посягнуть на наши законные права, то я отвечу на это ударом бронированного кулака» [Böttcher, 1981, S. 565].

С этого времени выражение «бронированный кулак» получило международную известность как синоним *внешней* военной мощи.

3. Железная рука в бархатной перчатке

Развитием оборота «железная рука» стала метафора «железная рука в бархатной перчатке». Во Франции она обычно приписывалась Жану Батисту Бернадоту (1763–1844). Бернадот, наполеоновский маршал, в 1810 г. стал регентом (фактически – правителем) Швеции, а в 1818 г. был коронован под именем Карла XIV Юхана.

В 1838 г. в печати появился рассказ, услышанный будто бы от Эдуарда Меннеше (É. Mennechet, 1794–1845), бывшего чтеца французского короля Карла X, правившего с 1824 по 1830 г. 28 апреля 1814 г., перед вступлением в Париж, Людовик XVIII беседовал в Компьене с наполеоновскими маршалами. Присутствовавший при этом Бернадот сказал: «Нынешние французы уже не те, что прежде; я хорошо их знаю: они вызывают к свободе, но любят деспотизм; будьте грозны, ваше величество, и они вас полюбят; держите железную руку в бархатной перчатке (*une main de fer dans un gant de velours*)» [Dulaure, 1838, p. 174].

По другой, более распространенной версии, эти слова Бернадот сказал, посетив весной 1814 г. графа д'Артуа, будущего короля Карла X. Эту версию, возможно, ввел в обращение Франсуа Декривьё, публицист-роялист, участник Вандейской войны. В 1832 г. он начал издавать авторский сатирический журнал «Политические сплетни» («*Les Cancans Politiques*»), переименованный затем в «Молнию» («*La foudre*»). Согласно Декривьё, «в апреле 1814 г. король Швеции (на самом деле – регент. – *К.Д.*), нанеся визит вежливости его королевскому высочеству, брату короля, нашел этого верного и благородного принца тронутым до слез приемом, который был ему оказан во Франции. “Боже мой, – сказал он, – как, должно быть, легко и приятно править такими хорошими (подданными. – *К.Д.*)”. “Да, – отвечал Бернадот <...>, – при условии, что вы правите железной рукой в бархатной перчатке”». «Ныне же, – добавляет Декривьё, – все наоборот: железная перчатка в грязной, бессильной, иссохшей руке... в руке “золотой середины”¹» [Descrivieux, 1832, p. 7].

В мемуарах маршала Огюста Фредерика Мармона (1774–1852) слова Бернадота приведены в несколько иной форме: «Ваше

¹ «Золотой серединой» здесь названы правящие круги Июльской монархии. Это выражение восходит к тронной речи Луи Филиппа 31 января 1831 г.: «Мы намерены придерживаться золотой середины (*le juste milieu*), равно далекой как от эксцессов народной власти, так и от злоупотреблений королевской власти» [Guerlac, 1954, p. 278].

высочество, чтобы править французами, нужна стальная рука, но в бархатной перчатке» [Marmont, 1857, p. 26].

Историк Леонс Пенго в монографии «Бернадот, Наполеон и Бурбоны» (1901) осторожно замечает: «...если он (Бернадот. – К.Д.) действительно повторил брату короля максиму, приписываемую Мазарини и осуществлявшуюся <...> Наполеоном: “Чтобы управлять французами, нужна железная рука в бархатной перчатке”» [Pingaud, 1901, p. 311].

В действительности версия об авторстве Мазарини гораздо более поздняя. Вероятно, впервые эта фраза появилась в печати в конце 1814 г., причем со ссылкой не на Бернадота, а на императора Павла I. Вскоре после реставрации Бурбонов в Париже вышла книга Луи Биньона (1771–1841) «Сравнительный отчет о <...> состоянии Франции и основных держав Европы». При начале похода на Москву 1812 г. Биньон был комиссаром французского правительства в Вильне, а потом дважды на короткое время занимал пост министра иностранных дел – после битвы при Ватерлоо и после Июльской революции 1830 г. Согласно Биньону, Павел «полагал, выражаясь его собственными словами, что для того, чтобы русские исполняли свой долг, необходима железная рука, одетая в бархатную перчатку. Первое время он действительно старался не выказывать явно свою строгость, но вскоре бархатная перчатка упала, и железная рука обнажилась» [Bignon, 1814, p. 447 (ч. 4, разд. 2, гл. «Россия»)].

В 1815 г. обширный обзор книги Биньона, вместе с этим изречением, поместил английский журнал «Monthly Review» [Foreign Literature, 1815, p. 461].

Следующий известный нам случай цитирования изречения датируется 1829 г., когда в Бристоле вышел антикатолический памфлет Эйбрахама Багнелла «Истины. Не “истина”». «Иезуиты, – писал Багнелл, – <...> управляют (своей паствой. – К.Д.) железной рукой, одетой в шелковую или железную перчатку, смотря по обстоятельствам» [Bagnell, 1829, p. 21].

В том же контексте эта сентенция встречается в английском историческом труде конца XIX в., причем как эквивалент формулы «Fortiter in re, suaviter in modo» (лат. «По существу дела – твердо, по способам – мягко») [Robinson, 1893, p. 37]. Эта формула в XIX в. обычно цитировалась как принцип политики иезуитов; она восходит к трактату генерала ордена иезуитов Клаудио Аквавивы «Наставления к излечению болезней души» (1606).

По-видимому, к Франции и французам изречение о «железной руке в бархатной перчатке» применили ультрароялисты эпохи

Реставрации (1815–1830). Роялист Декривё цитировался выше. Барон Эжен де Витроль, который в 1815–1818 гг. занимал пост министра без портфеля, в своих мемуарах рассказывал, что в мае 1814 г. «наиболее умеренные (роялисты. – К.Д.) повторяли мне, что король должен править железной рукой в бархатной перчатке. Я ответил тем, с кем мог рассуждать разумно: “Осознали ли вы условия применения силы, которую вы восхваляете? Первое из них – это система войны и завоеваний, требующая армии в пятьсот тысяч человек”» (очевидный намек на правление Наполеона) [Vitrolles, 1884, p. 230]. Витроль верно излагал позицию ультрароялистов, однако сомнительно, чтобы этот разговор мог происходить в мае 1814 г. Будь это так, едва ли Биньон в конце того же года привел бы изречение о «железной руке» как «собственные слова» Павла I.

После наполеоновской «железной руки» конституционная монархия Бурбонов действительно могла расцениваться как «железная рука в бархатной перчатке». Впрочем, в 1830-е годы эта формула применялась также к правлению Наполеона [State of the French Drama, 1834, p. 178 (цитата взята из журн. «Revue de Paris», 1834, t. 4); Thomas, 1835, p. 56]. Позднее эти слова нередко приписывались самому Наполеону и другим правителям, начиная с императора Карла V (1500–1558).

Тогда же, в 1830-е годы, этот оборот появляется в художественной литературе, нередко в форме «железная рука в шелковой перчатке».

Действие романа итальянского писателя Джованни Розини «Луиза Строцци» (1833) происходит в XVI в. Здесь мы находим следующий диалог:

«– Уздечка для мелких людишек...

– Понимаю; и железная рука для больших людей.

– Да, но в шелковой перчатке» [Rosini, 1834, p. 90].

«Свою железную руку она [женщина] прячет в шелковой перчатке», – замечает немецкий писатель Август Левальд в эссе «Почелуй» (1836) [Lewald, 1836, S. 29].

Тот же оборот дважды встречается в произведениях Бальзака 1836 г. Бальзак приводит его как изречение Бернадота, но в неополитическом контексте: «Подобно своему приятелю Бернадоту, он надел на свою железную руку бархатную перчатку» («Старая дева»); «...Она тем успешней царила в парижском обществе, что обладала необходимыми для этого свойствами: железной рукой в бархатной перчатке, по выражению Бернадота» («Лилия долины») [Balzac, 1837, p. 72; Balzac, 1853, p. 407].

В справочнике М.И. Михельсона «Русская мысль и речь» (1903–1904) изречение приведено в версии «железная рука, но мягкая перчатка». В таком виде оно взято из романа А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869), ч. 5, гл. 17: «Из всего этого вы могли вывести одно только заключение, что вы должны были иметь железную руку, но мягкую перчатку, т.е. чтобы вы управляли строго, твердо, но чтобы общество не чувствовало этого». В качестве параллели Михельсон дает знакомую нам формулу «*Fortiter in re, suaviter in modo*» и ее русский эквивалент: «Твердо на деле, мягко в способе (выполнения)», т.е. косвенно связывает изречение о «железной руке» с политикой иезуитов [Михельсон, 1994, с. 293].

4. Железная пята

В 1908 г. вышел в свет роман-предостережение Джека Лондона «Железная пята» («*The Iron Heel*»). Основной текст романа написан от лица Эвис Эвергард, жены американского революционера начала XX в. Эрнеста Эвергарда. Ее рукопись была найдена лишь в XXVII в., в эру Братства людей, которой предшествовало трехсотлетнее владычество Железной пяты – американских олигархов-капиталистов. Для удержания своей власти Железная пята использует наемную армию, всепроникающую тайную полицию, тайные убийства противников, обман и подкуп. Благодаря роману «железная пята» стала метафорой безжалостной диктатуры во всех европейских языках.

В «Предисловии» к роману, написанном от лица человека далекого будущего, сообщается: «...Создателем утвердившегося в литературе термина “Железная пята” явился в свое время Эрнест Эвергард – небезынтересное открытие, проливающее свет на вопрос, который долго оставался спорным» (пер. Р. Гальпериной) [Лондон, 1951, с. 6]. Между тем если речь идет не о термине, а о метафоре «железная пята», то в основных европейских языках она существовала уже в первой половине XIX в.

Первый пример в «Оксфордском словаре английского языка» датируется 1798 г.: «Могущественный правитель <...> / Иногда <...> возвышает нечестивых и позволяет / Их железной пяте сокрушать голову добродетельного» (У. Манфорд, трагедия «Альморан и Хамет», д. II) [Munford, 1798, p. 56].

Не позднее начала XIX в. метафора «железная пята» появилась в немецкоязычной печати. В 1804 г. анонимный автор мюнхенской газеты «Аврора» замечает: «Крестьянин всегда был здесь (в Польше. — К.Д.) рабом, которого железная пята (die eiserne Ferse) феодальной системы растоптала в пыль» [Bemerkungen, 1804, p. 223].

В 1818 г. Франц Шамс, австрийский виноторговец и краевед, писал: «Один из бывших владельцев (замка Аггштайн на Дунае. — К.Д.) был Аттилой всей области, поправ все законы гуманности и гражданские права <...> своей железной пятой»; «...Римляне <...> своей железной пятой попирали выю (ihre eiserne Ferse <...> in den Nacken <...> setzten) почти всех покоренных народов» [Schams, 1818, S. 64, 84].

В близком значении использовался оборот «железная стопа» (англ. iron foot, нем. eiserne Fuß). В романе Фридриха Христиана Шленкерта «Император Генрих Четвертый» (ч. 2, 1789) читаем: «... править, как последние тираны Древнего Рима, <...> попать выю немецкой свободой железной стопой (mit eisernem Fuß auf den Nacken treten), сделать немецких князей и дворян своими холопами <...>» [Schlenkert, 1789, S. 183].

Двумя годами ранее формально (но не содержательно) похожий образ встречался в знаменитом трактате И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества», ч. III (1787), кн. 13, гл. 5: «...Судьба своей железной стопой (mit eisernem Fuß) идет иным путем, не считаясь с бессмертием людских творений в области науки или искусства» [Herder, 1790, S. 230]. В современном русском переводе: «...У судьбы с ее железной пятой — иной путь» [Гердер, 1977, с. 378], что, как мы полагаем, не вполне точно передает мысль автора, учитывая рассмотренные выше коннотации «железной пяты»¹.

Вот несколько ранних примеров из англоязычных авторов.

«Сколько урожая уничтожено железной стопой войны!» (Джон Телуолл, лекция «О союзниках и союзах», прочитанная в Лондоне 5 июня 1795 г.) [Thelwall, 1795, p. 146].

«Посмотрите на Францию. <...> Все права человека, все благородные устремления его природы были раздавлены железной стопой деспотизма (crushed by the iron foot of despotism)» (проповедь

¹ В этом переводе еще трижды встречается оборот «под пятою» — «под пятою македонской империи», «под пятою римской судьбы», «под пятою Рима» (III, 13, 3; III, 14, 5; III, 15, 5), однако в немецком оригинале слова «пята» нет.

англиканского священника У.Б. Кёрвана, прочитанная в Дублине в 1798 г. в пользу вдов и детей погибших участников Ирландского восстания 1798 г.) [Kirwan, 1814, p. 332–333].

«Народ этой богобоязненной страны (Франции. – К.Д.), о которой мы постоянно говорим, сломлен рукой угнетения, раздавлен железной стопой тирана» (Илайя Париш, проповедь «Руины, или Отмежевание от Антихриста», прочитанная в Байфилде (Массачусетс) 7 апреля 1808 г.) [Parish, 1808, p. 15]. «...Со времен Нимрода и до Наполеона земля дрожала под железной стопой ее тиранов» (И. Париш, проповедь 7 апреля 1814 г.) [Parish, 1814, p. 3].

В Ветхом Завете Нимрод – воитель-охотник и царь; его царство помещено в Месопотамии и включает в себя Вавилон. В «Иудейских древностях» Иосифа Флавия Нимрод – жестокий и гордый деспот; именно в этом качестве он вошел в послеримскую европейскую культуру.

В России метафора «железная стопа» в общественно-политическом контексте встречалась уже в стихотворении Ивана Пнина «Плач над гробом друга моего сердца» (1805). Поэт обличает жестокий мир,

Где роскошь в облаках блестящий взор скрывает
И пропасти стопой железной попирает [Пнин, 1934, с. 91].

В сущности, речь тут идет о несправедливости и деспотизме сильных мира сего.

В незаконченном стихотворении Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1824) метафора используется уже прямо как обозначение деспотизма:

Вот Кесарь – где же Брут? О грозные витии.
Цалуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу [Пушкин, 1947, с. 311].

Здесь Кесарь – император Александр I, изображенный в стихотворении как глава Священного союза и деспотический владыка Европы. Юрий Лотман полагал, что «образ железной стопы <...> намечает за плечами Александра I фигуру фальконетовского памятника Петру» [Лотман, 1995, с. 295–296]. Это мнение едва ли справедливо: образ «железной стопы» как метафоры деспотизма был к тому времени обычным в основных европейских языках.

Декабрист Александр Одоевский и славянофил А.С. Хомяков применяют эту метафору к Наполеону:

И имя, как самум на пламенных песках,
Шумящее губительной грозою,
Ты хочешь впечатлеть железною стопою <...>.
(А. Одоевский, «Сен-Бернар», 1831) [Одоевский, 1958, с. 147].

Ты землю железной стопой попирал.
(А.С. Хомяков, «Еще об нем», 1841) [Хомяков, 2005, с. 193].

В другом стихотворении Хомякова о Наполеоне читаем:

А пойдет он, строгий, бледный,
Словно памятник живой –
Под его стопою медной
Содрогнется шар земной <...>.
(А.С. Хомяков, «На перенесение Наполеонова праха», 1840)
[там же, с. 191].

И как раз здесь «медная [не железная!] стопа» передает поступь ожившего бронзового памятника.

Не позднее 1830-х годов обороты типа «попранные (сокрушенные) железной пятой (завоевателей)» («écrasé par le talon de fer des conquérans») появляются во французской печати, а также в англоязычной: «...Могущество монарха попрано железной пятой (trampled beneath the iron heel)» [Embury 1838]; «Эту страницу [Конституции] попрали тираны / Железной пятой» (trode upon <...> with iron heel)» [Brent, 1837, p. 398].

Иронически употреблен этот оборот в сатирическом обзоре «Руководители нации» (Лондон, 1840), среди авторов которого был Уильям Теккерей: «Наш министр, пусть даже он деспот в своей публичной ипостаси, <...> считает полезным сочетать необходимые жесткие меры и выражения вне своего дома с неизменной учтивостью, мягкостью и изысканными чувствами в домашней обстановке. Железная пята, придавившая королевство, в домашних туфлях не причиняет никаких неудобств» [Meadows, Thackeray, Douglas, 1840, p. 357].

Образ «железной пяты», как и «железной руки», ассоциировался с рыцарскими доспехами. В поэме Сэмюэла Батлера «Гудибрас» (1663–1678) «iron heel» означает рыцарскую шпору. Однако у оборотов «раздавить (попирать) железной пятой (стопой)» были и библейские источники.

В Книге Даниила читаем: «Вот <...> большой истукан; <...> бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные,

частью глиняные» (Дан. 2:31–33). «Истукан» символизирует Вавилонское царство, которое в Ветхом Завете служит идеальной моделью деспотического безбожного государства; недаром в цитируемой выше проповеди И. Париша Наполеон уподобляется Нимроду. И здесь же (Дан. 2:40): «Железо разбивает и дробит все на куски, и это четвертое царство сломает и сокрушит все другие царства». Глагол «попирать» обычен в Ветхом Завете, в т.ч. в таких сочетаниях, как «попирать ногой (ногами)», «попирать народы» (Ис. 14:12, Авв. 3:12), «попирать выи» (Вт. 33:39).

Французский политик Венсан де Воблан, выступая в Совете пятисот 18 марта 1797 г., назвал режим Ф.Д. Туссен-Лувертюра, фактического правителя Сан-Доминго, «деспотизмом на медных ногах (*aux pieds d'airain*), который <...> попирает <...> американских французов» [*Corps Législatif*, 1797, р. 837]. Этот редкий образ, вероятно, также восходит к Книге Даниила, где «железному царству», которое «сломает и сокрушит все другие царства», предшествует «третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею» (Дан. 2:39).

В англоязычной литературе вплоть до публикации романа Джека Лондона «железная пята» по-прежнему чаще всего – символ деспотизма, например: «Его называли “Царем” – человеком, чья железная пята сокрушала американское народное правительство» (в оригинале мн. ч.: «*iron heels*») [Ruoff, 1902, р. 477]. Имелся в виду Томас Б. Рид (1839–1902), лидер республиканцев в Палате представителей. В романе Дж. Лондона также встречается стандартный к тому времени оборот «раздавлены железной пятой деспотизма» [Лондон, 1951, с. 93]. Отметим также, что в англоязычных изданиях романа визуальным символом «Железной пяты» служит тяжелый солдатский башмак.

В России метафора «железная пята» (в отличие от «железной стопы») получила распространение сравнительно поздно. Редкий пример ее использования в литературе первых трех четвертей XIX в. – стихотворение Пушкина «Стамбул гяуры нынче славят...» (1830):

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят <...> [Пушкин, 1948, с. 247].

В русском издании трактата Дж. С. Милля (1869) «железная пята» (*iron heel*) переведена как «железный каблук»: «Если

завоеванные и порабощенные расы в некоторых отношениях были более угнетаемы, зато все, что не придавливалось в них железным каблуком победителя, обыкновенно вовсе не трогалось» [Милль, 1869, с. 52–53].

В Национальном корпусе русского языка первый пример метафоры «железная пята» датируется 1879 г.: «...врагов своих, где только можно, давить безжалостно железной пятой» [Карнович, 1994, с. 215 (гл. 34)].

В 1916 г. Ленин писал: «Германия душист несколько малых наций, держа их под железной пятой <...>» [Ленин, 1969, с. 299]. Здесь «железная пята» – пока еще не отсылка к роману Джека Лондона. Но в СССР эта метафора почти всегда ассоциируется с романом американского писателя.

Дневники Михаила Булгакова за 1923–1925 гг. носят название «Под пятой». Комментаторы дневника предполагают здесь аллюзию на роман Дж. Лондона, но это совершенно необязательно. В России этот оборот уже в XVIII в. встречался в значении «под игом»: «Стенала некогда в оковах / Россия, под пятой врагов» [Жуковский, 1959, с. 14]. Название булгаковского дневника поэтому следует толковать в значении «под игом большевистской власти», которая воспринимается автором одновременно как чужая и деспотическая.

5. Усидеть на штыках

17 июня 1789 г. депутаты третьего сословия объявили себя Национальным собранием Франции. После того как зал заседаний был закрыт, они перешли в зал для игры в мяч. 23 июня обер-церемониймейстер Анри Дрё-Брезе потребовал от них покинуть и этот зал. Считается, что Оноре Мирабо ответил: «Скажите вашему господину, что мы здесь по воле народа и уступим только силе штыков».

В таком виде эти слова выбиты на бюсте Мирабо работы Ж.А. Гудона, установленном в Клубе якобинцев после смерти Мирабо, 2 апреля 1791 г. Сам Мирабо приводил менее лаконичный вариант: «Если вам поручено удалить нас отсюда, вы должны испросить повеление употребить силу, ибо мы сойдем с места не иначе как уступая силе штыков» («13-е письмо к избирателям») [Boudet, 1990, p. 41].

С этого времени и вплоть до первых десятилетий XX в. «штыки» в языке публицистики оставались символом деспотической власти.

10 августа 1829 г. в парижской газете «Journal des débats» появилась (без подписи) статья Этьена Бекэ (É. Béquet, 1796–1838) по поводу ограничения свободы печати. Здесь говорилось, что надежды правительства ультрароялистов на «силу штыков» напрасны: «Нынче штыки поумнели: они знают и уважают закон» (*букв.* «Штыки сегодня являются умными...») «Les baïonnettes <...> sont intelligentes...») [Béquet, 1829].

«Умные штыки» сразу же вошли в политический язык, тем более что Июльская революция 1830 г. подтвердила правоту Бекэ: солдаты перешли на сторону защитников конституционного строя. Отсюда в 1840-е годы появилось выражение «доктрина умных штыков» (*le principe des baïonnettes intelligentes*) [напр.: Cauchois-Lemaire, 1842, p. 3]. В современной юриспруденции утвердилось название «доктрина умных штыков», признающая право на невыполнение преступных приказов.

Разговоры об «умных штыках», разумеется, не слишком нравились представителям власти, а также военным начальникам. 29 мая 1847 г. генерал Бонифас де Кастеллан заявил в Палате пэров: «Говорят об умных штыках; это слово для многих – синоним “рассуждающих штыков”» [Annales ..., 1848, p. 425]. «Рассуждающие штыки» (*des baïonnettes délibérantes*) также вошли в политический язык.

Не одобрил идею «умных штыков» и влиятельный журналист Альфонс Карр, редактор газеты «Фигаро», который в 1848 г. поддержал жестокое подавление Июльского восстания генералом Кавеньяком. Согласно Карру, «умные штыки» – это «словечко, придуманное, вместе со словечком “независимый чиновник”, для обозначения предателя и дурака; колесико часового механизма, желающее идти в одиночку и по своему хотению» [Karr, 1859, p. 29].

В середине 1850-х годов, в годы Второй империи, в печати появилось изречение: «Все можно сделать штыками, но сидеть на них нельзя» (*франц.* «On peut tout faire avec des baïonnettes, excepté s’asseoir dessus»). Первый известный нам случай его цитирования, с датой «1814» и подписью «Князь де Шварценберг», относится к 1856 г. В таком виде оно приведено в книге «Анекдотическая история театра, литературы и различные впечатления современников» Шарля Мориса (1782–1869) – драматурга, журналиста, личного секретаря Франсуа Гизо [Maurice, 1856, p. 193].

Позднее появился вариант: «На штыки можно опираться, но на них нельзя сидеть».

Австрийский фельдмаршал Карл Шварценберг (1771–1820) в 1813–1814 гг. командовал войсками антинаполеоновской

коалиции. Считалось, что его фраза относилась к династии Бурбонов, восстановленной на престоле силой союзных штыков [напр.: Larchey, 1892, p. 124]. По другой версии, так сказал некий офицер князю Шварценбергу [Marchal, 1859, p. 285].

В Пасхальный понедельник (12 апреля) 1857 г. Джоаккино Вентура прочитал проповедь «О восстановлении империи во Франции». Вентура, итальянский священник-республиканец, с 1851 г. жил в Париже. В своей проповеди, прочитанной в Императорской часовне в Тюильри в присутствии Наполеона III, он осудил внутреннюю политику Второй империи. «...Централизованная власть, – заявил он, – <...> непрочна и не может быть прочной; не обладая авторитетом, который достигается лишь доверием общества, она вынуждена опираться на силу, но, как хорошо было сказано, “Все можно сделать штыками, но сидеть на них нельзя”» [Ventura, 1858, p. 552].

Уже на исходе эпохи Второй империи журналист Альфонс Дюшен (1825–1870) писал:

«Я боюсь громких слов, которые вводят в заблуждение. <...> Я боюсь, когда слышу фразы: “Сила не устоит против права”, “Сuverенный народ еще скажет свое слово”, <...> “Пушки против правды бессильны”, <...> “Все можно сделать штыками, но сидеть на них нельзя” и прочее, и прочее.

<...> Если нельзя усидеть на штыках, можно по крайней мере усадить на них других <...>.

Сила не устоит против права? Разве что с точки зрения вечности» [Duchesne, 1869, p. 29–30].

Фраза приписывалась и другим лицам, прежде всего Талейрану (в т.ч. в России), позднее – журналисту Эмилю де Жирардену (1806–1884). В некоторых справочниках она приведена как испанская пословица.

Журналист Эктор Пессар (1836–1895) в своих воспоминаниях о 1860-х годах привел изречение о штыках как фразу, которую будто бы постоянно повторял Наполеон III [Pessard, 1887, p. 290].

В 1894 г. были опубликованы «Старые воспоминания» Франсуа Орлеанского, сына короля Франции Луи Филиппа. Здесь утверждалось, что историческая фраза принадлежала племяннику Карла Шварценберга – князю Феликсу Шварценбергу (1800–1852), который осенью 1848 г. стал министр-президентом Австрийской империи. В «Старых воспоминаниях» не указаны обстоятельства произнесения фразы, но упомянута она в связи с революцией 1848 г. [Philippe d'Orléans, 1894, p. 405].

Историк Эдуар Гийон привел фразу о штыках как слова, будто бы сказанные братом Наполеона I, Жеромом Бонапартом, своему племяннику, будущему Наполеону III [Guillon, 1894, p. 279].

Граф В.А. Соллогуб на Кавказском вечере в Петербурге 25 января 1863 г. говорил: «Он (Кавказ. – К.Д.) помнит любимую поговорку князя Михаила Семеновича (Воронцова. – К.Д.), что с штыками идут вперед, но что на штыках сидеть нельзя» [Речи ..., 1873, с. 14]. Воронцов был наместником на Кавказе в 1844–1854 гг. Вполне вероятно, что Соллогуб приписал Воронцову изречение, вошедшее в обиход уже после его наместничества.

В советские школьные учебники вошла фраза о штыках как оплоте деспотизма, произнесенная на «процессе 50-ти» в Петербурге 9 марта 1877 г. Рабочий-народник Петр Алексеев закончил свою речь словами: «...Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится во прах!» [Революционное ..., 1964, с. 366–367]. Ленин увидел здесь «великое пророчество русского рабочего-революционера» [Ленин, 1967, с. 377].

Этот образ нашел неожиданное продолжение в статье Михаила Гершензона «Творческое самосознание», опубликованной в знаменитом сборнике «Вехи» (1909). Говоря о русской интеллигенции, Гершензон замечает, что народ «не видит в нас людей: мы для него человекоподобные чудовища, люди без Бога в душе». Ибо у народа, в отличие от интеллигенции, «есть <...> идеи и верования религиозно-метафизические». И далее – пророчество, ныне цитируемое гораздо чаще, чем пророчество Петра Алексеева: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [Вехи, 1991, с. 101].

В примечании ко второму изданию «Вех», вышедшему в том же году, Гершензон замечает: «Эта фраза была радостно подхвачена газетной критикой, как публичное признание в любви к штыкам и тюрьмам. – Я не люблю штыков и никого не призываю благословлять их; напротив, я вижу в них Немезиду. Смысл моей фразы тот, что всем своим прошлым интеллигенция поставлена в неслыханное, ужасное положение: народ, за который она боролась, ненавидит ее, а власть, против которой она боролась, оказывается ее защитницей, хочет ли она того или не хочет. “Должны” в моей фразе значит “обречены”» [там же, с. 101].

Из неверной посылки порою можно вывести верное заключение. Очень скоро интеллигенции действительно сильно досталось от народа. Но при этом народ руководствовался не «идеями и верованиями религиозно-метафизическими», а лозунгами безбожников-большевиков.

В годы Гражданской войны штык (подобно рассмотренной выше метафоре «железная рука») стал символом мощи коммунистической власти. В приказе Михаила Тухачевского Западному фронту от 2 июля 1920 г. говорилось: «На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад!» [Пилсудский против ..., 1991, с. 12].

Список литературы

Вехи. Интеллигенция в России : сб. статей 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой ; предисл. В. Шелохаева. – Москва : Мол. гвардия, 1991. – 462 с.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. А.В. Михайлова. – Москва : Наука, 1977. – 703 с.

Жуковский В.А. Могущество, слава и благоденствие России // Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во худож. лит., 1959. – Т. 1. – С. 10–15.

Иванов Г.В. Собрание сочинений : в 3 т. – Москва : Согласие, 1994. – Т. 3. – 717 с.

Карнович Е.П. Любовь и корона : Исторический роман из времен императрицы Анны Ивановны и регентства принцессы Анны // Романовы. Иоанн Антонович: Карнович Е.П. Любовь и корона; Данилевский Г.П. Мирович; Соснора В.А. Две маски. – Москва : Армада, 1994. – С. 17–292.

Ленин В.И. К рабочим, поддерживающим борьбу против войны и против социалистов, перешедших на сторону своих правительств // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Москва : Политиздат, 1969. – Т. 30. – С. 299–305. – Опул. в 1924 г.

Ленин В.И. Насущные задачи нашего движения // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Москва : Политиздат, 1967. – Т. 4. – С. 371–377. – Опул. в 1900 г.

Ленин В.И. Речь о национализации банков на заседании ВЦИК 14 (27) декабря 1917 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Москва : Политиздат, 1974. – Т. 35. – С. 171–173.

Лондон Дж. Избранное. – Москва : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1951. – 732 с.

Лотман Ю.М. Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // Лотман Ю.М. Пушкин : Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин» : комментарий. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1995. – С. 293–299.

Милль Дж.С. Подчиненность женщины. – Санкт-Петербург : С.В. Звонарев, 1869. – 255 с.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. – Москва : Терра, 1994. – Т. 1. – 779 с. – Репринт издания 1903 г.

Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений. – Ленинград : Сов. писатель, 1958. – 243 с.

Пилсудский против Тухачевского : два взгляда на советско-польскую войну 1920 года. – Москва : Воениздат, 1991. – 252 с.

Пнин И.П. Сочинения. – Москва : Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. – 312 с.

Пушкин А.С. Медный всадник / издание подготовил Н.В. Измайлов. – Ленинград : Наука, 1978. – 288 с. – (Лит. памятники.)

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : [в 17 т.]. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 2, кн. 1. – 606 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : [в 17 т.]. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 3, кн. 1. – 635 с.

Революционное народничество 70-х годов XIX века. – Москва : Наука, 1964. – Т. 1. – 530 с.

Речи, сказанные на Кавказских вечерах в С.-Петербурге: 1861–1872. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Арнольда, 1873. – 66 с.

Тихомиров Л.А. Критика демократии : статьи из журнала «Русское обозрение» 1892–1897 гг. – Москва : Журн. «Москва», 1997. – 665 с.

Хомяков А.С. Стихотворения. – Москва : Прогресс-Плеяда, 2005. – 701 с.

Annales du parlement français / Sous la direction de M.T. Fleury. – Paris : Didot, 1848. – Т. 9. – 871 p.

Bagnell A. Truths. Not «truth»: With a Most True Appendix. — Bristole : Newcombe, 1829. – 52 p.

Balzac H. de. Oeuvres. – Bruxelles : Melin, Cans et Co, 1837. – Т. 3. – 601 p.

Balzac H. de. Scènes de la vie de province. – Paris : Pillet, 1853. – Т. 3. – 491 p.

Bekanntmachung // Erinnerungsblätter für Gebildete Leser. – [Zwickau], 1814. – N 8, 27 Februar. – S. 122–128.

Bemerkungen auf einer Reise durch Polen: (Fortsetzung.) // Aurora : Eine Zeitschrift aus dem südlichen Deutschland. – München, 1804. – N 56, 9 Mai. – S. 222–223.

[Béquet É.] Ainsi le voilà encore une fois brisé ... // *Journal des débats politiques et littéraires.* – Paris, 1829. – 10 août. – P. 2. – Название статьи дано по ее началу.

Bignon L.-P.-É. Exposé comparatif de l'état financier, militaire, politique et moral de la France et des principales puissances de l'Europe. – Paris : Le Normant : Delaunay, 1814. – 504 p.

Böttcher K. Geflügelte Worte, Zitate, Sentenzen. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1981. – 778 S.

Boudet J. Les Mots de l'histoire. – Paris : Robert Laffont, 1990. – 1415 p.

Brent N.J. Junius: [A poem] // Southern Literary Messenger. – Richmond, 1837. – Vol. 3, N 6, June. – P. 397–398.

Cauchois-Lemaire L.-A.-F. Histoire de la Revolution de 1830. – Paris ; Leipzig : J. Renouard, 1842. – T. 1. – 535 p.

Corps Législatif. Conseil des Cinqcents. Suite de la séance du 24 germinal // Gazette nationale, ou Le moniteur universel. – Paris, 1797. – N 209, 18 mardi. – P. 835–838.

Descrivieux F. La foudre. – Paris, 1832. – [N 105] : La foudre cancanière. – P. 6–7.

Dictionnaire de l'académie Française. – 7 me éd. – Paris : L'Institut de France, 1835. – T. 2. – 961 p.

Don Acha M. Galicia: Brave Spaniards // Cobbett's Weekly Political Register. – London, 1808. – Vol. 14, N 2, July 9. – Col. 55–56.

Dulaure J.-A. Histoire de la révolution française depuis 1814 jusqu'à 1830. – Paris : Poirée, 1838. – T. 1. – 433 p.

Duchesne A. J'ai peur // Le Diable à quatre. – Paris, 1869. – N 51, 2 octobre. – P. 26–31.

Embury E.C. Female education // The Ladies' Companion. – London, 1838. – Vol. 8, Jan. – P. 18.

Foreign Literature. Art. I // The Monthly Review, Or, Literary Journal. – London, 1815. – Vol. 78, Appendix. – P. 449–464.

[*Freytag G.*] Zum ersten Januar 1850 // Die Grenzboten. – Leipzig, 1850. – N 1. – S. 1–5.

Guerlac O. Les citations françaises : Recueil de passages célèbres, phrases familières, mot's historiques. – Paris : Armand Colin, 1954. – 459 p.

Guillon É. Les complots militaires sous le Consulat et l'Empire. – Paris : Plon, 1894. – 281 p.

Herder J.G. von. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. – 3.Th. – Karlsruhe : Schmieder, 1790. – 437 S.

Karr A. Baïonnette (intelligente) // Les guêpes. – Paris, 1859. – Décembre. – P. 29.

Kirwan W.B. Sermons : With a Sketch of His Life. – London : Longman, 1814. – 408 p.

Larchey L. L'Esprit de tout le monde. – Paris ; Nancy : Berger-Levrault, 1892. – T. 1. – 358 p.

Lewald A. Die Küsse // Lewald A. Album der Boudoirs. – Leipzig ; Stuttgart : Scheible, 1836. – S. 29–30.

Lubojatzky F.A. Die Neu-Katholischen: Roman aus der Gegenwart. – Grimma : Verlags-Comptoir, 1845. – Bd. 2. – 400 p.

Marchal C. Dictionnaire amusant : recueil d'anecdotes drolatique. – Paris : Delahays, 1859. – 320 p.

Marmont A.-F.-L. Mémoires. – Paris : Halle, 1857. – T. 7. – 286 p.

Maurice C. Histoire anecdotique du théâtre, de la littérature et de diverses impressions contemporaines, tirée du coffre d'un journaliste. – Paris : Plon, 1856. – T. 1. – 433 p.

Meadows K., [*Thackeray W.M.*, *Douglas J.*] Heads of the People: Or, Portraits of the English / Drawn by Kenny Meadows. – London : R. Tyas, 1840. – 400 p.

Munford W. Almorán and Hamet: A Tragedy founded on an Eastern Tale of that name / Munford W. Poems & Compositions in Prose. – Richmond : S. Pleasants, 1798. – P. 25–106.

Napoléon I. Fragments de la campagne d'Italie. Treize vendémiaire // Las Cases E. Le mémorial de Sainte-Hélène. – Paris : Bourdin, 1842. – T. 1. – P. 305–319.

Paris, le 17 fructidor // Journal du commerce. – Paris, 1804. – N 323, 1er Janvier. – [P. 2–3].

Parish E. A Discourse Delivered at Byfield, on the public Fast, April 7, 1814. – Newburyport (Mass.) : W.B. Allen, 1814. – 24 p.

Parish E. Ruin Or Separation from Anti-Christ: A Sermon Preached at Byfield, April 7, 1808, on the Annual Fast in the Commonwealth of Massachusetts. – Newburyport (Mass.) : W.B. Allen, 1808. – 24 p.

Pessard H. Mes petite papiers. 1860–1870. – Paris : C. Lévy, 1887. – 334 p.

Philippe d'Orléans François Ferdinand, prince de. Vieux souvenirs, 1818–1848. – Paris : Calmann Lévy, 1894. – 454 p.

Pingaud L. Bernadotte, Napoléon et les Bourbons (1797–1844). – Paris : Plon, 1901. – 449 p.

Robinson J.R. The Princely Chandos : A Memoir of James Brydges. – London : Sampson Low, Marston, 1893. – 247 p.

Rosini G. Luisa Strozzi: storia del secolo XVI. – Milano : Truffi, 1834. – Vol. 3. – 185 p.

Ruoff H.W. Leaders of Men: Or, Types and Principles of Success. – New York : King-Richardson company, 1902. – 695 p. – Журн. публ.: 1893.

[*Schams F.*] Tagebuch einer Donaureise von Passau nach Wien, Geschrieben in einer Reihe von Briefen // Sartori F. Mahlerisches Taschenbuch für Freunde interessanter Gegenden, Natur- und Kunst-Merkwürdigkeiten der Österreichischen Monarchie. – 6. Jahrgang. – Wien : A. Doll, 1818. – S. 3–88.

[*Schlenkert F. Ch.*] Kaiser Heinrich der Vierte; eine dialogisirte Geschichte. – Dresden : Breitkopf, 1789. – Th. 2. – 476 S.

[State of the French Drama] // The Quarterly Review. – London, 1834. – Vol. 51. – P. 177–212.

Thelwall J. On Allies and Alliances <...>: [Lecture] delivered Friday, June 5th, 1795 // The Tribune. – London, 1795. – N 21, [June]. – P. 129–146.

Thomas F.W. Clinton Bradshaw: Or, The Adventures of a Lawyer. – Philadelphia : Carey, Lea & Blanchard, 1835. – Vol. 1. – 267 p.

Ventura G. Dernier discours prononcé le lundi de Paques. Sur la restauration de l'Empire en France // Ventura G. Le pouvoir politique chrétien: Discours prononcés à La Chapelle Impériale des Tuileries pendant le Carême de l'année 1857. – Paris : Gaume Frères et J. Duprey, 1858. – P. 499–567.

Vitrolles E.-F.-A. Arnaud de. Mémoires et relations politiques. – Paris : Charpentier, 1884. – T. 2 : 1814–1815. – 478 p.

«АРИСТОКРАТИЯ ДУХА» И «ОРДЕН ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»: ГЕНЕАЛОГИЯ ПОНЯТИЙ

Ниже рассмотрена генеалогия трех отчасти пересекающихся, отчасти противостоящих друг другу понятий: «аристократия духа», «аристократия ума» и «орден интеллигенции».

Аристократия духа

В России выражения «аристократия духа», «аристократы духа» стали обычными с начала XX в., прежде всего в литературно-художественной критике. Согласно чуть более позднему определению Бердяева, аристократы духа – это «люди высшей духовной жизни», «святые, пророки и гении» («Философия свободного духа» (1927), введение) [Бердяев, 1994, с. 17]. В публицистике выражения подобного рода употреблялись в ироническом смысле – как обозначение тех, кто претендует на духовное превосходство над «толпой».

Представления русских авторов об «аристократии духа» сформировались прежде всего под влиянием Фридриха Ницше. «Прирожденные аристократы духа» упоминаются в книге Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (1878), гл. 210: «Их творения возникают и в спокойный осенний вечер падают с дерева без того, чтобы их страстно желали, возвращали или вытесняли новым. Неустанное желание творить – вульгарно и свидетельствует о

ревности, зависти и честолюбии» [Ницше, 1990б, с. 347]. В книге Ницше «К генеалогии морали» (1887) «плебейству современного духа» противопоставлена духовная власть «господствующих натур» – единственных творцов ценностей, носителей «аристократической морали» [Ницше, 1990а, с. 417, 418].

В сочинениях Ницше, опубликованных при его жизни, выражения «аристократия духа» (*Aristokratie des Geistes*) не было. Зато оно неоднократно встречается в посмертно опубликованных черновиках и набросках немецкого мыслителя, причем – что весьма необычно – как в позитивном, так и в резко полемическом контексте.

Немецкое *Geist* может означать «дух», но также «ум». В наброске Ницше «История греческой литературы. <III>» (1875–1876) «*Aristokratie des Geistes*» понимается как «аристократия ума». Речь здесь идет о великих философах Греции: «Став аристократами ума, они овладевают наступательной силой разума, критики, науки, отказываются от поклонения обыденному, а значит, и от магии поэзии, которая служит традиции» («История греческой литературы», ч. III, 1875–1876) [Nietzsche, 1912, S. 191].

В черновиках и набросках 1884–1885 гг. Ницше противопоставляет «аристократию духа и тела» «демократическому миру неудавшихся и полуудавшихся» [Ницше, 2012, с. 51]. Но в тех же набросках читаем: «“Аристократия духа” – любимое выражение евреев»; «Есть лишь родовая аристократия, лишь аристократия крови. (Я говорю здесь не о словечке “фон” <...>.) Когда говорят об “аристократах духа”, чаще всего хотят что-нибудь скрыть; это, как известно, любимое слово честолюбивых евреев. Сам по себе дух не облагораживает: сначала нужно что-то, что придает благородство духу» [там же, с. 489, 608].

Чтобы понять причины такой разногласия у одного и того же автора, необходимо обратиться к генеалогии понятия «аристократия духа». Довольно долго это выражение и родственные ему обороты использовались в социально-политическом, а не философско-культурном контексте. При этом речь шла о *новой элите общества*, по своему происхождению и социальному положению *преимущественно буржуазной*.

«Аристократии духа» предшествовали «аристократия культуры» и «аристократия образованности» («*die Aristokratie der Bildung*»; также: «*der Adel der Bildung*», букв. «дворянство образования»). Эти обороты мы встречаем в 1800 г. у историка и публициста Йозефа фон Гёрреса (1776–1848). Либерализм и принадлежность к масонам сочетались у Гёрреса с правотверным католицизмом.

Он приветствовал Французскую революцию, но ее радикализацию, а потом – установление бонапартистского режима считал извращением ее первоначальных идей: «Аристократия образованности вскоре уступила место аристократии силы и дикости, и дезорганизованная аристократия культуры (XVIII. – К.Д.) столетия, примененная на практике, имела те же последствия, что и деспотизм варварства». Это явление Гёррес именует «деспотизмом духа», сожалея, что «*организованная аристократия образованности*» так и не была испробована [Görres, 1854, S. 67].

На излете революции 1848–1849 гг. Бисмарк противопоставил «аристократию ума и образованности» принципу суверенитета народа. В марте 1849 г. Франкфуртский парламент принял либерально-демократическую общегерманскую конституцию. «Она, – иронически замечает Бисмарк, – <...> признает принцип, согласно которому влияние каждого класса народа должно возрастать обратнo пропорционально его политической образованности и компетентности, что обеспечивает надежный оплот против аристократии ума и образованности (die Aristokratie der Intelligenz)» (речь 21 апреля 1849 г. в Верхней палате прусского парламента) [Bismarck, 1852, S. 58].

* * *

Оборот «аристократы духа» впервые появился в 1819 г. – в брошюре Саула Ашера «Немецкий аристократизм духа: К вопросу о современном политическом духе Германии». Ашер (1767–1822), отпрыск еврейской банкирской семьи из Берлина, был сторонником культурной ассимиляции евреев на почве их полного гражданского равноправия. Наибольшее влияние оказала на него философия Канта. Свой идеал просвещенного государства Ашер видел сначала в прусской монархии, а затем – в политической системе Наполеона. После крушения наполеоновской империи он подверг резкой критике воинствующий немецкий национализм и антисемитизм. В этой борьбе он не останавливался перед призывом подавлять националистические взгляды в Пруссии полицейскими мерами.

В круг знакомых Ашера входил учитель Маркса Эдуард Ганс, а в последний год его жизни – молодой Генрих Гейне (которого Ницше, как известно, ценил необычайно высоко). Гейне разделял некоторые взгляды Ашера, но его крайний рационализм был поэту антипатичен. В «Путешествии по Гарцу» (1826) Гейне писал:

«Разум! Когда я слышу это слово, мне каждый раз представляется доктор Саул Ашер с его абстрактными ногами, в тесном трансцендентально-сером сюртуке, с резкими, холодными как лед, чертами лица, которое могло бы служить чертежом в учебнике геометрии. Человек этот, которому давно уже было за пятьдесят, являл собою олицетворение прямой линии. В своем стремлении к положительному бедняга вытравил, философствуя, из жизни все ее великолепие, все солнечные лучи, всякую веру, все цветы, и ничего ему не осталось в удел, кроме холодной, положительной могилы» [Гейне, 1982, с. 35].

18 октября 1817 г. в замке Вартбург (Тюрингия) по случаю 300-летия Реформации собрались студенты и профессора со всей Германии. Они провозгласили программу создания единого германского конституционного государства, а увенчали празднество сожжением «реакционных» и «антинациональных» сочинений. Первым был сожжен введенный на территории Рейнского союза Наполеоном Гражданский кодекс – как символ иностранной оккупации и в то же время универсалистских, наднациональных идей Просвещения. Среди сожженных книг была и «Германомания» Ашера – памфлет против рождающегося немецкого шовинизма, опубликованный в 1815 г.

«Аристократы духа» у Ашера – интеллектуальная элита нации, свободная от национальной ограниченности. Этой ограниченностью страдают приверженцы доктрины «немецкой самобытности», «немецкого духа» (*Deutschtum*, букв. «немецкость»). Между тем Германия – «родина универсальной духовной культуры» [Ascher, 1819, S. 6]. «Германия представляется как бы фокусом, в котором должны сойтись все духовные устремления европейских народов», и потому «немецкий аристократизм духа, безусловно, имеет более чистое и благородное происхождение, чем любой другой когда-либо существовавший аристократизм» [ibid., S. 38].

Ашер отрешивается от «беспочвенного космополитизма» и говорит о «подлинных патриотах», к которым, несомненно, причисляет себя. Патриотизм для него вполне совместим с космополитизмом как «ощущением принадлежности к гражданам мира» (*weltbürgerlich Sinn*) [ibid., S. 53, 59, 61]. «...Кажется, что <...> природа работает над тем, чтобы стереть первобытные черты разных народов и слить их воедино». Ашер предвидит единение наций «под эгидой космополитизма», причем «Германии предназначено стать вместилищем универсальной культуры, созданной [всеми] народами» [ibid., S. 40, 53].

Тут следует заметить, что в эпоху Просвещения понятие «космополитизм» отнюдь не имело того однозначно негативного

оттенка, который оно приобрело к середине XIX в. Сообщество европейских интеллектуалов XVII–XVIII вв. ощущало себя гражданами наднациональной «Республики ученых» («La République des lettres»). Программный космополитизм, отнюдь не исключавший патриотизма, был характерен для масонства, к которому принадлежало едва ли не большинство мыслящих людей России на рубеже XVIII–XIX вв. Александр Суворов, один из первых русских «вольных каменщиков», за три месяца до смерти писал: «Как раб, умираю за отечество и, как космополит, за свет» (письмо к Д.И. Хвостову, февраль 1800 г.) [Суворов, 1986, с. 382].

В 1797–1798 гг. в Галле выходил журнал «Космополит. Ежемесячник для содействия истинной и всеобщей гуманности». Его издателем был Христиан Восс, профессор Галльского университета, одного из главных центров немецкого Просвещения. Позднее, в 1808 г., в Йене вышел единственный номер журнала под тем же названием. В обращении к читателям анонимный издатель писал, в сущности, то же самое, что Ашер в брошюре 1819 г.: «Космополит должен не вытеснять патриота, но спасти его от односторонности»; «Патриотизм вполне может сочетаться с ощущением принадлежности к гражданам мира (Weltbürgersinn), мало того: только таким путем он и должен быть облагорожен» [Vorerinnerung des Herausgebers, 1908, S. 1–2, 3–4].

Ашер не противопоставляет «аристократов духа» родовой аристократии. Европейской аристократии, как и ашеровским «аристократам духа», был чужд узкий национализм; в некотором смысле ее представители ощущали себя членами единой общеевропейской семьи. Неудивительно, что Ашер возлагает надежды на прусское правительство (в сословном плане преимущественно аристократическое) как защитника универсалистских идей. Он сетует на то, что «немецкая аристократия духа» слишком замкнута в себе и слишком мало пытается действовать вовне. Между тем ее задача – «научить народы тому, что развитие законодательного разума есть единственный источник политического счастья» [Ascher, 1819, S. 42, 69].

* * *

Ашер был не слишком влиятельным автором, в отличие от Людвиг Бёрне (1776–1837), ведущего публициста-демократа 1820–1830-х годов. Именно Бёрне популяризировал оборот «аристократия духа», хотя и в полемическом контексте [Ladendorf, 1906, S. 99].

Впервые этот оборот появился в отклике Бёрне на словарную статью «Аристократия» в энциклопедическом словаре Брокгауза (изд. 5-е, т. 1, 1822). Анонимный автор статьи утверждал: «Если верно, что цель любого правительства – обеспечение господства духовного начала над материальным, то любое правительство по своей внутренней сущности должно быть аристократическим». «Вопрос только в том, каким образом аристократия должна быть организована, чтобы достичь своей цели – руководства народом в соответствии с требованиями его разумной природы» [Aristokratie, 1822, S. 150, 151]. В статье много говорится о «должностной аристократии», мельком упомянута «аристократия богатства», но первостепенное значение придается аристократии «мудрейших и лучших». Это и есть «подлинная власть», «руководительница общей воли», «орган народного самосознания», выразительница «господствующего духа» гражданского общества [ibid., S. 151].

Бёрне назвал эту аристократию «аристократией духа», а ее притязания – «смехотворным самомнением аристократов духа, которые считают, что народ глуп и его нужно вести за собой как скот». «Аристократы по рождению отнюдь не являются опасными врагами конституционных свобод, которых требуют ныне народы, а, напротив, покровительствуют им». Между тем «правление аристократии духа <...>, если оно вообще возможно, было бы наихудшим из всех. Аристократы духа, приди они к власти, стали бы принуждать нас быть мудрыми, причем мудрыми на свой собственный лад, – можно ли это перенести? Упаси нас боже от философов на троне! <...>...Врожденные склонности и нравы людей различны и желать устранить эти различия есть тирания, в которой Ликург повинен не менее, чем Филипп II, Робеспьер – не менее, чем Людовик XIV» [Börne, 1823a, S. 34]. В сущности, здесь имелось в виду правление идеологов любой политической окраски (в позднейшей терминологии – идеократия).

В другой статье 1823 г. Бёрне замечает: «Патриции правили Римом восемь веков и сделали его первой державой в мире, а в чистых античных демократиях правила аристократия духа, гораздо более унижительная, чем родовая, потому что причастны к ней были немногие» [Börne, 1977, S. 715].

24-я статья из серии «Парижских очерков» Бёрне, опубликованная в том же 1823 г., называлась «Аристократизм духа». В отличие от Ашера, Бёрне использует это выражение иронически. «Сегодняшний француз ненавидит привилегии всякого рода политической аристократии», но «в своей духовной жизни он подчиняется

аристократии, которая его безжалостно бранит». «Вкус – их (французов. – К.Д.) деспот, перед которым они пресмыкаются». В картинах новейших французских художников видна все та же помпезность Версаля [Börne, 18236].

В наиболее известном русском словаре крылатых слов автором выражения «аристократия духа» назван немецкий естествоиспытатель и философ Генрих Штеффенс (1773–1845) [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 27; здесь ошибочно: Стеффенс]. В действительности Штеффенс говорил не об «аристократии духа», а об «Aristokratie der Geistreichen». Словарное значение слова Geistreich – «(остро) умный», «одухотворенный». У Штеффенса оно используется также в значении «одаренный». Тем не менее по своему значению термин «аристократия одаренных (одухотворенных)» у Штеффенса и позднейших авторов ближе всего к «аристократии духа» в русской литературе XX в., поскольку относилось оно к сфере культуры, а не политики.

В 1830 г. историк литературы Вольфганг Менцель писал, что «аристократия одухотворенных» у Штеффенса означает «людей, которые не только обладают превосходными дарованиями (ausgezeichnete Geist), но и делают их привилегией». Четыре года спустя в книге «Немецкая литература» Менцель уточнил, что прежде всего имелись в виду поклонники Гёте, такие как Август Вильгельм Шлегель (1767–1845) и его окружение [Ladendorf, 1906, S. 11]. «Аристократией духа» окружение Шлегеля было названо позднее, в 1840-е годы [Wünsche und Vorschlägein ..., 1844, S. 185].

Развернутую характеристику «аристократии одухотворенных» Штеффенс дал в книге «Как я снова стал лютеранином...» (1831): «Это своего рода открытая ложа, которая все быстрее распространяется по всей Германии <...>. Ее члены принадлежат к образованным без различия сословий <...>. Не все философы, поэты и художники состоят в этой ложе, которая требует своего рода кружкового воспитания (gesellige Bildung), а также умения с лету схватывать намеки, которые понятны не каждому, и отвечать соответственно. <...> ...Многие ученые люди считают за особую честь быть причисленным к одухотворенным, а это нечто совершенно иное, нежели быть ученым, основательным, глубоким, проницательным». «Я, – продолжает Штеффенс, – сам имею честь состоять в этой ложе, и даже – в чем меня упрекают – <...> я едва ли не распорядитель ложи. Ложа включает в себя философов, поэтов и художников, остальные же – восторженные почитатели всего великого, смелого, благородного, глубокого и грациозного, но особенно ценится ими

острая шутка, без которой никто из них обойтись не может. <...> Они <...> решительно отвергают все вульгарное, низкое, пошлое. Мелочный рационализм им чужд» [Steffens, 1831, S. 145].

Критик Теодор Мундт в качестве примера творчества «аристократии одухотворенных» называл произведения Людвига Тика (1773–1853), одного из ведущих представителей немецкого романтизма в литературе [Mundt, 1834, S. 115]. Год спустя это выражение было приписано самому Тику: «Тик уже давно заявил, что в новейшей поэзии существует аристократия одухотворенных и это явление повторяется в живописи и даже в музыке» [Kahlert, 1835, S. 190].

Аристократия ума

Во Франции выражение «Aristokratie des Geistes» переводилось как «l'aristocratie de l'esprit». В журнальном обозрении немецкой литературы (1837) Людвиг Тик именуется «избранным поэтом аристократии духа». Однако автор обозрения от этого определения дистанцируется и не претендует на принадлежность «к этому привилегированному классу», не без иронии замечая, что, хотя Тик «подтолкнул изучение искусства к высокой степени утонченности», все же «ухо толпы, всегда открытое прекрасной гармонии, остается глухим к ученым фугам» [Coup d'oeil ..., 1837, p. 273].

Французское 'l'esprit' чаще всего означает 'ум', 'остроумие', и оборот «l'aristocratie de l'esprit» почти всегда использовался в значении «аристократия ума». Возник он, по-видимому, осенью 1789 г. в полемике с революционерами-радикалами, сделавших слово 'аристократия' ярлыком для обозначения всего враждебного революции.

18 октября 1789 г. в газете «Journal de Paris» появилась неподписанная статья о театральной цензуре. Ее автором был Жан Девене (173?–1803), литератор, будущий член Французской академии, в 1774–1776 гг. – один из ближайших сотрудников либерала-реформатора Тюрго, а в 1791–1793 гг. видный финансовый чиновник в революционном правительстве. Девене осуждает тех, кто желает «представлять на сцене события или картины, которые в минуту народных волнений и смут склонны льстить народным страстям или вдохновлять их». «...Несравненно легче будоражить толпу, нежели получить признание у людей, обладающих вкусом (les gens de goût). Возможно, мне возразят <...>, что вкус, о котором я говорю, является привилегией; что этот талант – настоящая монополия <...>; что

пришло время истребить эту *аристократию* ума и знания, которая, унижая посредственность и невежество, <...> существенно вредит драгоценному равенству прав, долженствующему уравнивать все звания; наконец, поскольку нельзя возвысить толпу до понимания произведений, отмеченных вкусом и дарованием, остается только заставить писателей снизойти до вкусов и мыслей толпы» [Devaines, 1789, p. 1333; Devaines, 1804, p. 518–519].

Как видим, здесь «аристократия ума» – «чужое слово», вкладываемое в уста радикалов-уравнителей, и контекст его по преимуществу политический. В том же смысле используется этот оборот в мемуарах Андре Морелле (1727–1819), члена Французской академии, друга и последователя Вольтера; после крушения монархии он осудил революцию, сохранив, однако, верность принципам Просвещения. Морелле порицает «вандализм, который заставил наших тиранов (т.е. вождей революции. – К.Д.) уничтожать то, что они на своем сумасбродном языке называли аристократией ума» [Morellet, 1821, p. 30].

2 ноября 1789 г. в Париже стал выходить сатирический журнал «Деяния апостолов». Его сотрудники принадлежали к умеренному крылу роялистов, а его основатель Жан Габриэль Пельтье даже участвовал во взятии Бастилии. Видную роль играл в журнале Антуан Ривароль, один из остроумнейших людей своего времени.

Первый выпуск «Деяний...» открывался пародийным описанием «похода» графа де Ламета на монастырь женского ордена Аннонсиад под Парижем. 26 октября 1789 г. де Ламет, один из вождей левого крыла Учредительного собрания, произвел обыск монастыря в поисках скрывшегося Шарля де Барантена, бывшего хранителя королевской печати и, как сообщалось в «Деяниях апостолов», «отступил в полном порядке, не потеряв ни единого человека. Люди, известные во Франции под именем зубоскалов, пытались высмеять предприятие г-на де Ламета. Мы считаем, что оказываем важную услугу отечеству, разоблачая зубоскальство (*le persiflage*) как аристократию, и притом наиболее опасного свойства; ведь зубоскальство можно назвать *аристократией ума*» [Les Actes des ..., 1789, p. 3–4].

Слово ‘*persiflage*’, появившееся в эпоху Просвещения, можно перевести как «замаскированное высмеивание». Такое высмеивание выказывало умственное превосходство «зубоскалов». Этим приемом широко пользовались либертины, просветители, а затем и критики революционного радикализма.

По-видимому, тогда же появился оборот «l'aristocratie des talents» – «аристократия дарований (талантов)». В 1791 г. Пьер Жин (1726–1807), внучатый племянник Буало, издал своей перевод речей Демосфена. Одно из примечаний, относящееся к выборам должностных лиц Афинского государства по жребию, содержало вполне актуальный намек: «Кто поверил бы, что горячка равенства может привести к тому, что выбор наиболее важных магистратур и даже членов сената будет доверен случаю? Боялись даже аристократии дарований. Но такое неравенство – в самой природе, которая распределила свои дары по своему усмотрению» [Demosthenes, 1791, p. 24–25].

В эпоху Реставрации (1815–1830) это выражение также использовалось в политическом, а не в культурном контексте. Военный теоретик Антуан Анри Жомини писал: «Жирондисты, стремившиеся к аристократии дарований и образованности, слишком гордились своим превосходством, чтобы не обидеть темных сектантов уравнительности» (т.е. якобинцев) [Jomini, 1819, p. 338]. Рене Шатобриан, полагавший, что «аристократия – самый надежный источник свободы», приветствовал появление в Палате пэров «аристократии дарований» как связующего звена между старой и новой (наполеоновской) аристократией [Chateaubriand, 1829, p. 521].

В анонимной статье 1842 г. «аристократия ума» ставится в один ряд с «аристократией рождения» и «аристократией богатства»:

«Есть много общего между аристократией ума и рождения; умный человек испытывает такое же презрение к заурядному человеку, как дворянин к мужику. Но в первом случае это чувство основано на реальном превосходстве, в то время как у дворянина это только предубеждение. Здравый смысл в самом деле исключительно личный титул, который не продается и не передается, и на это преимущество аристократия ума претендует с большим правом, чем обе ее соперницы – аристократия рождения и богатства» [L'aristocratie de l'esprit, 1842].

Редкий пример использования этого оборота в сугубо культурном контексте встречается у философа-спиритуалиста Жана Мари Гюйо. Он осуждает «надменных ученых», согласно которым только «высшие умы» могут обойтись без религии и «необходимо зарезервировать для элиты свободу совести и свободу мысли; аристократия разума должна запереться в укрепленном лагере» («Безверие будущего», 1887) [Guyau, 1906, p. 186].

Орден интеллигенции

У русских авторов XIX в. мы не найдем прямых аналогов «аристократии духа» в позднейшем смысле этого выражения. Едва ли не ближе всего к этой формуле подошел Афанасий Фет:

Вот наш патент на благородство, –
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.
(«На книжке стихотворений Тютчева», 1883) [Фет, 1986, с. 331].

Однако Фет, глашатай абсолютной самоценности искусства, стоял особняком среди своих современников. В конце жизни он сетовал: «...Все мои друзья пошли в прогресс и стали не только в жизненных, но и в чисто художественных вопросах противниками прежних своих и моих мнений» (письмо к вел. князю Константину Константиновичу 4 ноября 1891 г.) [Фет, 1982, с. 182].

Высказывание Фета вплотную подводит нас к явлению, которое в XX в. было названо «орденом интеллигенции». Как указал в 1959 г. Федор Степун, этот образ восходит к 26-й главе мемуаров П.В. Анненкова «Замечательное десятилетие» (1880). О московских западниках второй половины 1840-х годов здесь говорилось: «...Круг этот <...> походил на рыцарское братство, на воюющий орден, который не имел никакого письменного устава, но знал всех своих членов, рассеянных по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоял по какому-то соглашению, никем, в сущности, не возбужденному, поперек всего течения современной ему жизни, мешая ей вполне разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими» [Анненков, 1989, с. 246].

Русские религиозные философы XX в. распространили метафору «ордена» на всю «пошедшую в прогресс» русскую интеллигенцию. Первенство здесь принадлежало Семену Людвиговичу Франку (1877–1950). Знаменитый сборник «Вехи» (1909) завершался его статьей «Этика нигилизма». Статье предпослан эпитаф из Ницше («Так говорил Заратустра», 1883): «Не вокруг творцов нового шума – вокруг творцов новых ценностей вращается мир». Как мы уже видели, «творцы новых ценностей» у Ницше – то же, что «аристократия духа» в русской литературе XX в., т.е. «люди высшей духовной жизни».

Согласно Франку, высшая духовная жизнь – «ценности теоретические, эстетические, религиозные», «строгое и чистое знание ради знания» – чужда интеллигентскому сознанию. «Начиная с восторженного поклонения естествознанию в 60-х годах <...>, наша интеллигенция искала в мыслителях и их системах не истины научной, а пользы для жизни, оправдания или освящения какой-либо общественно-моральной тенденции». «Интеллигенция есть как бы самостоятельное государство, особый мирок со своими строжайшими и крепчайшими традициями, с своим этикетом, с своими нравами, обычаями, почти со своей собственной культурой <...>. Но, уединившись в своем монастыре, интеллигент не равнодушен к миру; напротив, из своего монастыря он хочет править миром и насадить в нем свою веру; он – воинствующий монах, монах-революционер». «С безграничным деспотизмом, питаемым сознанием своей непогрешимости, этот монашеский орден трудится над удовлетворением земных, слишком “человеческих” забот о “едином хлебе”» [Франк, 1991, с. 179].

Любопытно отметить, что другой автор «Вех», С.Н. Булгаков, говорит о «духовном аристократизме» интеллигенции в негативном смысле; это выражение означает здесь притязания на духовную власть над обществом, т.е. то же, что «аристократия духа» у Людвига Бёрне: «...Интеллигенция есть лишь особая разновидность духовного аристократизма, надменно противопоставляющая себя “обывателям”»; ее народопоклонничество уживается с высокомерным отношением опекуна к опекаемому [Булгаков, 1991, с. 59, 75].

В 1926 г. другой русский религиозный мыслитель, Георгий Федотов (1886–1951), опубликовал в парижском журнале «Версты» статью «Трагедия интеллигенции». Федотов вновь обращается к метафоре «ордена», почти буквально повторяя Франка (ни разу не упомянутого): «Сознание интеллигенции ощущает себя почти как некий орден, хотя и не знающий внешних форм, но имеющий свой неписанный кодекс – чести, нравственности, – свое призвание, свои обеты. Нечто вроде средневекового рыцарства <...>» [Федотов, 1926, с. 149].

По глубине мысли и логической стройности статья Федотова сильно уступает «Этике нигилизма». Понятие «интеллигенция» здесь берется необычайно широко, как в хронологическом плане («от Новикова и Радищева до наших дней»), так и в содержательном (сюда включены декабристы и – с оговорками – Чаадаев и славянофилы 1840-х годов). «Русская интеллигенция, – пишет Федотов, – “идейна” (т.е. поклоняется отвлеченной идее. – К.Д.) и “беспочвенна”.

Это ее *исчерпывающие определения*» [Федотов, 1926, с. 150; курсив наш].

Между тем далее оказывается, что дворянская интеллигенция вплоть до восстания декабристов отнюдь не была беспочвенной. Наиболее «чистой» интеллигентской формацией Федотов, как и Франк, считает народничество, но к началу XX в. народничество, согласно Федотову, «уже нашло путь к деревне, возделанной за несколько десятилетий земским плугом; к 1905 г. “смычка” интеллигенции с народом была уже совершившимся фактом». Русская социал-демократия – «несомненно, самое почвенное из русских революционных движений»; «природа большевизма максимально противоположна русской интеллигенции». В результате «между 1906 г. и 1914 г. интеллигенция растаяла почти бесследно» [там же, с. 179–180]. Этот взгляд был совершенно чужд Франку и прочим авторам «Вех».

После Второй мировой войны о левой интеллигенции как «монашеском ордене» говорил Бердяев в книге «Русская идея» (1946, гл. 1). Здесь он повторил свои давние тезисы о том, что в мироощущении интеллигенции «сказалась глубинная православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества». В противостоянии с государственной властью «права была интеллигенция», хотя «это страшно спутало ее сознание, отвернуло ее сознание от многих сторон творческой жизни человека, сделало ее более бедной» [Бердяев, 1990, с. 66].

Как видим, Федотов и Бердяев высказываются об «ордене» не столь однозначно критически, как Франк. Еще более заметна эта тенденция у Ф.А. Степуна, автора статьи «Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции» (1959). Среди религиозных философов эмиграции Федор Августович Степун (1884–1965) был наиболее левым; до высылки за границу он призывал к эсерам.

Необходимый признак принадлежности к интеллигенции, согласно Степуну, – «страстная заинтересованность в вопросах социальной жизни». Поэтому Чаадаев, Достоевский и Вл. Соловьев – интеллигенты, а Лев Толстой и К. Леонтьев – не интеллигенты. «Его [Толстого] муки не носили характера общественного интереса, а были скорее личной этически-религиозной проблемой» [Степун, 1959, с. 177]. Заключительный вывод статьи таков:

«Не только России, но и всем европейским странам нужна элита людей, бескорыстно пекущаяся о страданиях униженных и

оскорбленных, которых еще очень много в мире, строящая свою жизнь на исповедании правды, готовая на лишения и жертвы. Вот черты старой интеллигенции, которые должны вернуться в русскую жизнь.

Дух же утопизма, диалектического распорядительства в областях жизни, в которых ничего не понимаешь, и легкомысленной веры в то, что истины изобретаются философами, социологами и экономистами, а не даруются свыше, должны исчезнуть» [Степун, 1959, с. 188].

С середины XX в. понятие «орден интеллигенции» прочно вошло в язык исторической и политической публицистики – сначала эмигрантской, затем постсоветской. Обычно оно дается со ссылкой на Г. Федотова, а не на Л. Франка, а неоднозначность его содержания у разных мыслителей первой половины XX в., в сущности, игнорируется.

Список литературы

Анненков П.В. Литературные воспоминания. – Москва : Правда, 1989. – 688 с.

Аишукин Н.С., Аишукина М.Г. Крылатые слова : Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – Москва : Худож. лит., 1960. – 752 с.

Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – 479 с.

Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество: (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России : сборники статей. 1909–1910. – Москва : Молодая гвардия, 1991. – С. 43–85.

Гейне Г. Путешествие по Гарцу. 1824 / пер. В. Зоргенфрея // Гейне Г. Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Худож. лит., 1982. – Т. 3. – С. 11–72.

Ницше Ф. К генеалогии морали / пер. К. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1990а. – Т. 2. – С. 407–524.

Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. – Москва : Культурная революция, 2012. – Т. 11 : Черновики и наброски: весна 1884 – осень 1885 гг. / пер. В.Д. Седелника. – 682 с.

Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое : Книга для свободных умов / пер. С.Л. Франка // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1990б. – Т. 1. – С. 231–490.

Степун Ф.А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Мосты. – Мюнхен, 1959. – № 3. – С. 171–188.

Суворов А.В. Письма. – Москва : Наука, 1986. – 808 с.

Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Версты. – Париж, 1926. – № 2. – С. 144–184. – Подпись: Е. Богданов.

Фет А.А. Сочинения : в 2 т. – Москва : Худож. лит., 1982. – Т. 2. – 460 с.

Фет А.А. Стихотворения и поэмы. – Ленинград : Сов. писатель, 1986. – 752 с.

Франк С.Л. Этика нигилизма: (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России : сборники статей. 1909–1910. – Москва : Молодая гвардия, 1991. – С. 153–184.

Aristokratie // [Brockhaus] *Conversations-Lexicon*. – 5. Aufl. – Leipzig : F.A. Brockhaus, 1822. – Bd. 1, Abt. 1 : A–Cz. – S. 150–155.

Ascher S. Der deutsche Geistesaristokratismus: Ein Beitrag zur Charakteristik des zeitigen politischen Geistes in Deutschland. – Berlin : Achenwall, 1819. – 56 S. То же: Leipzig, 1819. – 69 S. (В статье цитируется лейпцигское издание.)

Bismarck O. von. Fürst Bismarcks Reden. – Leipzig : Reclam, 1852. – Bd. 1. – 268 S.

Börne L. Altes Wissen, neues Leben // Börne L. *Sämtliche Schriften*. – Dreieich : J. Melzer, 1977. – Bd. 1. – S. 707–724.

Börne L. Aristokratie: (Artikel im *Conversationslexikon*) // *Literaturblatt*. – Stuttgart ; Tübingen, 1823a. – N 9, 31. Januar. – S. 33–35.

Börne L. Schilderungen aus Paris. XXIV. Aristokratismus des Geistes. [1823f]. – URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/B%C3%B6rne,+Ludwig/Schriften/Schilderungen+aus+Paris> (дата обращения: 10.05.2019).

Chateaubriand F.-R. Préface // *Chateaubriand F.-R. Oeuvres complètes*. – Bruxelles : Weissenbruch, 1829. – Т. 4. – P. 519–524.

Coup d'oeil sur l'état actuelle la littérature en Allemagne // *Bibliothèque universelle de Genève*. – Paris, 1837. – Т. 11, Septembre–October. – P. 253–275. – Подпись: Н.В.

Demosthenes. Les harangues politiques: Avec les deux harangues de la couronne / Trad. nouvelle par M. Gin. – Paris : Didot, Bossange, 1791. – Т. 2. – 175 p.

Devaines J. Seconde letter : Sur la censure des théâtres // *Devaines J. Mélanges de littérature*. IV / Publiées par J.-A.-B. Suard. – Paris : Dentu, 1804. – Т. 1. – P. 514–519.

[*Devaines J.*] Spectacles: Encore quelques mots sur la censure du Théâtre // *Journal de Paris*. – Paris, 1789. – N 291, 18 October. – P. 1332–1833.

Görres J. Resultate meiner Sendung nach Paris im Brumaire des achten Iahres // *Görres J. von. Gesammelte Schriften*. – München, 1854. – Abt. 1 : Politische Schriften, Bd. 1. – S. 25–112.

Guyau J.-M. L'Irréligion de l'avenir: étude sociologique. – Paris : F. Alcan, 1906. – 479 p.

Jomini A.-H. de. Histoire critique et militaire des guerres de la Revolution. – Paris : Magimel, Anselin et Pochard, 1819. – Т. 1. – 447 p.

Kahlert A. Die Genrebilder in der modernen Musik // *Neue Zeitschrift für Musik*. – Leipzig, 1835. – Bd. 1, N 47, 12 Juni. – S. 189–191.

Ladendorf O. Historisches Schlagwörterbuch : Ein Versuch. – Strassburg : Trübner, 1906. – 365 S.

L'aristocratie de l'esprit // *Revue belge*. – Liège, 1842. – T. 20 : Janvier–avril. – P. 108. – Подпись: L.-V.R.

Les Actes des Apotres : Chapitre premier. – [Paris, 1789]. – [N 1, 2 November]. – P. 1–16.

Morellet A. Mémoires inédits de l'abbé Morellet sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution. – Paris : Librairie française, 1821. – T. 2. – 444 p.

Mundt T. Moderne Lebenswirren. – Leipzig : G. Reichenbach, 1834. – 268 S.

Nietzsche F.W. Geschichte der griechischen Litteratur: [Dritter Theil] // Nietzsche F. – Leipzig : Kröner Verlag, 1912. – Bd. 18, Abt. 3 : Philologica, Bd. 2. – 340 S.

Steffens H. Wie ich wieder Lutheraner wurde, und was mir das Lutherthum ist: Eine Confession. – Breslau : Max, 1831. – 252 S.

Vorerinnerung des Herausgebers // *Der Kosmopolit*. – Jena, 1808. – Quart. 1. – S. 1–4.

Wünsche und Vorschlägein Bezug auf Kultur- und Litteraturgeschichte // *Deutsche Monatsschrift für Litteratur ...* – Leipzig, 1844. – Bd. 2. – S. 184–186.

«ПАРАДОКС О МАНДАРИНЕ»: ЭТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ЛИТЕРАТУРЕ

Оборот «парадокс о мандарине» (*paradoxe du mandarin*) появился во Франции не позднее 1879 г., а в более ранней форме – «парадокс Руссо» – в 1844 г. Его источником был роман Бальзака «Отец Горио» (1835).

Беглый каторжник Вотрен, наделенный в романе демоническими чертами, предлагает бедному, но амбициозному студенту Растиньяку легкий способ разбогатеть. Он должен позволить Вотрену подстроить убийство на дуэли сына банкира, а затем жениться на сестре убитого, которая унаследует огромное состояние отца и которая уже влюблена в Растиньяка.

Растиньяк отказывается, однако вскоре признается своему товарищу, студенту-медику Бьяншону, что его «изводят дурные мысли». Он спрашивает Бьяншона:

«– Ты читал Руссо?

– Да.

– Помнишь то место, где он спрашивает, как бы его читатель поступил, если бы мог, не выезжая из Парижа, одним усилием воли убить в Китае какого-нибудь старого мандарина и благодаря этому сделаться богатым?

– И что же?

– Пустяки! Я приканчиваю уже тридцать третьего мандарина.

– Не шути. Слушай, если бы тебе доказали, что такая вещь вполне возможна и тебе остается только кивнуть головой, ты кивнул бы?

– А твой мандарин очень стар? Хотя, стар он или молод, здоров или в параличе, говоря честно... нет, черт возьми!» [Бальзак, 1952, с. 123–124].

Через некоторое время на вопрос Бьяншона: «Ну, как? Убили мандарина?» – Растиньяк отвечает: «Еще нет, но он уже хрипит» [там же, с. 141].

Как указал Б.Г. Реизов, «парадокс» того же рода встречался в раннем романе Бальзака «Аннета и преступник» (1824; в издании 1836 г.: «Пират Арго»): «Если бы ты одним только взглядом мог убить в Новой Голландии человека, который должен вскоре погибнуть, и так, чтобы никто на свете не знал об этом, и если бы это *полупреступление*, как говоришь ты в сердце своем, доставило тебе большое богатство, ты бы сейчас уже жил в *своем* особняке, ездил в *своей* карете <...>! Ты бы повторял, не смущаясь: *такой порядочный человек, как я*» [Реизов, 1960, с. 149]¹.

Вслед за Бальзаком парадокс о мандарине долгое время приписывали Руссо, иногда – со ссылкой на его философский роман «Эмил, или О воспитании» (1762). Однако в «Эмиле» можно отыскать лишь частичные подобия тематики парадокса о мандарине: «Как часто внутренний голос говорит нам, что, создавая наше благо на счет других, мы делаем зло!»; «Нам помимо воли жаль несчастных; когда мы бываем свидетелями их горя, мы страдаем за них» (кн. IV, раздел «Исповедание веры савойского викария») [Руссо, 1981, с. 341, 343].

В действительности, как было установлено десятилетия спустя после публикации «Отца Горио», «парадокс» появился в книге Рене де Шатобриана «Гений христианства» (1802), ч. 2, кн. 6, гл. 2: «Угрызения совести». В этой главе Шатобриан, полемизируя с «софистами», т.е. философами Просвещения, рассматривает существование совести как доказательство «бессмертия души и существования карающего Бога» [Chateaubriand, 1804, p. 134].

¹ В редакции 1836 г. («Пират Арго») изменено: «Если бы вы одним только взглядом могли убить в Новой Голландии человека, который должен вскоре погибнуть, и так, чтобы никто на свете не знал об этом, и если бы это никому не известное преступление доставило вам большое богатство, вы не колебались бы ни минуты!» [Balzac, 1837, p. 257].

«О совесть! Что ты такое, хотел бы я знать, – всего лишь призрак воображения или же страх наказания? Я спрашиваю себя: “Если б ты мог одним усилием воли убить человека в Китае и унаследовать его имущество в Европе, с абсолютной, сверхъестественной уверенностью, что никто никогда не узнает об этом, ты бы решился на это?” <...> Я готов смягчить ужас этого убийства, предположив, что по моему желанию этот китаец умрет внезапно и безболезненно, что у него нет наследников, что даже для государства его собственность будет потеряна; я могу представить себе, что этот незнакомый мне человек удручен болезнями и скорбями; я могу сказать себе, что смерть для него благо, что он сам призывает ее, что ему осталось лишь одно мгновение жизни. Несмотря на все эти тщетные отговорки, в глубине своего сердца я слышу голос, который столь сильно вопиет при одной мысли о таком предположении, что я ни на миг не могу усомниться в реальности совести» [Chateaubriand, 1804, p. 133–134].

Итак, Шатобриан в своем мысленном эксперименте делает все возможное, чтобы облегчить решение о дистанционном убийстве, включая предположение, что жертве «осталось лишь одно мгновение жизни». (Этого рода аргументация в дальнейшем многократно повторялась и варьировалась.) И все же ответ на поставленный вопрос для христианского мыслителя совершенно очевиден: «Нет!»

Бальзак заменил шатобриановского «человека в Китае» «мандарином» – словом с более «яркой» семантикой¹, а главное – включил «парадокс» в художественную ткань романа, для героев которого вопрос о судьбе мандарина оказывается насущной моральной проблемой. Как замечает немецкий исследователь Йенс Херльт, «именно роман является адекватным литературным жанром для практического исследования этого морально-философского эксперимента. <...> Мир романа охватывает весь спектр моральных возможностей <...>» [Херльт, 2019, с. 45].

Попутно заметим, что, согласно одной из версий, источником выражения «убить мандарина» был не роман Бальзака, а заключительное двустушиие сатирического куплета времен Фронды (1648), где имя ненавистного кардинала Мазарини (Mazarin) заменено, осторожности ради, словом «мандарин»: «Pour avoir du pain et du vin, / Il faut tuer le mandarin» – «Чтобы хлеб и вино получить, / Мандарина нужно убить». Эта версия, появившаяся в 1893 г. [Joliet,

¹ О возникновении двух значений этого слова см.: [Будагов, 1968, с. 79–80].

1893, р. 208], была принята в ряде справочников, но, по-видимому, не имеет документального подтверждения и представляет собой лишь этимологическую легенду.

Хотя «парадокс» первым сформулировал Шатобриан, у него были предшественники среди моралистов и философов XVII–XVIII вв. Жан де Лабрюйер писал: «Каждый считает себя наследником должностей, титулов и достояния своего ближнего и, движимый этой корыстной мыслью, всю жизнь невольно и тайно желает другому смерти» («Характеры» (1687–1694), VI, 70) [Лабрюйер, 1974, с. 294; указано в заметке: Fox, 1879, col. 648].

Еще ближе к проблеме, поставленной Шатобрианом, подошел Дени Дидро, прежде всего в «Разговоре отца с детьми» (1773), где на ряде примеров поставлен вопрос об эмпирической основе морали [указано в работе: Delon, 2013]. Вот первый из этих примеров.

Нотариус должен ввести в наследство родственников умершего священника, давно уже впавших в глубокую нищету. Но в сундуке со старыми бумагами обнаруживается очень давнее завещание, по которому наследство целиком переходит к семейству богатых парижских издателей. Нотариус не сомневается, что завещание было составлено в минуту раздражения: покойный даже не отвечал на письма к нему парижских издателей, т.е. питал к ним полное равнодушие; вероятно, завещание оказалось в сундуке с бумажным хламом как раз потому, что священник отказался от намерения обездолжить родственников. Душеприказчики покойного давно умерли, и о завещании не знает ни одна живая душа. Нотариус оказывается перед моральной дилеммой: что правильнее – бросить старую бумагу в огонь, избавив от нищеты десятки людей, или следовать букве закона?

Речь в «Разговоре...» идет о том, можно ли преступить закон ради высшей справедливости, а также о механизмах угрызений совести. Один из этих механизмов – сочувствие к чужому страданию и чужой боли, лежащее в природе человека (т.е. эмпатия), другой – страх перед позором и наказанием.

«...Быть может, расстояние и время обладают способностью ослаблять всякие чувства, всякое раскаяние, даже вызванное преступлением. Убийца, перенесясь на побережье Китая, находится слишком далеко, чтобы видеть окровавленный труп, оставленный им на берегу Сены. Угрызания совести, может статься, возникают не столько от отвращения к себе, сколько от страха перед людьми, не столько от стыда за поступок, сколько в связи с позором и наказанием, которые воспоследуют, если преступление раскроется». Так или иначе, «от своей совести не уедешь». «Дни злодея полны тревог.

Только порядочный человек знает покой. Он один живет и умирает безмятежно» [Дидро, 1937, с. 37].

Те же мысли Дидро высказывал в более раннем «Письме о слепых» (1749): «Я не сомневаюсь, что, не будь страха наказания, многие люди способны были бы так же легко убить человека на таком расстоянии, где он казался бы им величиной с ласточку, как заколоть собственноручно быка. И не тем же ли принципом руководствуемся мы, когда испытываем сострадание к мучающейся лошади и свободно, без всяких угрызений совести, раздавливаем муравья?» [Дидро, 1935, с. 231–232].

По мнению В.А. Туниманова, в «Отце Горио» Растиньяк отказывается от согласия на преступление потому, что его «удерживает *голос сердца и вера* в Бога». В подтверждение приводится цитата из «Отца Горио»: «Быть может, только те, кто верит в Бога, способны делать добро не напоказ, а Растиньяк верил в Бога» [Туниманов, 2004, с. 312]. Однако, как заметил уже Б.Г. Реизов, Растиньяк фактически вступает на путь «убийства мандарина», и спасает его только счастливый случай, т.е., в сущности, чудо, совершенное романистом.

Между тем Бьяншон, без особых раздумий отвечающий «нет», – материалист и атеист. Это классический тип светского подвижника, каких было немало в XIX в. На протяжении всей «Человеческой комедии» именно он более других «делает добро не напоказ». Его аргументацию в разговоре о мандарине вполне мог бы принять атеист Дидро: «Человеческие склонности находят и в пределах очень маленького круга такое же полное удовлетворение, как и в пределах самого большого. Наполеон не съедал двух обедов и не мог иметь любовниц больше, чем студент-медик, живущий при Больнице капуцинов. Наше счастье, дорогой мой, всегда будет заключено в границах между подошвами наших ног и нашим теменем, – стоит ли оно нам миллион или сто луидоров в год, наше внутреннее ощущение от него будет совершенно одинаково» [Бальзак, 1952, с. 124]. Тут проявилась высшая объективность Бальзака как художника: созданный им образ опровергает его же сентенцию, а также доводы Шатобриана о неразрывной связи между нравственным поведением и верой в Бога и бессмертие души. (Ниже мы еще будем говорить о романе Достоевского «Преступление и наказание», где в распределении ролей персонажей бальзаковскому Бьяншону соответствует Разумихин – представитель разночинцев-«шестидесятников», в массе своей неверующих.)

Американский филолог Эрик Хейот указал еще одну параллель к высказыванию Шатобриана. Речь идет о последнем,

VI издании трактата Адама Смита «Теория нравственных чувств» (1790), ч. 3, гл. 3: «О влиянии и авторитете совести». Здесь, как и у Дидро, рассматривается влияние географической дистанции на нравственное сознание¹.

«Предположим, – пишет Смит, – что обширная Китайская империя с ее миллионным населением внезапно проваливается вследствие землетрясения, и посмотрим, какое впечатление произведет это ужасное бедствие на самого человеколюбивого европейца, не находящегося ни в каких отношениях с этой страной. Я полагаю, что он прежде всего опечалится таким ужасным несчастьем целого народа; он сделает несколько грустных размышлений о непрочности человеческого существования и суете всех замыслов и предприятий человека, которые могут быть уничтожены в одно мгновение. <...> ...Выразив все, что было вызвано его человеколюбием, он опять обратится к своим делам и к своим удовольствиям или же отдастся отдохновению с таким спокойствием и равнодушием, как будто катастрофы вовсе и не случилось. Малейший случай, касающийся его лично, оказал бы на него большее впечатление: если бы на следующий день ему должны были отрезать палец, то он не спал бы целую ночь; и если только землетрясение угрожает не той стране, в которой он живет, то гибель многих миллионов людей не нарушит его сна и менее опечалит его, нежели самая ничтожная личная неудача². Но имеем ли мы право сказать, что для предупреждения этой неудачи человек, одаренный хоть небольшим состраданием, пожертвовал бы жизнью миллиона людей, лишь бы они погибли не на его глазах? Одна подобная мысль приводит в ужас³» [Смит, 1997, с. 141–142].

¹ О влиянии временной дистанции на нравственное сознание писал Руссо: «Что мне за дело до преступлений Катилины? Разве я боюсь быть их жертвой? Почему же он внушает мне такой же ужас, как если он был моим современником?» («Эмиль», раздел «Исповедание веры савойского викария») [Руссо, 1981, с. 343].

² Этот пассаж, в свою очередь, восходит к высказыванию Давида Юма: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец. Я не вступлю в противоречие с разумом и в том случае, если решусь безвозвратно погибнуть, чтобы предотвратить малейшую неприятность для какого-нибудь <...> совершенно незнакомого мне лица» («Трактат о человеческой природе» (1739), II, 3, 3) [Юм, 1996, с. 557].

³ Почти на тот же вопрос, но совершенно иначе отвечает «подпольный человек» Достоевского: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» («Записки из подполья» (1864), II, 9) [Достоевский, 1972, с. 174].

«Учитывая, что Шатобриан начал писать “Гения христианства” в 1799 г., находясь в Англии, источником интересующего нас фрагмента был скорее Смит, чем Дидро», – полагает Хейот [Hayot, 2009, p. 5]. Это мнение не кажется нам убедительным. И содержательно, и текстуально Шатобриан гораздо ближе к Дидро, чем к Смиту, а в «Опытах об английской литературе» Шатобриана (1836) Адам Смит упомянут только в связи с его трудами по политической экономии [Chateaubriand, 1836, p. 223].

Мысленный этический эксперимент, отчасти родственный «парадоксу о мандарине», мы находим уже у Платона, во II книге его трактата «Государство». Здесь (359 b-360 d) софист Главкон, обсуждая с Сократом проблему добра и зла, развивает взгляды софиста Фрасимаха (конец V в. до н.э.). Софисты учили об относительности нравственных норм; именно поэтому Шатобриан именовал «софистами» философов Просвещения.

Справедливость, утверждает Главкон, ценят не потому, что она сама по себе благо, а лишь потому, что люди не могут безнаказанно творить несправедливость. «Это мы всего легче заметим, если мысленно сделаем вот что: дадим полную волю любому человеку, как справедливому, так и несправедливому, творить все что ему угодно, и затем понаблюдаем, куда его поведут его влечения. Мы поймаем справедливого человека с поличным: он готов пойти точно на то же самое, что и несправедливый <...>» [Платон, 2007, с. 144].

И далее Главкон рассказывает легенду о лидийском пастухе Гиге, который случайно нашел перстень, позволявший стать невидимым. «Поняв это, он сразу повел дело так, чтобы попасть в число вестников, окружавших царя. А получив к царю доступ, Гиг совратил его жену, вместе с ней напал на него, убил и захватил власть». Отсюда делается вывод: «Если бы было два таких перстня – один на руке у человека справедливого, а другой у несправедливого, тогда, надо полагать, ни один из них не оказался бы настолько твердым, чтобы остаться в пределах справедливости и решительно воздержаться от присвоения чужого имущества и не притрагиваться к нему, хотя каждый имел бы возможность без всякой опаски брать что угодно на рыночной площади, проникать в дома и сближаться с кем вздумается, убивать, освобождать из заключения кого захочет – вообще действовать среди людей так, словно он равен богу» [там же, с. 145].

Шатобриан должен был знать легенду о Гиге: «Государство» Платона входило в разряд обязательного чтения образованного европейца. Вероятно, знал ее и Герберт Уэллс; сходство сюжета романа «Человек-невидимка» с легендой о лидийском пастухе очевидно.

В 1839 г. Алида де Савиньяк, сотрудница парижского «Журнала для девушек», изложила свою версию парадокса о мандарине: «Один философ где-то сказал: если бы самый порядочный из людей знал, что в Китае есть незнакомый ему мандарин, <...> чье огромное богатство достанется ему, стоит ему пожелать смерти мандарина, этот порядочный человек не устоял бы перед искушением убить несчастного китайца не один, а целых десять раз, если бы тот всякий раз восставал из могилы, как дьявол в фарсе о Полишинеле» [Savignac, 1839, p. 217]. В той же статье едва ли не впервые встречается оборот «убить мандарина» (*tuer le mandarin*).

В романе Дюма-отца «Граф Монте-Кристо» (1844) парадокс о мандарине становится идейным обоснованием вполне реальных убийств. В III части романа (гл. 14: «Токсикология») главный герой выступает в роли провокатора, устраняя последние сомнения госпожи де Вильфор, уже почти готовой на преступление:

«Темная сторона человеческой мысли целиком выражается в известном парадоксе Жан-Жака Руссо – вы знаете? – “Мандарин, которого убивают за пять тысяч миль, шевельнув кончиком пальца”. Вся жизнь человека полна таких поступков, и его ум постоянно порождает такие мечты. Вы мало найдете людей, спокойно всаживающих нож в сердце своего ближнего или дающих ему, чтобы сжить его со свету, такую порцию мышьяку, как мы с вами говорили. Это действительно было бы эксцентрично или глупо. Для этого необходимо, чтобы кровь кипела, чтобы пульс неистово бился, чтобы вся душа перевернулась. Но, если, заменяя слово, как это делается в филологии, смягченным синонимом, вы производите простое устранение; если, вместо того чтобы совершить гнусное убийство, вы просто удаляете с вашего пути того, кто вам мешает, и делаете это тихо, без насилия, без того, чтобы это сопровождалось страданиями, пытками, которые делают из жертвы мученика, а из вас в полном смысле слова кровожадного зверя; если нет ни крови, ни стонов, ни судорог, ни, главное, этого ужасного и подозрительного мгновенного конца, то вы избегаете возмездия человеческих законов, говорящих вам: “Не нарушай общественного спокойствия!”».

«А совесть?», – спрашивает госпожа де Вильфор, словно бы вспоминая об аргументации Дидро и Шатобриана. Монте-Кристо устраняет это препятствие с циничным сарказмом: «Да, к счастью, существует совесть, иначе мы были бы очень несчастны. После всякого энергического поступка нас спасает наша совесть; она находит нам тысячу извинений, судьями которых являемся мы сами; и хоть эти доводы и сохраняют нам спокойный сон, они, пожалуй, не охранили бы нашу жизнь от приговора уголовного суда» [Дюма,

1990, с. 635–636]. Монте-Кристо остается лишь снабдить свою собеседницу, которая «жадно упивалась этими <...> циничными парадоксами», не поддающимся обнаружению ядом.

В 1850 г. парадокс о мандарине появился в англоязычной литературе – в романе шотландского писателя Джеймса Хэнни «Синглтон Фонтенуа», гл. 6:

- «– Что до меня, то я уже готов убивать мандаринов.
– Убивать мандаринов!
– Да. Разве ты не читал неподражаемого Бальзака? Он ставит вопрос: можно ли убить мандарина в Китае и получить целое состояние, просто пошевелив мизинцем. <...> Скажу откровенно: я мастак по части мандаринов.
– Идея весьма философская, и вполне в духе времени. <...> Так ты действительно убил бы мандарина?
– А ты разве нет? <...>
– Не знаю. Думаю, что нет.
– Мы все так поступаем, <...> и за гораздо меньшие суммы, чем у Бальзака. Парламент так поступает. Так поступают все» [Hannay, 1850, p. 92].

Без пояснений, как общеизвестное, выражение «убить мандарина» употреблено в романе Мэри Элизабет Брэддон «Арендатор сэра Джаспера» (1865–1866): «Может показаться, что убить мандарина легко, если достаточно лишь пожелать этого, а убийцу от жертвы отделяет все пространство между Европой и Азией» [Braddon, 1866, p. 250].

В 1855 г. в Париже был поставлен водевиль Анри Монье и Эдуара Мартена «Убил ли ты мандарина?». В сцене II происходит следующий диалог:

ПРОКОП. ...У меня не осталось жалости ни к кому... Завтра же я убью мандарина.

МАКСИМ. Убить мандарина? О чем ты?

ПРОКОП. Убить мандарина – это значит быть готовым на все, чтобы разбогатеть, сохраняя только видимость приличий. (Толкование выражения дано здесь впервые. – К.Д.) <...> Ты разве никогда не читал Жана Жака? Что ж, послушай, что говорит этот друг человечества: «Если бы можно было, просто нажав шишечку (de pousser un bouton), убить богатого человека, живущего в самой сердцевине Китая, – человека, которого ты никогда видел и о котором никогда не слышал, и стать его наследником... кто из нас не нажал бы на шишечку и не убил бы этого мандарина?...» [Monnier, Martin, 1855, p. 6].

Слово 'bouton' мы, вслед за Львом Толстым, переводим как 'шишечка'. В то время его основными словарными значениями были 'бутон', 'пуговица', 'круглая дверная ручка'; последнее значение реализуется в III сцене водевиля. В XX в. отсюда возникло выражение «le bouton du mandarin» – «кнопка (для убийства) мандарина».

В III сцене Максим борется с искушением «убить мандарина» и заранее подыскивает себе оправдания: «Убирайся к чертям, гражданин Женева (т.е. Руссо. – К.Д.)! Хотя, будь это правдой... “Убить мандарина” – это мне нравится. <...> О дьявол! О негодай! Ты внушаешь мне адские мысли... <...> Какой-то китаец... ведь это не человек, это жестокая обезьяна...» [Monnier, Martin, 1855, p. 7].

Как видим, Максим идет по пути создания отталкивающего образа жертвы – как существа совершенно чужого и чуждого. Этот мотив будет многократно повторен впоследствии.

В 1857 г. появилось печатное издание песни шансонье Луи Прота (L. Protat) «Убьем мандарина!» («Tuons le mandarin»). Эпиграфом к песне послужила цитата о мандарине из водевиля 1855 г. с подписью: «Жан Жак Руссо». В том же 1857 г. в Лондоне была поставлена английская переделка водевиля под названием «Дело совести» («A Case of Conscience») [Princess's, 1857].

В 1860 г. парадокс о мандарине стал сюжетом самостоятельного произведения – новеллы Огюста Витю «Мандарин» из его сборника «Сказки на ночь». Метафора Шатобриана–Бальзака здесь реализуется; тем самым повествование переводится в фантастический план.

Герой новеллы Жорж д'Обремель стоит на пороге полного разорения: «Завтра, в десять часов, судебные приставы заберут у меня все». «О, великий человек! – он продолжил, взяв лежавшую рядом открытую книгу, – великий философ, которого невежды именуют софистом! О! ты выразил глубоко правдивую мысль, когда писал эти строки, которых я никогда не перечитывал без ужаса: “Предположим, в Китае, в трех тысячах лиг от вас, в сказочной стране, живет мандарин – человек, которого вы никогда не увидите; предположим, кроме того, что смерть этого мандарина, этого химерического существа, обогатит вас на миллион и что вам достаточно здесь, во Франции, поднять палец, чтобы он умер, и никто никогда не потревожит вас в связи с этим, – скажите, что бы вы сделали?”» «Разве Бьяншон, великий материалист, <...> не признается другу в том, что приканчивает уже тридцатого мандарина?» [Vitu, 1860, p. 7].

Взгляд Жоржа падает на каминную полку, где стоит китайская фарфоровая фигура. «Возможно, это портрет мандарина. <...> Если хорошенько поразмыслить над уродством этого тупоумного народа, нашлось бы немало смягчающих обстоятельств для тех, кто убивает мандаринов» [Vitu, 1860, p. 9].

В ночь на 12 января 1840 года герой решается на мысленное убийство мандарина. Обнаружив в газете заявление, подписанное комиссарами императорского Китая по имени Лин, Лу, Лун и Ли, он произносит заклинание: «Если смерть мандарина Ли сделает меня богатым и могущественным, что бы ни случилось, я хочу смерти мандарина Ли!» [ibid., p. 10]. В ту же минуту фарфоровый китаец падает с полки, а герой узнает из газет, что 12 января 1840 года мандарин Ли скончался и между Англией и Китаем начались военные действия, поскольку Ли один уравнивал влияние сторонников войны. В Кантоне убиты несколько английских коммерсантов, в их числе дядя Жоржа, владелец огромного состояния. Жорж становится богатым человеком и счастливым женихом. Однако убитый мандарин является ему наяву – и при вручении унаследованных денег, и в решающую минуту свадебной церемонии. Жорж уже готов покончить жизнь самоубийством, но убитый мандарин является ему снова и прощает его. Отныне Жорж посвящает свою жизнь и свое состояние делу помощи обездоленным.

Однако концовка новеллы не столь благостна: Жорж узнает, что «правитель Срединного царства конфисковал собственность семьи Ли, госпожа Ли умерла от страданий и нищеты, а их сын, позволивший себе обвинить прославленного императора в суровости, был задушен» [ibid., p. 22].

В сугубо нравоучительном плане трактуется парадокс о мандарине в повести Анри Врино «Наследник мандарина» (1863), опубликованной под псевдонимом Урбен Дидье в одном из католических журналов. Мелкий парижский чиновник Шарль Римбе, читая на ночь Руссо, наталкивается «на то место, где Жан Жак спрашивает, многие ли устоят перед искушением получить состояние, если для этого достаточно было бы пожелать смерти какого-нибудь никому не известного мандарина в Китайской империи» [Didier, 1864, p. 12]. Римбе, воспитанный в духе «философских теорий прошлого века» [ibid., p. 93], начинает обдумывать эту мысль:

«Вот необычная проблема. <...> До чего же заманчиво! С другой стороны, убить мандарина, черт возьми, это серьезно! Но, в конце концов, речь ведь идет не об убийстве, убийство действительно было бы ужасно. – Шарль вздрогнул, но пожелал ему смерти.

– И потом, какой-то там мандарин – точно ли он такой же человек, как и мы? Гм... это по меньшей мере сомнительно... Будь он французом, соотечественником – никогда! – произнес он твердым голосом и делая благородный жест, – никогда! Европейец – о нет! Мы могли видеть друг друга, встретиться где-то, как знать?.. Но китаец!» [ibid., p. 13]. В конце концов он решает, что за сто тысяч франков он бы убил мандарина – разумеется, только мысленно.

Ночью ему снится кошмарный сон: он видит себя в Китае на берегу Хуанхе – Желтой реки, названной так потому, что в ней течет чистое золото. Но когда он собирается наполнить ведро этим золотом, огромный мандарин преграждает ему путь; Шарль бросается на него и душит своими руками.

На другой день он получает письмо из Китая от своего кузена, католического миссионера. В письме сообщается, что обращенный в католичество мандарин Тьен-Фу, умирая, завещал Шарлю свое состояние – сто тысяч франков в пересчете на французские деньги. Миссионер при этом выражает надежду, что Шарль исполнит заветные желания покойного китайца-христианина.

Шарль успокаивает свою совесть тем, что его тайные желания тут не при чем – это дело чистого случая, но все же решает пожертвовать часть своих доходов на благотворительность. Однако его возлюбленная, убежденная католичка, убеждает его, что этого недостаточно – чтобы выполнить заветные желания завещателя, ему нужно самому стать миссионером, пусть не в Китае, а в бедных кварталах Парижа. Действительно, в этом качестве Шарль заново обретает себя, чудесным образом изменяется к лучшему и женится на любимой девушке.

В сатирическом очерке Альфреда Дельво «Наследник мандарина: Дневник бедняка, ставшего богачом» (1867) рассказчик неведомо от кого получает миллионное состояние, но не справляется со своей новой ролью.

В 1873 г. увидела свет новелла Армана де Понмартена «Мандаринша». Герой новеллы, маркиз де Сернак, живет в мире своих фантазий. «Постепенно он <...> свыкся с ролью некоего анонимного героя, не знающего ни ответственности, ни обязанностей, отвергающего законы <...>. Красноречивый софизм, грандиозное убийство, неслыханное прелюбодеяние представлялись ему курьезами, на которые следовало взирать с уважительным удивлением, прежде чем осуждать их» [Pontmartin, 1873, p. 14]. Маркиза де Сернак погибает в огне в результате несчастного случая, вероятность которого маркиз заранее предполагал, но не сделал ничего, чтобы предотвратить

гибель жены. В конце концов угрызения совести сводят его с ума. В финале цитируется диалог Растиньяка с Бьяншоном о мандарине, а заканчивается новелла фразой: «Несчастный маркиз Альберик де Сернак, пленник воображения, убил свою мандариншу» [Pontmartin, 1873, p. 63].

С 1870-х годов выражение «убить мандарина» включается в толковые словари. Словарь Эмиля Литтре (1878) дает следующее определение: «Совершать дурные поступки в надежде, что они никогда не станут известны» [Littré, 1878, p. 1081]. Литтре поставил авторство Руссо под сомнение, а в качестве предшественника Бальзака указал Шатобриана со ссылкой на филологический журнал «Le courrier de Vaugelas» от 1 октября 1876 г.

Однако Дидье Лубен в «Поговорках и выражениях французского языка» (1888) по-прежнему ссылается на Руссо: «*Убить мандарина* – совершить дурной поступок с почти полной уверенностью, что о нем никогда не станет известно. Объяснение этого словичного выражения можно найти в “Эмиле” Жана Жака Руссо, который высказал эту мысль» [Loubens, 1888, p. 263].

Это выражение приписывали также Вольтеру. Эдуар де Помпери в своей биографии Вольтера (1867) приводит следующую, явно анекдотическую историю. Любовница Вольтера Эмили дю Шатле, играя в карты в придворном обществе, проиграла все, что у нее было, потом все, что было у Вольтера, а потом, уже под честное слово, еще 84 000 ливров. Тогда Вольтер тихо сказал ей по-английски: «Вы так захвачены игрой, что не видите, что вас обманули и обокрали. Там, где ведут большую игру, всегда обманывают, и при дворе тоже. Когда можешь в одно мгновение разбогатеть или впасть в нищету, очень немногие способны устоять перед искушением *убить мандарина*» [Pomperu, 1867, p. 126].

В 1880 г. португальский писатель Эса де Кейрош опубликовал философскую повесть в стиле Вольтера под заглавием «Мандарин». Здесь парадокс о мандарине представлен в социально-сатирическом и пародийном плане. Многие сюжетные линии выглядят пародией на новеллу Огюста Витю «Мандарин» и повесть Анри Врино «Наследник мандарина», хотя повесть Врино, весьма слабая в художественном отношении, не получила сколько-нибудь заметного отклика в печати и едва ли был знакома де Кейрошу.

В одном из ветхих фолиантов герой читает о мандарине, живущем в самом сердце Китая. «Ты его не знаешь, не знаешь ни его имени, не видел ни лица его, ни шелка, который он носит. Но для того чтобы ты смог завладеть его несметными богатствами,

достаточно позвонить вот в этот лежащий на твоём столе колокольчик. Мандарин испустит дух в пределах своих Монгольских владений, он умрет, а ты – ты у своих ног увидишь столько золота, сколько не снилось даже самому ненасытному скупцу. Ну так, простой смертный, читающий эти строки, позвонишь ли ты в колокольчик?» [Эса де Кейрош, 2002, с. 435].

Герой звонит в колокольчик, после чего ему представляется, что он видит в Китае только что умершего старого мандарина. Через некоторое время он через банк получает наследство мандарина. Время от времени ему является призрак умершего мандарина. Герой отправляется в Китай, чтобы поделить наследство с семейством мандарина, впадшим в нищету, но его грабит городская толпа, прослышавшая о привезенных им богатствах. Герой возвращается в Португалию. Призрак продолжает к нему являться. В завещании героя пародируется раскаяние, обязательное в нравоучительной повести:

«Я чувствую, что умираю. Завещание уже написано. Все мои миллионы я оставляю дьяволу: они его, пусть их востребует и ими распорядится.

А вам, люди, я оставляю следующие строки: “Вкусен лишь тот хлеб, который добыт трудами собственных рук: никогда не убивай мандарина!” Думаю, что эти слова пояснений не требуют.

И все же больше всего меня, испускающего последний вздох, утешает та мысль, что если бы ты, читатель, – создание Божие и столь же несовершенное, сколь несовершенна глина, мне подобный и мой брат, – мог бы так же просто, как я, уничтожить мандарина и унаследовать его богатство, то с севера до юга и с востока до запада, от Великой стены до самых вод Желтого моря, короче, во всей Китайской империи уже давным-давно не осталось бы в живых ни одного мандарина!» [там же, с. 503].

В романе Фелисьена Шампсора «Мандарин» (1895) бедный молодой адвокат, одержимый страстью к богатству, подстраивает «идеальное убийство» [Hanotte-Zawiślak, 2019, p. 17–18].

Вторая редакция романа Шампсора вышла в 1902 г. под заглавием «L'Arriviste», что обычно переводится как «Выскочка», хотя французское (l'arriviste) имеет более узкое значение: «человек, стремящийся преуспеть любой ценой, амбициозный и беспринципный» [Petit Larousse ..., 1908, p.64]. В 1901 г. Анри Шато опубликовал сатирический роман-эссе «Руководство для выскочек». Один из заключительных советов «Руководства...» гласил: «Он (выскочка. – К.Д.) должен быть готов убить мандарина в любую минуту – еще

лучше, если он в состоянии заставить его страдать и получать от этого удовольствие» [Chateau, 1901, p. 234].

В романе Жака Сиго «Убьем мандарина» (1899) «убийство мандарина» выступает в качестве решающего испытания в карьере выскочки. Либо его совесть отвергнет убийство, либо смерть «мандарина» станет началом головокружительной карьеры. Герой романа Сиго не выдерживает испытания [Hanotte-Zawiślak, 2019, p. 19].

Еще одну версию парадокса о мандарине мы находим в новелле английского писателя Арнольда Беннета «Убийство мандарина» (1907). В доме богатого коммерсанта Чарльза Чесвардина заходит разговор об убийстве:

«– Убийство вовсе не такая уж невозможная вещь, как это может показаться. Всякий человек способен совершить убийство. <...> Предположим, что стоит какому-нибудь англичанину подумать об этом, пожелать этого – и он сможет убить любого мандарина в Китае, стать богачом, и никто об этом ничего не узнает. Сколько же тогда к концу недели останется в Китае мандаринов?

– Не к концу недели, а даже через двадцать четыре часа, – мрачно сказал Чесвардин.

– Ни одного, – заявил Вудраф» [Беннет, 1965, с. 101–102].

У жены Чарльза Веры есть все: богатый муж, прекрасный дом, красота, положение в обществе. Недостает ей только серебряного пояса для нового бального платья. Вера знает, что муж, выдающий ей деньги на личные прихоти раз в три месяца, не согласится на этот расход, поэтому посреди ночи она начинает подыскивать оправдания мысленному убийству мандарина. «Говорят, что китайские мандарины – мерзкие, развращенные люди; что они притесняют бедняков и подвергают пыткам невинных людей; короче говоря, все они – грешники и негодяи, не заслуживающие пощады. В Китае <...>, без сомнения, есть какой-нибудь незначительный мандарин, чья смерть была бы лишь благодеянием для всей округи, и убить его – лишь сделать доброе дело. Возможно, у него нет ни семьи, ни жены, и о нем не будут горевать даже родственники; или, напротив, мандарин-многоженец, заслуживающий наказания за свои грехи. Это может быть, в конце концов, мандарин старый, умирающий; или, наоборот, молодой, только начинающий свою гнусную деятельность!

<...> Итак, она убила мандарина, убила, лежа в собственной постели; не какого-то определенного мандарина, а вообще какого-то, наиболее подходящего для данного случая. Она преднамеренно желала ему смерти в надежде заполучить его богатства или, скорее,

потому, что ей не хватало четырнадцати шиллингов и пяти пенсов, чтобы блистать на балу» [Беннет, 1965, с. 105–106].

Утром Вера находит в ящике своего туалетного столика однофунтовую монету, а затем читает в газете о смерти видного китайского чиновника по имени Ли Хунчан. Вера чувствует угрызения совести и в то же время сожалеет о том, что не догадалась пожелать настоящего богатства за смерть мандарина.

В финале оказывается, что монету намеренно оставил в ящике туалетного столика Чарльз, чтобы проверить честность прислуги, что умерший чиновник не был мандарином и что умер он еще до разговора о мандаринах. «“Какое глупое суеверие! – вдруг подумала Вера. – Впрочем, я никогда всерьез не верила в это”. И она с удовольствием поглядела на свой новый пояс» [там же, с. 111].

В начале XX в. философ-эссеист Ален (Эмиль Шартье) распространил парадокс о мандарине на общество в целом: «Каждый человек каждую минуту убивает мандарина; а общество – это чудесная машина, которая позволяет хорошим людям быть жестокими, не замечая того» («О счастье», запись в дневнике 27 декабря 1910 г.) [цит. по: Delon, 2013].

В разгар Первой мировой войны к парадоксу о мандарине обратился Зигмунд Фрейд: «...Многие мыслители, на которых не мог повлиять психоанализ, довольно ясно указывали на готовность наших тайных мыслей, не считаясь с запретом убийства, устранять все, что стоит у нас на пути. <...> Выражение “Tuer son mandarin” (“Убить своего мандарина”. – К.Д.) вошло <...> в поговорку для обозначения этой тайной готовности также и у ныне живущих людей» (эссе «В духе времени о войне и смерти», 1915) [Фрейд, 2007, с. 58].

С этого времени выражение «Убить своего мандарина» цитируется в работах по психоанализу. Между тем в этой форме оно почти не встречалось во Франции XIX в.; единственное известное нам исключение – рецензия на новеллу А. Витю «Мандарин» в парижском «Литературно-драматическом ежегоднике» за 1861 г. Новелла названа здесь «весьма оригинальным развитием старого парадокса, выраженного поговоркой “убить своего мандарина”» [M. Ulbach ..., 1861, p. 152].

По свидетельству Теодора Рейка, ученика Фрейда, в мае 1929 г. Фрейд в письме к Рейку просил его выяснить, в каком произведении Руссо встречается эта фраза. Сам Рейк впервые услышал ее в Париже в 1911 г.: речь шла «о служащем, чей начальник был стар, и молодой человек надеялся унаследовать его место» [Reik, 1965, p. 24].

Среди сюжетов, родственных сюжету о мандарине, следует выделить сюжет новеллы английского писателя Уильяма Джекобса «Обезьянья лапа» (1900). Мистер Уайт получает обезьянью лапу, которая, по рассказам, способна выполнить любые три желания своего владельца. Следуя совету сына, он выражает желание получить 200 фунтов стерлингов, чтобы расплатиться с ипотекой за дом. На другой день супруги Уайты узнают, что их единственный сын погиб в результате ужасной аварии, а в качестве компенсации фирма выплатит им 200 фунтов. Неделью спустя после похорон, глубокой ночью, жена Уайта в отчаянии просит обезьянью лапу вернуть ей сына, и некоторое время спустя дверь дома начинает сотрясаться с ужасающим грохотом. Уайт успевает схватить талисман и загадать третье желание, после чего пришелец (т.е. вернувшийся с кладбища мертвец) исчезает [Jacobs].

Этот сюжет, подобно сюжету о мандарине, можно рассматривать как вариацию старинного сюжета о договоре с дьяволом. «Обезьянья лапа», в свою очередь, породила множество переделок, подражаний, пародий, инсценировок и экранизаций.

Выражение «убить мандарина» не стало крылатым в других языках, кроме французского. Любопытно, что в раннем переводе «Отца Горио» (журн. «Библиотека для чтения», 1835; пер. А.Н. Очкина) разговор Растиньяка с Бьяншоном о мандарине изъят целиком; та же участь постигла многие другие места романа, которые, по мнению редактора Осипа Сенковского, могли быть восприняты как безнравственные [Туниманов, 2004, с. 309].

Наиболее известный в России пример цитирования парадокса о мандарине содержался в статье Льва Толстого «О голоде» (1891), где «парадокс» приписан Вольтеру:

«Вольтер говорит, что если бы можно было, пожав шишечку в Париже, этим нажатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия.

Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если б это могло им доставить хоть малейшее удовольствие» [Толстой, 1954, с. 108].

Эта мысль развивается в наброске, не включенном в статью: «Мы знаем, что парижанин не воздержится от пожатия пуговки для забавы, потому что между ним и китайцем нет ни духовной связи сознания братства, ни материальной связи воздействия вида

страдания умирающего мандарина» [Толстой, 1954, с. 334]. Последнее замечание, как легко заметить, идет в русле рассуждений Дидро на ту же тему.

В российском литературоведении парадокс о мандарине чаще всего упоминается в связи с романом Достоевского «Преступление и наказание» (1866). В каком-то «плохоньком трактиришке» Раскольников случайно слышит разговор студента с молодым офицером: «С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. <...> Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!» [Достоевский, 1973, с. 54].

В качестве литературного источника этого разговора указывают разговор Растиньяка с Бьяншоном, ссылаясь на фрагмент из набросков Достоевского к Пушкинской речи (1880): «У Бальзака в одном романе один молодой человек в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах еще разрешить, обращается с вопросом к любимому своему товарищу, студенту, и спрашивает его: “Послушай, представь себе, ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там, в Китае, есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места, сказать про себя: умри, мандарин, и за смерть мандарина тебе волшебник пошлет сейчас миллион, и никому это неизвестно и, главное, в Китае...”». Вот вопрос, и вот ответ: “Est-il bien vieux ton Mandarin? Eh bien, non, je ne veux pas”¹. Вот решение французского студента» [Достоевский, 1984, с. 288].

Достоевский продолжает: «Скажите могла ли решить Татьяна иначе, чем этот бедный студент <...?» [там же, с. 288]. Как известно, в Пушкинской речи Достоевский подредактировал «Евгения Онегина», представив больным стариком вовсе не старого мужа Татьяны, а решение Татьяны остаться с ним мотивировал тем, что она не может основать свое счастье «на слезах <...> обещанного старика» [там же, с. 142].

Но более важно то, что в «Преступлении и наказании», в сущности, нет парадокса о мандарине: убийство совершается лично

¹ Он стар, твой мандарин? Но нет, я не хочу! (франц.)

Раскольниковым, причем самым кровавым способом и вовсе не ради социальной карьеры. Моральная дилемма в подслушанном им трагичном разговоре также ставится иначе: могут ли тысячи добрых дел оправдать «крошечное преступленье», возможна ли вообще «моральная арифметика»? Эта дилемма рассматривалась в «Теории нравственных чувств» Адама Смита, и ответ давался тот же, что у Достоевского: «Человек ни в коем случае не смеет отдавать себе предпочтение перед прочими людьми в той мере, которая причинит им вред ради личной пользы, хотя бы последняя и была несравненно значительнее, чем наносимый им вред. Бедный не смеет ни украсть у богатого, ни обмануть его, хотя то, что приобретается им в таком случае, имеет несравненно большую ценность для него, нежели для человека, которому причиняется вред» [Смит, 1997, с. 143].

«Тема Раскольникова» предвосхищена у Бальзака не столько в разговоре о мандарине, сколько в аргументации Вотрена, убеждающего Растиньяка совершить преступление: «На каждый миллион в людском стаде сыщется десяток молодцов, которые ставят себя выше всего, даже законов; таков и я. Если вы человек высшего порядка, смело идите прямо к цели» [Бальзак, 1952, с. 99]. Именно такова глубинная мотивация преступления Раскольникова: не личная выгода и не «тысячи добрых дел», а самоутверждение в качестве «человека высшего порядка», способного «переступить через кровь». Судьба Раскольникова также предсказана в «Отце Горио»: «Для этого, дорогой мой, надо быть Александром, в противном случае угодишь на каторгу» (Бьяншон – Растиньяку) [Бальзак, 1952, с. 124].

С середины XX в. в сюжете о дистанционном убийстве незнакомца чаще всего фигурирует кнопка. В детективном романе французского писателя Рене Реувена «Кнопка для убийства мандарина» (1976) сбываются самые губительные желания героини, включая исчезновение нелюбимого мужа [Réouven, 1976].

В 1970 г. в журнале «Playboy» была напечатана короткая новелла Ричарда Мэтисона «Кнопка, кнопка» (в русском переводе: «Нажмите кнопку»). Супруги получают от некой компании коробку с единственной кнопкой. Представитель компании поясняет: «Если вы нажмете кнопку, где-то в мире умрет незнакомый вам человек, и вы получите пятьдесят тысяч долларов» [Мэтисон, 1988, с. 694]. Муж с негодованием отказывается, жена возражает: «Ну, а если это какой-нибудь старый китайский крестьянин за десять тысяч миль отсюда? Какой-нибудь больной туземец в Конго?» – и втайне от мужа нажимает на кнопку. В тот же день она узнает, что муж погиб

в результате несчастного случая и что она может получить страховую выплату за его жизнь: 50 тысяч долларов. В финале новеллы представитель компании, от которой супруги получили коробку с кнопкой, спрашивает вдову: «Неужели вы в самом деле думаете, что знали своего мужа?» [Мэтисон, 1988, с. 699].

Впоследствии Мэтисон рассказывал, что идею новеллы подсказала ему жена, которой подобный вопрос задал ее преподаватель в ходе занятий в колледже [The Twilight_Zone]. Однако упоминание о «старом китайском крестьянине за десять тысяч миль отсюда» указывает на знакомство Мэтисона с парадоксом о мандарине.

В 1986 г. по мотивам новеллы «Кнопка, кнопка» был снят эпизод сериала «Сумеречная зона»; здесь героиня убивает не мужа, а неизвестного ей человека, т.е. восстановлен традиционный сюжет. В 2009 г. по мотивам той же новеллы был снят полнометражный фильм «Посылка» («The Box») с гораздо более сложным сюжетом, а в 2019 г. – 21-й эпизод сериала «Saspiens» под названием «Убить мандарина», где вместо супругов фигурируют сестры.

* * *

«Убийство мандарина», в сущности, – метафора «преступления без наказания», «преступления, лишённого традиционных отталкивающих атрибутов: кровопролития, мук жертвы» [Еремина, 1985, с. 14]. Этическая проблема, поставленная философами XVIII в., получила широкую разработку в литературе XIX в., а затем была воспринята позднейшей массовой культурой – чаще всего в игровой форме и скорее в развлекательном, чем в моралистическом плане.

Список литературы

Бальзак О. де. Отец Горю / пер. Е. Корша // Бальзак О. де. Собрание сочинений : в 15 т. – Москва : Худож. лит, 1952. – Т. 3. – С. 5–253.

Беннет А.Е. Убийство мандарина / пер. Э. Боровика // Беннет А.Е. Львиная доля : рассказы. – Москва : Худож. лит., 1965. – С. 99–112.

Будагов Р.А. История слова «мандарин» и этическая дилемма Бальзака // Русский язык в школе. – Москва, 1968. – № 2. – С. 79–82.

Дидро Д. Письмо о слепых в назидание зрячим / пер. П.С. Юшкевича // Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. – Москва ; Ленинград, 1935. – Т. 1. – С. 221–278.

Дидро Д. Разговор отца с детьми, или Как опасно возомнить себя выше законов / пер. Г.И. Ярхо // Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. – Москва ; Ленинград, 1937. – Т. 4. – С. 20–52.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1972. – Т. 5. – 325 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1973. – Т. 6 : Преступление и наказание. – 423 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1984 – Т. 36. – 423 с.

Дюма А. Граф Монте-Кристо : роман : в 2 т. / пер. Л. Олавской и В. Строева. – Москва : Правда, 1990. – Т. 1. – 702 с.

Еремина С. Трагические комедии Эсы де Кейроша // Эса де Кейрош Ж.М. Избранные произведения : в 2 т. – Москва, 1985. – Т. 1. – С. 5–22.

Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века / пер. Ю. Корнеева и Э. Линецкой // Ларошфуко Ф. де. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. – Москва : Худож. лит., 1974. – С. 187–514.

Матисон [Мэтисон] Р. Нажмите кнопку / пер. В. Баканова // Современная фантастика. Повести и рассказы советских и зарубежных писателей. – Москва : Книж. палата, 1988. – С. 693–699.

Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – Т. 3, ч. 1. – С. 97–494.

Реизов Б.Г. Бальзак : сб. статей. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 330 с.

Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения : в 2-х т. – Москва : Педагогика, 1981. – Т. 1. – 656 с.

Смит А. Теория нравственных чувств / пер. П.А. Бибикина, отредактированный А.Ф. Грязновым. – Москва : Республика, 1997. – 351 с.

Толстой Л.Н. О голоде // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Москва : Худож. лит., 1954. – Т. 29. – С. 86–116.

Туниманов В.А. Отзвуки романа О. Бальзака «Отец Горио» в творчестве Ф.М. Достоевского // Художественное сознание и действительность : межвуз. сб. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 302–322.

Фрейд З. В духе времени о войне и смерти / пер. А.М. Боковой // Фрейд З. Собрание сочинений : в 10 т. – Москва : СТД, 2007. – Т. 9. – С. 34–60.

Херльт Й. «На каком расстоянии кончается человеколюбие?» Толстой и Достоевский в 1877 году : социальная эпистемология романа // Новое литературное обозрение. – Москва, 2019. – № 1. – С. 42–61.

Эса де Кейрош Ж.М. Мандарин // Эса де Кейрош Ж.М. Кузен Базилио. Мандарин. Город и горы. – Москва : АСТ, 2002. – С. 429–503.

Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. С.И. Церетели // Юм Д. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1996. – Т. 1. – С. 53–656.

[*Balzac H. de.*] Argow le pirate. – Paris : H. Souverain, 1837. – Т. 1. – 368 p. – На титуле псевд.: Horace de Saint-Aubin.

Braddon M.E. Sir Jasper's Tenant. – Leipzig : B. Tauchnitz, 1866. – Vol. 2. – 312 p.

Chateau H. Manuel de l'arriviste : Papiers trouves chez un de nos plus notoires contemporains. – Paris : Villerelle, 1901. – 235 p.

Chateaubriand F.-R. de. Essai sur la littérature anglaise. – Paris : Gosselin et Furne, 1836. – Т. 1. – 326 p.

Chateaubriand F.-R. de. Le Génie du christianisme, ou Beautés de la religion chrétienne. – Lyon : Ballanche, 1804. – Т. 2. – 232 p.

Delon M. De Diderot à Balzac, le paradoxe du mandarin // Revue italienne d'études françaises [Сетевое издание]. – Open Edition, 2013. – N 3. – URL: <http://journals.openedition.org/rief/248> (дата обращения: 19.11. 2019).

Delvau A. L'Héritier du mandarin : Journal d'un homme pauvre devenu riche // Delvau A. A la porte du paradis. – Paris : Faure, 1867. – P. 283–296.

Didier U. [*Frignault H.*] Héritier du mandarin. – Paris : Blériot, 1864. – 294 p.

Fox L. Tuer le mandarin: Reponses [II] // L'intermédiaire des chercheurs et curieux. – Paris, 1879. – Т. 12, N 276, 10 November. – Col. 647–648.

Hannay J. Singleton Fontenoy, R.N. – London : Colburn, 1850. – Vol. 3. – 285 p.

Hanotte-Zawislak A. Le retour du «paradoxe du mandarin» dans la construction de l'arriviste littéraire au XIXe siècle // Cahiers ERTA [сетевое издание]. – 2019. – N 18. – P. 9–23. – URL: <http://www.ejournals.eu/CahiersERTA/2019/Numero-18/art/14341> (дата обращения: 19.11. 2019).

Hayot E. The Hypothetical Mandarin : Sympathy, Modernity, and Chinese Pain. – Oxford ; New York : Oxford Univ. press, 2009. – 278 p.

Jacobs W.W. The Monkey's Paw. – URL: [https://en.wikisource.org/wiki/The_Lady_of_the_Barge_\(short_story\)](https://en.wikisource.org/wiki/The_Lady_of_the_Barge_(short_story)) (дата обращения: 19.11. 2019).

Joliet Ch. Mille jeux d'esprit. – 4 e éd. – Paris : Hachette, 1893. – 216 p.

Littré E. Grand Dictionnaire Universel du XIXe Siecle. – Paris : Administration de Grand Dictionnaire Universel, 1878. – Т. 6 : Supplément. – 1322 p.

Loubens D. Les proverbes et locutions de la langue française. – Paris : Delagrave, 1888. – 304 p.

Monnier A.H., Martin E. As-tu tué le Mandarin? : Comédie en un acte mêlée de chant. – Lagny : Vialat, 1855. – 24 p.

M. Ulbach, Mlle Ulliac-Trémadeure, M. Vitu // L'Année littéraire et dramatique. – Paris, 1861. – P. 149–153. – Подпись: U V.

- Petit Larousse illustré. – Paris : Larousse, 1908. – 1664 p.
- Pompery E. de.* Le vrai Voltaire : l'homme et le penseur. – Paris : Agence générale de librairie, 1867. – 492 p.
- Pontmartin A. de.* La Mandarine. – Paris : M. Lévy, 1873. – 335 p.
- Princess's [Theatre] // The Musical World. – London, 1857. – Vol. 35, N 47. – P. 752.
- Reik T.* Curiosities of the Self : Illusions We Have about Ourselves. – New York : Farrar, Straus & Giroux, 1965. – 211 p.
- Réouven R.* Le bouton du mandarin. – Paris : Denoël, 1976. – 166 p.
- Savignac A de.* Exposition des produits de l'industrie de 1839: (Deuxième article) // Journal des demoiselles. – Paris, 1839. – T. 7, N 7, Juillet. – P. 217–219.
- The Twilight_Zone. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Button,_Button_\(The_Twilight_Zone\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Button,_Button_(The_Twilight_Zone)).
- Vitu A.-C.-J.* Contes à dormir debout. – Paris : Hachette, 1860. – 311 p.

«ЗА ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА ДО СМЕРТИ ОН БЫЛ ЕЩЕ ЖИВОЙ»: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ ЛА ПАЛИСА И ФЕНОМЕН «БЕСТОЛКОВОГО СТИЛЯ»

Имя ‘Ла Палис’ во французской культуре является нарицательным в значении «человек, изрекающий банальные, самоочевидные истины». Этот образ зародился из восьми строк песенки о маршале Ла Палисе.

Жак де Шабанн де Ла Палис (La Palice, также: la Palisse, 1470–1525) родился в замке Ла Палис, расположенном в регионе Овернь. Он участвовал чуть ли не во всех значительных войнах, которые вела Франция, прежде всего в Италии. В октябре 1524 г. французы осадили Павию (Ломбардия), а затем к городу подошла имперская армия. Битва 24 февраля 1525 г. закончилась полным разгромом осаждавших. Погибли 22 представителя французской знати, а еще 45 оказались в плену, включая короля Франциска I (подсчеты по спискам, приведенным в кн.: [Chabannes, 1892, p. 618–620]).

Обстоятельства смерти Ла Палиса известны из сочинения испанского гуманиста Педро де Валлеса «История Фернандо д’Авалоса» (1555¹) [Vallés, 1555]. Когда лошадь под маршалом была убита, он продолжал сражаться в пешем строю, пока не был схвачен итальянским кондотьером Джованни Кастальдо. Другой

¹ Обоснование датировки: [Bibliotheca hispana, 1895, p. 144].

солдат имперской армии, испанец, прозванный соотечественниками «жестоким Басурто», позавидовал «цене и чести» такого пленника и, не сумев отобрать его, выстрелил в него в упор из аркебузы, прострелив кирасу насквозь.

По-французски сообщение Валлеса пересказал Франсуа де Беккариа, барон де Фуркево (ок. 1563–1611), посвятивший Ла Палису главу в «Жизнеописаниях великих французских полководцев» (опубл. в 1643 г.), а также Пьер Брантом (1540–1614) в «Жизнеописаниях знаменитых мужей и великих французских полководцев» (опубл. в 1666 г.) [Fourquevaux, 1643, p. 41; Brantôme, 1666, p. 81–82].

Память о Ла Палисе в народе сохранилась благодаря песенной традиции. Самая ранняя песня о нем, обычно именуемая «Смерть Ла Палиса» («Mort de la Palisse»), впервые увидела свет в 1717 г. Она состоит всего из двух строф:

1. Helas! Lapalisse est mort,
Il est mort devant Pavie!
Helas! s'il n'étoit pas mort,
Il seroit encor en vie.

Увы! Ла Палис умер,
Он умер под Павией!
Увы! Если б он не умер,
Он был бы жив еще.

2. Helas! qu'il eût bien grand tort!
De s'en aller à Pavie.
Helas! s'il ne fût point mort,
Il n'eût point perdu la vie.

Увы! До чего ж он ошибся,
Отправившись к Павии.
Увы! Не умри он там,
Он не утратил бы жизнь [Ballard, 1717, p. 70–71].

Тогда же строки первого куплета стали популярной цитатой. В водевиле Алексиса Пирона «Кредит умер» (1726) один из персонажей напевает «Г-н Ла Палис умер», второй откликается: «Кредит умер» (т.е. кончился), а затем произносит другую строку из песни: «Увы! Если б он не умер!» [Piron, 1776, p. 173–174].

Второй пример взят из записок маркиза д'Аржансона (1694–1757); речь в нем идет о принце Луи Анри де Конде, герцоге де Бурбон (1692–1740), и кардинале Флёри, который в 1723 г. сменил де Конде на посту первого министра. «В день смерти г-на герцога (27 января 1740 г. – К.Д.) <...> мадам де Виллар и де Бузоль пришли сказать ему (кардиналу. – К.Д.): “Бедный г-н герцог умер”. Он повернулся к ним и сказал: “Г-н Ла Палис умер; увы! если б он не умер, он был бы жив еще”. Старая песня, дурное фиглярство; недостойное унижение принца, <...> смерть которого Его Величество оплакивал столь горестно, что занемог!» (запись от 31 января 1740 г.) [Argenson, 1857, p. 136].

* * *

Дальнейшая история песни связана с именем Бернара Ла Моннуа (В. La Monnoye, 1641–1728), бургундского юриста, члена Французской академии. Отталкиваясь от двух куплетов «Смерти Ла Палиса», он написал 50 строф в том же роде, помещенных в третьем, расширенном издании сборника высказываний Жилия Менажа (1715). Здесь же Ла Моннуа ввел понятие «бестолкового стиля» (*style niais*) как особой разновидности бурлеска: «...То, что, как мне кажется, можно назвать *бестолковым стилем*, таким как стиль песни под названием “Славный ла Галис” (воображаемый персонаж), которую мы с удовольствием сочинили в пятидесяти нижеследующих катренах» [Menagiana, 1715, p. 384].

Все 50 строф построены по единой схеме. В каждом четвертом стихе либо другими словами утверждается то же, что в третьем, либо приводится само собой разумеющееся условие того, о чем сказано раньше. При этом четвертый стих всюду выделен курсивом:

...Ни в чем нехватки не имел,
Когда ему всего хватало.

.....
И коли продал он свой дом,
Так у него тот дом имелся [Menagiana, 1715, p. 384, 386].

Термин «*style niais*» неоднократно использовался в позднейшей литературе, обычно в весьма размытом значении, далеком от интенций Ла Моннуа.

Клод Жоанне в «Основных началах французской поэзии» (1752), не используя термин «style naïfs», приводит стихотворение Ла Моннуа в качестве иллюстрации именно этого стилизового приема: «Высказывание, которое ничего не сообщает, выражающее мысль, идентичную той, которую оно должно подтвердить, словом, не более чем явственно выраженная простоватость (une simplicité bien marquée), – такое высказывание может обратить мысль в бурлеск. <...> ...Эти бурлескные мысли <...> нравятся потому лишь, что являют нам нелепые образы» [Joannet, 1752, p. 137].

Цитируя первый катрен стихотворения «Le fameux la Galisse», Жоанне заменил имя персонажа на более привычное La Palisse. Эта замена, конечно, произошла раньше, в песенном бытовании. Так же поступили издатели I тома сочинений Ла Моннуа (1769), где стихотворение названо «Песней о славном Ла Палисе» («Chanson sur le fameux La Palisse») [La Monnoye, 1769, p. 391–399].

Став песней, стихотворение Ла Моннуа подверглось сокращению и переделкам; в него начали вставлять куплеты, не принадлежащие автору. В 1770 г. в разделе «Бурлескные романсы» одного из альманахов появилась версия из 9 строф под заглавием «Смерть Ла Палиса»; здесь к катренам Ла Моннуа присоединен первый куплет ранней песни [Mort de La Palisse, 1770, p. 482]. Вариант из 12 строф (первая – также из ранней песни) был опубликован в сборнике «забавной и игривой поэзии» 1858 г. под заглавием «Апофеоз несравненного Ла Палиса» [Bougy, 1858, p. 63–65].

Еще одна строфа, включавшаяся в стихотворение Ла Моннуа с конца XVIII в., содержит сразу два двустишия в «бестолковом стиле»:

Il est mort le vendredi,
Le dernier jour de son âge,
S'il fût mort le samedi,
Il eût vécu davantage.

Он умер в пятницу,
В последний день своей жизни;
Умри он в субботу,
Он прожил бы дольше [La Place, 1790, p. 338].

Но наибольшую известность получила вариация первого куплета песни «Смерть Ла Палиса»:

Господин Ла Палис умер,
Он умер под Павией;
За четверть часа до смерти
Он был еще живой.
(Un quart d'heure avant sa mort
Il étoit encore en vie.)

Ранняя обнаруженная нами цитация знаменитого двустипа содержалась в журнале роялистского толка «Хроника манежа», который издавал в годы революции Франсуа Маршан (1761–1793). Здесь в сентябре 1790 г. появилась памфлетная «Речь над гробом бессмертного Лустало». Элизе Лустало, сотрудник журнала «Революции Парижа», умер в возрасте 28 лет; якобинцы носили по нем траур три дня. Маршан пародирует надгробные речи революционеров, доводя до абсурда их патетическую фразеологию и неумеренные похвалы покойному. Памфлету предпослан эпиграф с подписью «Ла Моннуа»:

Он был еще живой
За четверть часа до смерти [Marchant, 1790, p. 1].

* * *

В словаре 1788 г. приведен пример плеоназма: «Поскольку у нас не было войны, совершенно ясно, что мы жили в мире. Это настоящий Ла Палис: *увь! не будь он мертв, он был бы жив еще*» [Féraud, 1788, p. 183; указано в работе: Bologne, 2019, p. 21].

Оборот «настоящий Ла Палис» уже весьма близок к «истине (г-на) Ла Палиса», как стали говорить в XIX в. Ранний пример мы находим в книге Этьена де Жуи «Гвианский отшельник» (1817). Прочитав четверостишие с заключительными строками «Когда сердце молчит – говорят, / И молчат, когда думает сердце», де Жуи замечает: «Автор этого катрена притворился глубоким и, несомненно, полагает, что открыл нечто иное, нежели истину г-на Ла Палиса» [Jouy, 1817, p. 284].

В значении, точно совпадающем с «бестолковым стилем» в понимании Ла Моннуа, «истина ла Палиса» встречается в повести Фредерика Тома «Посольство птиц» (1843):

«– Вам случалось когда-нибудь заблудиться?»

– Иногда, – отвечал Дезорже, – и <...> обычно тогда, когда я не знаю дороги.

– Я сделал точно такое же наблюдение, – ответил посланник <...>, услышав истину, достойную выйти из уст Ла Палиса» [Thomas, 1843, p. 284].

В письме Марка Амеде Громье членам Парижской коммуны от 21 марта 1871 г. читаем: «Либо Бланки в Париже, либо он где-то еще: это истина Ла Палиса» [Gromier, 1873, p. 17]. Тут можно усмотреть отсылку к двестишию из стихотворения Ла Моннуа: «Когда он бывал в Пуатье, / В Вандоме его не бывало».

Однако чем дальше, тем чаще выражение «истина (г-на) ла Палиса» стало употребляться просто в значении «общеизвестная истина». Именно в этом качестве используют его (обычно по-французски) русские писатели в конце XIX в.

В середине XIX в. появляется существительное ‘lapalissade’. В русской литературе до сих пор нет стандартного соответствия этому термину. Встречались формы ‘палисиада’ [Москвин, 2004, с. 147] и ‘лапалисада’. В последнее время преобладает форма ‘ляпалиссиада’, введенная Ириной Голуб [Голуб, Розенталь, 1993, с. 7] и принятая в русской Википедии. Она представляется нам неудачной, поскольку ассоциируется со словом ‘ляп’ (во французском это не так). К тому же имя, от которого образован термин, у нас обычно передается как «Ла Палис»; поэтому в данной статье принята форма ‘лапалисада’.

Во французских словарях и научной литературе в качестве первой фиксации слова ‘lapalissade’ дается запись в дневнике братьев Гонкур от 13 сентября 1861 г.: «“Подражание Иисусу Христу”, жалкое чириканье, мистические лапалисады, инфантильная книжка, которая не говорит ни о чем» [Goncourt E., Goncourt J., 1956, t. 1, p. 961].

Однако к этому времени слово было уже хорошо известно. В книге Жана Коммерсона «Миллион дурачеств» (1854) приведена речь председателя «Французского общества <...> по разработке национальной глупости», где, среди прочего, говорится: «на дне кастрюли, на уровне оливкового масла <...> (обратите внимание на лапалисаду)» [Commerson, 1854, p. 7].

В сборнике громких судебных процессов (1858) приводится ответ свидетеля на вопрос судьи: «Если дело было ночью, стало быть, я не видел его днем». Судья, пишет автор сборника, «усматривает в этой невольной лапалисаде неуместную шутку и кричит: “Вы тут острить вздумали?”» [Fouquier, 1858, p. 30].

В обоих этих примерах ‘лапалисада’ отсылает к «бестолковому стилю» песен о Ла Палисе, тогда как у братьев Гонкур это

просто синоним банальности: «Флобер <...> раздражается <...> целым потоком свирепых и грубых лапалисад против *мещан*...» (дневник от 13 февраля 1878 г.) [Goncourt E., Goncourt J., 1956, t. 2, p. 1231].

Во французских словарях с конца XIX в. лапалисада (как и «истина Ла Палиса») определяется как трюизм, тавтология, банальная истина, утрачивая свое специфическое значение. В чем же специфика лапалисады, отличающая ее от других разновидностей плеоназма и тавтологии? По удачному определению французского философа Клемана Росссе, тавтология «открыто повторяет то же самое», тогда как лапалисада «на мгновение вызывает иллюзию различия» [Rosset, 1997; цит. по: Bologne, 2019, p. 32].

Бельгийский писатель и культуролог Жан Клод Болонь в своем обстоятельном исследовании об источниках образа Ла Палиса и «бестолкового стиля» замечает: «Бестолковый стиль находится на границе между фигурой мысли и фигурой речи: он окарикатуривает силлогизм, противопоставляя здравый крестьянский смысл педантичному рассуждению» [Bologne, 2019, p. 30, 32]. Бурлеск был восстанием против схоластики; «когда же полемическая направленность бестолкового стиля исчезла, от него осталась лишь бестолковость» [ibid., p. 28].

* * *

Литературный образ Ла Палиса складывался на протяжении долгого времени. Имя Ла Палис ввел в литературу Рабле в 1552 г.:

«...Обмотать монаха вокруг шеи – это значит кого-нибудь повесить и удавить.

– <...> Вы рассуждаете совсем как святой Жан де ла Палис» («Гаргантюа и Пантагрюэль», IV, 16) [Рабле, 1973, с. 489].

По разъяснению самого Рабле («Краткая декларация», 1552), Jean de la Palisse – синкопа имени Jean de l'Ap[oc]aly[p]se («Иоанн из Апокалипсиса»), а истинный смысл фразы: «Вы говорите темно и непонятно», как св. Иоанн в Апокалипсисе. «Темно и непонятно» в данном случае относится к стандартной юридической формуле «повесить и удавить», которая в действительности не темна, а тавтологична [Bologne, 2019, p. 22–23]. Хотя маршала звали не Жан, а Жак, имя Ла Палис должно было ассоциироваться с именем маршала: память о битве при Павии была еще жива.

Что же касается песни о смерти Ла Палиса, то в рукописных собраниях XVIII в. она датирована 1525 г. Однако эта дата

совершенно условна: переписчики просто привязывали датировку к упомянутым в песнях событиям. В конце XVIII в. было высказано предположение, что песню сложили солдаты, участвовавшие в битве при Павии [La Place, 1790, p. 330]. На протяжении следующих двух столетий эта версия уже не подвергалась сомнению; она принята во всех комментариях к стихотворению Ла Моннуа, его переложениям и переводам.

В рукописных собраниях «Смерть Ла Палиса» соседствует с песней о пленении Франциска I («Когда король покинул Францию...») и «Песней о битве при Павии», в которой упоминается и Ла Палис: «Господин Ла Палис, а с ним Ла Тримуй, <...> / Единственной наградой им стала смерть» [Chabannes, 1892, p. 635]. Однако две последние песни – развернутые исторические баллады, в которых оплакивается поражение французской армии. «Смерть Ла Палиса» резко отличается от них как содержанием, так и стилем и состоит всего из двух шутивых куплетов.

Долгое время комментаторы видели тут проявление народного простодушия. Но с середины XIX в. стали появляться гипотезы, согласно которым ирония песни – следствие непонимания истинного смысла первоначального текста либо его искажения переписчиками. К началу XX в. эти гипотезы прочно утвердились в филологической науке. Так, комментаторы «Полного собрания сочинений Жуковского» сообщают, вслед за Н.О. Лернером, что стихи «За четверть часа до смерти он был еще живой» «первоначально означали только то, что командир сражался до последней капли крови» [Жуковский, 1999, с. 731].

Одна из версий была предложена совсем недавно, в 2010 г.: будто бы строка из «Смерти Ла Палиса» «он был бы жив еще» появилась в результате неверного прочтения эпитафии на гробнице маршала, разрушенной во время революции [Fauquier, 2010, p. 57]. Все эти гипотезы подверг убедительной критике Ж.К. Болонь [Bologne, 2019, p. 5–15].

В куплетах о Ла Палисе личное имя персонажа опущено. В некоторых версиях он умирает от болезни, а не под Павией, и, значит, не может быть отождествлен с маршалом [ibid., p. 21–22]. Аудитория, несведущая в истории Франции, могла увидеть в герое куплетов слугу из фарсов, поскольку те нередко именовались по месту происхождения: «de Lapalisse» – «из Лапалиса», городка рядом с замком Ла Палис. Песенный Ла Палис – это «литературный персонаж <...>, вызванный к жизни историческим персонажем <...>, но с самого начала отличающийся от него» [Bologne, 2019, p. 23–24].

Черты двойственности еще более заметны в образе, созданном Ла Моннуа. Французский автор середины XIX в. замечает: «“Славный ла Галис”, первоначальный герой песни, – вымышленный персонаж, которого позже называли Ла Палис, чтобы вскоре простежки спутать его с маршалом Франции» [Kuehnholz, 1852, p. 300].

Однако многие строфы «Славного ла Галиса» содержат явные отсылки к биографии Жака де Ла Палиса, так что стихотворение может читаться как пародия на панегирические жизнеописания маршала. Ла Моннуа упоминает «старые сочинения, / Которые содержат его (ла Галиса. – *К.Д.*) историю», а погибает герой в Ломбардии, «пронзенный жестокой рукой» (вспомним о «жестоком Басурто») и «оплаканный своими солдатами» [Menagiana, 1715, p. 390–391].

Образ простака Ла Палиса получил развитие в XIX в. В лубочных гравюрах Ла Палис – барин-сибарит в костюме XVIII в., умирающий в своей постели после обильного пиршества. «Он, несомненно, популярный персонаж, не имеющий уже ничего общего с героем Павии» [Bologne, 2019, p. 22¹].

Заглавный персонаж водевиля Шарля Анриона «Господин де Ла Палис» (1804) – помещик, «крайне наивный и глуповатый старик» [Henrion, 1804, p. 2]. В 1854 г. парижский театр «Варьете» представил публике еще один водевиль под тем же названием (авторы: П.Ф.А. Кармуш, Э. Нион, А. д’Аврекур). Заглавный герой – барон де ла Палис, простак, постоянно попадающий в глупые положения. Под конец его уверяют, что он умер, и поют куплет со строками «За четверть часа до смерти / Он был еще живой». Русский рецензент водевиля недоуменно замечает: «Неизвестно, почему храбрый воин, маршал Франции, ратный товарищ короля-рыцаря Франциска I-го сделался типом наивности и глупости, по милости поэта Ламонне (т.е. Ла Моннуа. – *К.Д.*). <...>. Впрочем, может быть, без песни имя Ла-Палиса было бы вовсе неизвестно» [Новости литературы ..., 1854, с. 30].

В 1867 г. в газ. «La Liberté» публиковался роман «Уколы шпагой полководца Ла Палиса» («Les coups d’épée du Capitaine de La Palisse»). Автор, популярный романист П.А. Понсон дю Террайль (Террай) (1829–1871), не завершил книгу. Закончил ее Шарль Шиншоль (в 1865–1870 гг. – литературный секретарь Дюма-отца); эта

¹ Здесь гравюры датируются 1863 г., но гравюра на дереве «M. de la Palisse» появилась не позднее 1811 г. [Garnier-Pelle, Préaud, 1990, p. 261].

версия увидела свет в 1880 г. под загл. «Приключения полководца Ла Палиса».

Эпиграфом к изданию 1880 г. служит катрен: «Господин де Ла Палис умер, / Он умер от болезни. / За четверть часа до смерти / Он был еще живой». Далее следовал Пролог, автор которого протестует против искажения облика великого полководца: «Его вставили в куплеты – и какие куплеты! Его высмеивали, над ним потешались. Из него сделали Калино¹ средневековья. Лубочные картинки обратили его в пищу для детишек. Доблестный воин стал гротескной фигурой на потеху невеждам.

И песня, которая высмеивает его, подобна той, в которой мы отомстили побившему нас Мальборо²» [Ponson du Terrail, *Chincholle*, 1880, p. 1–2].

Эпиграф и процитированное выше вступление принадлежали Шиншоллю; в газетной публикации начала романа («*La Liberté*», 16 июля 1865) ни того ни другого нет. Сам же роман повествует о «необычайной жизни и героической смерти» исторического Ла Палиса.

Имя Ла Палиса в ироническом плане упомянуто в романе Понсона дю Террайля «Обитатели Парижа», опубликованном в том же году, что и «Уколы шпагой...»: «... (Монах. – К.Д.) сказал ему: жив человек, покуда не помер, что было обновленной истиной великого полководца Юга II де Шабанна³, сеньора де Ла Палиса» [Ponson du Terrail, 1867, p. 102].

В 1904 г. в Париже была поставлена опера-буфф «Господин де Ла Палис» (композитор Клод Террасс, авторы либретто Р. де Флер и Г.А. де Кайяве). Заглавный герой – барон Пласид де Ла Палис, дипломат эпохи Людовика XV, простоватый до крайности и до крайности робкий в отношениях с дамами. Композиторским дебютом Террасса была музыка к абсурдистской драме Альфреда Жарри «Убью-король» (1896), и его Ла Палис уже целиком принадлежит эпохе модернизма. Опера переполнена цитатными аллюзиями – литературными и музыкальными, а действие являет собой абсурдное нагромождение анахронизмов.

¹ Персонаж одноактного водевиля Т. Барьера «Палки в колеса» (1854), позднее – персонаж клоунады.

² Песня «Мальбрук в поход собрался».

³ «Hugues II de Chabannes», вместо правильного «Jacques II de Chabannes».

Ж.К. Болонь указывает примеры лапалисовских мотивов в текстах XVII–XVIII вв., не связанных с Ла Палисом. В рукописном «Сборнике сатирических, забавных и исторических песен», составленном неким де Кастри (de Castries) предположительно в 1750-е годы, представлен ранний вариант двустушия «За четверть часа до смерти, / Он был еще живой»:

Доктора согласны
И вся Фармацевтика,
Что за два дня до смерти
Он был еще живой [Bologne, 2019, p. 4].

В 1711 г. увидела свет «Надгробная речь Мишеля Морена». Это бурлескная пародия на панегирик государственному мужу и – что стоит отметить – полководцу: «Увы! <...> какая жалость и какая потеря для государства, что Мишель Морен не был на войне: его храбрость сделала бы его большим военачальником, да что там – главнокомандующим» [Oraison funèbre ..., 1713, p. 6]. «Последнее деяние его жизни, доказывающее его великое сердце, его щедрость, его сноровку и почти полное бескорыстие», таково: он поставил на бутылку вина, что достанет сорок с высокого вяза, и разбился насмерть, упав с ветки. Речь заканчивается куплетом, 1-я и 4-я строки которого взяты из «Смерти Ла Палиса» с заменой имени персонажа:

Увы! Мишель Морен умер,
Пытаясь достать сорок,
И не разбейся он насмерть,
Он был бы жив еще [Oraison funèbre ..., 1713, p. 14].

Еще раньше, ок. 1693 г., Жан Шаплон (J. Chapelon, 1647–1694) сочинил на провансальском диалекте «Надгробную речь Жака Бель-Мина» (опубл. в 1779 г.). Пародийное завещание Бель-Мина заканчивалось эпитафией:

Смерть отняла его во цвете лет,
И не умри он, то пожил бы дольше
(Si-o ne fusse pas mort, ô viorit davantageau)
[цит. по: Bologne, 2019, p. 19].

Формулы, близкие к цитировавшимся выше, можно найти в гораздо более авторитетных текстах XVII в. В бурлескной поэме Поля Скаррона «Перелицованный Вергилий», кн. I (1648), читаем:

Он умер, бедный старик!
Вздумай он умереть попозже,
Он бы прожил подольше.
(S'il eût voulu mourir plus tard,
Il aurait vécu davantage) [Scarron, 1889, p. 22¹].

Персонаж одноактной комедии «Траур» («Le Deuil», 1680) Ноэля Лебретона (Отероша), замечает: «...Конечно, ваш отец / Прожил бы дольше, если б умер позже» («De vivre plus longtemps s'il était mort plus tard») [цит. по: Bologne, 2019, p. 19].

Отерош был ведущим актером театра «Бургундский отель», соперничавшего с труппой Мольера. Сам Мольер вкладывает в уста своего персонажа реплику:

...Не в силах я смотреть без сожаленья,
Как запеленут он в столь странном положении.
Так скоро умереть! А утром был живой!
(«Шалый» (1653), II, 4²) [Мольер, 1985, с. 84].

Эта реплика, в свою очередь, восходит к комедии Плавта «Привидение», IV, 3. Цитируем диалог Симона с Феопропидом в пер. А. Артюшкова:

– На форуме что нового?
– Да есть. — А что такое? – Вынос видел я
Покойника. – Ох, вот так новость. – Вынесли
Умершего из дому, видел. Только что
Был жив он, говорили [Плавт, 1987, с. 248].

Итак, ирония первоначальных куплетов о Ла Палисе – отнюдь не свидетельство простодушия солдат, сражавшихся при Павии;

¹ Ж.К. Болонь приводит два других фрагмента из поэмы Скаррона, менее сходных с лапалисовскими формулами.

² Указано (как и нижеследующая параллель у Плавта) в комментарии Л.С. Оше к Мольеру (1819) [Molière, 1819, p. 50].

зато несомненна их связь с бурлескной поэзией. Можно предположить, что они появились во второй половине XVII в. как отклик на биографии маршала в книгах Фуркево и Брантома (1643, 1666). Заметим также, что Фуркево закончил свою биографию Ла Палиса стихотворной эпитафией со строкой «Он умер в день битвы» [Fourquevaux, 1643, p. 44].

* * *

Фольклористы давно обнаружили, что типично лапалисовская формула «если не умерли, то и поныне живы» зафиксирована – правда, уже в XIX в., – в сказках различных народов Европы, от Франции до России [напр.: Prato, 1890, p. 264¹; Рошняну, 1974, с. 77].

Самые ранние примеры, появившиеся в печати, содержатся в первом издании сказок братьев Гримм (1812): «И если они не перестали, то пляшут еще и теперь» («Свадьба госпожи Лисы», второй вариант); «И если они не умерли, то и теперь еще живы» («Птичий найденыш» – «Fundevogel») [Grimm J., Grimm W., 1812, S. 179, 233]. Сказки других народов с этой формулой появились в печати лишь несколько десятилетий спустя.

Чтобы найти эту сказочную формулу на такой огромной территории в XIX в., замечает Ж.К. Болонь, соответствующая фольклорная традиция должна быть древней. «Не исключено, что успех французской песни распространил эту формулу как лесной пожар» [Bologne, 2019, p. 25].

Мы полагаем, что едва ли формула попала во множество сказок непосредственно из песни о Ла Палисе, практически неизвестной за пределами Франции вне образованного круга, знакомого с французским языком и литературой. Скорее можно предположить косвенное влияние через сборник братьев Гримм, широко разошедшийся в переводах и ставший образцом для последующих сборников сказочного фольклора. Братья Гримм, как и большая часть литераторов эпохи романтизма, не занимались полевыми фольклорными исследованиями. Второй вариант «Свадьбы госпожи Лисы» записан со слов Людовики Бордис (урожд. Брентано), которая и сама писала детские сказки и стихи, а сказка «Птичий найденыш» – со слов

¹ Здесь в качестве аналога этих сказочных формул приводится первый куплет песни «Смерть Ла Палиса».

Фридрики Маннелъ, женщины литературно образованной и говорившей по-французски [Bolte, Polivka, 1963, S. 434].

Адольф Глассбреннер, немецкий писатель середины XIX в., спародировал сказочную формулу (возможно, с оглядкой на «бестолковый стиль» Ла Моннуа): «Они стояли безмолвно, с открытыми глазами и ртом, и если не закрыли глаза и рот снова, то и теперь еще живы» («История о белоснежном голубе и великом визире» из сборника «Комическая “Тысяча и одна ночь”») [Glaßbrenner, 1854, p. 71].

* * *

Первое переложение стихотворения Ла Моннуа на русский язык появилось в 1772 г. в московском журнале «Вечера» под загл. «Житие славного Клеанта». Заключительная 16-я строфа, вероятно, добавлена переводчиком; она содержит мораль, чуждую духу оригинала: «Найдем таких Клеантов много». Тем не менее в ряде случаев переводчик удачно передает «бестолковый стиль» Ла Моннуа:

Когда б не сочетался браком,
То не был бы еще женат.

.....
Когда глаза его сомкнулись,
Узнали все, что умер он [Житие ..., 1972, с. 462–463].

Переложение В.А. Жуковского в 15 строфах датируется 1814 г. Жуковский назвал его «Максим», по имени своего слуги, балагура и выпивохи. Здесь «бестолковый стиль» безупречно выдержан с начала до конца:

Я рассмешу, наверно, вас —
Как скоро станете смеяться.

.....
Никто б не мог сравниться с ним —
Когда б он был один на свете.

.....
И вечно прозой сочинял —
Когда не сочинял стихами.

.....
Когда ж, друзья, Максим умрет –
Тогда он, верно, жив не будет.

Некоторые строфы русифицированы Жуковским и, в сущности, сочинены заново:

Максим за пятерых едал,
И более всего окрошку;
И рот уж, верно, раскрывал –
Когда в него совал он ложку [Жуковский, 1959, с. 229–230].

Вариант из 12 строф, появившийся в 1858 г. (см. выше), перевел Всев. Рождественский под загл. «Похвала несравненному мессииру Ла-Палисс» (1988) [Семь веков ..., 1999, с. 197]. Стилистика оригинала выдержана здесь непоследовательно; в этом отношении «Похвала...» уступает даже переложению 1772 г.

«Максим» Жуковского появился в печати ровно полвека спустя после написания («Русский архив», 1864, № 10), и эта переводческая удача осталась почти незамеченной. Русский читатель знакомился с «бестолковым стилем» скорее по переводам с английского.

В Англии анонимный перевод 18 строф стихотворения Ла Моннуа появился в 1823 г. под загл. «Счастливец», причем героя, как и в оригинале, зовут Ла Галис [The Happy Man, 1823]. Несравненно большую роль в рецепции «бестолкового стиля» в странах английского языка сыграли бурлескные элегии Оливера Голдсмита; они многократно перепечатывались и вошли в круг детского чтения.

«Элегию на кончину миссис Мэри Блейз» Голдсмит поместил в издававшемся им журнале «Пчела» (1759, № 4). Большая ее часть представляет собой переложение из «Ла Галиса» с переменой пола главного персонажа, а финальное двустопное варьирует сквозной лапалисовский мотив: «Проживи она еще двенадцать месяцев, / Она бы не умерла сегодня» [Goldsmith, 1906]. Четвертые строки всех семи строф выделены курсивом по примеру Ла Моннуа, что редко соблюдалось в позднейших публикациях.

«Элегия на смерть бешеной собаки» (ок. 1762) включена в роман Голдсмита «Векфильдский священник» (1766), гл. 17 [Goldsmith, 1770, р. 175–176]. Здесь в стиле «Ла Галиса» выдержаны первые три строфы. На русский эта «Элегия...» переводилась не менее восьми раз, как в составе романа, так и отдельно.

Мих. Вронченко, автор первого перевода (1830), последовательно очищал оригинал от лапалисад. Там, где у Голдсмита сказано: «A godly race he ran, – / Whene’er he went to pray» (возможный перевод: «Ступал он праведным путем, / Когда ходил он на молитву»), у Вронченко читаем: «Все будни провождал в труде, / А в праздники молился Богу» [Вронченко, 1830, с. 58]¹.

Яков Герд, автор первого русского перевода «Векфильдского священника», старался по мере сил воспроизвести «бестолковость» первых строф «Элегии...»: «Он тела нагого не мог не прикрыть, / Когда надевал свои платья» [Голдсмит, 1846, с. 136]. То же можно сказать об «Элегии...» в издании романа 1893 г. в переводе Елиз. и Екат. Бекетовых [Голдсмит, 1893].

В переводе В. Левика, сделанном для советского издания романа (1959), «бестолковый стиль» первых строф заметно сглажен [Голдсмит, 1959]. Гораздо адекватнее стилистически перевод Алексея Парина (1988) [Голдсмит, 1988]. В переводе Евг. Фельдмана приметы «бестолкового стиля» всячески подчеркиваются:

Недлинен будет мой рассказ
(И, значит, будет краток).

.....

Скрывал он утром наготу
(Надевши, значит, платье) [Английская комическая ..., 2012, с. 80–82].

Примером лапалисады в русской классической прозе может служить диалог из повести Достоевского «Дядюшкин сон» (1859), гл. 4:

«– <...>...Если б я наконец не за-бо-лел, то уверяю вас, что был бы совершенно здоров...

– Вот это совершенно справедливое заключение, дядюшка! Скажите, дядюшка, вы учились логике?» [Достоевский, 1972, с. 315].

Что же касается оригинальной русской поэзии, то нам неизвестны сколько-нибудь заметные примеры ее обращения к «бестолковому стилю». Отметим, однако, строку из «крещенской баллады»

¹ Владимир Топоров, комментируя перевод Вронченко, отметил «сходство интонаций и некоторых ходов с известным стихотворением Жуковского “Максим”, 1814, напечатанным, однако, только в 1864 г.» [Топоров, 1992, с. 179]. Это сходство, конечно, объясняется общностью французского образца.

Леонида Трефолева «Таинственный ямщик» (1883): «Ну, живы будем – не умрем...» [Трефолов, 1958, с. 141]. Возможно, к этой балладе восходит поговорка «Живы будем – не помрем!», получившая широкое распространение уже в XX в.

Список литературы

Английская комическая поэзия : от Шекспира до Бернса / пер. Евг. Фельдмана. – Харьков : Фолио, 2012. – 237 с.

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. – Киев : Изд-во Киевского гос. ун-та, 1957. – 491 с.

[Вронченко М.П.] Элегия на смерть бешеной собаки: (Из Гольдсмита) // Подснежник на 1830 год. – Санкт-Петербург, 1830. – С. 57–59. – Подпись: М.В.

Гольдсмит О. Векфильдский священник / пер. Я. Герда. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1846. – XVI, 303 с.

Гольдсмит О. Векфильдский священник / пер. Т.М. Литвиновой. – Москва : Гослитиздат, 1959. – 231 с.

Гольдсмит О. Вэксфильдский священник / пер. Елиз. и Екат. Бекетовых. – Санкт-Петербург : А.С. Суворин, 1893. – 289 с.

Гольдсмит О. Элегия на смерть бешеной собаки / пер. А. Парина // Прекрасное пленяет навсегда. Из английской поэзии XVII–XIX веков. – Москва : Моск. рабочий, 1988. – С. 53–54.

Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. – Москва : Международные отношения, 1993. – 279 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. — Москва ; Ленинград : Наука, 1972. — Т. 2. — 527 с.

Житие славного Клеанта // Поэты XVIII века. – Ленинград : Сов. писатель, 1972. – Т. 2. – С. 461–463.

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – Москва : Языки рус. культуры, 1999. – Т. 1 : Стихотворения 1797–1814 годов / ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. – 759 с.

Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во худ. лит., 1959. – Т. 1. – 480 с.

Мольер. Шалый, или Все невпопад / пер. Е. Полонской // Мольер. Полное собрание сочинений : в 3 т. – Москва : Искусство, 1985. – Т. 1. – С. 5–150.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : Терминологический словарь-справочник. – Москва : УРСС, 2004. – 247 с.

Новости литературы, искусств, наук и промышленности // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1854. – Т. 95, кн. 7. – С. 1–68 (7-я паг.)

Плавт. Комедии : в 2 т. – Москва : Искусство, 1987. – Т. 2. – 800 с.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. Н. Любимова. – Москва : Худож. лит., 1973. – 783 с.

Рошину Н. Традиционные формулы сказки. – Москва : Наука, 1974. – 215 с.

Семь веков французской поэзии в русских переводах / сост. Е.В. Витковско-го. – Москва : Евразия, 1999. – 756 с.

Топоров В.Н. Пушкин и Гольдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы: (к постановке вопроса). – Wien, 1992. – 222 с. – (Wiener Slawistischer Almanach ; Sonderband 29).

Трефолов Л.Н. Стихотворения. – Ленинград : Сов. писатель, 1958. – 382 с.

Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения : избр. труды по теории литературы / под общей ред. М.И. Шапира. – Москва : Языки славянских культур, 2006. – XXXII, 927 с.

Argenson R.-L. de Voyer. Mémoires et journal inédit. – Paris : P. Jannet, 1857. – Т. 2. – 399 p.

Ballard J.-B.-C. La clef des chansonniers ou recueil des vaudevilles. – Paris : Mont-Parnasse, 1717. – Т. 2. – 295, XIV p.

Bibliotheca Hispana: A Catalogue of Books. – London : B. Quaritch, 1895. – 250 p.

Bologne J.C. La Palice avant La Palice: retour aux sources : Communication de Jean Claude Bologne à la seance mensuelle du 14 septembre 2019 // Académie royale de langue et de littérature françaises de Belgique [Сетевая публикация]. – 35 p. – URL: <https://www.arlfb.be/ebibliotheque/communications/bologne14092019.pdf> (дата обращения: 20.01.2021).

Bolte J., Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. – Hildesheim : G. Olms, 1963. – Bd. 4. – 487 S.

Bougy A. de. Un million de rimes gauloises : Fleur de la poésie drolatique et badine depuis le XVe siècle recueillie, annotée et précédée d'une préface. – Paris : A. Delahays, 1858. – XI, 559 p.

Brantôme de Bourdeille P. Memoires <...> contenant Les vies des hommes illustres et grands capitaines François de son temps. – Leyde : J. Sambix, 1666. – Т. 1. – 417 p.

Chabannes H. de. Preuves pour servir à l'histoire de la maison de Chabannes. – Dijon : E. Jobart 1892. – Т. 1. – 945 p.

Commerson J. Un million de bouffonneries, ou, Le Blagorama français. – Paris : Passard, 1854. – 506 p.

Fauquier M. Aux sources de l'Europe. – Perpignan : Tempora, 2010. – Т. 2 : Les temps modernes. – 475 p.

Féraud J.-F. Dictionnaire critique de la langue française. – Marseille : Mossy, 1788. – Т. 3. – 852 p.

Fouquier A. Causes célèbres de tous les peuples. – Paris : H. Lebrun, [1858]. – Т. 1, livr. 16–18: Léotade (1848). 1–3. – 50 p.

Fourquevaux F. Beccaria de Pavie, baron de. Les vies de plusieurs grands capitaines François. – Paris : J. Du Bray, 1643. – 462 p.

Garnier-Pelle N., Préaud M. L'imagerie populaire française. – Paris : Musée national des arts et traditions populaires, 1990. – T. 2 : Images d'Epinal gravées sur bois. – 468 p.

Glaßbrenner A. Komische Tausend und eine Nacht : Bunt aus dem grauen Alterthum und der gräulichen Gegenwart. – Hamburg : Verlags-Comptoir, 1854. – 254 p.

Grimm J., Grimm W. Kinder- und Haus-Märchen. – Berlin : Realschulbuchhandlung, 1812. – Bd. 1. – XXVIII, 388, LXX S.

Goldsmith O. An Elegy. On the Glory of Her Sex, Mrs. Mary Blaize // Goldsmith O. The Complete Poetical Works. – London ; New York : Henry Frowde : Oxford University Press, 1906. – P. 47.

Goldsmith O. The Vicar of Wakefield : A Tale. – London : Carnan and Newbery, 1770. – Vol. 1. – 214 p.

Goncourt E. de, Goncourt J. de. Journal; mémoires de la vie littéraire. – Paris : Fasquelle, 1956. – T. 1 : 1851–1856. – 1369 p. ; T. 2 : 1857–1878. – 1276 p.

Gromier M.A. Lettres d'un bon rouge a la commune de Paris. – Paris : Sagnier, 1873. – X, 108 p.

Henrion C. Monsieur de La Palisse, comédie en un acte mêlée de vaudevilles. – Paris : Barba, 1804. – 28 p.

Joannet C. Elemens de poésie françoise. – Paris : Compagnie des libraires, 1752. – T. 1. – XXIV, 229 p.

Jouy É. de. L'hermite de la Guiane, ou Observations sur les mœurs et les usages parisiens au commencement du XIXe siècle. – Paris : Pillet, 1817. – T. 2. – 336 p.

Kuehnholtz H.-M. Des Spinola de Gênes, et de la Complainte, depuis les temps les reculés jusqu'à nos jours. – Paris : Delion ; Montpellier : Savy, 1852. – 398 p.

La Monnoye B. de. Oeuvres choisies. – Dijon ; Paris : De Ventes, 1769. – T. 1. – 484 p.

[*La Place P.-A. de.*] Pièces intéressantes et peu connues, pour servir à l'histoire et a la littérature / Par M.D. L.P. Nouvelle édition. – Maestricht : J.P. Roux, 1790. – T. 7. – 403 p.

Marchant F. Oraison funèbre de l'immortel Loustalot // Marchant F. Chronique du Manège. – Paris, 1790. – N 20. – P. 1–16.

Menagiana, ou les bons mots et remarques critiques, historiques, morales et d'érudition de M. Ménage, recueillies par ses amis. 3e édition, plus ample de moitié et plus correcte que les précédentes. – Paris : Florentin Delaulne, 1715. – T. 3. – 408 p.

Molière. Oeuvres / avec un commentaire <...> par M. [L.-S.] Auger. – Paris : Desoer, 1819. – T. 1. – 335 p.

Mort de La Palisse // Le Porte-feuille d'un homme de gout, ou, L'Esprit de nos meilleurs poètes. Nouvelle édition / [Composé J. de La Porte]. – Amsterdam : [без издателя], 1770. – T. 2. – P. 482–483.

Oraison funèbre de Michel Morin <...> decedé le premier may 1711. – Cologne : P. Marteau, 1713. – 14 p.

Piron A. Credit est mort. Opéra-comique, en un acte. Mêlé de prose & de Vaudevilles. Donné en 1726 // *Piron A.* Oeuvres complètes. – Paris : Lambert, 1776. – T. 5. – P. 123–184.

Ponson du Terrail P.-A. de. Les escoliers de Paris: Legende du pays latin. – Paris : A. Faure, 1867. – T. 1. – 320 p.

Ponson du Terrail P.-A. de., [Chincholle C.] Les Aventures du capitaine La Palisse. – Paris : C. Lévy, 1880. – 339 p.

Prato S. Formules initiales et finales des contes populaires Grecs avec les références des contes néo-Latins // La Tradition: revue générale des contes, légendes, chants, usages et arts populaires. – Paris, 1890. – T. 4, N 9/10. – P. 257–267.

Rosset C. Le démon de la tautologie. – Paris : Minuit, 1997. – 96 p.

Scarron P. Le Virgile travesti. – Paris : Librairie de la Bibliothèque Nationale, 1889. – T. 1. – 192 p.

The Happy Man // The Mirror of Literature, Amusement, and Instruction. – London, 1823. – Vol. 2. – P. 392. – Подпись: Edric.

Thomas F. L'ambassade aux oiseaux: [Une nouvelle] // Bibliothèque des feuilletons: recueil de romans, nouvelles et feuilletons. – Paris, 1843. – T. 3, Septembre. – P. 257–331.

Vallés P. Historia del fortissimo, y prudentissimo capitan Don Hernando de Aualos Marques de Pescara. – Çaragoça : Miguel de Çapila, [1555?]. – VI, 156 p.

МУЖЧИНА КАК НЕДОВЕРШЕННАЯ ЖЕНЩИНА: СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ ФЕМИНИЗМА

Во второй половине XX в. «вторая волна» феминистского движения инициировала всестороннюю критику традиционалистских взглядов на женщину. Одним из символов подобного рода взглядов стала формула «Женщина – это неполноценный мужчина». В перевернутом виде – «Мужчина есть недовершенная женщина» – эта формула стала основой манифеста радикального феминизма, написанного американкой Валери Соланас в 1967 г.

Аристотель и Фома Аквинский

В 1964 г. в Париже вышла книга католического философа Абеля Жаньера «Антропология пола». Автор ставил целью «де-мистифицировать биологические, психоаналитические и социологические псевдообоснования половых различий» и в то же время «показать уникальность любви и ее укорененность в биологии» [Jeannièr, 1969, p. 12]. Жаньер критикует традиционалистский подход, отчасти сближаясь с Симоной де Бовуар, хотя, разумеется, не принимает ее выводов. Он пишет:

«Не существует предопределенного подчинения одного пола другому. Неправда, будто женщина существует для мужчины, а уж потом для Бога. Мы должны либо положить конец всякой

амбивалентности, либо откровенно сказать, что женщина – это “неудавшийся мужчина” (*mâle raté*) или же “нечто промежуточное между обезьяной и человеком [или: мужчиной (*l'homme*). – К.Д.]”» [Jeannière, 1969, p. 149].

В английском переводе, появившемся в том же 1964 г. и переизданном три года спустя, использовано словосочетание «*defective male*» – «неполноценный мужчина» [Jeannière, 1964, p. 131]. Именно в этом виде оборот получил известность.

Это определение восходит к Аристотелю. Для понимания его смысла у Аристотеля, а затем у средневековых философов, необходимо представлять себе контекст, в котором он появился.

В первой книге аристотелевского трактата «О возникновении животных» рассматриваются вопросы, связанные с деторождением. Активным порождающим началом считалось тогда исключительно мужское семя; о существовании женской яйцеклетки ни в древности, ни в Средние века не было известно. «Нормальным» образом из мужского семени должна, казалось бы, развиваться особь мужского пола; рождение особи женского пола Аристотель объяснял различного рода посторонними причинами. Именно в этой связи появляется у него высказывание: «Женщина есть *как бы* ущербный мужчина» («О возникновении животных», 1.20, 728a; курсив наш. – К.Д.).

В древнегреческом оригинале использовано выражение «*αἰρεῖται ὁ ἄρρεν ῥεπερομένη*». Эпитет ‘*ρεπερομένη*’ образован от глагола ‘*περοο*’ – ‘ранить’, ‘калечить’ [Nolan, 2006]. В единственном русском переводе аристотелевского трактата: «Женщина есть как бы бесплодный мужчина» [Аристотель, 1940, с. 81]. Переводчик, как мы полагаем, имел в виду передать представление о пассивной роли женщины в производстве потомства.

Определение Аристотеля многократно цитировалось схоластами, писавшими на латыни. Наиболее авторитетной стала версия, принятая, вслед за Альбертом Великим, Фомой Аквинским: «*Femina est mas (masculus) occasionatus*» («Сумма теологии», I, 92, 1). Один из возможных переводов: «Женщина есть неудавшийся мужчина»; в переводе С.И. Еремеевой: «неудачный мужчина» [Фома Аквинский, 2005, с. 266].

Определение ‘*occasionatus*’ не встречается в классической латыни, и уже в XIX в. выражение «*mas occasionatus*» было не вполне понятно даже изучавшим латынь. При обсуждении этой темы в английском историко-филологическом журнале «Заметки и разыскания» один из читателей предложил свою собственную, вполне фантастическую этимологию: «*Occasio-natus* – составное слово. Отрывок, о котором

идет речь, гласит: “Он также говорит, что женщина рождена для случаев (for the occasions) [желаний или использования] мужчины”, – не в комплиментарном, а в строго библейском смысле» (т.е. для соития) [Passage from Fortescue, 1867; квадратные скобки в оригинале].

Схоласты использовали термин ‘occasionatus’ для обозначения того, что вызвано на свет косвенно (непреднамеренно). Женская особь не является тем, что «намеревалось» произвести мужское семя, она возникает из-за некоторого сбоя; в этом смысле и следует понимать выражение «неудавшийся мужчина» [Nolan, 2006; Nolan, 1998].

Вообще же Фома Аквинский идет по пути согласования тезиса о подчиненном положении женщины с признанием ее творением Божиим, равноценным мужчине. Аристотель (для Фомы – непрекращаемый научный авторитет) называет женщину «неудавшимся мужчиной», но ведь «при первом творении не могло быть создано что-либо неудачное или несовершенное» («Сумма...», I, 92, 1) [Фома Аквинский, 2005, с. 266].

Это противоречие Фома преодолевает, прибегая к понятиям частной и универсальной природы. О женщине как о «неудавшемся мужчине» говорится лишь постольку, «поскольку ее рождение не соответствует цели частной природы, а отнюдь не цели универсальной природы» (I, 99, 2) [там же, с. 342–343]. «С точки зрения своей индивидуальной природы женщина несовершенна и неудачна; в самом деле, активная сила мужского семени направлена на воспроизводство совершенного подобия в мужском роде, и потому, если рождается женщина, то это связано либо с каким-то изъяном в активной силе или в материи, либо даже с влиянием чего-то извне <...>. С другой стороны, в том, что касается человеческой природы в целом, о женщине нельзя говорить как о неудачной <...>» [там же, с. 267–268].

Так обстоит дело в естественно-научном плане. Что же касается плана теологического, то «образ Божий в основном значении, а именно в смысле умственной природы, присутствует равно в мужчине и женщине. Поэтому после слов: “По образу Божию сотворил его”, добавлено: “Мужчину и женщину сотворил их” (Быт 1, 27). Во вторичном же значении образ Божий присутствует только в мужчине, поскольку мужчина является началом и целью женщины подобно тому, как Бог является началом и целью всего сотворенного. Поэтому апостол, сказав, что муж “есть образ и слава Божия, а жена есть слава мужа”, далее разъясняет, почему так сказано: “Ибо не муж от жены, но жена от мужа, и не муж создан для жены, но жена для мужа [1 Кор. 11:8–9]» (I, 93, 4) [там же, с. 281]. «...Женщина не должна ни “господствовать над мужем”, в противном случае она

была бы создана из его головы, ни быть рабским образом подчиненной мужу, в противном случае она была бы создана из его пята» (I. 92, 2) [Фома Аквинский, 2005, с. 271].

После смерти Фомы его ученик Птолемей (Бартоломео) из Лукки закончил его трактат «О правлении государей» («De Regimine Principum», 1277–1279). В гл. 5 книги IV, написанной уже Птолемеем, излагаются мнения античных философов о пригодности женщин к военному делу. Здесь мы читаем: «Философ в книге “О происхождении животных” говорит, что “женщина есть неудавшийся мужчина (*masculus occasionatus*)”; поэтому она недостаточна телосложением, а также рассудком» [Thomas Aquinas, Ptolemaeus de Lucca, 1875, p. 394].

До сих пор встречаются ссылки на будто бы ведшиеся в Средние века споры о том, можно ли считать женщину человеком (или: есть ли у женщины душа); но все это – не более чем легенды, созданные в Новое время [см.: Душенко, 2019]. На уровне церковной доктрины женщине отводилось, хотя и подчиненное, но все же весьма почетное место. Это усиленно подчеркивают современные католические теологи; достаточно указать на книгу Катрин Капелль под заглавием «Фома Аквинский – феминист?» [Capelle, 1982; также: Nolan, 2000].

Тем не менее на уровне обыденного сознания мизогения в Средние века преобладала. Средневековый энциклопедист Винсент из Бове (1190–1264), старший современник Фомы, писал: «Что есть женщина? Искажение человека (*Homini confusio*), ненасытное чудовище, вечное беспокойство, сражение без конца, неустанное кораблекрушение [для] воздержанного мужа, [законное] имущество мужчины» («Зерцало историческое» («*Speculum historiale*»)¹, 10.71) [цит. по: Vecchio, 2006, p. 232]. *Лат.* ‘homo’ означает как человека, так и мужчину, поэтому возможен перевод: «Женщина – искажение мужчины».

Фрейд

В 20-е годы XX в. Зигмунд Фрейд поставил проблему иначе: у него речь идет не о биологической неполноценности женщины, а об *оцущении* ею своей биологической неполноценности. По Фрейду, девочка обнаруживает отсутствие у себя пениса как некий дефект, и «ею овладевает зависть к пенису (*нем. Penisneid*)» [Фрейд,

¹ Часть III энциклопедического труда «Зерцало великое» – «*Speculum majus*».

1997, с. 53]. В результате «у женщины возникает – словно рубец – чувство малоценности. После того как она преодолевает первую попытку объяснить отсутствие у нее пениса понесенным ею лично наказанием и узнает об общераспространенности этого характерного полового признака, она начинает разделять пренебрежение мужчины к полу, имеющему дефект в столь важной части организм» [там же, с. 54]. «Женщина признает факт своей кастрации и тем самым превосходство мужчины и свою собственную неполноценность, но она также противится этому неприятному положению вещей» [Фрейд, 2006, с. 279].

Заключительный вывод основателя психоанализа неожиданно перекликается с традиционалистскими воззрениями: «Я говорю об этом неохотно, но не могу отделаться от мысли, что нормальный уровень нравственности у женщины – иной. Сверх-Я никогда не будет столь неумолимо, столь безлично и столь независимо от своих эффективных источников, как мы этого требуем от мужчины. Характерные черты, которые критика издавна ставила в упрек женщине, что она менее способна испытывать чувство справедливости, нежели мужчина, что она менее способна подчиняться настойчивым жизненным потребностям, что она в своих решениях чаще руководствуется нежными и враждебными чувствами, – эти характерные черты находят себе достаточное обоснование в вышеприведенной модификации образования сверх-Я» [Фрейд, 1997, с. 58].

В частной беседе Фрейд высказался еще более определенно: «Должно существовать неравенство, и верховенство мужчины – меньшее из двух зол» [Фромм, 2019, с. 25].

Эти выводы не получили признания у позднейших психоаналитиков, однако широко использовались для критики фрейдизма в феминистской литературе.

Валери Соланас и ее манифест

В 1967 г. на свет появился идеологический документ, в котором окарикатуренные женоненавистнические стереотипы повернуты против мужчин. Речь идет о самом скандальном тексте в истории феминизма – «SCUM Manifesto», т.е. «Манифест Общества изничтожения мужчин» («Society for Cutting Up Men»). Автором манифеста была американка Валери Соланас (1936–1988). Заглавие манифеста многозначно: в свете его содержания глагол ‘cut up’ может пониматься как ‘вырезать’ (поголовно), ‘порезать’ (на куски), но также ‘кастрировать’.

В 1958 г. Соланас окончила психологический факультет Мэрилендского университета, после чего пробавлялась случайными заработками, в том числе (как она утверждала) проституцией. Весной 1967 г. Соланас размножила свой манифест на мимеографе и стала продавать его прямо на улице богемного квартала Гринвич-Виллидж в Манхэттене (рис. 1). Разошлось несколько сот экземпляров, но никакого отклика в печати не последовало.

Тогда же Соланас предложила Энди Уорхолу для экранизации свою пьесу «Up Your Ass» («Засунь себе в задницу»). Уорхол потерял сценарий, Соланас потребовала компенсации, а потом решила, что Уорхол и его друзья задумали украсть ее работу. 3 июня 1968 г. Соланас явилась на студию Уорхола в Гринвич-Виллидж и попыталась застрелить Уорхола, его менеджера Фреда Хьюза и художественного критика Марио Амайю. Уорхол получил тяжелые

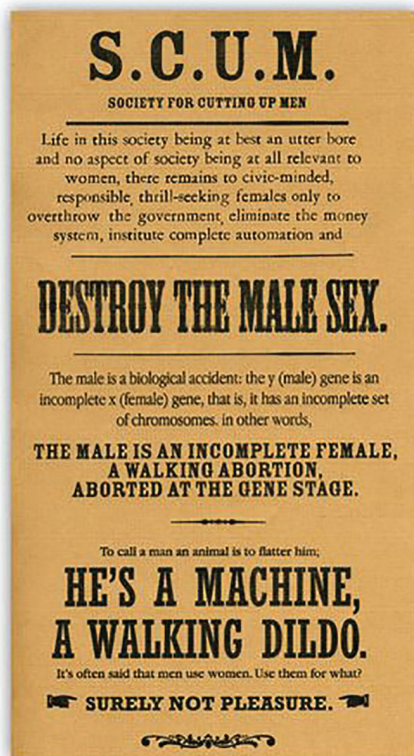

Рис. 1. Обложка издания «SCUM Manifesto» на мимеографе (1967)

ранения, от которых не оправился до конца жизни, Амайя – ранение более легкое, а Хьюза спасла осечка.

В полиции Соланас заявила, что Уорхол «заполучил слишком большую власть над ее жизнью». Психиатры поставили ей диагноз «хроническая параноидальная шизофрения», однако затем суд все же счел ее правоспособной и приговорил к трем годам заключения.

В августе 1968 г. в издательстве «Olympia Press» вышло в свет коммерческое издание манифеста (рис. 2).

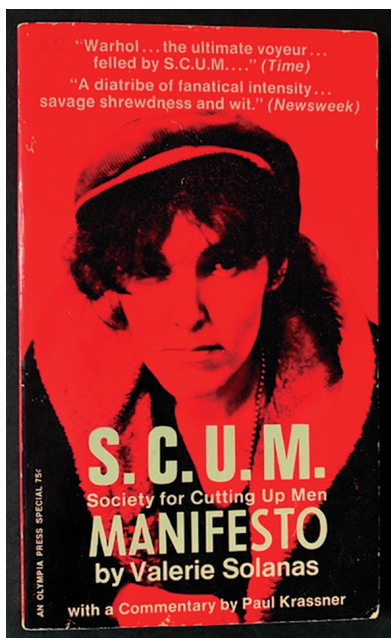

Рис. 2. Обложка первого книжного издания «SCUM Manifesto» («Olympia Press», 1968)

Предисловие написал владелец издательства француз Морис Жиродиа, а послесловие – Пол Краснер, один из идеологов движения контркультуры [Solanas, 1968]. Ранее Жиродиа опубликовал все романы де Сада, первое издание «Лолиты» Набокова (1955) и еще более скандальный «Голый завтрак» Уильяма Берроуза (1959). Жиродиа был одной из намеченных жертв покушения Соланас, но в тот день он находился в Монреале.

Расшифровка сокращения SCUM в некоммерческой публикации манифеста отсутствовала. Позднее Соланас утверждала, что

SCUM не является сокращением, а расшифровка «Общество изничтожения мужчин» принадлежит издателям манифеста. Однако уже в феврале 1967 г. Соланас дала объявление в еженедельнике «The Village Voice» о предварительном чтении своей пьесы, указав в качестве организатора чтения «SCUM (Society for Cutting Up Men)» [Fahs, 2014, p. 85]. Верно лишь то, что группа SCUM в том виде, в котором она описана в манифесте, никогда не существовала.

На волне ажиотажа, вызванного покушением, манифест получил всемирную известность и перепечатывался десятки раз как отдельным изданием, так и в антологиях феминистских текстов.

* * *

Мужчина обозначается в манифесте словом ‘the male’ – не столько из общелитературного, сколько из научного, преимущественно биологического лексикона (‘лицо мужского пола’, ‘мужская особь’, ‘самец’). Слово ‘man’, означающее и ‘мужчина’ и ‘человек’, в манифесте редкое исключение.

Манифест открывается формулировкой целей: «свергнуть правительство, ликвидировать денежную систему, ввести полную автоматизацию и уничтожить мужской пол». Достижение последней цели предполагается как путем прямого насилия, так и более щадящим путем генной инженерии: «Ныне технически возможно размножаться без помощи самцов <...> и производить только самок» [Solanas, 2000, p. 201].

Идейной основой манифеста служит тезис о биологической неполноценности мужчины. «Мужчина – это биологическая случайность: мужской ген Y – это некомплектный женский ген X, т.е. мужчина обладает неполным набором хромосом. Другими словами, мужчина – это недовершенная женщина (the male is an incomplete female), ходячий аборт, прерванный на генной стадии» [ibid., p. 201].

Соланас выражалась неточно. Число хромосом у мужчин и у женщин одинаково – по две. Женщина имеет две X-хромосомы, мужчина – одну X и одну Y-хромосому. В X-хромосоме содержится более 1400 генов, в Y-хромосоме – всего 78, т.е. речь может идти лишь о «неполном наборе» генов у мужской особи.

«Быть мужчиной, – продолжает Соланас, – значит быть обделенным (deficient), эмоционально ограниченным; маскулинность – болезнь недостаточности, а мужчины – эмоциональные калеки. Мужчина абсолютно эгоцентричен, замкнут в себе, неспособен

сопереживать и отождествлять себя с другими, неспособен на любовь, дружбу, привязанность или нежность. <...> Он застрял в сумеречной зоне, на полпути между обезьяной и человеком, и он куда хуже обезьяны, потому что, в отличие от нее, он способен ко множеству негативных чувств, таких как ненависть, ревность, презрение, отвращение, вина, стыд и сомнение, – и к тому же он сознает, что он собой представляет». «Называть мужчину животным – значит льстить ему» [Solanas, 2000, p. 201, 202].

Соланас, несомненно, была знакома с «Антропологией пола» А. Жаньера. «На полпути между обезьяной и человеком» – точная цитата из английского перевода книги Жаньера, где это определение относится к женщине; определение «Мужчина – это недовершенная женщина» – зеркальное отражение наименования женщины «неполноценным мужчиной».

Будучи «недовершенной женщиной», мужчина проводит жизнь в попытках «довершить себя», т.е. стать женщиной. Он присваивает себе женские качества – душевную силу и независимость, решительность, хладнокровие, объективность, смелость. В то же время он проецирует на женщин мужские черты – тщеславие, легкомыслие, мелочность, слабость. И мужчина «блестяще убедил миллионы женщин, что мужчины – это женщины, а женщины – это мужчины» [ibid., p. 202].

Неверно, будто женщины завидуют пенису; это «мужчины завидуют женской киске» [ibid., p. 202]. Комплекс неполноценности по отношению к женщине – причина мужской агрессивности и воинственности; так мужчины компенсируют свою ущербность. Отсюда же их любовь к деньгам. Неспособность мужчины к подлинно человеческим отношениям делает его жизнь бессмысленной и абсурдной. Чтобы заполнить пустоту своего «Я», мужчина изобрел философию, религию и «высокое искусство», женщине совершенно ненужные. В сущности, вся наличная человеческая культура в манифесте отрицается как порождение мужчины и орудие его господства.

В манифесте очень много говорится о мужчине и совсем немного о женщине. По замечанию одного из авторов, определение женщины у Соланас чисто негативное: женщина – это не-мужчина [Dufficy, 2017, p. 61].

Из биологической неполноценности мужчины следуют самые радикальные выводы. «По своей природе мужчина – пиявка, эмоциональный паразит, а значит, не имеет морального права жить, потому что никто не имеет права жить за чужой счет. Подобно тому как люди имеют преимущественное право на существование перед собаками в силу того, что они более развиты и обладают более

высоким сознанием, так и женщины имеют преимущественное право на существование перед мужчинами». Устранение любого мужчины – дело праведное и благое, мало того – акт милосердия [Solanas, 2000, p. 209]. Поэтому «SCUM убьет всех мужчин, кроме тех, что войдут во Вспомогательный отряд SCUM», дабы «усердно поработать над собственным устранением» [ibid., p. 216].

Впрочем, мужчина мало-помалу сам устраняет себя. «Помимо проверенных, классических способов – войн и расовых беспорядков, все больше мужчин становятся педиками или морят себя наркотой» [ibid., p. 216]. Немногим оставшимся будет позволено «влачить свою жалкую жизнь, <...> пассивно наблюдая всевластие женщин <...>, либо отправиться в ближайший радушный суицидальный центр, где они будут тихо, быстро и безболезненно загазованы насмерть» [ibid., p. 221].

Манифест провозглашает принцип крайнего индивидуализма и уничтожения любой иерархии. Однако SCUM – авангард женщин – оказывается весьма близким аналогом «сознательных пролетариев» в марксистской доктрине. SCUM обладает также чертами конспиративной партии: «Горсточка SCUM может овладеть этой страной в течение года» [Solanas, 2000, p. 218]. В составе SCUM предусмотрен «элитный корпус – основное ядро активистов (опускающие мужчин, мародеры и разрушители) и элита элиты – киллеры» [ibid., p. 219]. Это не слишком согласуется с исходными тезисами манифеста, согласно которым агрессивность и насилие – атрибуты сугубо мужские, но логическая стройность вообще чужда манифесту.

Основная масса женщин, оболваненных мужской пропагандой, подлежит перевоспитанию, которое (что подразумевается) осуществляет сознательный авангард. Мало того: в заключительной части манифеста центральным оказывается «конфликт не между женщинами и мужчинами, а между SCUM <...> и Папиными Дочками». Первые – «властные, не знающие сомнений, уверенные в себе, вульгарные, неистовые, себялюбивые, независимые, гордые, жаждущие острых ощущений, раскованные, самонадеянные женщины, считающие себя достойными править миром»; вторые – «милые, “культурные”, вежливые, приличные, покорные, зависимые, бездумные, неуверенные в себе <...>» [ibid., p. 217].

В счастливом, исключительно женском будущем дети будут производиться «лабораторным путем», общество со всеми его институтами, включая семью, упраздняется, а вместе с ним – и старая (т.е. практически вся) культура. Останется «только одна Культура – самодовольная, прикольная, стильная, женщины будут наслаждаться друг другом и всем, что ни есть на свете» [ibid., p. 221].

Но в манифесте рассматривается и другое, поистине окончательное решение – ликвидация не одного, а обоих полов: «Зачем рожать даже женщин? Почему должны существовать будущие поколения? <...> В конечном итоге естественный ход событий, социальной эволюции, приведет <...> к прекращению производства женщин» [ibid, p. 217].

Как видим, радикальное мужененавистничество манифеста оборачивается радикальным человеконенавистничеством.

* * *

Мнения о жанре манифеста расходятся: одни сочли его вполне серьезной идеологической декларацией и руководством к действию, другие – интеллектуальной провокацией или литературной игрой.

В 1968 г. на вопрос интервьюера, насколько серьезно она воспринимает «дело SCUM», Соланас ответила: «Разумеется, я серьезна. Я смертельно серьезна» [Marmorstein, 1968, p. 9]. Так же считал Пол Красснер, знавший Соланас близко. В послесловии к изданию 1968 г. он назвал манифест «документом патологического прозелитизма с редкими обертонами непреднамеренной сатиры» [Solanas, 1968, p. 89].

Но в таком случае манифест пришлось бы признать декларацией гендерного расизма и проповедью «гендероцида». Интеллектуалы, причастные к движению контркультуры и феминистскому движению, такую трактовку принять не могли. Жиродиа счел манифест «шуткой» и «свифтовской сатирой» [Hoberman, 2003, p. 48]. Мэри Харрон, режиссер фильма «Я стреляла в Энди Уорхола» (1996), назвала манифест «невозмутимым, безжалостно логичным, элегантно комичным: странное сочетание, как если бы Оскар Уайльд решил стать террористом» [Hewitt, 2004, p. 603].

Французский социолог Жинетт Кастро увидела в манифесте феминистский памфлет, пародию на фрейдистскую теорию женственности с заменой женщины на мужчину. «Налицо все клише психоаналитической теории Фрейда: биологическая случайность, недовершенный пол, “зависть к пенису”, обернувшаяся “завистью к женской киске”, и т.д. <...> Мы имеем дело с абсурдом, используемым в качестве литературного средства разоблачения абсурда, т.е. с абсурдной теорией, используемой для “научного” оправдания патриархата». Что же до программы уничтожения мужчин, то это, по мнению Кастро, памфлетный прием того же рода, что и предложение поедать новорожденных детей бедняков в памфлете Свифта «Скромное предложение» [Castro, 1990, p. 73, 74].

Литературные достоинства манифеста в этих отзывах сильно преувеличены. Свифтовские памфлеты с их стилистическим совершенством и идеальной логикой абсурда стоят в совершенно ином художественном ряду. Но если все же вспомнить о Свифте, на ум приходит не столько «Скромное предложение», сколько описание йеху в «Путешествиях Гулливера». Йеху принадлежат к иному биологическому виду, они жадны, агрессивны, похотливы, властолюбивы, нечистоплотны, лишены каких бы то ни было духовных потребностей и даже подвержены своего рода наркомании.

Изображение мужчин в манифесте – не просто негатив изображения женщины у Фрейда или в мизогенических сочинениях прошлого; Соланас идет гораздо дальше. Для нее мужчины – источник всего социального зла, можно даже сказать – мирового зла. В сущности, им отводится та же роль, которая в нацистской идеологии отводилась евреям, и упоминание об умерщвлении газом только подчеркивает эту аналогию.

Манифест действительно можно прочесть как жестокий памфлет – однако не только на мизогеническую традицию, но и на радикальный феминизм (который, заметим, в 1967 г. еще не успел сформироваться). Именно в этом качестве используют манифест противники феминизма, рассматривающие чуть ли не все феминистское движение как «феминацистское» (*feminazi*).

Список литературы

Аристотель. О возникновении животных / пер. В. П. Карпова. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. – 251 с.

Душенко К.В. Женщина не имеет души // Душенко К.В. Цитата в странстве культуры : Из истории цитат и крылатых слов. – Москва : ИНИОН РАН, 2019. – С. 168–171.

Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 75–119 / перевод, редакция и примеч. С.И. Еремеева. – Киев : Ника-Центр, 2005. – 576 с.

Фрейд З. Некоторые психические последствия анатомического различия полов // Лейбин В.М. Эдипов комплекс и российская ментальность. – Москва : УРСС, 1997. – С. 50–58. – Приложение. – 1-я публ. оригинального текста: 1925.

Фрейд З. О женской сексуальности / пер. А.М. Боковой // Фрейд З. Собрание сочинений : В 10 т. – Т. 5 : Сексуальная жизнь. – Москва : Фирма СТД, 2006. – 311 с.

Фромм Э. Миссия Зигмунда Фрейда / пер. А.В. Александрова // Теория Зигмунда Фрейда. – Москва : АСТ, 2019. – С. 5–112.

Capelle C. Thomas d'Aquin, féministe? – Paris : Vrin, 1982. – 184 p.

Castro G. American Feminism: A Contemporary History / Transl. by E. Loverde-Bagwell. – New York : New York Univ. Press, 1990. – 314 p. – Перевод французского издания 1984 г.

Dufficy R. SCUM Without a Subject: Valerie Solanas at the End of the Avant-Garde // Colloquy: Text, Theory, Critique. – Melbourne, 2017. – N 33. – P. 54–72.

Fahs B. Valerie Solanas: The Defiant Life of the Woman Who Wrote SCUM (and Shot Andy Warhol). – New York : The Feminist Press, 2014. – 382 p.

Hewitt N.A. Solanas, Valerie // Notable American Women: A Biographical Dictionary. – Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 2004. – Vol. 5 : Completing the Twentieth Century. – P. 602–603.

Hoberman J. I shot Andy Warhol // Hoberman J. The Magic Hour: Film At Fin De Siecle. – Philadelphia : Temple Univ. Press, 2003. – P. 47–49.

Jeannière A. Anthropologie sexuelle: Collection recherches économiques et sociales. – Paris : A. Montagne, 1969. – 222 p. – 1-е изд.: 1964.

Jeannière A. The Anthropology of Sex / Trad. Julie Kernan. – New York : Evanston ; London : Harper & Row, 1964. – 188 p.

Marmorstein R. SCUM Goddess : a Winter Memory of Valerie Solanis (sic!) // The Village Voice. – New York, 1968. – June 13 th. – P. 9–10, 20.

Nolan M. Do Women Have Souls? : The Story of Three Myths. Part 1 [Electronic publication. Version: 29 th May 2006]. – URL: <http://www.churchinhistory.org/pages/booklets/women-souls-1.htm> (дата обращения: 25.06.2020).

Nolan M. The Aristotelian Background to Aquinas's Denial that «Woman is a Defective Male» // The Thomist: A Speculative Quarterly Review. – Washington, 2000. – Vol. 64, N 1, January. – P. 21–69.

Nolan M. What Aquinas Never Said About Women // First Things: [Online journal]. – URL: <https://www.firstthings.com/article/1998/11/003-what-aquinas-never-said-about-women> (дата обращения: 25.06.2020).

Passage from Fortescue // Notes and Queries. – London, 1867. – Vol. 36, N 297, Sept. 7. – P. 195–196.

Solanas V. S.C.U.M. Manifesto: Society for Cutting Up Men / Preface by M. Girodias, a commentary by P. Krassner. – New York : Olympia Press, 1968. – 106 p.

Solanas V. SCUM (Society for Cutting Up Men) Manifesto // Radical Feminism: A Documentary Reader / Ed. by Barbara A. Crow. – New York ; London : New York Univ. Press, 2000. – P. 201–222.

Thomas Aquinas, [Ptolemaeus de Lucca]. Tractatus De rege et regno ad regem Cypri // Thomas Aquinas. Doctoris angelici divi Thomæ Aquinatis Opera omnia. – Parisiis : apud Ludovicum Vivès, 1875. – Vol. 27. – P. 336–412.

Vecchio S. Les deux épouses de Socrate: Les philosophes et les femmes dans la littérature des exempla // Exempla docent: Les exemples des philosophes de l'antiquité à la renaissance. – Paris : J. Vrin, 2006. – P. 225–240.

«В СССР СЕКСА НЕТ»: О ПОНЯТИИ ‘СЕКС’ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

17 июля 1986 г. советские зрители увидели телемост Ленинград – Бостон на тему «Женщины говорят с женщинами». Американка из Бостона спросила: «У нас в стране тоже существует проблема секса у подростков. <...> У нас в телерекламе все крутится вокруг секса. Есть ли у вас такая телереклама?» Ответила ей Людмила Николаевна Иванова, администратор гостиницы «Ленинград»: «Ну, секса у нас нет, и мы категорически против этого». В ответ на смех и аплодисменты аудитории последовало уточнение: «Секс у нас есть, но у нас нет рекламы». Отсюда сразу же возникла крылатая фраза «В СССР секса нет».

Тут имело место не просто недоразумение: это был сбой в межкультурной коммуникации. Семантика слова ‘секс’ в американской и советской культуре различалась очень сильно. Об этом лучше всего свидетельствует то, что слово ‘секс’ Иванова, согласно ее позднему интервью, произнесла впервые в жизни. Ей было тогда 45 лет, и она в четвертый раз была замужем [Бобрович, 2016].

В 1982 г. в «Ридерс дайджест» появился очерк Марка Поповского¹ под заглавием: «Главный секрет: есть ли в России секс?»

¹ М.А. Поповский (1922–2004), писатель, журналист, правозащитник; с 1977 г. в эмиграции.

[Popovsky 1982]. В книге на ту же тему, вышедшей три года спустя, Поповский сообщал: «...Термин “секс” <...> ассоциировался у некоторых моих собеседников (из числа бывших советских граждан. – К.Д.) с термином “порнография”. Такое смешение понятий не случайно <...>» [Поповский., 1985, с. 11].

То же смешение понятий встречалось в высказываниях ряда политиков уже постсоветской России. В 1998 г. Борис Ельцин говорил о телеканале «Культура»: «Там есть попечительский совет, и <...> они <...>, конечно, не допускают, чтобы туда проникал, так сказать, секс, так сказать, спектакли и прочее, от чего надо постепенно-постепенно все-таки избавляться напрочь» [Душенко, 2018, с. 194]. В 2000 г. Владимир Путин на встрече с творческой интеллигенцией Иркутска заявил: «Общество должно само отвергать все, что связано с сексом, насилием и прочими извращениями». (По другой версии: «Секс, насилие, терроризм должны быть запрещены») [Душенко, 2019, с. 101]. И уже в 2008 г. на вопрос: «А в Чечне вообще секс есть?» – Рамзан Кадыров ответил: «Шайтан вас возьми! Нету у нас секса!» [Душенко, 2018, с. 65].

Чтобы понять, как возникло такое смешение, необходимо рассмотреть историю слова ‘секс’ (а также родственных ему слов) в СССР.

* * *

Слово ‘секс’ заимствовано из западноевропейских языков (*фр.* ‘sexe’, *англ.* ‘sex’, с исходным значением ‘пол’). В англоязычных словарях XIX в. среди многочисленных значений слова ‘sex’ нет значения «сексуальные отношения», «сексуальный акт». В Оксфордском словаре английского языка ранней иллюстрацией этого значения слова служит цитата из романа Г. Уэллса «Любовь и мистер Люишем» (1899): «...Sex for a home is the woman’s traffic» [Wells, 1899, p. 155]; возможный перевод: «...Женщина отдается мужчине ради домашнего очага». В дореволюционном переводе З. Журавской (1910) нет даже намек на понятие ‘секс’: «...Женщина иногда всю жизнь добивается домашнего очага» [Уэллс, 1910, с. 119]; в советском переводе Н. Емельяниковой (1964): «...Любовь у домашнего очага – удел только женщины» [Уэллс, 1964, с. 97].

Прилагательное ‘сексуальный’ зафиксировано в русском словаре 1910 г. как заимствование из французского, однако в сугубо специальных значениях: «1. Родовой по отношению к распределению

слов по родам в ариоевропейских языках. 2. Родовой по отношению к определению пола в животных и растениях» [Чудинов, 1910, с. 533]. В значении 'половой' это слово до 1917 г. встречалось у Василия Розанова и Н.А. Бердяева. В дневнике К. Чуковского за 1918 г. 'сексуальный' означает 'чувственный': «Он у меня такой сексуальный, чувственный, но чувственность его *элегантная*» (жена Луначарского о своем малолетнем сыне) [Чуковский, 2006, с. 227].

Самый ранний известный нам пример употребления слова 'секс' в России содержался в письме Евгения Замятина к художнику Юрию Анненкову (1921): «В человеке есть два драгоценных начала: мозг и секс. От первого – вся наука, от второго – все искусство». Судя по контексту, 'секс' означает здесь 'половое влечение'. В печати письмо появилось лишь в 1954 г., в воспоминаниях Анненкова о Замятине [Анненков, 1981, с. 259].

В 1916–1917 гг. Замятин жил в Англии; вероятно, слово 'секс' он заимствовал из английского. В романе «Мы» (1920¹) этого слова нет. Зато Замятин вводит здесь целое гнездо терминов с прилагательным 'сексуальный' в значении 'относящийся к сексуальным отношениям' – «сексуальные дни», «Сексуальное Бюро», «Сексуальная Табель», а также «Lex sexualis» («Сексуальный закон»): «Всякий из нумеров имеет право – как на сексуальный продукт – на любой номер» [Замятин, 1990, с. 16].

В литературе и публицистике 1920-х годов в близких контекстах обычно встречалось слово 'половой'. Термин 'сексуальный' использовался преимущественно в медицине, криминалистике, психоаналитической психологии, а также в социальной педагогике. В 1927 г. «Правда» так излагала идеи доклада академика В.М. Бехтерева перед московскими педагогами: «...Решение задачи сексуального воспитания подростков, во всю свою широту поставленную лишь нашей революцией, будет быстро и верным путем идти в СССР» [Вопросы ..., 1927].

Двумя годами ранее в Берлине вышла брошюра Григория Абрамовича Баткиса (1895–1960), видного советского специалиста по социальной гигиене. Называлась она «Сексуальная революция в Советском Союзе» [Batkis, 1925]. Брошюра была написана в 1923 г., но по-русски никогда не публиковалась. Ее оригинал,

¹ На русском роман был опубликован лишь в 1954 г. (за рубежом), однако в 1920-е годы он был хорошо известен в литературном кругу.

по-видимому, не сохранился; можно предположить, что заглавие было дано немецкими издателями.

Обычно термин «сексуальная революция» связывается с именем австрийского психоаналитика-марксиста Вильгельма Райха, который с 1939 г. жил в США. Здесь в 1945 г. вышла книга «The Sexual Revolution» – переработанная, английская версия работы Райха «Сексуальность и борьба за культуру» (1936, на немецком языке). Райх был знаком с брошюрой Баткиса и ссылался на нее в своей книге. Но понятие «сексуальная революция» у Баткиса существенно отличалось от современных представлений о ней как о процессе отделения сексуальности от репродукции. У Баткиса оно означает социальное освобождение женщины, переход к единой сексуальной морали для мужчин и женщин, а также переворот в семейно-брачном законодательстве, включая легализацию абортов и декриминализацию однополых отношений [Здравомыслова, 2017, с. 127, 130, 132].

У Юрия Олеши понятие ‘сексуальный’ связано с подростковыми комплексами: «Родителей тревожило постоянное опасение: не происходит ли в моем сознании беспорядка, имеющего сексуальный смысл» («Я смотрю в прошлое», 1928) [Олеша, 1956, с. 285]. В близком контексте это понятие многократно встречается в повести М. Зощенко «Перед восходом солнца» (1943), которая писалась с 1935 г. Автор полемизировал с фрейдизмом, признавая, однако, его частичную правоту.

В 1930-е годы понятие ‘сексуальный’ появляется в суждениях о популярной культуре, обычно с оттенком морального осуждения, например: «песенки, вызывающие у посетителей мюзик-холла сексуальный аппетит» [Юзовский, 1932]. Французский искусствовед Леон Муссиак осуждает «особый вид американского секс-аппила» – демонстрацию «бедер, бюстов, ляжек» и прочую «порнографию». «Затуманивание сознания, разнузданность инстинктов – вот что облегчает разложение, разгул, деградацию психики масс кинозрителей» [Муссиак, 1933, с. 29, 30].

В словаре Ушакова (1940) слово ‘сексуальный’ включено с толкованием: «Связанный с половыми отношениями. Половое влечение» [Толковый ..., 1940, стб. 132].

В Национальном корпусе русского языка первый пример употребления слова ‘секе’ датируется 1956–1960 гг. (А. Мариенгоф, «Мой век, моя молодость...»). Мы уже видели, что оно появилось не позднее 1921 г. В советской печати оно изредка встречалось в 1930-е годы, причем значение его установилось не сразу. (Здесь

и далее мы основываемся на электронной базе данных East View, в которой представлена центральная советская печать, в том числе: «Известия», «Правда», «Литературная газета», «Советская культура», «Огонек», «Искусство кино».)

В стихотворной пьесе И. Сельвинского «Умка Белый Медведь» (1934) ‘секс’, по-видимому, понимается как ‘пол’:

Это все тот же искусственный секс.
Мужчины сами в нас культивируют
Полную противоположность себе [Сельвинский, 1934¹].

В статье о московском «Мюзик-холле» ‘секс’ означает сексуальную привлекательность, сексапил²: «Нужен нам такой театр? Театр, куда актрисы подбираются в зависимости от того, с “сексом” они или без того, театр-выставку обнаженных женщин? Не нужен. Значит, не нужен и “Мюзик-холл”, ибо другого мюзик-холла не существует» [Млечин, 1934].

Еще в двух случаях ‘секс’ – синоним эротики: «В [западном] кино – единственная популярная тема – секс во всех видах и приключения» [Вишневский, 1936]; «Возьмите любой из номеров журнала сюрреалистов “Minotauro” (“Минотавр”) и вы прочтете в оглавлении: спиритизм, секс, эротика, паранойя» [Вишневецкая, 1936].

* * *

На протяжении двух десятилетий (1937–1956) слово ‘секс’ почти не встречается в советской печати. Из трех упоминаний, имеющих в базе East View, первое – цитата из сатирического кукольного спектакля «Обыкновенный концерт»³: «Танго, полное “бодрого секса”, – <...> сообщает <...> развязный конферансье» [Тэсс, 1946]. Два других – цитаты из американской печати. Это перепечатка отзыва о пьесе Пикассо «Желание, пойманное за хвост» («Пьеса <...> касается главным образом еды и секса»), а также изложение статьи «Секс в наших школах», где речь идет о внебрачных отношениях среди американских старшеклассников [Факты ..., 1947; Павленко, 1949, с. 15].

¹ Эта сцена (IV, 7) была исключена в позднейших редакциях пьесы (1935, 1959).

² В одной из статей 1936 г. ‘секс-эппил’ толкуется как «половое очарование».

³ Позднейшее название: «Необыкновенный концерт».

Число подобных упоминаний резко возрастает с конца 1950-х годов, при этом слово 'секс' нередко закавычивается как «чужое слово». Любопытна заметка в «Известиях», прямо касающаяся темы «Есть ли секс в СССР?»: «...Разочарованный [западногерманский] корреспондент <...> обрушил на москвичей град упреков: киноплакаты рисовать не умеют – никакого декольте у кинозвезд, понятия не имеют о том, что такое “секс”, и т.д. <...> “Если современный Казанова, побывав в Москве, будет за бутылкой вина рассказывать о своих успехах, не верьте ему”» [Шавров, 1958].

Подавляющее большинство упоминаний о 'сексе' относится к западной литературе, театру и особенно кинематографу, например: «...Секс течет мутной волной по ночным тротуарам Ньюпорта, Парижа, Лондона»; «нагие извивающиеся тела, наркотическое мелькание в накуренном зале голливудской киноленты» [Бондарев, 1962].

Слово 'секс' особенно часто встречалось в статьях зарубежных авторов, выступающих в роли критиков буржуазной культуры Запада, таких как Джеймс Олдридж. Одна из статей Олдриджа представляет собой редкий пример постановки вопроса о «естественности» секса: «...Вы можете также спросить: <...> что дурного в сексе? Разве <...> секс не естествен? Что же, <...> половой инстинкт сам по себе является одним из самых сложных и тонких моментов в психической жизни человека. Однако является ли он основной движущей силой, определяющей все наши поступки?» [Олдридж, 1962].

В 1969 г. автор «Литературной газеты» осторожно замечает: «...Человеческая любовь – чувство сложное, не на одном сексе выстроенное, хоть на нем и основанное» [Светланова, 1969].

Еще более редкий случай суждений в подобном духе – очерки Всеволода Овчинникова о Японии, опубликованные в 1970 г. в «Новом мире»: «При всем том, что японскому образу жизни присуще суровое подавление личных порывов, секс в этой стране никогда не осуждался ни религией, ни моралью. Японцы никогда не смотрели на секс как на некое социальное зло, никогда не отождествляли его с понятием греха, не видели необходимости окружать его завесой тайны, скрывать от посторонних глаз как нечто предосудительное» [Овчинников, 1970, с. 213]. Скрытая полемика с пуританской моралью послевоенного СССР здесь очевидна.

Обычно же 'секс' фигурировал в соседстве с различными приметами деградации буржуазной культуры и западного общества в целом. Чаще всего он ассоциировался с развратом и насилием в различных его проявлениях. Вот несколько типичных примеров из печати 1961–1972 гг.:

1961: «мешанина секса, долларов и преступлений»;
1962: «изнасилования и нездоровый секс»;
1963: «секс, порнография, смакование жестокостей, насилие»,
«секс, насилие, расизм»;
1964: «секс, преступления, милитаризм», «секс, непристойность, вырождение»;
1965: «сенсации, ужасы, садизм и секс»;
1966: «секс, ужасы, война, преступление»;
1968: «секс, алкоголь и наркотики»;
1969: «культ секса, насилия и индивидуализма, идей расизма и неонацизма»; «иррациональность, патология, секс, индивидуализм», «насилие, бизнес, наркомания, секс, античеловечность»;
1970: «секс, разврат во всех его проявлениях»;
1972: «насилие, аморальность, секс».

Именно к этой традиции восходит цитировавшееся выше высказывание постсоветского времени о «сексе, насилии и прочих извращениях».

Основные негативные характеристики ‘секса’ в советской печати таковы:

он тесно связан с преступлениями и извращениями;
он противоположен любви, заменяя ее физиологией;
он служит средством отвлечения от реальных проблем буржуазного общества;
он индивидуалистичен по природе (т.е. не поддается социальному контролю).

В последнем случае налицо характерная двойственность: на Западе ‘секс’ служит средством манипуляции сознанием и чувствами масс, а в СССР, напротив, опасен как социально неподконтрольный феномен, противостоящий общественному, коллективистскому началу.

‘Секс’ изображался и как оружие империализма, в одном ряду с «атомно-ракетным оружием, нацеленным на социалистические страны». «И в том и в другом случаях – мишень одинакова» [Матвеев, 1963].

Иногда встречались намеки на интерес к ‘сексу’ – т.е. к эротике – советской молодежи: «...И у нас встречаются индивидуумы, которым только покажи что-либо модное, западное с тухлятинкой и пошлым сексом, как они тоже не отвечают за себя» [Немцов, 1965]. Под «пошлым сексом» здесь имелось в виду чрезмерно раскованное, по советским понятиям, поведение итальянских эстрадных певцов на гастролях в Москве. «Известия» осуждают «бородатых

модников, этих бардов обывательства, не делающих различия между любовью и сексом» [Гольцев, 1969].

В очерке Владимира Амлинского «Мальчишки без девчонок» (1971) 'секс' – едва ли не главный мотив представлений о западной «красивой жизни». В альбомных вырезках из журналов «красотки» лежали на пляже, сидели в креслах, мужчины в темных очках держали руки с перстнями на рулях, гнутых, как олени рога, Мастрояни целовался с Софи Лорен.

— Секс и красивая жизнь, — сказал мне контролер.

Насчет секса он преувеличил, какой уж там секс! Разве что купальщицы из журнала “Работница”» [Амлинский, 1987, с. 389].

За несколько лет до «перестройки» «Правда» осуждала «бесчисленные рок-ансамбли», в выступлениях которых «неприкрыто проповедуются секс, вседозволенность, эстетический примитив» [Машовец, 1983].

В «Словаре иностранных слов» 1964 г. слова 'секс' нет. Оно появилось лишь в издании 1980 г. с определением: «Половые отношения, совокупность психических реакций, переживаний, установок и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения» [Словарь иностранных ..., 1980, с. 457].

* * *

С огромным трудом осознавалась в СССР необходимость сексологии как отрасли медицины и пособий по сексуальному просвещению. Огромный интерес аудитории вызвали переводы книг восточногерманского медика Рудольфа Нойберта: «Вопросы пола (Книга для молодежи)» (1960) и в еще большей степени – «Новая книга о супружестве» (1967, с переизданиями). «Новая книга...», сколько можно судить, стала в 1967 г. бестселлером № 1 советской книготорговли. В заказах четырех республиканских книготоргов (Белорусского, Эстонского, Туркменского и Латвийского) на 1967 г. она заняла от 20 до 50% общей суммы (!) литературы, заказанной по темпланам издательств, а в заявке Кировоградского потребсоюза (УССР) – неслыханные 90% [Абдуллин, 1968, с. 87]. «Для счастья людей сексология нужна в очень небольшом объеме», – осторожно замечал Нойберт в беседе с советским журналистом; тем не менее «сексуальное просвещение – <...> часть багажа современного культурного человека» [Рудольф Нойберт, 1969].

В 1969 г. «Литературная газета» опубликовала два письма читателей на тему сексуального просвещения. Автор первого заявлял: «Мы решительно стоим за целомудрие и в книгах, и в статьях, и в фильмах. ...Мы против такого “просвещения”» [Сергеев, 1969]. Точку зрения редакции, как можно предполагать, выражала Светлана Жданович, автор второго письма: «Общественное, разумеется, выше личного. Но когда у человека не клеится что-то в личной жизни, это не может не отразиться и на общественном», а потому нужна «элементарная сексуальная грамотность». «Ханжи считают, что лучше гордо страдать, чем обратиться к врачу-сексологу и воспользоваться советом.

— Ах! — восклицают они с ужасом. — К сексологу? Слово какое ужасное!» [Жданович, 1969].

В т. 23 «Большой советской энциклопедии» (1976) появилась обширная и вполне объективная статья И.С. Кона «Сексология». И уже в 1982 г. тиражом 400 тыс. экз. в Киеве вышла небольшая (88 с.) книжка «Популярно о сексологии» [Кушнирук, Щербаков, 1982].

* * *

В советской литературе 1960–1970-х годов секс почти всегда противопоставляется любви, например:

«— Глупая ты, пойми, любовь закрепощает, начинаются всякие мучения, то, се, любовь — кабала, а секс — свобода...

— Да отстаньте, само слово-то какое гнусное, секс, секс!..» (М. Рошин, «Валентин и Валентина» (1970), Пролог) [Рошин, 1980, с. 205].

Особый интерес представляет тут позиция писателя-фантаста Ивана Ефремова. Пуританский подход к проблемам пола ему совершенно чужд: «...В стремлении избежать малейшего сходства с антигуманистическими, садистскими произведениями мы во многом хватили через край <...>. Вопросы отношения полов, половой морали, физиологии и воспитания удивительно “целомудренно” обходятся нашей литературой, а малейшие попытки реалистического отображения половых вопросов немедленно вызывают бурю воплей <...>. В результате наша молодежь входит в жизнь, лишенная элементарных знаний вопросов пола, не говоря уже о понимании красоты физической любви. <...> Виной всему боязнь — как бы мешающая критика не обвинила в порнографии! <...> Литература <...> иногда тянет чуть ли не к христианской морали, к идеям

первородного греха. Во многих произведениях советской литературы проповедуются представления о женской “чистоте”, заключенной в “невинности” <...>» [Ефремов, 1962, с. 56].

О том же говорит землянин идеального будущего в романе «Час быка» (1968–1969): «...Чисто физическая, половая любовь никогда не имеет одностороннего оттенка. Это больше чем наслаждение, это служение любимому человеку и вместе с ним красоте и обществу <...>». «Оба пола должны одинаково серьезно относиться к сексуальной стороне жизни», а потому необходимо «обучение эротике» [Ефремов, 1970, с. 321, 322].

Однако в романе «Лезвие бритвы» (1963) ‘секс’ на киноэкране отождествляется с порнографией. «...Секс берет его [зрителя] за горло, заставляет краснеть и дрожать, забывать обо всем решительно. Вот в чем сила наших фильмов <...>», – заявляет американский кинопродюсер [Ефремов, 1975, с. 75].

В 1972 г. «Литературная газета» предложила деятелям культуры ответить на вопросы анкеты «Кино и общество», включая следующий: «Как Вы относитесь к тому, что секс, жестокость и насилие в последнее время занимают большое место в западном кино? Не находите ли Вы, что это отвлекает его от насущных и актуальных проблем современной жизни?» Кинорежиссер Лео Арнштам подверг сомнению саму формулировку вопроса: «Если <...> “Литгазета” подразумевает под сексом порнографию, <...> то отношение <...> может быть только резко отрицательным. <...> Однако я не люблю и не понимаю искусства бесполо-пуританского» [Арнштам, 1972].

Год спустя на 16-й полосе «Литгазеты» появилась юмореска Леонида Ленча, в которой высмеивалась – разумеется, в пределах возможного – советская нравственная цензура. Молодой прозаик решает написать современную повесть о любви:

«–...Любовь – это не только духовная общность, дружба, и так далее, это прежде всего взаимное физическое влечение, это страсть, это громкий и властный зов тела! <...> Мы не пуритане, <...> нужно <...> ярко, в полный голос славить главную радость жизни.

– Обожди! – говорили осторожные друзья. – Ты что, собираешься секс протащить в нашу литературу?»

Повесть отклоняется редколлегией журнала.

«– Вы, голубчик, пожалуйста, только не думайте, что мы против секса...

– При чем здесь секс! – возмутился прозаик. – Это повесть о любви.

– В общем, мы не против. Но надо поискать какие-то новые аспекты этой темы. <...>

Прозаик ушел искать. Ищет он до сих пор» [Ленч, 1973].

Десятью годами раньше тот же Л. Ленч вполне в духе официального высмеивал голливудский кинематограф, в котором герои «могут выкидывать все, что подскажет им их разгоряченная сексуальная фантазия» [Ленч, 1963] (притом что тогдашняя голливудская продукция по нынешним меркам была вполне целомудренной).

Польская комедия «Секс-миссия» (1983) в советском прокате появилась в самый канун перестройки (1985), но название пришлось поменять на «Новые амазонки». Лишь с 1987 г. «пошел процесс» реабилитации понятия ‘секс’. Аркадий Ваксберг спрашивал: «Вы обратили внимание на то, что на практике все время путается порнография с эротикой, эротика с сексом? Это не терминологическая разница, это свидетельство косности, с какой у нас относятся к “вопросам пола”. Вопросы эти как бы не существуют, потому что “неприличны”» [Проблема ..., 1987, с. 5].

А в 1988 г. читательница «Советской культуры» пишет о телепередаче «Взгляд»: «Выяснилось, что можно вслух заговорить о сексе, и в этом нет ничего позорного» [Строганова, 1988].

* * *

Н. Лебина замечает, что к началу 1970-х годов в советском языковом пространстве уже существовали многочисленные производные от понятия ‘секс’. «Вербализация явлений, связанных с половыми отношениями, свидетельствовала о наличии в советской действительности признаков “великой сексуальной революции”, развернувшейся в мире на рубеже 1950–1960-х годов» [Лебина, 2019, с. 188].

Как было показано выше, почти все соответствующие термины существовали уже в 1950-е годы и даже раньше. Однако часть из них долгое время связывалась почти исключительно с западной массовой культурой, а использование других ограничивалось сферой медицины. Более обоснованной представляется нам точка зрения О. Здравомысловой: «сексуальная революция», начавшаяся в Советской России, была прервана во второй половине 1930-х и оказалась «отложенной революцией» [Здравомыслова, 2017, с. 137].

В качестве «опорного вербального знака» размышлений об этой стороне жизни советских горожан Лебина выбирает

слово 'интим'. Согласно Лебиной, оно вошло в обиход в 1960-е годы и указывало на «стремление к обособлению, к сокрытию личной жизни» [Лейбина, 2019, с. 187]. В действительности слово 'интим' вошло в обиход лишь в 1970-е годы, но и тогда оставалось сравнительно редким, а значение его – весьма размытым. По-настоящему популярным оно стало в 1990-е годы как эвфемизм, «приличная» замена слова 'секс', негативные коннотации которого еще долгое время сохранялись в общественном сознании.

Список литературы

- Абдуллин Р.Г.* Тематический план и редактор // Книга: Исследования и материалы. Сб. 17. – Москва : Книга, 1968. – С. 70–94.
- Амлинский В.И.* Избранное : в 2 т. – Москва : Детская лит., 1987. – Т. 1. – 405 с.
- Анненков Ю.* Евгений Замятин // Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. – Москва : Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 246–286.
- Арштам Л.* Дорог звук истинной поэзии // Литературная газета. – Москва, 1972. – 22 нояб. – С. 8.
- Бобрович А.* Людмила Иванова, 30 лет назад заявившая, что «В СССР секса нет», сейчас живет в Германии // Метро. – Санкт-Петербург, 2016. – 28 июня. – URL: <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/lyudmila-ivanova-30-let-nazad-zayavivshaya-chto-v-sssr-seksa-net-seychas-zhivet-v-germanii-1193369> (дата обращения: 15.02.2022)
- Бондарев Ю.* Никогда! // Литературная газета. – Москва, 1962. – 14 июня. – С. 2.
- Вишиневецкая С.* Современная живопись Франции // Советское искусство. – 1936. – 11 авг. – С. 2.
- Вишневский Вс.* Путевые письма из-за рубежа // Советское искусство. – Москва, 1936. – 23 мая. – С. 4.
- Вопросы сексуального воспитания детей: (Доклад акад. В.М. Бехтерева перед школьными работниками Москвы) // Правда. – Москва, 1927. – 31 мая. – С. 7.
- Гольцев Вал.* Исповедь сердца // Известия. – Москва, 1969. – 7 апр. – С. 3.
- Душенко К.В.* Денег нет, но вы держитесь!: Лучшие мысли наших политиков от Горбачева до Путина. – Москва : Эксмо, 2018. – 414 с.
- Душенко К.В.* Русская история в изречениях и цитатах от призвания варягов до наших дней : справочник. – Москва : Колибри : ИНИОН РАН, 2019. – 544 с.
- Ефремов И.А.* Наклонный горизонт: (Заметки о будущем литературы) // Вопросы литературы. – Москва, 1962. – С. 48–67.

Ефремов И.А. Сочинения : в 3 т. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – Т. 3, кн. 1. – 672 с.

Ефремов И.А. Час быка (Научно-фантастический роман). – Москва : Молодая гвардия, 1970. – 448 с.

Жданович С. «Тема– важная!» // Литературная газета. – Москва, 1969. – 8 янв. – С. 12.

Замятин Е.И. Избранные произведения : в 2 т. – Москва : Худож. лит., 1990. – Т. 2. – 412 с.

Здравомыслова О. Как рождался «советский патриархат»: Григорий Баткис о сексуальной революции в России // Демографическое обозрение. – Москва, 2017. – Т. 4, № 1. – С. 124–143.

Кушнирук Ю.И., Щербаков А.П. Популярно о сексологии. – Киев : Наукова думка, 1982. – 88 с.

Лебина Н. Интим : Сексуальные практики эпохи социализма : регламентация сферы приватности // Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда : Этюды к картине быта российского города : 1917–1991. – Москва : Новое лит. обозрение, 2019. – С. 171–188.

Ленч Л. Жил-был мальчик Дик // Литературная газета. – Москва, 1963. – 5 фев. – С. 4. – (Заметки писателя.)

Ленч Л. Очень грустный секс : рассказ // Литературная газета. – Москва, 1973. – 19 дек. – С. 16.

Матвеев В. «Поларисы» и твист // Известия. – Москва, 1963. – 1 марта. – С. 2.

Машовец Н. Собственная гордость : заметки публициста // Правда. – Москва, 1983. – 31 окт. – С. 7.

Млечин В. Ситцевая красивость : к постановке «Севильского обольстителя» в Мюзик-холле // Советское искусство. – Москва, 1934. – 17 апр. – С. 3.

Муссилак Л. Кинематограф буржуазии // Советское кино. – Москва, 1933. – № 3/4, 30 апр. – С. 25–34.

Немцов Вл. Несколько вечеров у телевизора: заметки писателя // Советская культура. – Москва, 1965. – 10 авг. – С. 2.

Овчинников В. Ветка сакуры (Рассказ о том, что за люди японцы) // Новый мир. – Москва, 1970. – № 2. – С. 173–223.

Олдридж Д. Комбинация секса и эгоизма // Советская культура. – Москва, 1962. – 1 нояб. – С. 4.

Олеши Ю.К. Избранные сочинения. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1956. – 495 с.

Павленко П. Американские впечатления // Огонек. – Москва, 1949. – 31 дек. – С. 14–16.

Поповский М.А. Третий лишний : он, она и советский режим. – London : Overseas Publications Interchange, 1985. – 487 с.

Проблема застала врасплох : [Дискуссия о видеофильмах] // Советская культура. – Москва, 1987. – 6 июня – С. 4–5.

Роцин М.М. Пьесы. – Москва : Искусство, 1980. – 550 с.

Рудольф Нойберт : интимный мир – знания и предрассудки : Беседа с автором «Новой книги о супружестве» // Литературная газета. – Москва, 1969. – 15 окт. – С. 13.

Светланова Э. Муж для галочки // Литературная газета. – Москва, 1969. – 8 янв. – С. 12.

Сельвинский И. Умка – белый медведь. Отрывок из трагедии в стихах. Акт IV. Картина 7 // Литературная газета. – Москва, 1934. – 12 мая. – С. 3.

Сергеев Л.С. Больше целомудрия // Литературная газета. – Москва, 1969. – 8 янв. – С. 12.

Словарь иностранных слов. – 7-е изд. – Москва : Рус. язык., 1980. – 622 с.

Строганова Н. Как это хорошо! // Советская культура. – Москва, 1988. – 7 мая. – С. 5.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – Т. 4. – 1502 стб.

Тэсс Т. «Обыкновенный концерт»: новый спектакль в Государственном центральном театре кукол // Известия. – Москва, 1946. – 19 июля. – С. 3.

Уэллс Г.Д. Собрание сочинений : в 15 т. – Москва, 1964. – Т. 6. – 418 с.

Уэллс Г.Д. Собрание сочинений : в 9 т. – Санкт-Петербург : Изд. Шиповник, 1910. – Т. 7 : Любовь и мистер Люисгэм / пер. 3. *Журавской*. – 261 с.

Факты без комментариев // Литературная газета. – Москва, 1947. – 4 окт. – С. 2.

Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Изд. 3-е. – Санкт-Петербург : Губинский, [1910]. – X, 676 с.

Чуковский К.И. Собрание сочинений : в 15 т. – Москва : Терра-Книжный клуб, 2006. – Т. 11. – 592 с.

Шавров Я. Ни тебе аванса, ни пивной... [Фельетон] // Известия. – Москва, 1958. – 28 нояб. – С. 3.

Юзовский Ю. Непреодоленная Европа: «Список благодетелей» Ю. Олеши // Литературная газета. – Москва, 1932. – 15 июня. – С. 3.

Batkis G. Die Sexualrevolution in Russland. – Berlin : Verlag Der Syndikalist, F. Kater, 1925. – 23 S.

Popovsky M. Top Secret : Is There Sex in Russia // Reader's Digest. – New York, 1982. – December. – P. 134–138.

Wells H.G. Love and Mr. Lewisham : The Story of a Very Young Couple. – New York : George H. Doran Co, 1899. – 323 p.

«ОДНА НОЧЬ ПАРИЖА», ИЛИ «БАБЫ ЕЩЕ НАРОЖАЮТ»

В ноябре 1996 г., в связи со 100-летним юбилеем маршала Г.К. Жукова, в еженедельнике «Коммерсантъ» появилась статья ведущего журналиста издания Максима Соколова, включенная затем в сборник его исторической публицистики. «Наполеон, – говорилось здесь, – исходил из того, что пушечное мясо, *chair а canon*, не стоит ничего или почти ничего. <...> Жуков в этом смысле был не менее гениален, чем Наполеон, ибо проблема сбережения своих солдат была отброшена им в принципе – “война все спишет”, а равно “бабы новых нарожают”» [Соколов 1996; Соколов, 1999, с. 83].

Сакраментальная фраза приведена здесь как принятый Жуковым принцип ведения войны, при котором можно не считаться с людскими потерями. Согласно Соколову, такой подход был вполне оправдан в критические месяцы 1941 г., когда речь шла о спасении государства, но не на протяжении всей войны.

Вскоре фразу стали цитировать – без каких-либо оснований – как подлинные слова Жукова. Вопрос об авторстве неоднократно был предметом обсуждения в Рунете (напр.: [george-gooke, 2018; Норин, 2020]). Выяснилось, что фраза в различных вариантах встречалась в русской печати и литературе XX в., а в обиход вошла, по-видимому, в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.

В 1906 г. Павел Петрович Лассман, секретарь редакции порт-артурской газеты «Новый край», опубликовал хроникальную книгу «Страдные дни Порт-Артура». Под датой 20 мая (2 июня) 1904 г.

здесь приведен разговор армейского полковника с контр-адмиралом князем П.П. Ухтомским.

«Полковник спросил, <...> выйдет ли наш флот к бухте Кинь-чжоу в том случае, если из северной армии прибудет к нам помощь, которая должна будет пробиваться Киньчжоуским перешейком <...>».

– Нет.

– Почему же нет? – горячится полковник, – ведь это значит дать возможность избить лишний наш полк, бригаду, а то и целую дивизию! Лишние жертвы.

Адмирал ответил, что такая потеря ничего не значит. Дивизия – это 16 000 человек, а, как статистика показывает, русские женщины рожают это количество детей в течение двух недель¹; следовательно, урон этот восполнится скоро...

– Если же, – закончил адмирал свои доводы, – при этом выходе погибнет даже одна канонерская лодка, ее уж родить нельзя – на постройку ее потребуются годы...» [Ларенко, 1906, с. 170 (1-я паг.)].

В 1947 г. в Париже увидели свет воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), которые он диктовал с 1935 по 1938 г. Зимой 1904–1905 гг. Евлогий, в то время викарий Холмско-Варшавской епархии, посетил лазарет для психически больных солдат. «Я спрашиваю больного: “О чем ты скучаешь?” – “У меня японцы отняли винтовку”. – “<...> Людей сколько погибло, а ты о винтовке сокрушаешься”. <...> “Детей сколько угодно бабы нарожают, а винтовка – одна...” <...>» [Евлогий, 1947, с. 149–150].

* * *

Очень близкий аналог русского речения издавна существует во Франции: «Одна ночь Парижа (все) это восполнит (исправит)», или, более кратко: «Это всего лишь одна ночь Парижа». Имелась в виду «ночь зачатий», которая даст Франции новых солдат.

Широкую известность эта фраза получила во второй половине XVIII в. как слова генералиссимуса Людовика II де Бурбона, принца де Конде (1621–1686), известного под именем Великий Конде. Считалось, что Конде произнес эти слова, глядя на усеянное трупами

¹ Естественный прирост населения Российской империи (без Финляндии) в 1904 г. составлял около 2,5 млн, т.е. около 48 тыс. в неделю; если учитывать только русских – несколько менее половины этого числа. Двухнедельный прирост и в этом случае превышал 40 тыс. человек

поле битвы при Сенефе 11 августа 1674 г. Эта битва была самым кровавым сражением Голландской войны 1672–1678 гг. Армии Конде противостояла голландско-испанско-австрийская армия под командованием Вильгельма Оранского. Исход сражения остался неопределенным, но потери союзников, имевших численный перевес, оказались больше – 10 тыс. против 8 тыс.

Легендарная фраза цитировалась по-разному. В версии Огюста Мирабо: «Одна ночь Парижа это восполнит» («Une nuit de Paris remplacera cela») [Mirabeau, 1757, p. 16]. В биографии принца Конде, написанной Жозефом Луи Дезорме (1768): «Ладно, ладно, это всего лишь одна ночь Парижа» («Bon, bon, ce n'est qu'une nuit de Paris») [Desormeaux, 1768, p. 409].

Уже тогда авторство Конде подвергалось сомнению. «Эти слова, – замечает Дезорме, – приписывают столь многим французским военачальникам, что нельзя решительно утверждать, будто они вышли из уст принца» [ibid.].

Праправнук Великого Конде, Людовик-Жозеф де Бурбон-Конде (1736–1818), писал: «Чтобы представить принца более одиозным или еще более виновным, ему хотели приписать известную фразу о количестве солдат, погибших в битве (при Сенефе. – К.Д.): “Ничего, государь, это всего лишь одна ночь Парижа”, – фразу, в которой мы можем видеть только неуместную шутку; но ничто не доказывает, что Великий Конде позволил себе это сказать <...>. Эти слова приписывались нескольким другим военачальникам, в частности маршалу де Виллару¹; но такая неопределенность, кажется, доказывает, что этот сомнительный факт есть оружие, подделанное клеветой, которое она не побоялась использовать более одного раза» [Bourbon-Condé, 1806, p. 242].

В справочнике 1821 г. слова принца Конде при Сенефе: «Ладно! чтобы это исправить, понадобится, самое большее, одна ночь Парижа», – приведены как «довольно маловероятный анекдот» [Dictionnaire historique ..., 1821, p. 335].

В «Истории Тридцатилетней войны» Ф. Шиллера (1791) фраза «бессердечного Конде, любившего только славу», приведена в связи с многодневной битвой при Фрейбурге в августе 1644 г. [Шиллер, 1957, с. 385]. В этом сражении французы во главе с Конде

¹ Герцог Клод Луи Эктор де Виллар (1653–1734), маршал Франции. Его военные взгляды опережали свое время, и во всех его крупных сражениях потери французов были существенно ниже потерь его противников.

и Тюренном победили баварскую армию, но их потери чуть ли не втрое превысили потери противника.

Во французской литературе, насколько нам известно, осталось незамеченным, что «фраза Конде» появилась уже в XVII в., и не в историческом, а в сатирическом сочинении. Речь идет об анонимной трагикомедии «Маршал Люксембург на ложе смерти», опубликованной в 1695 г. Местом издания указан Кёльн, но предположительно пьеса была напечатана в Амстердаме. Ее содержание – беспощадная сатира на французский двор и политику Франции; при этом маршал Люксембург расточает похвалы Вильгельму Оранскому, с которым «лучше быть в мире, чем вести войну» (д. 1, сцена 5) [Le marechal de Luxembourg ..., 1695, p. 26]. Драматическая форма произведения условна; по оценке позднейшего критика, это просто «ряд разговоров, которые иногда остроумны и всегда умны» [La Tour, 1772, p. 108].

Пьеса была откликом на только что случившееся событие: Франсуа-Анри де Монморанси-Бутвиль, маршал Люксембург, скончался 4 января того же 1695 г. В качестве полководца он вышел на первый план после смерти Великого Конде (1686), а его главные победы были одержаны в Голландии над Вильгельмом Оранским. В трагикомедии перед кроватью умирающего маршала проходит весь королевский двор, включая Людовика XIV и его фаворитку маркизу де Ментенон, – и все они, вместе с главным героем, жестоко осмеиваются.

Герцог Мэнский, внебрачный сын короля, замечает: «...Нынче медицина и война, как ее ведет Люксембург, очень похожи. И тут и там одинаковая резня; людей не заставляют томиться ни на войне, ни в постели» (д. I, сцена 4) [Le marechal de Luxembourg ..., 1695, p. 19].

В д. III, сцена II, происходит диалог маршала с мадам де Ментенон:

Люксембург. На что же они [солдаты] жалуются, мадам?

Мадам де Ментенон. На то, что во всех сражениях, которые вы дали, вы жертвовали ими без жалости и пощады скорее ради того, чтобы проложить себе путь к славе, чем ради служения Его Величеству.

Люксембург. Мадам, как говаривал принц Конде, парижским девицам вольного поведения хватит всего одной ночи (*n'en couteit qu'une une nuit aux filles de joye de Paris*), чтобы дать ему десять тысяч солдат, которых он теряет при осаде или в сражении.

Мадам де Ментенон. Возможно; однако они такие же люди, как вы, и хорошие подданные короля, и если бы вы продолжали в том же духе и вашей жизни достало бы еще на две-три кампании, вы бы обезлюдили Францию.

Люксембург. Мадам, во Франции никогда не будет недостатка в солдатах, и для нее даже будет благодеянием избавиться от множества бездельников и вольнодумцев, которые со временем могли бы начать гражданскую войну <...> [Le marechal de Luxembourg ..., 1695, p. 78–79].

Остается вопросом, сочинил ли автор трагикомедии фразу Конде или заимствовал ее у остроумцев своей эпохи.

Отсюда возник исторический анекдот, в котором главным действующим лицом оказывается уже не Конде, а маршал Люксембург. В 1777 г. в Петербурге вышло второе издание «Письмовника» Н.Г. Курганова, пополненное, в частности, разделом «Краткие замысловатые повести», переведенным по большей части с французского. Под номером 130 здесь помещена история, явно восходящая к трагикомедии 1695 г., хотя ее непосредственный французский источник нам неизвестен:

«Люксембургского [так!] маршала увещевал один из его приятелей, чтоб он не всем войском чинил приступ. Ах государь мой! сказал он, в том есть слава нашего непобедимого Монарха. Знаете ли, что податные (т.е. податливые. – К.Д.) девушки в Париже не меньше того в одну ночь наделать могут» [Курганов, 1777, с. 145].

«Письмовник» Курганова долгое время оставался одной из самых читаемых книг в России, так что анекдот о «люксембургском маршале» был известен русскому читателю первой половины XIX в. Позднее он, по-видимому, был предан забвению.

Заметим еще, что во французском сборнике 1716 г. маршалу Люксембургу приписана предсмертная фраза противоположного содержания: «Маршал де Люксембург в час смерти говорит, что репутацию человека, который дал стакан воды бедняку, он предпочел бы славе выигранных им сражений» [Bordelon, 1716, p. 172].

Легендарная фраза Конде обычно подвергалась резкому осуждению. Габриэль Анри Гаяр в трактате «Преимущества мира» (1767) писал: «...Я желал бы иметь возможность вычеркнуть из жизни Великого Конде бесчеловечную фразу, которая вырвалась у него в состоянии опьянения от бойни при Сенефе» [Gaillard, 1767, p. 18]. В 1798 г. сотрудник эмигрантского издания спрашивал: «Разве не Конде, великий воин и плохой политик, призвал возместить кровавую битву за счет одной ночи Парижа? Варварская шутка,

которая никогда не исходила из уст Тюренна!» [Mélanges littéraires, 1798, p. 139].

В пособии по военному делу приводились будто бы сказанные Тюренном слова: «Нужно 30 лет, чтобы создать солдата» [Bilistein, 1762, p. 44]. Возможно, именно с этим высказыванием связан фрагмент трактата Гольбаха «Социальная система, или Естественные основы морали и политики» (1773):

«Говорят, что Великий Конде, потерявший много людей в битве, сказал, что все это исправит одна ночь Парижа. Однако, сколь бы великим военачальником ни был этот принц, считал он плохо. Одна ночь в Париже не дает государству полностью возмужалых мужчин: из десяти рожденных детей не более одного доживает до тридцати лет» [Holbach, 1773, p. 140].

В том же духе высказывается Жан Батист Сэй в «Трактате о политической экономии» (1814), кн. II, гл. 11: «Однодневный младенец – не замена двадцатилетнему мужчине; и фраза принца Конде на поле сражения при Сенефе столь же нелепа, сколь бесчеловечна». «Требуется одна ночь плюс двадцать лет забот и расходов, чтобы произвести мужчину, которого пушка скашивает в одно мгновение» [Say, 1814, p. 151–152].

Другого мнения держался Огюст Мирабо:

«Люди размножаются, как крысы в сарае, если у них есть средства, чтобы выжить. <...>. В этом смысле фраза принца [Конде] после бойни при Сенефе: “Одна ночь Парижа это восполнит”, которую его удивленные офицеры сочли варварской, возможно, была лишь проявлением той воинской дерзости, что родилась и умерла вместе с ним; эта фраза, говорю я, может служить разумной политической аксиомой.

<...> Напрасно люди трудятся в Париже каждую ночь, если болезнь, война, морская пучина и т.д. не создают новых вакантных мест.

Сражения и массовые убийства не наносят ущерба народонаселению, если они, сверх того, не наносят ущерба сельскому хозяйству. С удивлением замечают, что после тягот и бедствий государство столь же населено, как и прежде <...>» («Трактат о народонаселении» (1757), гл. 2) [Mirabeau, 1757, p. 16–17].

В XIX в. ту же мысль развивал Андре Кошю в очерке о Мальтусе: «В то время когда столь иногда ценный и столь часто обесцененный товар, который мы называем человеком, пользовался постоянным спросом, его производство всегда превышало потребление, каким бы ужасным оно ни было. В циничном восклицании Великого

Конде после славной бойни при Сенефе таилась печальная истина: «Одна ночь Парижа это исправит»» [Cochut, 1846, p. 51].

Едва ли приходится пояснять, что «одна ночь Парижа» – заведомая гипербола. Население Парижа к концу XVII в. составляло около 500 тыс. человек, а среднегодовое число рождений – порядка 20 тыс.; всем женщинам Парижа пришлось бы трудиться целый год, чтобы дать Франции 10 тыс. мальчиков.

Однако тезис Мирабо не был совершенно безоснователен. За время правления Людовика XIV (1643–1715), ведшего почти непрерывные войны, численность населения Франции оставалась практически на одном уровне – около 20 млн человек, причем основной ущерб популяции наносили болезни и неурожай.

* * *

В 1821 г. под именем Наполеона был издан сборник, составленный, по-видимому, компилятором Шарлем Дори де Бурже. Здесь Наполеон отвечает на обвинения в том, что он «расточал кровь французских солдат»: «Тюренн и Конде, живи они в мое время и командуя, как я, армиями из двухсот пятидесяти тысяч человек против такого же количества врагов, <...> понесли бы те же потери, что и я. По крайней мере, история не упрекнет меня, как и принца Конде, который, глядя на заваленное трупами поле битвы, сказал: “Ба! это всего лишь одна ночь Парижа!”» [Fragment d'un chapitre ..., 1821, p. 15].

В примечании публикатора говорилось: «Если бы об этом не сообщали несколько авторов, хотелось бы верить, что какой-то враг Великого Конде приписал ему эту фразу, столь же жестокую, сколь неуместную. Бонапарт, сказавший в подобном случае: “Вот большой расход людей! (Voilà une grande consommation d’hommes)”, вызывает меньшую душевную черствость; по крайней мере, в этой фразе нет сочетания иронии с бесчеловечностью» [ibid., p. 15–16].

Позднее «фразу Конде» стали приписывать самому Наполеону, и в XX в. эта версия возобладала как в самой Франции, так и за ее пределами. Чаще всего эти слова связывают с необычайно кровопролитными сражениями при Прейсиш-Эйлау и Фридланде (1807), а также при Бородине.

Поль Готье в 1903 г. цитировал слова, будто бы сказанные Наполеоном «после страшной бойни под Москвой»: «Одна ночь Парижа мне это исправит». В отличие от более ранних авторов, Готье отнюдь не считает этот взгляд варварским: «Государства управляются

не чувствительностью, а твердой, безжалостной волей. Тут он (Наполеон. — К.Д.) согласен с великими основателями, великими политиками, такими как Ришелье и Бисмарк, у которых “сердце находится в голове”¹» [Gautier, 1903, p. 403].

Приведенная выше фраза «Вот большой расход людей!», повидимому, больше нигде не встречается, зато известны другие высказывания Наполеона из того же смыслового ряда. Одни из них вполне достоверны, другие сомнительны.

На заседании Государственного совета 4 марта 1806 г. Наполеон говорил: «В отчете о погребениях я прочитал, что в обычный год в Париже умирают четырнадцать тысяч человек: это одно хорошее сражение» [Pelet de La Lozère, 1833, p. 221].

Химик Жан Антуан Шапталь, в 1800–1804 гг. занимавший пост министра внутренних дел, рассказывал: «Идя по полю сражения при Эйлау, покрытому двадцатью девятью тысячами трупов, он [Наполеон] перевернул несколько из них ногой и сказал окружающим его генералам: “Мелкая порода! (C’est de la petite espèce)”» [Chaptal, 1893, p. 342]. Это сообщение следует причислить к легендам — Шапталь не был свидетелем сражения, а очевидцы ни о чем подобном не сообщают.

На переговорах с Клеменсом Меттернихом в Дрездене 26 июня 1813 г. Наполеон, угрожая возобновлением войны, сказал: «Вы не военный человек, <...> и вы не знаете, что такое душа солдата. Я вырос на бранном поле, и такого человека, как я, мало заботит жизнь миллиона человек». «Я не решаюсь повторить более сильное выражение, которое употребил Наполеон», — добавляет Меттерних [Metternich, 1907, p. 115].

Согласно Шапталю, «русский министр князь Куракин говорил ему (Наполеону) о ресурсах, которыми располагает его страна (Россия) для набора армии. “Согласен, — сказал он, — но может ли ваш господин, как я, расходовать по двадцать пять тысяч человек в месяц?”» [Chaptal, 1893, p. 341–342].

Стендаль в своей «Жизни Наполеона» (опубл. посмертно; полностью — в 1929 г.) писал: «Ежегодный набор давал императору ренту в *восемьдесят тысяч человек*. С учетом потерь по причине болезней этого достаточно, чтобы давать ежегодно четыре больших сражения» (курсив в оригинале) [Stendhal, 1930, p. 112].

¹ «Сердце государственного мужа должно находиться в его голове», — слова Наполеона на о-ве Св. Елены (30 июня 1816 г.) [Las Cases, 1968, p. 352].

Выделенные курсивом слова могли восприниматься как цитата, и в конце XIX в. отсюда возникла фраза, будто бы сказанная Наполеоном военному министру Л.А. Бертье: «Моя рента составляет сто тысяч человек в год». Цифра сто тысяч, возможно, возникла не только как округленная, но и потому, что Стендаль в своих подсчетах не учитывал население территорий, включенных в состав Франции в годы революции и при Наполеоне.

Упомянутое в статье М. Соколова выражение «пушечное мясо» Наполеону не принадлежит; оно появилось в антинаполеоновском памфлете Рене Шатобриана «О Бонапарте и Бурбонах» (март 1814 г.): «Презрение к человеческой жизни и к Франции достигло такой степени, что новобранцев называли *сырьем* и *пушечным мясом* (*la matière première et la chair à canon*)» [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 514–515; Chateaubriand, 1814, р. 13]. Попутно заметим, что Лев Толстой допускает цитатный анахронизм (далеко не единственный в «Войне и мире»), заставляя князя Андрея в августе 1812 г. думать при виде полоскающихся в пруду солдат: «Мясо, тело, *chair à canon!*» [Толстой, 1940, с. 125].

* * *

Могло ли французское речение стать источником русского? Такая возможность кажется нам сомнительной. К началу XX в. фраза об «одной ночи Парижа» была у нас мало кому известна. Русская поговорка имела, скорее всего, не литературное, а фольклорное происхождение и отражала отношение к ценности человеческой жизни не только военного начальства, но и традиционного аграрного общества. На это указывает, в частности, приведенная митрополитом Евлогием реплика простого солдата «Детей сколько угодно бабы нарожают», а также некоторые позднейшие цитаты, указанные при обсуждении вопроса об авторстве поговорки, в том числе «мемуарная» цитата из Сталина:

«Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый “остался там”. На мой вопрос: “Как же так, остался?” – они с тем же равнодушием ответили: “Чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть”. И тут же один из них стал торопиться куда-то,

заявив, что “надо бы пойти кобылу напоить”. На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: “Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем, а вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу”» (речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 г.; указано в отклике на статью: [Норин, 2020]).

С этим эпизодом перекликается фраза из разговора солдат в ноябре 1915 г., приведенная в романе С.Н. Сергеева-Ценского, участника Первой мировой войны: «Лошадей, конечно, начальство жалеет, – она денег стоит, лошадь, ее тоже ведь надо купить, а людей чего жалеть? Бабы людей нарожают сколько хочешь, им только волю на это дай...» («Массы, машины, стихии» (1935), позднее название: «Лютая зима») [Сергеев-Ценский, 1935, с. 60].

Если речение об «одной ночи Парижа» с самого начала воспринималось как историческая фраза, связанная с хорошо известным лицом и событием, то поговорка «Бабы еще нарожают» получила значение исторической фразы (и то лишь отчасти) лишь с конца XX в.

Список литературы

Аиукин Н.С., Аиукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – Москва : Худож. лит., 1960. – 752 с.

Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни : воспоминания митрополита Евлогия / излож. по его рассказам Т. Манухиной. – Париж : YMCA press, 1947. – 678 с.

Курганов Н.Г. Книга писмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями, разных учебных и полезнoзabавных вещесловий. – Новое изд., пересмотр., поправл. и умнож. – Санкт-Петербург : Книгопеч. Мор. о-ва благод. юношей, 1777. – 472 с.

Ларенко П. [Лассман П.П.] Страдные дни Порт-Артура : Хроника военных событий и жизни в осажденной крепости с 26-го января 1904 г. по 9-е января 1905 г. По дневнику мирного жителя и рассказам защитников крепости : в 2 ч. – Санкт-Петербург : [П.А. Артемьев], 1906. – 356, 466 с.

Норин Е. «Бабы новых нарожают» : откуда эта фраза и почему ее приписывают Жукову // Warhead [Сетевой военно-исторический журнал]. – 2020. – 28 апреля. – URL: <https://warhead.su/2020/04/28/baby-novyh-narozhayut-otkuda-eta-fraza-i-rochemu-eyo-pripisyvayut-zhukovu> (дата обращения: 30.07.2020).

Сергеев-Ценский С.Н. Массы, машины, стихии : роман. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1935. – 229 с.

Соколов М. Жуков. Бей, барабан, и военная флейта громко свисти на манер снегирия // Коммерсантъ. – Москва, 1996. – 30 ноября. – С. 11.

Соколов М. Поэтические воззрения россиян на историю : разыскания. – Москва : СПСЛ, 1999. – С. 81–84.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 90 т. – Москва : Худож. лит., 1940. – Т. 11 : Война и мир. Том 3. – 468 с.

Шиллер Ф. Собрание сочинений : в 7 т. – Москва : Худож. лит., 1957. – Т. 5. – 584 с.

Bilistein A. de. Institutions militaires pour la France ou le Végèce françois. – Amsterdam : E. van Harrevelt, 1762. – 1 er part. – 90 p.

*Bordelon L. Heures perduës et divertissantes du chevalier de **. – Amsterdam : Aux depens de la Compagnie, 1716. – 461 p.*

Bourbon-Condé L.-J. de. Essai sur la vie du Grand-Condé. – Paris : L. Collin, 1806. – 373 p.

Chaptal J.-A. Mes souvenirs sur Napoléon. – Paris : Plon, 1893. – 409 p.

Chateaubriand F.-R. de. De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes, pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. – Paris : Mame freres, 1814. – 39 p.

Cochut A. Études sur les économistes. II. Malthus // Revue des Deux Mondes. – Paris, 1846. – Т. 14, 1 er avril. – P. 31–62.

Desormeaux J.-L. Histoire de Louis de Bourbon, <...> prince de Condé. – Paris : Desaint, 1768. – Т. 4. – 528 p.

Dictionnaire historique, critique et bibliographique. – Paris : Ménard et Dessene, 1821. – Т. 7. – 508 p.

Fragment d'un chapitre écrit à l'île d'Elbe // Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon Bonaparte : Manuscrit apporté de Sainte-Hélène en Angleterre. – Bruxelles : A. Lacross, 1821. – P. 5–46. – Предполагаемый автор: Charle Doris de Bourges.

Gaillard G.-H. Les avantages de la paix: Discours qui a remporté le second Prix Au Jugement de L'Academie Francoise. – Paris : Regnard, 1767. – 46 p.

Gautier P. Madame de Staël et Napoléon. – Paris : Plon, 1903. – 423 p.

george-rooke. Что-то типа вопроса-размышления [Запись в ЖЖ 15 мая 2018 г.]. – URL: <https://george-rooke.livejournal.com/802031.html> (дата обращения: 30.07.2020).

Holbach P.-H.-T. Système social, Ou, Principes naturels de la morale et de la politique. – Londres [e.i. Amsterdam], 1773. – Т. 1. – 168 p.

La Tour B. de. Réflexions sur le théâtre // La Tour B. de. Réflexions morales, politiques, historiques, et littéraires, sur le théâtre. – Avignon : M. Chave, 1772. – Livre 9. – P. 107–153.

Las Cases E. Mémorial de Sainte-Hélène. – Paris : Editions du seuil, 1968. – 734 p.

Le marechal de Luxembourg au lit de la mort : Tragi-comédie en 5 actes. – Cologne [Amsterdam?] : Richemont, 1695. – 152 p.

Mélanges littéraires // Paris, pendant l'année 1798. – Londres, 1798. – T. 18, N 161, 30 Juillet. – P. 133–143.

Metternich K. Entretien avec Napoléon à Dresde, le 23 juin 1813. Communiqué par le prince de Metternich au comte Charles de Nesselrode // Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. – Paris : A. Lahur, 1907. – T. 5 : 1813–1818. – P. 108–118.

Mirabeau H.-G. de. L'ami des hommes, ou Traité de la population. – Avignon : [Sans préciser l'éditeur], 1757. – 1 re part. – 157 p. – Дата на титуле «1756» неверна.

Pelet de La Lozère J. Opinions de Napoléon sur divers sujets de politique et d'administration : recueillies par un membre de son Conseil d'État et récits de quelques événements de l'époque. – Paris : F. Didot, 1833. – 331 p.

Say J.-B. Traité d'économie politique. – Paris : A.A. Renuard, 1814. – T. 2. – 483 p.

Stendhal. Vie de Napoléon. – Paris : Le divan, 1930. – 351 p.

НОМО UNIUS LIBRI, ИЛИ ЧЕЛОВЕК ОДНОЙ КНИГИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ

В европейской культуре существует понятие «человек одной книги», *лат.* «*homo unius libri*», а также ряд производных от него формул, прежде всего: «Остерегайся человека одной книги!» – «*Cave ab homine (Cave hominem) unius libri*».

Значение этих формул сильно менялось со временем и ныне понятно далеко не каждому. Перечень предполагаемых источников необычайно длинен: Библия, Гераклит, Теренций, Цицерон, Овидий, Сенека, Квинтилиан, Плиний Младший, Августин, Фома Аквинский, Эразм Роттердамский, Ян Амос Каменский, Скалигер и др. [см., напр.: Fritsch, 1983]. Все эти атрибуции легендарны, а сами формулы появились в XVII в.

* * *

Наиболее раннее из обнаруженных к настоящему времени упоминаний о «человеке одной книги» – правда, лишь косвенное, – содержалось в трактате англиканского епископа Джереми Тейлора «История жизни и смерти Иисуса Христа» (1649), II, 2, 2, 16: «Фому Аквинского однажды спросили: что лучше всего изучать, чтобы стать человеком ученым? Он ответил: “Читая одну книгу”; т.е. понимание, устремленное на несколько предметов, не замечает ни одного и не приносит пользы”» [Taylor, 1851, p. 467]. Имелась в виду

не «одна книга» в буквальном смысле, а то, что каждый раз следует полностью сосредотачиваться на изучаемой книге.

Высказывание Тейлора популяризировал поэт Роберт Саути в 1836 г. [Southey, 1836, p. 1–2], и с этого времени версия об авторстве Фома Аквинского надолго стала преобладающей в англоязычной печати, а также в английских и американских справочниках.

Первое известное нам цитирование латинского оборота «*homo unius libri*» встречается в трактате португальского иезуита Бенто Перейры «Академия, или Республика ученых» (1662), [§] 618. Перейра (1605–1681) известен прежде всего как лексикограф. Рассуждение четвертое книги IV трактата называется «Об оружии и арсенале науки, каковы суть книги и библиотеки». Перейра, жизнь которого прошла в окружении множества книг, считает нужным уточнить, что изречение «*Esto homo unius libri*» («Будь человеком одной книги») «относится лишь к начинающим, способным вместить только одну книгу, которую объясняет учитель» [Pereyra, 1662, p. 217].

Почти тогда же испанские лексикографы фиксируют пословичное изречение «*Dios (n)os libre de hombre de un (solo) libro*» – *исп.* «Сохрани нас Боже от человека, который читает (только) одну книгу». Толкования пословицы у различных авторов сходны:

«...Если книга хороша и универсальна и если читать ее многократно, можно развить в себе способность к суждению <...>» [Covarrubias y Orozco, 1673, p. 91];

«...То есть [человек] тщательно изучает одну-единственную книгу, если книга эта хороша и универсальна, ибо в таком случае он сможет говорить обо всем уверенно и знать это наизусть» [Oudin, 1675, p. 623];

«Сохрани нас, Боже, от человека одной книги, ибо его аргументы неотразимы» [Briz, 1748, p. 104].

Английский лексикограф Джон Стивенс дает заметно иное (как мы полагаем, менее авторитетное) толкование: «*Dios te libre de hombre de un libro*. Сохрани тебя Боже от человека одной книги. То есть: тот, кто знает только одну книгу, потому что часто читал ее и держит у себя в голове, постоянно утомляет и мучит вас ею» [Stevens, 1726, статья «*Dio*», нумерованная страница].

Латинская форма пословицы встречается в сочинении француза Инносана Ле Масона «Анналы Ордена картезианцев» (1687), III, [24], 3: «...Подобает читать одну [книгу], пока не изучишь ее хорошо. <...> ...Следует остерегаться, говорит божественный доктор Фома [Аквинский], человека одной книги (*cavendum esse ab homine*

unius libri)». Из неупорядоченного чтения «часто рождается много предположений и мало знаний» [Le Masson, 1687, p. 384].

В 1718 г. в Лейдене вышла анонимная компиляция на французском языке «Человек одной книги, или Полная библиотека в одной книжке». Книга предназначалась тем, «кому недостает времени, <...> чтобы читать тысячи авторов <...>, но кто тем не менее был бы весьма рад не выказать себя в разговоре полным невеждой» [L'homme d'un livre ..., 1718, титульная нумерованная страница]. В предисловии цитировались авторитеты древности:

«Ювенал <...> сказал: “Tenet insanabile multos scribendi cacchoetes”¹»; «...Св. Августин <...> сказал пословичным слогом, что он всегда боялся вступать в спор с человеком, который читает только одну книгу: “Timeo hominem unius Libri”²» [ibid., предисловие, 1-я нумерованная страница]. В последнем случае изречение приведено не к месту: как мы видели выше, под «одной книгой» в то время имелись в виду труды признанных авторитетов, но никак не компиляции для широкой публики.

Пьер Бейль, один из наиболее влиятельных мыслителей рубежа XVII–XVIII вв., толкует пословицу вполне традиционно: «Пословица “Cave ab homine unius libri” имеет в виду то, что случается в беседах ученых людей. Те, кто бегло читает всевозможные книги, знают обо всем понемногу и ничего основательно. <...> Тот, кто прочел лишь определенную книгу, которую он знает почти наизусть, может возразить им в любую минуту и показать, что они ошибаются» [Bayle, 1714, p. 884].

Венецианец Чезаре Бамбакари замечает: «...Утешение легко придет к тем, кто мало читает, но много взвешивает прочитанное; ибо в школе Божьей исполняется пословица, обычная в мирской науке, т.е. большей учености достигает тот, кто изучает одну Книгу: Homo unius libri» («Великопостные проповеди» (1730), XLIII) [Bambacari, 1730, p. 382].

В 1759 г. во Франции увидела свет книга маркиза Луи Антуана Караччиоли «Истинный наставник, или Воспитание дворянства». Это пособие выдержало множество изданий на основных европейских языках. Здесь говорилось: «Иные воображают, будто человек становится ученым, читая и просматривая груды томов.

¹ Точная цитата: «Tenet insanabile multo / Scribendi cacchoëthes» – «Многими владеет неизлечимая мания писать» (Ювенал, «Сатиры», VI, 51–52).

² Боюсь человека одной книги (*лат.*).

Неумеренное чтение никогда не создавало великого учителя. Некий философ в похвалу себе называл себя *homo unius libri*; тем самым он хотел дать понять, что никогда не изучает более одной книги за раз» [Caraccioli, 1759, p. 95–96].

Вскоре появился и русский перевод наставлений Караччиоли вместе с формулой «*homo unius libri*» [Караччиоли, 1769, с. 44–45].

«Человеком одной книги» в буквальном смысле, имея в виду Библию, неоднократно называл себя англичанин Джон Уэсли (1703–1791), основатель методистской церкви. В предисловии к собранию своих проповедей он восклицает: «Дай же мне эту книгу! Любой ценой дай мне Книгу Божию! <...> В ней для меня довольно знаний. Позволь мне быть *homo unius libri*!» [Moore, 1827, p. 238]. В этом значении оборот «*homo unius libri*» использовался в позднейшей протестантской литературе.

В 1823 г. в очередном издании многотомного сборника Исаака Дизраэли «Литературные достопримечательности» появилось эссе «Человек одной книги». Здесь это понятие относится уже не столько к учености, сколько к литературному стилю:

«Ученый Арно¹, изучив все средства выработки хорошего стиля, посоветовал ежедневно изучать Цицерона; ему заметили, что речь шла о стиле не латинского, а французского языка. “В таком случае, – ответил Арно, – все равно следует читать Цицерона”». «Тот, кто издавна дружит с одним великим автором, всегда будет грозным противником; <...> он подобен рыцарю, который всегда спит в доспехах и в любую минуту готов к бою! Об этом напоминает нам старая латинская пословица: “*Cave ab homine unius libri*” – “Берегись человека одной книги!”»

Плиний и Сенека дают весьма надежный совет касательно чтения: следует читать много, но не много книг, – правда, у них не было “ежемесячного списка новых публикаций”!» [Disraeli, 1823, p. 120, 121].

«Совет Плиния» обычно цитируется по-латыни: «*Multum, non multa*» – «Много, но не многое». Его источник – «Письма» Плиния Младшего, VII, 9, 16: «Ты будешь помнить о тщательном выборе авторов всякого жанра. Говорят, что следует читать много, но не многое (*multum legendum esse, non multa*). Кто эти авторы – это так хорошо известно и проверено, что не требует указаний» [Плиний, 1982, с. 123; Бабичев, Боровский, 1988, с. 467].

¹ Франсуа Арно (1721–1784), французский филолог.

Сенека, в свою очередь, говорил: «Разве чтение множества писателей и разнообразнейших книг не сродни бродяжничеству и непоседливости? Нужно долго оставаться с тем или другим из великих умов, питая ими душу, если хочешь извлечь нечто такое, что в ней бы осталось» («Письма к Луцилию», 2, 2) [Сенека, 1977, с. 6].

«Литературные достопримечательности» выдержали множество изданий, и толкование Дизраэли в значительной степени определило традицию употребления формулы «Берегись человека одной книги!» в англоязычной литературе.

* * *

Исходно понятие «человека одной книги» было тесно связано с наследием схоластической системы обучения, а затем – с эстетикой классицизма, предполагавшей следование немногим, прежде всего античным образцам. Со временем такая установка становилась все более архаичной. Понятие «человек одной книги» переосмысливалось, приобретая уже негативную окраску: это человек ограниченный, с узкими взглядами или даже фанатик одной идеи.

Итальянец Пеллегрино Росси (?–1776) говорит о «безделицах, которые по большей части рождаются в голове у людей с убогой, вульгарной душой, прочитавших лишь одну книгу» («Послание к Бенедетто Казалини», 1758) [Rossi, 1760, р. 296].

Джакомо Казанова, вспоминая о своем пребывании в венецианской тюрьме (ок. 1756 г.), пишет: «В течение трех дней, проведенных со мной, он [Згуальдо Нобили] по любому предмету без конца говорил о Шар[р]оне¹, и я убедился в истинности итальянской пословицы: “Guardati da colui che non ha letto che un libro solo”²». Чтение книги отступника сделало его безбожником <...>» [Casanova, 1827, р. 375]. Любопытно, что Казанова, обличающий своего союзника в безбожии, оказался в тюрьме за преступления «против святой веры».

В 1817 г. итальянский литератор Филиппо Пананти писал:

«У иных чудачков всегда Гораций в карманах, божественный Ариосто на языке и Шекспир в двадцати различных изданиях <...>. Они не читают, не склонны читать никого, кроме одного любимого

¹ Пьер Шаррон (Pierre Charron; 1541–1603), французский богослов и моралист, ученик Монтеня.

² Остерегайтесь того, кто прочитал только одну книгу.

автора, в котором они находят архетип науки и образец красоты <...>. Они напоминают того халифа, который хотел сжечь все книги, оставив только Коран». «Это восторженное восхищение, чтение и перечитывание одной книги или очень немногих приводит к тому, что ум сжимается, а суждение искажается <...>». «...За своей привязанностью к великому автору, обычно древнему, они скрывают свою зависть к современникам <...>. ...У них на языке только их книга <...>. Возможно, именно в этом смысле Цицерон сказал: “Timeo lectorem unius libri”¹».

Я не отрицаю, что хорошие книги – те, которые перечитывают, но не хочу ограничивать чтение лишь несколькими хорошими книгами» [Pananti, 1817, p. 155, 156].

В записках о путешествии в Алжир Пананти в том же смысле говорит о Коране: «...Тысячи людей постоянно заняты его толкованием, в то время как истинно верующие не медитируют и не размышляют ни о чем другом: Timeo lectorem unius libri» [Pananti, 1818, p. 282].

Со второй половины XIX в. изречение «Timeo lectorem unius libri» цитировалось и в других странах, прежде всего в Германии, где его нередко приписывали Августину.

Пословица «Dio ti guardi da chi legge un libro solo» («Сохрани тебя Боже от человека, прочитавшего только одну книгу») попала в итальянский сборник пословиц 1868 г. Составитель сборника толкует ее уже не по образцу португальских лексикографов XVII–XVIII вв., а в исключительно негативном смысле, заимствуя весь пояснительный текст из статьи Пананти 1817 г. [Strafforello, 1868, p. 224–226].

В 1838 г. англичанин Томас Б. Браун замечает: «...В нашу книготорговую эпоху влияние книг перестало быть значительным. Порода “людей одной книги” вымерла» [Browne, 1838, p. 123].

Шекспировед Джозеф Кросби, не одобряя «людей одной книги», допускает исключение для читателей Шекспира: «Я где-то видел пословицу “Берегись человека одной книги”. Не думаю, что в этой пословице много смысла. Если она что-то значит, то, должно быть, то, что люди “одной книги” склонны сужать свою душу, чувства и мысли. Но мы вполне можем сделать исключение для “необъятного умом и душою”² Шекспира» (письмо к Дж. П. Норрису от 2 октября 1876 г.) [Crosby, 1986, p. 184].

¹ Боюсь читателя одной книги (лат.). Ссылка на Цицерона ошибочна.

² В оригинале «myriad-minded» – определение, принадлежащее С. Кольриджу («Литературная биография», 1817).

Русский критик Юрий Айхенвальд допускал такое же исключение для читателей Пушкина: «...Homo unius libri в России можно быть лишь тому, кто читает Пушкина» [Айхенвальд, 1994, с. 74].

В последние десятилетия XIX в. появляется тезис, что «“человек одной книги” – слишком часто человек “одной идеи”» [Fox, 1876, p. VI].

Немецкий историк философии Карл Йозель пишет о Максe Штирнере (1806–1856): «Timeo virum unius libri¹. Человек *одной* книги – это человек *одной* идеи, т.е. фанатик» [Joël, 1898, p. 1007]. Альфред Носсиг, настаивая на необходимости ревизии марксизма, утверждает: «...Социал-демократы были в слишком большой степени “читателями одной книги”» [Nossig, 1901, S. XXXV].

В России сходным образом высказывались крайние консерваторы о своих противниках. «Timeo hominem unius libri» – эпиграф к 1-й главе памфлета Ильи Циона «Нигилисты и нигилизм». «Будущий историк нигилистического движения, – говорилось здесь, – охарактеризует всех его участников, как духовных руководителей, так и слепых последователей, одним словом: это были все люди unius libri. А известно, что нет в животном царстве зверя более опасного для себя и для окружающих, как человек, читавший одну только книгу. “Méfiez vous d’un homme qui n’a lui qu’un seul livre”, было ходячею фразой Вольтера². <...> Правда и то что большею частью эта “единственная книжка” была иностранного происхождения, относилась к совершенно иному государственному строю, иному национальному характеру и иногда даже вовсе не имела и отдаленного политического характера. Но опустошения, причиненные ею в незрелых русских умах, были тем разрушительнее» [Цион, 1886, с. 757–758].

Автор журнала «Русское обозрение» писал, обличая либеральную интеллигенцию: «Всем известно, что нужно бояться, по латинской пословице, всякого homo unius libri, всякого человека, прочитавшего только одну книгу. Наши либералы и являются такими homines unius ultimi libri³, людьми, предпочитавшими одну лишь последнюю книжку и ее только и помнящими» [цит. по: Бабкин, Шендецов, 2005, с. 573]. Здесь латинский оборот сконтаминирован

¹ Боюсь человека (*букв. мужа*) одной идеи (*лат.*).

² «Остерегайтесь человека, у которого есть только одна книга» (*фр.*). Ссылка на Вольтера ошибочна.

³ Люди одной последней книги (*лат.*).

с цитатой из Некрасова: «Что ему книга последняя скажет, / То на душе его сверху и ляжет» (поэма «Саша» (1856), 4) [Некрасов, 1982, с. 25].

Попутно заметим, что Рахметов в знаменитом романе Чернышевского – как раз «человек одной книги», однако не в позднейшем, а в первоначальном значении этого оборота: «...Он (Рахметов. – К.Д.) говорил: “по каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение – только напрасная трата времени”» («Что делать» (1863), III, 29) [Чернышевский, 1939, с. 203].

Негативная окраска «человека одной книги» достигает предела в эссе сербского писателя Эриха Коша (1962), который, вероятно, уже не знал исходного значения латинской поговорки: «Люди одной книги (*Cave ab homine unius libri!*), недалекие полуинтеллигенты, которые, прочтя лишь одну книгу, решили, что постигли все премудрости и все тайны того и этого света, и потому возненавидели все остальные книги, которых они не прочли и которые им непонятны» [Кош, 1990, с. 525–526].

* * *

С конца XIX в. «человеком одной книги» стали называть также автора лишь одного заметного сочинения, например:

«[Вильгельм Эдуард] Альбрехт, юрист, был человеком одной книги; его место в литературе определялось единственным сочинением по одному сложному вопросу древнего права» [Acton, 1887, S. 49];

«Автору “Поля и Виргинии”¹ удалось остаться человеком одной книги <...>» [Les grands écrivains ..., 1891, p. 449].

Анонимный очерк о французском философе Феликсе Равессоне (1813--1900) был озаглавлен «*Homo unius libri*, или немногим более». Имелось в виду то, что Равессон, опубликовав в 1837 г. «Опыт о “Метафизике” Аристотеля», для читающей публики «остался по преимуществу разгадывателем аристотелевской загадки» [M. Ravaisson ..., 1896, p. 1].

¹ Французский писатель Бернарден де Сен-Пьер (1737–1814).

В 1903 г. был посмертно опубликован роман английского писателя Сэмюэла Батлера (1835–1902) «Путем всея плоти», написанный в 1880-е годы. Главный герой романа – Эрнест Понтифекс, писатель, первая книга которого имела успех, «но все остальные были не более чем почетной неудачей». Как замечает его издатель, «мистер Понтифекс <...> – homo unius libri, но говорить ему об этом не стоит» [Butler, 1968, p. 559].

М. Горький писал: «...Калин[ников] – человек одной книги, <...> на “Мошсах” он совершенно исчерпал себя и больше ничего не сделает¹. <...> Таких писателей, не способных к восприятию культуры, я знал немало, все они – люди одной книги <...>» (письмо к Д.А. Лутохину от 15 июня 1927 г.) [Горький, 1976, с. 429].

Вообще же в России «автором/писателем/человеком одной книги» с начала XX в. чаще всего называли Грибоедова, а также Ершова, автора «Конька-Горбунка». Именно это значение оборота стало у нас преобладающим.

Список литературы

Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. – Москва : Республика, 1994. – Вып. 1 : Пушкин. – 75 с. – 1-е изд.: 1906.

Бабичев Н., Боровский Я. Словарь латинских крылатых слов. – Москва : Русский язык, 1988. – 959 с.

Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. – 3-е изд., испр. – Москва : Астрель, 2005. – 1471 с.

Горький М. Неизданная переписка. – Москва : Наука, 1976. – 528 с. – (Архив А.М. Горького ; т. 14.)

Карач[чиоли] Л.А. Истинный мантор, или Воспитание дворянства / с французского перевел Федор Полунин. – Москва : Тип. Моск. имп. ун-та, 1769. – 174 с.

Кош Э. Книгоубийства и книгоубийцы / пер. Т. Поповой // Человек читающий. Homo legens: писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества. – Москва : Прогресс, 1990. – Т. 1. – С. 518–528.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. – Ленинград : Наука, 1982. – Т. 4. – 655 с.

¹ Иосиф Калинин (1890–1934), с 1919 г. в эмиграции; первые три тома его романа о монастырской жизни «Мошси» были изданы в Москве в 1925–1927 гг.; позднее роман был сочтен порнографическим и изъят из библиотек.

Плиний Младший. Письма / пер. М. Сергеевко и А. Доватура. – Москва : Наука, 1982. – 407 с.

Сенека. Нравственные письма к Луцилию / пер. С. А. Ошерова. – Москва : Наука, 1977. – 383 с.

Цион И.Ф. Нигилисты и нигилизм // Русский вестник. – Москва, 1886. – Т. 183, [№ 6], июнь. – С. 750–796.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1939. – Т. 11. – 748 с.

Acton J.E.E.D. Die neuere deutsche Geschichtswissenschaft : Eine Skizze. – Berlin : R. Gaertner, 1887. – 60 p.

Bambacari C.N. Prediche Quaresimali. – Venezia : Baglioni, 1730. – Т. 2. – 440 p.

Bayle P. Lettre CCXXX, am Pecher, Ministre à Emmerick. A Rotterdam, le 10 d'Aout, 1705 // Bayle P. Lettres choisies : Avec des remarques. – Rotterdam : Fritsch et Böhm, 1714. – Т. 3. – P. 883–887.

Briz J. Vida prodigiosa del angel de las escuelas, sol de la iglesia, y quinto doctor, luz del mundo, y estrella refulgente de la inclita religion de predicadores, Santo Thomás de Aquin. – Madrid : D.F. de Arrojo, 1748. – 386 p.

Browne T.B. Thoughts of the Times; or, Men and things. – London : Longman, 1838. – 255 p.

Butler S. The Way of All Flesh. – London ; New York : F. Watts, 1968. – 560 p.

Caraccioli L.-A. de. Le véritable Mentor, ou L'éducation de la noblesse. – Liege : Bassompierre ; Bruxelles : Berghen, 1759. – 302 p.

Casanova di Seingalt G.G. Mémoires écrits par lui-même. – Leipsic : Brockhaus ; Paris : Ponthieu, 1827. – Т. 4. – 519 p.

Covarrubias y Orozco S. de. Tesoro de la lengua castellana, o española. – Madrid : M. Sánchez, 1673. – Parte 2. – 214 p.

Crosby J. One Touch of Shakespeare : Letters of Joseph Crosby to Joseph Parker Norris. – Washington : Folger Shakespeare Library, 1986. – 359 p.

Disraeli I. The Man of One Book // Disraeli I. A Second Series of Curiosities of Literature. – 2nd ed., corrected. – London : J. Murrey, 1823. – Vol. 4. – P. 120–126.

Fox H.J. The Student's Common-place Book : a Cyclopedic of Illustration and Fact. – New York : A.S. Barnes, 1876. – Vol. 1. – IX, 134 p.

Fritsch A. Timeo lectorem unius libri // Vox Latina. – Saarbrücken, 1983. – Vol. 19. – S. 309–315.

Joël K. Stirner // Neue deutsche Rundschau. – Berlin, 1898. – 9. Jg, [N] 3/4. – S. 995–1015.

L'homme d'un livre, ou bibliotheque entiere: dans un seul petit livre fait expres, pour les personnes d'esprit. – Leyde : T. Haak, 1718. – Т. 1. – [18], 303 p.

Le Masson I. Annales Ordinis Cartusiensis. – Correriae : A. Fremon, 1687. – Т. 1. – 404 p.

Les grands écrivains français. Bernardin de Saint-Pierre, par Arvède Barine. <...> Paris, Hachette, 1891: [Revue] // Bibliothèque universelle et Revue suisse. – Lausanne, 1891. – T. 51, N 153. – P. 449–451. – Подпись: H.W.

M[onsieur] Ravaillon: Homo unius libri, ou à peu près // Le Gaulois: littéraire et politique. – Paris, 1896. – N 5171, 3 janvier. – P. 1.

Moore H. The Life of the Rev. John Wesley. – New York : Bangs and Emory, 1827. – Vol. 2. – 324 p.

Nossig A. Revision des Socialismus. – Berlin ; Bern : J. Edelman, 1901. – Teil 1 : Das System des Socialismus. – XXXIX, 277 S.

Oudin C. Tesoro de las dos lenguas española y francesa. – Leon : Bourlier, 1675. – Parte 1. – 1010 p.

[Pananti F.] Filosofia e pittura di costumi // Lo Spettatore straniero ovvero Mescolanze di viaggi, di statistica, di storia, di politica, di letteratura, di belle arti e di filosofia. – Milano : A.F. Stella, 1817. – T. 9. – P. 147–162.

Pananti F. Narrative of a Residence in Algiers. – London : H. Colburn, 1818. – XXII, 467 p.

Pereyra B. Academia seu Respublica litteraria. – Vlyssipone [Lissabon] : A. Craesbeeck de Mello, 1662. – 619 p.

Rossi P. Lettera al molto reverendo padre Benedetto Casalini bolognese // Nuova Raccolta : D'opuscoli scientifici e filologici. – Venezia : S. Occhi, 1760. – T. 7. – P. 281–303.

Southey R. The Doctor, Etc. – 2nd ed. – London : Longman, 1836. – Vol. 3. – 343 p.

Stevens J. A New Dictionary, Spanish and English, and English and Spanish. – London : J. Darby, 1726. – VII, [905 p.].

Strafforello G. Sapienza del popolo spiegata al popolo; ossia, I proverbi di tutte le nazioni. – Milano : Editori della biblioteca utile, 1868. – 264 p.

Taylor J. The History of the Life and Death of Jesus Christ. – London : G. Routledge, 1851. – 714 p.

УВИДЕТЬ И УМЕРЕТЬ: ОТ НЕАПОЛЯ ДО ПАРИЖА

В различных европейских языках, включая русский, бытуют два родственных пословичных выражения: «Увидеть Неаполь и умереть», «Увидеть Париж и умереть». Значение второго из них шире, особенно в русской культуре второй половины XX в.

1. Увидеть Неаполь

Итальянская пословица гласит: «Vedi Napoli, e poi (po') morì» – «Увидеть Неаполь, а потом [можно и] умереть»; *букв.* «Взгляни на Неаполь, а потом [хоть] умирай». Время ее появления не установлено; по одной из версий, она появилась в XVII в., в период наивысшего расцвета Неаполя. В то время Неаполь был одним из крупнейших городов Европы и одним из главных центров барочной культуры.

Однако сведений о бытовании пословицы до XVIII в. у нас не имеется. По-видимому, в литературу ее ввел Карло Гольдони в 1750-е годы. Венецианский комедиограф не без иронии относится к восхвалению Неаполя. В комедии «Кофейная» (1750), д. II, сцене 16, происходит следующий диалог:

Дон Марцио. Я неаполитанец. Взгляни на Неаполь, а после хоть умирай.

Леандро. Сказал бы я вам, что ответил бы венецианец <...>
[Goldoni, 1753, p. 211]¹.

В стихотворной комедии «Торквато Тассо» (1755) спорят уроженцы трех городов – Неаполя, Венеции и Флоренции (д. 5, сцена 13):

Фацио.

Неаполь восхитителен.

Томио.

Венеция – город

Красивый, богатый, любимый; все его знают, все о нем говорят.

Фацио.

Неаполь – красивейшая местность на свете.

Кабальеро [флорентиец].

Флоренция радует воду, землю и небеса.

Фацио.

Взгляни на Неаполь, а после хоть умирай.

Томио.

Взгляни на Венецию, и так далее [Goldoni, 1876, p. 62].

(«И так далее» – ироническая рифма к реплике флорентийца: ‘e l’etera’ – ‘etcetera’.)

Возможно, исходной была версия на неаполитанском диалекте: «Vide Napule e po’ more», однако в печати она появилась гораздо позднее общепринятой. Неаполитанец Фацио в комедии Гольдони приводит пословицу в ее литературной форме, хотя в своей речи он постоянно прибегает к неаполитанскому диалекту и в прочих случаях именуется родной город ‘Napule’ вместо общетальянского ‘Napoli’.

После Гольдони пословица встречается в сатирической поэме Джанкарло Пассерони «Цицерон», I, 50 (т. 3, 1768) и поэме Доменико Балестриери «“Освобожденный Иерусалим”, перелицованный на миланское наречие», XVI, 98 (1772) [Passeroni, 1768, p. 436; Balestrieri, 1772, p. 9].

В 1770 г. в Лондоне на английском языке был опубликован четырехтомный дневник путешествия по Европе, предпринятого известным итальянским литератором Джузеппе Баретти в 1760–1765 гг. Пословица «Vedi Napoli e po’ morì» приведена здесь с переводом:

¹ В единственном переводе комедии на русский язык, сделанным А.Н. Островским в 1872 г.: «И венецианцы то же говорят про себя» [Гольдони, 1978, с. 252].

«See Naples, and then die» [Baretti, 1770, p. 306]. Стоит отметить, что Баретти значительную часть жизни прожил в Венеции и, хотя был литературным противником Гольдони, хорошо знал его творчество.

Нередко в качестве ранней цитации пословицы указывается запись в книге Гёте «Итальянское путешествие», помеченная датой 2 марта 1787 г. Между тем в печати «Итальянское путешествие» появилось лишь в 1816–1817 гг.

Уже в первые десятилетия XIX в. пословица широко цитируется на основных европейских языках. В английском использовано повелительное наклонение: «See Naples and die»; в большинстве других языков – инфинитив, возможно, под влиянием французского перевода «Voir Naples et mourir». По-русски пословица приведена в рассказе Ф. Булгарина «Кинжал и нагайка» (1834): «Роскошная Природа и совершенство в произведениях Искусств породили пословицу: взглянуть на Неаполь, и умереть!» [Булгарин, 1843, с. 271].

Форма «Vedere Napoli e poi morì» (с глаголом ‘видеть’ в инфинитиве) возникла, по-видимому, во Франции как обратный перевод с французского.

В середине XIX в. во Франции появилась макароническая латинско-итальянская форма «Videre Napoli, (e) poi morì», где ‘videre’ – *лат.* ‘видеть’ [напр.: Lerne, 1853, p. 159]. Встречалась также форма «Videre Napoli e poi moriri» и даже «...poi moreti» – с глаголом, не существующим ни в латинском, ни в итальянском языках.

Широкая известность пословицы, а также возможность ее буквального истолкования сделали ее благодарным объектом для пародирования. В посмертно опубликованном «Словаре прописных истин» Г. Флобера три статьи связаны с пословицей о Неаполе:

«Неаполь. В обществе ученых мужей говори “Партенопея”. Увидеть Неаполь и умереть! (См. *Ивто*)».

«Ивто¹. Увидеть Ивто и умереть! (См. *Неаполь, а также Севилья*)».

«Севилья. Знаменита своим цирюльником. Увидеть Севилью и умереть! (См. *Неаполь*)» [Flaubert, 2002, p. 67, 81, 89].

Марк Твен обыграл пословицу в «Простаках за границей» (1869), гл. 30: «“Увидеть Неаполь и умереть”. Уж не знаю, точно ли вы умрете, просто увидев его, но пытаться в нем жить и впрямь может выйти вам боком» [Twain, 1869, p. 315].

¹ Городок в Нормандии.

В историческом романе Марка Алданова «Чертов мост» (1925) «спутник Штаала дал свое толкование поговорке: фаталистически печально напомнил об одной болезни, которая в ту пору чаще всего называлась неаполитанской» [Алданов, 1993, с. 514]. «Неаполитанской болезнью» называли сифилис, но только во Франции; в остальной Европе, включая Италию, его называли «французской болезнью».

В СССР изречение, восхваляющее хоть и прекрасный, но все же капиталистический город, долгое время давалось в обличительном контексте: «“Увидеть Неаполь и умереть”... Горькой иронией звучит эта итальянская пословица о красоте Неаполя в кварталах в районе порта, в переулках районов Фуоригротта, Толедо, Викария! Тысячи жителей этого города солнца и песен живут в нечеловеческих условиях <...>» [Богемский, 1955, с. 208]. Неоднократно цитировались слова Ромена Роллана из его приветственного обращения к советскому народу: «Есть старая итальянская поговорка: “увидеть Неаполь и умереть!” Я же говорю: увидеть Москву и снова возродиться» [«Правда», 24 июня 1935; цит. по: История русской ..., 1967, с. 618].

Очень часто встречается другой вариант: «Vedi Napoli e poi Mori». Здесь ‘Mori’ – географическое название: «Увидеть Неаполь, а потом Мори». Эта форма появилась в воспоминаниях Майкла Келли (1762–1826), певца и композитора родом из Ирландии. По уверению Келли, «Мори – название островка близ Неаполя, каковой островок неаполитанцы находят столь прекрасным, что после него ни одна местность не стоит внимания» [Kelly, 1826, p. 35].

Келли жил в Неаполе в 1789–1780 гг.; его воспоминания увидели свет в 1826 г. В них содержится множество сомнительных и недостоверных сообщений, включая приведенное выше: островка под названием Мори близ Неаполя не существует. Поэтому изречение «Vedi Napoli e poi Mori» относят либо к деревушке Мори близ Неаполя (также несуществующей), либо к небольшому городку Мори, который, однако, расположен на самом севере Италии – в итальянском Тироле. В 1868 г. анонимный итальянский путешественник писал: «Можно переиначить знаменитое “Увидеть Неаполь, а потом Мори” на “Увидеть Ала¹, а потом Мори”, но согласятся ли с этим? Мори <...> может похвастаться красивым местоположением <...>» [La nuova ferrovia ..., 1868, p. 382].

¹ Железнодорожная станция на пути к Мори.

Последней появилась форма «*Videre Napoli et Mori*» – «Увидеть Неаполь и Мори»; в справочниках она зафиксирована лишь в начале XX в. Эта форма приводится как латинская, хотя на латыни Неаполь – ‘*Neapolis*’, род. п. ‘*Neapolem*’. *Лат.* ‘*mori*’ означает ‘умереть’. В статье «*Videre Napoli et Mori*», помещенной в справочнике Эдуарда Лейтема «Знаменитые выражения» (1906), пояснялось: «Мори – деревушка близ Неаполя. Отсюда, как полагают, возникло выражение “Увидеть Неаполь и умереть” (игра слов)» [Latham, 1906, p. 235].

В России такое толкование стало известно из словаря цитат С.Г. Займовского [Займовский, 1930, с. 70]. В компилятивном справочнике В. Серова сведения об изречении «*Videre Napoli et Mori*» взяты (без указания источника) у Займовского, с истолкованием: «...т.е. видеть все – и город Неаполь, и деревню Мори» [Серов, 2003, с. 731]. Этот домысел получил широкое хождение в России благодаря сайту bibliotekar.ru, из которого посетители Рунета черпают сведения о крылатых словах.

С XX в. название «деревушки близ Неаполя» ‘*Mori*’ порой заменяется таким же вымышленным названием ‘*Morire*’: «*Videre Napoli et Morire*».

2. Увидеть Париж

Довольно рано на место Неаполя стали подставлять Париж. Ранний пример из английской печати (1840): «Говорят: “Увидеть Париж и умереть”, словно зрелище этого города – высшее наслаждение, дарованное человеку; но я бы скорее сказал: “Увидеть Лондон и жить” – жить счастливо и радостно» [Curtis, 1845, p. 15].

Немецкий корреспондент во Франции писал: «Сегодня лишь о Париже можно сказать то, что прежде говорили о Неаполе: “Увидеть Париж и умереть!”» [Frankreich. Paris ..., 1853, S. 3].

Это изречение словно бы перевернуто во фразе «Хорошие американцы после смерти попадают в Париж». В романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1891) она приведена как «потрепанная острота» (с уайльдовским добавлением: «...а дурные – в Америку»). В печати эта острота появилась в 1858 г. без имени автора [Holmes, 1859, p. 120]. Автор был назван позднее: американский эссеист Томас Голд Эпплтон (1812–1884).

У французских писателей фраза «Увидеть Париж и умереть!» обычно вкладывалась в уста иностранцев, причем Париж выступает

не просто в роли прекрасного города, но в роли символа высшей культуры. В романе А. Дюма-отца «Сальватор» (1857): «...Бедняжка Долорес <...>, как все девушки нашей страны (т.е. Кубы. – К.Д.), долго лелеяла сладкую мечту – увидеть Париж и умереть» [Dumas, 1868, p. 9].

В историческом романе Эмиля Кантреля «Рукописные известия о графине Дюбарри» (1861): «Поездка во Францию – мода, принятая всеми государями Европы; даже северные принцы одержимы болезнью, которая проявляет себя в желании посетить Париж. “Увидеть Париж и умереть!”», – восклицают они, как некогда изгнанники-мавры, говоря о Гренаде» [Cantrel, 1861, p. 364].

В романе Виктора Тиссо «Путешествие в страну миллиардов» (1875): «Франция была страной мечты – чудесная земля, увенчанная виноградными лозами, облаченная в золотую мантию и возлежащая на ложе из цветов; то был Восток северных народов. “Увидеть Париж и умереть!” – вот восклицание, вырывавшееся из немецких уст» [Tissot, 1877, p. 135].

Русские образованные люди XIX в. тянулись к Парижу ничуть не меньше других своих современников. Однако фраза «Увидеть Париж и умереть» получила у нас хождение лишь в середине XX в., и отнюдь не в советской печати, а в разговорах творческой интеллигенции. На этот раз Париж выступал в качестве символа другого, недоступного мира – Запада, отгороженного от СССР железным занавесом.

В августе 1947 г. студент филфака МГУ, взявший на Западе псевдоним Стефан Строгов, покинул Москву и через Польшу, Румынию и Югославию перебрался в столицу Франции. Уже после смерти Сталина здесь вышла его книга «Дневник советского молодого человека» [Strogoff, 1954]. В очерке, опубликованном в 1956 г., Строгов писал: «Кто же не любит Францию, кто не мечтает увидеть Париж? У русских даже есть поговорка: “Увидеть Париж и умереть” (Париж, не Неаполь)» [Strogoff, 1956, p. 555]. После 1947 г. Строгов в СССР не был, так что это свидетельство следует отнести к первым послевоенным годам.

Поэт и переводчик Яков Хелемский вспоминал: «...В начале пятидесятых [Лев] Озеров мог <...>, виртуозно воспроизводя произношение Симонова, предложить мне поездку в Париж на всемирный конгресс переводчиков. Притворяясь, что принимаю звонки всерьез, я подыгрывал ему: <...> “Глубоко тронут, Константин Михайлович! Увидеть Париж и умереть!” Но потом резко менял интонацию и посылал приятеля, куда положено в таких случаях. Раздавался взаимный хохот» [Хелемский, 2000, с. 172].

В современной России фраза «Увидеть Париж и умереть» обычно приписывается Илье Эренбургу, иногда со ссылкой на его фотоальбом «Мой Париж» (1933). Эта версия, вероятно, появилась под влиянием автобиографического романа Юрия Щеглова¹ «Еврейский камень, или Собачья жизнь Эренбурга». В главке «Любовь к Парижу» автор, окончивший филфак МГУ в 1957 г., приводит разговор двух студентов университета об Эренбурге в первой половине 1950-х годов:

«– А я люблю “Падение Парижа”. И сам Париж люблю. <...> Ах, Париж! Недостижимая мечта. Есть поговорка: увидеть Неаполь и умереть. А у меня другая поговорка: увидеть Париж и умереть!

– Ты, часом, не космополитка? <...>

– Нет ли у тебя альбома Эренбурга с парижскими фотографиями – синенький такой, продолговатый?»

И далее: «Позже, через много лет, поразило текстуальное совпадение эренбурговских и Жениных² признаний» [Щеглов, 2004, с. 29–30].

Однако ни в воспоминаниях об Эренбурге, ни в его сочинениях нет приписываемой ему фразы, хотя о тяге русских людей к Парижу говорилось в его военном очерке 1943 г.: «Мне хочется напомнить о большой любви русского народа. Карамзин, издававший Париж в дни революции, писал, что, не будь у него любезного отечества, он хотел бы прожить жизнь и умереть в Париже. Полторацка лет спустя Маяковский, который не знал этих строк Карамзина, прощаясь с Парижем, написал: “Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва”» [Эренбург, 1943].

Эренбург цитировал Карамзина неточно. Автор «Писем русского путешественника» писал: «Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве, но после России нет для меня земли приятнее Франции, где иностранец часто забывается, что он не между своими» (письмо 128, «Париж, июня ..., 1790») [Карамзин, 1964, с. 506].

Первый известный нам пример цитации в СССР фразы «Увидеть Париж и умереть» относится к 1987 г., а в Национальном корпусе русского языка нет примеров старше 1995 г.

Широкое распространение это выражение получило с 1992 г., после выхода на экраны фильма «Увидеть Париж и умереть» (студия «Мосфильм», реж. А. Прошкин). Действие фильма происходит

¹ Псевд. Юрия Марковича Варшавера (1932–2006).

² Женья – участница приведенного выше диалога.

в 1960-е годы; москвичка, мать-одиночка, готова пойти на все, чтобы ее сына отправили в Париж на музыкальный конкурс.

Благодаря фильму фраза о Париже стала у нас пословицей, гораздо более известной, чем пословица о Неаполе.

Список литературы

Алданов М.А. Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Правда, 1993. – Т. 1. – 604 с.

Богемский Г.Д. По городам Италии. – Москва : Географгиз, 1955. – 231 с.

Булгарин Ф.В. Кинжал и нагайка (Извлечение из рукописи, приготовленной к печати) // Булгарин Ф. Сочинения. – Санкт-Петербург : Гуттенбергова тип., 1843. – Т. 1. – С. 269–289. – Газ. публ.: «Северная пчела», 1834. № 199–201.

Гольдони К. Кофейная : комедия в трех актах в прозе / пер. А.Н. Островского // Островский А.Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. – Москва : Искусство, 1978. – Т. 11 : Избр. переводы. – С. 209–276.

Займовский С.Г. Крылатое слово : справочник цитаты и афоризма. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1930. – 492 с.

История русской советской литературы. 1917–1965 : в 4 т. – Москва : Наука, 1967. – Т. 2 : 1930–1941 гг. – 666 с.

Карамзин Н.М. Избранные сочинения : в 2 т. – Москва ; Ленинград : Худож. лит., 1964. – Т. 1. – 810 с.

Серов В. Крылатые слова : энциклопедия. – Москва : Локид-пресс, 2003. – 831 с. – Переиздавалась под загл. «Энциклопедический словарь крылатых слов».

Хелемский Я. На расстоянии души: [Воспоминания о Льве Озерове] // Ренессанс. – Киев, 2000. – № 2. – С. 163–179.

Щеглов Ю. Еврейский камень, или Собачья жизнь Эрэнбурга : Историко-филологический роман. – Москва : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2004. – 739 с.

Эрэнбург И.Г. Париж // Красная Звезда. – Москва, 1943. – С. 4.

Balestrieri D. La Gerusalemme Liberata travestita in lingua milanese. – Milano : Bianchi, 1772. – 404 p.

Baretti J. A Journey from London to Genoa : Through England, Portugal, Spain and France. – London : T. Davies, 1770. – Vol. 1. – 306 p.

Cantrel É. Nouvelles á la main sur la Comtesse Du Barry trouvées dans les papiers du Comte de ***. – Paris : Plon, 1861. – 441 p.

Curtis J.H. Advice to the Deaf : The Present State of Aural Surgery. – 5 th ed. – London : Whittaker and Co., 1845. – 62 p. – 1-е изд. : London, 1840.

Dumas A. Salvator : suite et fin des Mohicans de Paris. – Paris : M. Lévy, 1868. – 256 p. – (Oeuvres completes ; T. 5)

Frankreich. Paris, 5. April // Wochenblatt für den Königlich-Bayerischen Gerichtsbezirk. – Zweibrücken, 1853. – № 44, 12 апреля. – [S. 2–3].

Flaubert G. Le Dictionnaire des idées reçues. – Paris : Éditions du Boucher. – 2002. – 89 p.

Gilburd E. To See Paris and Die : The Soviet Lives of Western Culture. – Cambridge (Mass.) ; London : Belknap Press of Harvard University Press, 2018. – 480 p.

Goldoni C. Il Torquato Tasso : Commedia di cinque atti in versi // Goldoni C. Commedie scelte. – Leipzig : Brockhaus, 1876. – T. 10. – P. 1–66.

Goldoni C. La bottega del caffè // Goldoni C. Le Commedie. – Firenze : E. Pauperini, 1753. – T. 1. – P. 169–236.

Holmes O.W. The Autocrat of the Breakfast-Table. – Edinburgh : A. Strahan ; London : A. Hamilton, 1859. – 302 p. – 1-е изд.: 1858.

Kelly M. Reminiscences of the King's theatre, and Theatre royal Drury Lane Including a Period of Nearly Half a Century. – London : H. Colburn, 1826. – Vol. 1. – 354 p.

La nuova ferrovia del Brennero (da Verona ad Innsbruck) // Rivista contemporanea nazionale italiana. – Torino, 1868. – Vol. 54, Settembre, fasc. 178. – P. 371–394. – [Перепеч. в кн.: Dall'Italia a Vienna impressioni, notizie, indicazioni per un viaggio di spasso e d'istruzione all'esposizione universale di Vienna. – Milano : Treves, 1873. – 135 p.]

Latham E. Famous Sayings and Their Authors : A Collection Of Historical Sayings In English, French, German, Greek, Italian, and Latin. – London : Swan Sonnenschem, 1906. – 318 p.

Lerne E. de. Les sorcières blondes. – Paris : E. Didier, 1853. – 373 p.

Passeroni G. Il Cicerone : Poema. Parte seconda. – Milano : Agnelli, 1768. – T. 3. – 463 p.

Strogoff S. Le journal d'un jeune homme soviétique. – Paris : Gallimard, 1954. – 312 p.

Strogoff S. Paris – New-York – Paris pour 80 francs // Hommes et mondes. – Paris, 1956. – N 116, Mars. – P. 555–566.

Tissot V. Voyage au pays des milliards. – Paris : E. Dentu, 1877. – 588 p.

Twain M. The Innocents Abroad, Or, The New Pilgrims' Progress. – Hartford : American Publishing, 1869. – 651 p.

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ, ИЛИ НИЧТО НЕ НОВО ПОД ЛУНОЙ

*Нет ничего нового под солнцем, но есть кое-что
старое, чего мы не знаем.*

Лоренс Питер («Peter's Quotations», 1977)

1. Хорошо забытое старое

Согласно широко распространенной легенде, слова: «Новое – это хорошо забытое старое», – произнесла Роза Бертен (1744–1813), личная портниха Марии Антуанетты, подновив старое платье королевы. В другом варианте легенды так Бертен ответила королеве, заметившей, что фасон нового платья она видела на старинных грабюрах [Latham, 1906, p. 109].

В «Крылатых словах» Ашукиных указан источник цитаты – «Мемуары мадемуазель Бертен о королеве Марии Антуанетте» (1824), с оговоркой, что мемуары эти поддельные [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 419; то же в кн.: Уолш, Берков, 1984, с. 140].

Мемуары Бертен действительно подделка – их сочинил Жак Пёше (J. Peuchet, 1758–1830) [Peuchet, 1824]. Однако здесь нет изречения о «забытом старом». Оно появилось раньше.

В 1820 г. рецензент «Эдинбургского обозрения» писал: «Пословица, которую никто не повторяет чаще французов и которая,

как свидетельствует история, была излюбленным речением самой изобретательной и просвещенной портнихи, мадемуазель Бертен, гласит: “Il n’y a de nouveau que ce que est oublié (Нет ничего нового, кроме того, что забыто. – К.Д.)”» [Education of the Poor ..., 1820, p. 498]. Та же версия повторена в лондонском музыкальном журнале «Harmonicon»: «“Il n’y a de nouveau que ce qui est oublié”, – сказала мадемуазель Бертен, самая просвещенная из французских модисток» [Extracts from the Diary ..., 1828, p. 36].

Хотя английские авторы цитировали «фразу Бертен» по-французски, французы, по-видимому, узнали о ней из английской печати. В заметке «О взаимном обучении», переведенной с английского в 1830 г., читаем: «От мадемуазель Бертен, знаменитой модистки королевы Марии Антуанетты, остался афоризм, исполненный глубокого смысла (возможно, единственный из такого рода источника): “Нет ничего нового, кроме того, что забыто”» [De l’enseignement mutuel, 1830, p. 118].

С этого времени изречение начинает цитироваться во Франции:

«Мадемуазель Бертен, модистка королевы Марии Антуанетты, выразилась более философски, чем сама думала: “Нет ничего нового, кроме того, что забыто”» [Fayolle, 1831, p. 49].

«...Максима “Нет ничего нового, кроме того, что было забыто” – не только обескураживающая, <...> это еще и ложная максима, одна из самых ложных из всех, что дошли до нас» [Berthault-Dusteux, 1837, p. 149];

«...Как говорит Ривароль¹, нет ничего нового, кроме того, что было забыто» [Nouvelles, 1838, p. 244].

* * *

Ашукины, вслед за французским лексикографом Э. Фурнье, возводят «фразу Бертен» к стиху из «Кентерберийских рассказов» (1387–1400) Джеффри Чосера [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 419; Fournier, 1857, p. 101–102; Fournier, 1859, p. 1]. Описывая в «Рассказе рыцаря» («The Knight’s Tale») различные «фасоны» рыцарских доспехов, Чосер замечает: «Ther nis no newe gyse that is nas

¹ Антуан Ривароль (1753–1801), публицист, один из наиболее известных остроумцев своей эпохи. Ссылка на его авторство ошибочна.

old» (*среднеангл.*) – «Нет новизны такой, что не была бы старой» [Chaucer, 1847, p. 86]. ‘*Gyse* (guise)’ – ‘облик, вид, одяние, наряд’, но также ‘манера, обычай’.

В XVIII в. «Кентерберийские рассказы» читали больше в переложениях, прежде всего в стихотворном переложении Джона Драйдена. Популярным высказывание Чосера стало лишь в XIX в. в версии Вальтера Скотта.

Скотт цитировал фразу Чосера трижды, всякий раз по-разному. В примечании к балладе «Сэр Патрик Спенс»: «*Thery n’is new guise that is na’as old*» («Менестрели шотландского пограничья», т. 3) [Scott, 1803, p. 70].

В романе «Приключения Найджела» (1822), гл. 37, цитата осовременена: «*There is nothing new but what it has been old*» – «Нет ничего нового, что бы не было старым» (об остроте придворного шута) [Scott, 1822a, p. 407].

В романе «Граф Роберт Парижский» (1831), гл. 13: «*There is no new guise but what resembles an old one*» – «Нет такого нового наряда [или: обычая], который не напоминал бы какого-нибудь староро» [Scott, 1831, p. 162].

В первой, архаической форме цитата прошла незамеченной. Из трех вариантов утвердился только второй, обычно с упоминанием Чосера. «Фраза Бертен» (со словом «забыто») цитировалась в Англии реже, чаще всего как французская. Однако в XX в. «чосеровская» версия в английской печати постепенно выходит из обихода.

Итак, «бертеновская» версия изречения появилась не позднее 1820 г., причем по-французски, а «чосеровская» в осовремененной форме – лишь два года спустя. Отсюда следует, что стих Чосера едва ли был источником «фразы Бертен»; более вероятно, что обе версии возникли независимо друг от друга.

Сэмюэл Смайлс в 1864 г. цитирует обе версии как самостоятельные изречения на тему Екклесиаста: «...Слова Чосера <...> “нет ничего нового, кроме того, что некогда было старым (*what has once been old*)”; или, как выразился другой писатель: “Нет ничего нового, кроме того, что прежде было известно и забыто (*has before been known and forgotten*)”; или, говоря словами Соломона, “Что было, то и будет, и нет ничего нового под солнцем”» [Smiles, 1864, p. 214].

Английский лексикограф Э. Лейтем в качестве параллели к «фразе Бертен» приводит цитату из Пролога к стихотворной драме Дж. Флетчера и Ф. Бомонта «Благородный джентльмен» (ок. 1625):

«Ничто не считается редким, / Кроме того, что ново и чему подражают, но мы знаем, / Что то, что носили лет двадцать назад, / Снова встречает благосклонный прием» [Latham, 1906, p. 109]. Метафора, относящаяся к моде, здесь употреблена в переносном смысле: речь идет о меняющейся моде на остроумие.

Век спустя по поводу цикличности моды иронизировал знаменитый журналист Ричард Стил: «Он по-прежнему носит кафтан и камзол все того же фасона, <...> который, <...> по его словам, выходил из моды и входил в моду двенадцать раз с тех пор, как он надел их впервые» («The Spectator», 2 марта 1711) [Steele, Addison, 1891, p. 67].

* * *

Во Франции «чосеровская» версия стала известна по переводу «Приключений Найджела», опубликованному в том же году, что и английский оригинал: «Il n'y a de neuf que ce qui a été vieux» – «Нет ничего нового, кроме того, что [некогда] было старым» [Scott, 18226, p. 410].

Во французском издании «Менестрелей шотландского пограничья» (1826) дан перевод: «Il n'y a pas de nouvelle coutume qui ne soit ancienne» – «Нет такого нового обычая, который не был бы древним» [Scott, 1826, p. 219].

С 1830-х годов изречение существовало во французском языке параллельно в нескольких формах, причем форма со словом «забыто», как и в Англии, устойчиво связывалась с мадемуазель Бертен, а остальные, как правило, с Чосером. Изречение из перевода «Приключений Найджела» 1822 г. стало девизом исторического журнала «Ретроспективное обозрение» (1833–1838): «Il n'y a de neuf que ce qui a été vieux», с подписью: «Чосер» [Revue rétrospective, 1833, титул].

Вскоре появился еще один вариант «чосеровского» изречения – со словом «состарилось»:

«Я слишком проникся любимым изречением бессмертного Вальтера Скотта: “Нет ничего нового, кроме того, что состарилось (Il n'y a de nouveau que ce qui a vieilli)”. (ЧОСЕР)» [Gibert, 1832, p. 398];

«“Нет ничего нового, кроме того, что состарилось”, – сказал Чосер. Не подписываясь полностью под столь категорическим изречением и дабы не огорчать создателей наших современных

шедевров, я скажу лишь, что то, что состарилось, по меньшей мере так же ново, как новейшее» [Wailly, 1834, p. 185].

В 1838 г. эта форма была принята переводчиком нового издания «Приключений Найджела» [Scott, 1838, p. 480].

Историк-архивист Луи Парис, процитировав изречение «одного английского автора, не помню какого»: «Нет ничего нового, кроме того, что состарилось», – замечает, что «эта формула стала девизом антикваров, археологов, любителей безделушек» [Paris, 1845, p. 168].

«Бертеновская» версия позднее цитировалась также в форме «Нет ничего нового, кроме того, что давно забыто (*été longtemps oublié*)».

* * *

Именно «бертеновская» версия получила хождение в Германии и России, хотя и без ссылки на мадемуазель Бертен. Эпиграф к мемуарной книге князя фон Пюклер-Мускау (1835) гласил: «Нет ничего более нового, чем то, что было забыто (*in Vergessenheit gerathen ist*). (Старая пословица)» [Pücker-Muskau, 1835, титул]. В сборник немецких пословиц 1846 г. изречение включено в форме: «*Nichts ist so neu als was längst vergeßen ist*» – «Нет ничего более нового, чем то, что давно забыто» [Simrock, 1846, S. 353; то же: Bohn, 1857, p. 164].

В 1830-е годы сентенция трижды цитировалась по-русски в «Библиотеке для чтения»:

«На свете нет ничего нового, кроме того, что было забыто» [Савельев, 1835, с. 137];

«...Давно уже один философ написал у себя на стене: нет ничего нового под солнцем, а другой к его надписи прибавил слова: исключая того, что было забыто» [Полевой, 1837, с. 25; с изменениями в кн.: Полевой, 1839, с. 383];

«Одним словом, нет ничего нового под солнцем, – исключая того, что было забыто» [Сенковский, 1838, с. 15].

Знакомая нам форма сентенции введена, по-видимому, Н.В. Шелгуновым, видным публицистом демократического направления: «...Новое есть хорошо забытое старое» [Шелгунов, 1870а, с. 25; Шелгунов, 1870б, с. 16]; «...Всякое новое есть хорошо забытое старое» [Шелгунов, 1895, стб. 598; 1-я публ. в журн. «Русская мысль», 1888]. Можно предположить, что формула «хорошо забытое старое» появилась под влиянием немецкой «*was längst vergeßen ist*».

2. Ничто не ново под луною

И «фраза Чосера», и «фраза Бертен» нередко ассоциировались со стихами Екклесиаста 1:9–10: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. / Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас».

К тому же источнику восходит крылатое выражение «Ничто не ново под луною». Оно появилось в стихотворении Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Мысли, выбранные из Экклесиаста» (1796):

Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет век.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек [Карамзин, 1966, с. 201].

«Опытная Соломонова мудрость» – переложение поэмы Вольтера «Извлечения из Экклесиаста» («*Precis de l'Ecclesiaste*», 1759). У Вольтера было: «Нет ничего нового на земле» («*Rien de nouveau sur la terre*»).

Появление у Карамзина луны вместо земли (как у Вольтера) или вместо солнца (как в Библии) обычно связывают с влиянием меланхолической «ночной поэзии» Эдуарда Юнга и Оссиана [Заборов, 1970, с. 100]. Образы мрака и ночи у Карамзина навеяны «Ночными размышлениями» Юнга (1742–1745) [Вендитти, 2008, с. 136]. Луна, опять-таки вопреки вольтеровскому оригиналу, появляется в карамзинском переложении еще раз: «Когда же тихая луна / Явится на небе с звездами <...>» [Карамзин, 1966, с. 203]. Карамзин, «меняя традиционную образность изречения, <...> придает предромантическую окраску своим стихам <...>» [Вендитти, 2008, с. 139].

Для современников эта образность была еще внове. С.Н. Глинка вспоминал: «Случилось мне <...> читать Озерецковскому¹ перевод Карамзина Вольтерова Экклесиаста. При чтении стихов “Ничто не ново под луною” он вспыхнул от досады и проворчал: “Неправда, не под луною, а под солнцем. На что так срамить землю?”» («Записки С.Н. Глинки», 1895) [цит. по: Заборов, 1970, с. 100].

¹ Н.Я. Озерецковский (1750–1827), естествоиспытатель, академик.

У обозначения «под луною» (вместо «под солнцем») мог быть еще один источник – оборот «подлунный мир/свет», который на Западе появился не позднее начала XVII в. (*лат.* «sublunaris Mundus», *франц.* «monde sublunaire», *англ.* «sublunary world»). С конца XVIII в. этот оборот осваивается русской поэзией, причем в элегической тональности:

Каков ни есть подлунный свет,
Хотя блаженства в оном нет,
Хотя в нем горесть обитает <...>.
(Н. Карамзин, «Послание к А.А. Плещееву», 1794).

Все тщета в подлунном мире,
Исключенья смертным нет.
(М. Херасков, «Прошедшее», 1806) [обе цитаты указаны в работе: Жаткин, 2007].

Наконец, карамзинский стих мог быть калькой французской сентенции «Il n'y a rien de nouveau sous la Lune», *букв.* «Нет ничего нового под луной».

Она появилась, по-видимому, в романе генуэзца Джованни Паоло Марана (1642–1693), обычно именуемом «Турецкий шпион». Два первых тома вышли одновременно на итальянском и французском языках в Париже в 1684 г. Французское издание называлось «Шпион султана и его секретные донесения константинопольскому дивану...» («L'Espion du Grand-Seigneur...»). В 1687–1694 гг. в Лондоне вышло уже восьмитомное, расширенное издание под заглавием «Письма, написанные турецким шпионом...» («Letters Written by a Turkish Spy...»). За ним последовали восьмитомные французские издания под заглавием «Шпион при дворах христианских государей...» [Rotta, 1992].

«Турецкий шпион» обладал чертами одновременно философского и авантюрного романа. Он положил начало особому жанру эпистолярных романов о Европе, написанных от лица чужеземца, включая «Персидские письма» Монтескье. Нумерация писем в различных изданиях менялась. Том пятый французского издания, переведенный с английского, вышел в 1686 г.; интересующее нас письмо помещено под № 82. Здесь мы находим очередную вариацию на тему Екклесиаста:

«Нет ничего нового под луной, но лишь вечное круговращение одних и тех же событий. То, чем мы восхищаемся в наше время

как новостью, неоднократно совершалось в прежние времена. Мир следует за войной, и война следует по пятам мира. Вера и вероломство, подстрекательство и послушание, добродетель и порок взаимно порождают друг друга. Нет ничего постоянного и устойчивого, и мир движется в коловороте вечных превратностей» [Marana, 1702, p. 70].

Во французском переводе датировки писем отсутствуют, но в английском издании письмо помечено датой, в которой мусульманский календарь причудливо сконтаминирован с христианским: «Париж, 30-е 1-го (месяца. – К.Д.) Луны, год 1668» [Marana, 1699, p. 308]. Как можно предположить, замена солнца луной в ветхозаветной цитате должна была подчеркнуть восточный колорит романа (лунный календарь, полумесяц как символ ислама).

В 1837 г. изречение «Нет ничего нового под луной» попало в немецкий сборник пословицных выражений: «Es giebt nichts Neues unter dem Mond» [Körte, 1837, S. 329]. Однако широкого распространения эта сентенция не получила ни в одном из западноевропейских языков, поэтому знакомство с ней Карамзина остается под вопросом.

Уже в XIX в. появилась латинская форма «Nil novi sub luna», по образцу библейского «Nihil sub sole novum» – «Нет ничего нового под солнцем» (Еккл., 1:9).

* * *

Во второй половине XIX в. из карамзинского стиха возникла сентенция «Ничто не вечно под луной», напр.: «Ну, пышечка, ничто не вечно под луною, тем паче скоротечная любовь» [Авенариус, 1867, с. 370].

Согласно Д.Н. Жаткину, решающую роль сыграла тут «Застольная песня» А. Дельвига (1822). Это стихотворение, опубликованное в 1830 г. под загл. «Застольная песня. Es kann schon nicht immer so bleiben», начиналось двустушием «Ничто не бессмертно, не прочно / Под вечно-изменной луной» [Дельвиг, 1959, с. 162]. Дельвиг перевел популярную немецкую застольную песню «Es kann doch nicht immer so bleiben / Hier unter dem wechselnden Mond» – «Так не может всегда оставаться / Здесь, под изменчивой луной» (слова Августа фон Коцебу, муз. Ф.Г. Гиммеля, 1803). «Именно через это дельвиговское произведение в русский язык пришло высказывание “ничто не вечно под луной”». «...Прочное закрепление в дальнейшем получила именно дельвиговская интерпретация библейского фразеологизма» [Жаткин, 2008, с. 118, 119].

Этот вывод не кажется нам убедительным уже потому, что «Застольная песня» не относилась к числу хорошо известных произведений. Более вероятно, что новая сентенция возникла в результате контаминации карамзинского стиха с оборотом «(здесь / на свете) ничто не вечно», вошедшим в литературу в конце XVIII в.:

«Но если здесь ничто не вечно, / То как тебе винить себя?» (Н. Карамзин, стихотворение «Алина» из «Писем русского путешественника», 1793) [Карамзин, 1966, с. 88];

«Правда, ничто не вечно на свете, — не вечен и самый свет» (А. Бестужев-Марлинский, «Он был убит», 1835–1836) [Бестужев-Марлинский, 1981, с. 320].

Список литературы

Авенариус В.П. Поветрие : Петербургская повесть // Авенариус В.П. Бродящие силы : две повести. — Санкт-Петербург : [Без указания издателя], 1867. — С. 249–452.

Аишукин Н.С., Аишукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — 2-е, доп. изд. — Москва : Худож. лит., 1960. — 752 с.

Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. — Москва : Худож. лит., 1981. — Т. 2. — 593 с.

Вендитти М. Истолкование мотивов из Экклезиаста в XVIII веке: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина // XVIII век : сборник / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — С. 130–157.

Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений. — Ленинград : Сов. писатель, 1959. — 369 с.

Жаткин Д.Н. А.А. Дельвиг — переводчик немецких поэтов // Вестник Ставропольск. гос. ун-та. — Ставрополь, 2008. — Вып. 55. — С. 111–120.

Жаткин Д.Н. «Es kann doch nicht immer so bleiben...» А. Коцебу в творческой интерпретации А.А. Дельвига // Лингвометодические проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе : межвуз. сб. науч. трудов. — 2007. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. — 2007. — URL: <https://textarchive.ru/c-1894380-pall.html> (дата обращения: 6.08.2020).

Заборов П.Р. Вольтер в России конца XVIII — начала XIX века // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. — Ленинград : Наука, 1970. — С. 63–194.

Карамзин М.Н. Полное собрание стихотворений. — Москва ; Ленинград : Сов. писатель, 1966. — 419 с.

[*Полевой Н.А.*] Басни Ивана Хемницера : в трех книгах. Москва, 1837 // Библиотека для чтения. — Санкт-Петербург, 1837. — Т. 24. — С. 25–52 (паг. 5-я).

Полевой Н.А. Басни Ивана Хемницера : в трех книгах. Москва, 1837 // Полевой Н.А. Очерки истории русской литературы. – Санкт-Петербург, 1839. – С. 383–412.

Савельев П. Путешествие г. Паррота на Арарат // Библиотека для чтения. – Санкт-Петербург, 1835. – Т. 12. – С. 109–143 (паг. 3-я).

[*Сенковский О.И.*] Литературная летопись. Февраль, 1838. Новые книги // Библиотека для чтения. – Санкт-Петербург, 1838. – Т. 27. – С. 1–22 (паг. 6-я).

Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. – Москва : Русский язык, 1984. – 280 с.

Шелгунов Н.В. Первый немецкий публицист // Дело. – Санкт-Петербург, 1870а. – № 8. – С. 1–34 (3-я паг.)

Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. – Санкт-Петербург : О.Н. Попова, 1895. – 1098 стб.

Шелгунов Н.В. Чему научила нас Всероссийская выставка? (Окончание) // Дело. – Санкт-Петербург, 1870б. – № 8. – С. 1–23 (5-я паг.)

Berthault-Ducieux A. Elemens de l'art d'entretenir les routes : ou Exposé des faits et des principes sur lesquels repose l'exercice de cet art. – Paris : Carilian-Goeury, 1837. – 240 p.

Bohn H.G. A Polyglot of Foreign Proverbs : Comprising French, Italian, German, Dutch, Spanish, Portuguese, and Danish, with English Translations. – London : H.G. Bohn, 1857. – 579 p.

Chaucer G. The Canterbury Tales : A New Text / Ed. by T. Wright. – London : T. Richards, 1847. – Vol. 1. – 295 p.

De l'enseignement mutuel [Extrait d'une Revue anglaise] // Gazette littéraire : Revue française et étrangère. – Paris, 1830. – P. 118–119. – Подпись: S.G. L.

[Education of the Poor in France : Revue] // The Edinburgh Review. – Edinburgh, 1820. – N 66, May. – P. 493–509.

Extracts from the Diary of a Dilettante // The Harmonicon. – London, 1828. – Part 1. – P. 34–37.

Fayolle F.-J.-M. Paganini et Bériot, ou Avis aux jeunes artistes qui se destinent à l'enseignement du violon. – Paris : Legouest, 1831. – 71 p.

Fournier E. Vieux neuf : Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes. – Paris : E. Dentu, 1859. – Т. 1. – 404 p.

Fournier E. Esprit des autres – Paris : E. Dentu, 1857. – 288 p.

Gibert [C.-M.] Dictionnaire de médecine ou répertoire général des sciences médicales. <...> Paris, <...> 1832 (I) : [Revue] // Revue médicale française et étrangère. – Paris, 1832. – P. 398–410.

Körte F.H.W. Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen. – Leipzig : Brockhaus, 1837. – 567 S.

Latham E. Famous Sayings and their Authors. – London : Swan Sonnenschein, 1906. – 318 p.

[*Marana G.P.*] L'Espion dans les cours des princes chrétiens / Traduit de l'anglais. – Amsterdam : G. Gallet, 1699. – T. 5. – 451, [5] p.

[*Marana G.P.*] The Seventh Volume of Letters Writ by a Turkish Spy. – London : H. Rodes, 1702. – Vol. 7. – 284 p.

Nouvelles // Revue et gazette musicale de Paris. – Paris, 1838. – T. 5, N 23, 10 Juin. – P. 242–244.

Paris L. Remensiana : Historiettes, légendes et traditions du pays de Reims. – Reims : L. Jaquet, 1845. – X, 413 p.

[*Peuchet J.*] Mémoires de Mademoiselle Bertin sur la reine Marie-Antoinette. – Paris : Bossanges frères, 1824. – 291 p.

Pücker-Muskau H.L.H. von. Jugend-wanderungen : Aus meinen Tagebüchern; für mich und andere. – Stuttgart : Hallberger, 1835. – X, 256 S.

Revue rétrospective, ou Bibliothèque historique, contenant des mémoires et documens authentiques, inédits et originaux. – Paris : Fournier, 1833. – T. 1. – 418 p.

Rotta S. Gian Paolo Marana // La letteratura ligure : La Repubblica aristocratica (1528–1797). – Genova : Costa & Nolan, 1992. – Vol. 2. – P. 153–187.

Scott W. Chants populaires des frontières méridionales de l'Écosse, traduits par Artaud. – Paris : Gosselin, 1826. – T. 1. – 246 p.

Scott W. Count Robert of Paris. – Philadelphia : Carey and Lea, 1831 [дата на титуле: 1832]. – 226 p. – (Tales of my Landlord ; Vol. 2).

Scott W. Les Aventures de Nigel / Traduction de [A.-J.-B.] Defauconpret. – Paris : Gosselin, 1822a. – T. 2. – 428 p. – (Oeuvres complètes de Sir Walter Scott ; T. 3.)

Scott W. Les Aventures de Nigel / Traduction de Albert Montémont. – Paris : Ménard, 1838. – 488 p. – (Oeuvres de Walter Scott ; t. 14.)

Scott W. Les Aventures de Nigel. – Boston : H. Parker, 1822b. – 415 p. – (The Novels, Tales and Romances of the Author of Waverley ; vol. 13).

Scott W. Minstrelsy of the Scottish border, consisting of historical and romantic ballads, collected in the southern counties of Scotland. – Edinburgh : J. Ballantyne ; London : Longman and Rees, 1803. – Vol. 3. – 420 p.

Simrock K. Die deutschen Sprichwörter. – Frankfurt am Main : L. Brönnner, 1846. – Bd. 5. – 591 S.

Smiles S. Industrial Biography : Iron-workers and Tool-makers. – Boston : Ticknor and Fields, 1864. – VIII, 410 p.

Steele R., Addison J. The Spectator : A New Edition / Ed. by Henry Morley. – G. Routledge, 1891. – Vol. 1. – XLVIII, 687 p.

Wailly N. de. Les derniers jours de Pompéi. Par l'auteur de Pelham, etc.: [Revue] // L'Artiste. – Paris, 1834. – T. 8, November. – P. 185–186.

«СЛОН В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ»: К ИСТОРИИ ВЫРАЖЕНИЯ

История метафоры «слон в посудной лавке» насчитывает уже четыре столетия. Во всех ее многочисленных разновидностях выступает животное (от мыши и кошки до бегемота и слона), попавшее в лавку, торгующую хрупким товаром.

Выражение «(как) слон в посудной лавке» возникло из более раннего «(как) бык в фарфоровой лавке», *англ.* «(like) a bull in a china shop». ‘China shop’ – магазин фарфоровых изделий; первоначально в них торговали преимущественно китайским фарфором и фаянсом. ‘China shop’ переводится нами как «фарфоровая лавка», чтобы отличить ее от «гончарной лавки» (potter’s shop) и «стекольной лавки» (glass shop), которые также торговали посудой. Если же ‘China shop’ выступает в роли метонимии Китая, мы выбираем перевод «китайская лавка».

Автором выражения «бык в фарфоровой лавке» был, по видимому, Чарльз Дибдин-младший (C. Dibdin Jr, 1768–1833). Его перу принадлежало множество пантомим и музыкальных фарсов. В 1800 г. Дибдин стал директором лондонского театра Сэдлерс-Уэллс, и, вероятно, тогда же в Ньюкасле вышла брошюра «Венок новых песен» с текстом пяти комических песен [A Garland ..., 1800], в том числе (без указания имени автора) «Бык в посудной лавке» на слова Дибдина и музыку Уильяма Рива (W. Reeve)¹.

¹ Дата «1800» дается в ряде каталогов со знаком вопроса; несомненно лишь то, что куплеты Дибдина были известны до постановки фарса «Арлекин-честолюбец».

Бык «случайно зашел в дверь фарфоровой лавки», перебил всю посуду, стал отплясывать на черепках, а под конец выбросил через витрину хозяина лавки: «Бедняжка взлетел, как дротик, / И плюхнулся в тележку мусорщика». Все шесть строф сопровождалось рефреном: «Правой ногой, левой ногой, бедром, голенью, / В день святого Патрика утром» [The Vocal Library ..., 1824, p. 643].

Широкую известность эти куплеты получили в качестве одного из номеров музыкального фарса Дибдина «Арлекин-честолюбец» («Harlequin Highflyer»). Премьера фарса состоялась 4 июля 1808 г. в театре Сэдлерс-Уэллс; Арлекина играл Джозеф Гримальди, отец современной клоунады. Как можно предположить, он изображал танец быка на фарфоровых черепках. Тогда же известный рисовальщик-сатирик Айзек Крукшанк издал гравюру «Бык в фарфоровой лавке» (опубл. 5 сентября 1808 г.). Здесь бык неистовствует среди разбитой посуды, а выброшенный на улицу хозяин лавки опускается в тележку мусорщика (рис. 1). Согласно подписи к гравюре, куплеты «исполнялись г-ном Гримальди при нескончаемых аплодисментах» [A bull ...].

Рис. 1. Гравюра А. Крукшанка «Бык в фарфоровой лавке» (1808)

Нередко (в т.ч. в «Оксфордском словаре английского языка») самая ранняя цитация метафоры датируется 1834 г. со ссылкой на роман Фредерика Марриета «Яков Верный», гл. 15: «Что бы ни разбивалось, миссис Т. всегда клянется, что это была самая ценная вещь в комнате. Я словно бык в фарфоровой лавке» [Marryat, 1835, p. 291–292].

Между тем выражение «бык в фарфоровой лавке» в роли поговорки зафиксировано гораздо раньше. 9 ноября 1802 г. в лондонской «Morning Chronicle» был напечатан памфлет против Генри Дандаса, лорда Мелвилла. Дандас, военный министр в правительстве Уильяма Питта 1794–1801 гг., жестоко подавлял волнения, вспыхнувшие под влиянием Французской революции. Его обвиняли в присвоении государственных средств, хотя парламент оправдал министра.

Памфлет представлял собой письмо к «бывшему военному министру», написанное будто бы быком по имени Телец (Taurus) по поручению своего семейства – «бык, корова, теленок, вол». Слово ‘бык’ без конца обыгрывается здесь в каламбурном стиле, включая имя Джон Буль (Джон Бык) – юмористическую персонификацию Англии. «Говорят, – писал автор памфлета, – ваше поведение в кабинете министров временами было настолько диковинным, что остроумные члены кабинета уподобляли вас быку в фарфоровой лавке!!!» [The Bulls!!! 1803, p. 367].

Французский филолог Паскаль Треге, указавший на эту публикацию, считает, что метафора «бык в фарфоровой лавке» появилась в памфлете независимо от куплетов Дибдина [Tréguer, 2018]. Если это верно, то и автор памфлета, и Дибдин воспользовались уже существовавшим к тому времени выражением. Однако едва ли можно сомневаться в том, что широкое распространение оно получило благодаря куплетам Дибдина и фарсовому номеру Гримальди.

Вот еще несколько ранних примеров:

«...Он [актер в комедийном спектакле] весьма походил на быка в фарфоровой лавке» [The New Comedy, 1814, p. 302];

«Вы буйствуете, точно бык в фарфоровой лавке» [Mackenzie, 1822, p. 487];

«...Они [либералы] решили вести себя, как быки в фарфоровой лавке» [The General Question, 1823, p. 333].

В филологическом труде 1835 г. выражение толкуется весьма вольно – как «злоупотребление властью, бездушное использование власти»; при этом «власть» понимается широко, включая и супружескую власть [Bellenden Ker, 1835, p. 220].

* * *

Этой метафоре предшествовал образ «лошади в фарфоровой лавке», получивший известность благодаря актеру и драматургу Джорджу Александру Стивенсу (1710–1780). С 1764 г. он выступал

с юмористической «Лекцией о головах». Цитируем интересующий нас фрагмент:

«Вот голова природного лондонца, взятая с натуры. Лоб у него бычий в память о великом пращуре по имени Юпитер, который обратился в быка, чтобы похитить Европу <...>. Он вообразил, что веселиться – значит озорничать, так что можно вышвырнуть полового из окна и велеть ему расплатиться, бросить нищего оземь, сыграть в орлянку фарфоровыми тарелками <...>». «В другой раз он затолкал слепую клячу в фарфоровую лавку (a blind horse into a china shop) – *смеху-то было!*» [Stevens, 1785, p. 11].

Как видим, здесь уже присутствуют основные мотивы фарсовой песенки Дибдина.

С этим скетчем Стивенс гастролировал по всей Британии, а также в Бостоне и Филадельфии. Тот же образ использован в скетче «Новая пьяная речь» неизвестного автора: «Я люблю позабавиться, <...> вот мы и загнали слепую клячу в фарфоровую лавку» [The New Drunken ..., 1795, p. 56].

Грубые забавы подобного рода были тогда делом обычным. В 1785 г. британский автор писал: «Остроумие некоторых кажется чувственной эмоцией, вызывающей смех. Для них украсть у слепого собаку-поводыря или загнать слепую лошадь в фарфоровую лавку может считаться чертовски хорошей шуткой» («Афоризмы об остроумии») [Seward, 1785, p. 526; Seward, 1823, p. 115].

В XVIII в. и позже бордели нередко маскировались под модные лавки. В 1792 г. четверо шутников затолкали слепую лошадь в фарфоровую лавку, за которой скрывался бордель миссис Дейвис на Фишамбл-стрит в Дублине [Peakman, 2016]. Возможно, они просто повторили шутку из скетча, но более вероятно, что в скетче Стивенса описывалась реальная забава уличных шутников.

Выражение «a blind horse in a china shop» встречалось и в качестве поговорки: «...Он уже нанес мне ущерб в пятьдесят фунтов – <...> хуже слепой клячи в фарфоровой лавке!» [Hofland, 1823, p. 67].

Во Франции «лошадью в фарфоровой лавке» (un cheval dans un magasin de porcelaine) недоброжелатели называли министра Второй империи Виктора Дюрюи, который реформировал систему образования в либеральном духе [Écho de la presse, 1865, p. 358]. В паремиологическом сборнике 1863 г. выражение «Он точно лошадь в фарфоровой лавке» приведено в качестве французской пословицы [Déjardin, 1863, p. 135]. Однако в роли паремии этот оборот распространения не получил.

Пример метафоры с лошады в русских источниках XIX в. встречается в дневнике В. Короленко от 13 октября 1896 г. О циркуляре, резко ужесточившем цензурные требования, здесь говорилось: «новая резвость лошади в посудной лавке», «опустошения <...> довольно значительны, если только – лошадь не будет убрана <...>» [Короленко, 1927, с. 246].

* * *

В 1868 г. в обозрении работ по паремиологии была указана античная параллель истории о быке в фарфоровой лавке: осел в гончарной лавке/мастерской [Paremiographi ..., 1868, р. 229]. Соответствующая басня приведена в сборнике пословиц Зенобия (Зиновия) V, 39 (II в.). Цитируем перевод М. Гаспарова с древнегреческого:

«Один горшечник у себя в мастерской разводил птиц. Мимо проходил осел; погонщик за ним не уследил, и осел просунул голову к горшечнику в окошко. Птицы перепугались, стали носиться по мастерской и перебили горшечнику все горшки. Хозяин потащил погонщика в суд. Какой-то встречный спросил его, за что они судятся; горшечник ответил: “За ослиное любопытство”» [Античная басня, 1991, с. 204].

Эразм Роттердамский приводит также другую (вероятно, позднейшую) версию басни, еще более близкую к истории о быке в фарфоровой лавке:

«Один гончар вылепил птиц различного вида и выставил их в окне своей мастерской. Но осел, погонщик которого не уследил за ним, сунул голову в окно мастерской, сбил птиц и остальные горшки и разбил их вдребезги. Хозяин мастерской подал в суд на погонщика. Когда его спросили, из-за чего он собирается судиться, он ответил: “Из-за осла, который сунул голову внутрь”» («Пословицы», I, 3, 64: «De asini prospectu») [Erasmus, 1982, р. 288].

Отчасти сходный мотив мы находим у Бабрия, греческого баснописца II в. («Басни», II, 125: «Резвящийся осел»; пер. М. Гаспарова):

Осел, резвясь, залез на самый верх крыши

И топал, черепичные дробя плитки.

Стал гнать его хозяин, колотя палкой.

Сказал осел, почуяв, что спине больно:

«Но разве не смеялись вы на днях сами,

Когда мартышка делала точь-в-точь то же?» [Античная басня, 1991, с. 393–394].

Начало басни напоминает историю о быке, рассказанную в песенке Ч. Дибдина, но это сходство, по-видимому, случайно.

В XX в. басня об осле в гончарной лавке была объявлена не просто аналогом, но непосредственным источником истории о быке в фарфоровой лавке [напр.: Noughton, 1915, p. 47]. Такая прямая связь кажется нам маловероятной. Басня из сборника Зенобия не входила в основной корпус Эзоповых басен. Нам неизвестны ни ее английские переводы до 1800 г., ни ее обработки баснописцами Нового времени. К тому же смысл обеих историй различен: басня объясняла происхождение поговорки «из-за ослиного любопытства»; эта поговорка, согласно Эразму, применялась к тем, «кто плохо отзывается о ком-либо по нелепой причине или привлекает кого-либо к суду по пустяковому делу» [Erasmus, 1982, p. 288].

Однако нельзя исключить опосредованную связь. Уже в XVII в. в Англии существовала поговорка «(как) обезьяна в стекольной лавке» («a monkey in a glass shop»). Важно отметить, что «стекольная лавка» могла означать здесь не только лавку/мастерскую стекольщика, но и лавку со стеклянной посудой¹, а также украшениями из стекла.

Ранняя цитация этой поговорки относится к 1636 г.: «Мадам, <...> ваше любопытство причинило бы королевству не меньше вреда, чем обезьяна в стекольной лавке; туда да сюда, пока не перебьет все» (Уильям Картрайт, трагикомедия «Царский раб», I, 3) [Cartwright, 1639, p. 14 (нечисленная)].

Здесь поговорка об обезьяне указывает на пагубность любопытства, что сближает ее с темой басни из сборника Зенобия. Замене осла обезьяной могло способствовать созвучие слов ‘donkey’ (осел) и ‘monkey’ (обезьяна).

В другом раннем примере поговорка также применена к женщине:

«*Миранда*: <...> Я же не думала сделать дурного.

Квинтагона: Ступай, ступай, я бы скорее доверилась обезьяне в стекольной лавке».

(Томас Портер, «Масленичная комедия» (1663), II, 1) [Porter, 1664, p. 26].

¹ Именно так переведен оборот ‘glass-shop’ в англо-русском словаре 1808 г. [Грамматин, 1808, с. 328].

Близкий образ находим в многократно переиздававшихся «Застольных беседах» Джона Селдена (1584–1654)¹: «...Мужчина <...> должен платить за безделушки жены <...>. Кто хочет держать у себя обезьяну, должен быть готов платить за бокалы, которые она разобьет» [Selden, 1689, p. 59].

С конца XVII в. поговорку берут на вооружение политические памфлетисты:

«Он несет с собою туман невежества <...>, и в университете он еще более жалок, чем обезьяны в стекольной лавке» [Birkenhead, Butler, 1682, p. 15];

«...Якобитам не хватает мозгов, и это к выгоде государства, учитывая, как дурно они ими пользуются; снабженные этим товаром, они набедокурили бы не меньше, чем обезьяна в стекольной лавке или безумец с мечом в руке» [To the Reader, 1698, p. II];

«...Иные дерзали сравнить первосвященника (т.е. папу. – К.Д.) на поприще политики с обезьяной в стекольной лавке, где ничего хорошего она сделать не может, а потому не перестает причинять немалый вред» [Tindal, 1706, p. 270].

Известные нам упоминания об осле в стекольной/фарфоровой лавке относятся уже к XIX в.:

«Бросая взгляд на умозаключения ученого декана, мы не можем не счесть его ослом в стекольной лавке <...>» [The Articles ..., 1802, p. 458];

«Мы не обращаем внимания на осла на проезжем тракте; но осел в фарфоровой лавке может натворить бед; и обязанность каждого, кто найдет его там, отхлестать его» (полемический отзыв о духовном сочинении) [The Pulpit, 1810, p. 87];

«На поприще богословских споров писатель так же неуместен (букв. мал), как осел в фарфоровой лавке» [The Catholic, 1856, p. 488].

Здесь мы видим метафору неуклюжести в сочетании с глупостью. В этом качестве выражение «осел в фарфоровой лавке» встречалось и в немецкой печати XX в.:

«Если Бюлов был туристом-любителем в политике, то Бетман[Гольвег] был ослом в фарфоровой лавке» (К. Либкнехт, речь в Нью-Йорке 14 октября 1910 г.) [Liebknecht, 1960, S. 508];

¹ «Застольные беседы» издал посмертно (1689) Ричард Милуорд в своей собственной редакции; принадлежность Селдену различных частей книги остается под вопросом.

«Он держится в салоне как “слон в посудной лавке” – картина верная. Но шутники и юмористы, создавшие ему имя и популярность, изображают нувориша ослом в фарфоровой лавке» (Йозеф Рот о собирательном образе берлинского нувориша (Raffke) начала 1920-х годов) [Roth, 1989, S. 922].

Упомянем также басню Жана Жака Буасара (1744–1833) «Осел в фарфоровой лавке» («L’Ane dans la boutique de Porcelain», 1803) («Басни», III, 2):

К торговцу фарфором,
Чью дверь он случайно нашел открытой,
Без церемоний вошел Осел
И нанес немалый ущерб шедеврам искусства.
Прибежал хозяин; но было уж слишком поздно.

В суде осел заявил, что зашел в лавку, чтобы подкормиться. Мораль: невежество не порок, но ослов не следует потчевать фарфором (т.е. науками и искусствами) [Boisard, 1803]. Сюжет басни имеет мало сходства с историей о быке в фарфоровой лавке, и еще меньше – с античной басней.

* * *

Американский паремиограф Ольга Трохименко, приведя цитату из комедии Т. Портера 1663 г. (см. выше), замечает: «Неизвестно, <...> почему обезьяна позже была заменена быком, а стекло – фарфором» [Trokhimenko, 1999, p. 41].

Бык, как можно предположить, появился вместо слепой лошади из скетчей второй половины XVIII в.

Фарфоровые лавки (china shops) получили распространение в Англии в XVIII в.; первое известное нам упоминание о них датируется 1704 г. Китайский фарфор как нельзя лучше символизировал понятия ценности и хрупкости одновременно. В трактате Дэвида Юма (1752), читаем: «Когда я вижу, как государи и государства дерутся и ссорятся посреди своих долгов, фондов и государственных ипотечных кредитов, мне всякий раз приходит на ум драка на дубинках в фарфоровой лавке» («Опыты о государственном кредите», II, 9) [Hume, 1754, p. 119].

Это высказывание цитировалось неоднократно. Почти полвека спустя парламентарий Джон Николз привел его в другой форме:

«Мистер Юм <...> сравнил вступление в войну страны, придавленной множеством налогов, ссуд и субсидий, с игрой в теннис в фарфоровой лавке; напомним, что во Франции фарфор перебили; большая часть нашего еще цела, и следует позаботиться о его сохранности, избегая системы, разрушившей Францию» (выступление в Палате общин 5 декабря 1800 г.) [The Senator, 1800, p. 435]. Во французской печати конца XIX в. изречение Юма цитировалось в форме «играть в мяч в фарфоровой лавке»¹.

Во второй половине XVIII в. место действия поговорки об обезьяне было перенесено из стекольной лавки в фарфоровую: «Женщина в политике все равно что обезьяна в фарфоровой лавке; ничего хорошего она там не сделает, а вреда может причинить немало» [Remarkable ..., 1770].

Приведенная выше цитата осталась, по-видимому, незамеченной исследователями. В качестве первой фиксации новой формы поговорки указывается сатирическое эссе американца Френсиса Хопкинсона (1737–1791), опубликованное под разными названиями в филадельфийских журналах «Columbian Magazine» и «American Museum». Одновременно с публикацией в «Columbian Magazine» (апрель 1787) эссе появилось в журнале «Edinburgh Magazine» под другим названием и под именем Бенджамина Франклина [Description of ..., 1787]; в XIX в. оно включалось в собрания его сочинений. Возможно, Франклин, близкий знакомый Хопкинсона, принял участие в написании эссе.

Эссе написано от имени дамы с условным именем Нитидия. Ее муж, занявшись в гостиной физическими опытами, стал «проказничать на манер обезьяны в фарфоровой лавке» и устроил в гостиной полный разгром, разбив, среди прочего, «три фарфоровые чашки, четыре бокала, два высоких стакана и один из моих самых красивых графинов» [Hopkinson, 1787, p. 376].

В немецких источниках второй половины XIX в. встречается поговорка «как если бы обезьяна заглядывала в фарфоровую лавку» —

¹ В 1905 г. Лев Толстой собирался включить это изречение в сборник «Круг чтения» в собственной, чрезвычайно вольной редакции: «Когда я теперь вижу две воюющие нации, то они мне кажутся подобны двум пьяным мужикам, которые дерутся дубинами в посудной лавке, потому что, кроме тех болячек, которые они себе наделают и долго будут лечить, им придется еще дорого заплатить за перебитую посуду» [Толстой, 1958, с. 331; источник цитаты в комментарии не указан]. Вторая часть изречения добавлена Толстым с использованием русской версии поговорки «payer les pots cassés» (*франц.*) — «платить за перебитые горшки».

«als ob der Affe in Porzellanladen guckt» (в берлинском диалекте: «... kuckt»), со значением: «когда кто-то сует нос в то, в чем ничего не смыслит» [Meyer, 1880, S. 3; также: Schönthan, 1882–1887, p. 44]. Ее происхождение остается неясным; «фарфоровая лавка» здесь, вероятно, появилась под влиянием английских паремий подобного рода, но в семантическом плане эти поговорки существенно отличаются.

В бразильском варианте португальского языка с XIX в. существует поговорка «(como) macaco em loja de louça» – «(как) обезьяна в посудной лавке». Она, в отличие от приведенной выше немецкой, соответствует поговорке «(как) бык в посудной лавке»: речь тут не о любопытстве и невежестве, а о вреде, который может быть причинен. То же относится к голландской поговорке «een aap in een porseleinkast» – «обезьяна в фарфоровой лавке» (не позднее середины XIX в.); она применяется к человеку, способному причинить вред окружающим.

* * *

Вскоре вслед за «быком в фарфоровой лавке» появляется «медведь в фарфоровой лавке»: «С мистером Уитбрedom¹ было неудобно иметь дело; он, как медведь в фарфоровой лавке, ничего хорошего сделать не мог, но, если его рассердить, мог натворить много бед» [Astell, 1826, p. 21].

Очевидно сходство этого пассажа с приведенными выше высказываниями XVIII в. об обезьяне в стекольной/фарфоровой лавке.

Метафора с медведем неоднократно встречалась в англоязычной печати XIX в., обычно в качестве полного аналога выражения «бык в посудной лавке». Но иногда образ медведя оказывался необходим для большего «очеловечения» метафоры; вот несколько примеров:

«Его друзья <...> толпятся вокруг него. Его поклонники на скамьях для публики волнуются за него. <...> Какая сцена! По сравнению с этими депутатами медведи в фарфоровой лавке передвигаются размеренно и математически точно» (о выступлении А. Тьера во французской Палате депутатов в мае 1841 г.; мы цитируем немецкий перевод с английского) [Die französische ..., 1841, S. 227];

¹ Сэмюэл Чарльз Уитбред, виг, в 1820–1830 гг. член Палаты общин.

«...Хотя критика есть самое деликатное дело на свете и требует самой утонченной легкости прикосновения, он [рецензент] берется за работу с отчаянной неуклюжестью медведя в посудной лавке – если предположить, что у медведя есть руки» (Мэтью Арнолд, письмо к сестре от 31 июля 1861 г.) [Arnold, 1895, p. 164];

«Надменная жалость изящной маленькой женщины к большому, дородному мужчине, которого она нежно любит, но который в деликатных материях жизни подобен медведю в фарфоровой лавке <...>» [Fernald, 1891, p. 37].

* * *

Раннюю французскую версию поговорки о быке в фарфоровой лавке мы находим в романе Бальзака «Брачный контракт» (1835): «...Я получил возможность буйствовать (в оригинале: позабавиться. – К.Д.) с несколькими друзьями в просвещенном парижском обществе, точно *бык в фарфоровой лавке* (*amuser <...> comme un bœuf dans la boutique d'un faïencier*)» [Бальзак, 1960, с. 196; Balzac, 1870, p. 131].

Встречалась также форма «un taureau dans un magasin de porcelaine» (не позднее 1839 г.).

Не позднее 1835 г. выражение «бык в фарфоровой лавке» является в немецкой печати (*Stier/Ochs im Porzellanladen*).

В романе Бальзака «Воспоминания двух юных жен» (1841–1842), гл. 26, использована уникальная метафора из того же ряда. О застенчивом молодом человеке здесь говорится: «...*Monde le blesse, il est comme une chauve-souris dans une boutique de cristaux*» – «Светское общество страшит (*букв.* ранит) его, он точно летучая мышь, залетевшая в стекольную (*букв.* хрустальную) лавку» [Balzac, 1842, p. 101]. В английском переводе 1894 г. и русском переводе 1899 г. эта метафора сохранена: «like a bat in a glass shop»; «...Он походит на летучую мышь, попавшую в зеркальную лавку» [Balzac, 1894, p. 288; Бальзак, 1899, с. 255].

Почти век спустя в новом русском переводе «штучную» авторскую метафору заменил языковой штамп: «...Ему неприятно, что все на него смотрят, он как слон в посудной лавке» [Бальзак, 1989]. Эта замена, типичная для «сглаживающего» перевода, создает совершенно иной образ: вместо пугливого и ранимого существа мы видим громадное толстокожее животное.

В повести Ханны Мор «Двое богатых фермеров» (1795–1796), ч. 1, встречается оборот «a cat in a China shop»: «...Дочери

с беспокойством наблюдают за его движениями, словно за движениями кошки в фарфоровой лавке» [More, 1801, p. 85]. Метафора с кошкой широкого распространения не получила; отметим ее использование в очерковой книге Дугласа Слейдена «Японцы у себя дома» (1892): «Японцы ничего не делают грубо; они двигаются осторожно, точно кошка в фарфоровой лавке» [Sladen, 1895, p. 124].

В совершенно ином ключе обработал сюжет о кошке в фарфоровой лавке французский романист и драматург Пиго-Лебрэн (наст. имя Антуан Пиго де л'Эпинау) в 1816 г.:

«Обсуждается дело о собаке, которая погналась за кошкой. Кошка укрылась в фарфоровой лавке (*la boutique d'un faïencier*); она прыгала по полкам, опрокидывала стопки тарелок, графинов и хрусталя, а пес, разъяренный тем, что не может до нее добраться, <...> цапнул за ногу хозяина лавки, который вздумал прогнать его палкой. Адвокат истца доказывает, что хозяин собаки должен заплатить хирургу, а хозяйка кошки – за фарфор и хрусталь. Адвокат противной стороны доказывает, что кошку спровоцировала крыса из соседнего дома», и т.д.; в конце концов адвокаты, отдаляясь все дальше от сути дела, «дошли от фарфоровой лавки на площади Мобер до Всемирного потопа» («Литературная и критическая смесь», гл. 5) [Pigault-Lebrun, 1816, p. 104–105].

С середины XIX в. в Англии встречалось выражение «свинья в фарфоровой лавке» (*a pig in a china shop*) – в значении, близком к значению поговорки «осел в фарфоровой лавке».

Отметим также выражение «пытаться поймать мышь в фарфоровой лавке» (*англ. «to catch a mouse in a china shop»*) – о заведомо безнадежном деле. В одном из ранних известных нам примеров обыгрываются одновременно метафоры с быком и мышью: «Ни один человек, владеющий имуществом, на которое суд может наложить арест за причиненный им ущерб, не станет добровольно сотрудничать с быком в попытке поймать мышь в фарфоровой лавке» [Doherty, 1919, p. 168].

* * *

С середины XIX в. вместо быка в исходной метафоре все чаще стал появляться слон. Его громадность и неповоротливость еще более контрастировали с хрупкостью фарфора и теснотой лавки.

Первый известный нам пример этой формы метафоры в английском языке датируется 1852 г. (слушания в Сенате США

10 мая): «Я слышал о слоне в фарфоровой лавке и думаю, что погром, учиненный им, вполне сравним с пушечным выстрелом по этой оснастке [пароходов]» [The Congressional ..., 1852, p. 1304].

Эта форма получила распространение главным образом вне круга английского языка – сначала во Франции, затем в Германии (ein Elefant im Porzellanladen). В парижском «Юмористическом обозрении» за февраль 1849 г. о правом республиканце Антуане Авоне говорилось: «Этот детина ведет себя как слон в фарфоровой лавке (un éléphant dans un magasin de porcelaine)» [Tréguer, 2018; Viollettes ..., 1849, p. 235].

Встречалась также метафора с бегемотом: «И я пришел, чтобы грубо ворваться прямо в обитель твоего счастья, точно бегемот в посудную лавку... Я все разбил, все сокрушил!» (французская оперетта «Красавец Дюнуа» (1870, авторы либретто А. Шиво и А. Дюрю, муз. Ш. Лекока), IV, 15 [Chivot, Duru, 1870, p. 46].

В испанском и итальянском языках выражение «бык/слон в фарфоровой лавке», сколько можно судить, в XIX в. не получило распространения.

В России оборот «бык в фарфоровой лавке» встречался с середины XIX в., обычно в переводах с английского. В одном из таких случаев этот образ применен к Петру I: «В православном и церемонном московском мире он играл роль быка в фарфоровой лавке, без жалости и даже с удовольствием оскорбляя все традиционные идеи о московской благопристойности и приличии, освященные временем» (из книги Макензи Уоллеса «Россия», 1877) [Уоллес, 1879, с. 94].

Метафора с бегемотом применялась к Л.А. Кассо, который в качестве министра народного просвещения (1910–1914) вел наступление против автономии университетов. «Он вел себя в высших, средних и начальных учебных заведениях “как бегемот в фарфоровой лавке”, по остроумному выражению русского публициста» [Aleksinskiĭ, 1915, p. 67].

После 1917 г. ту же метафору Максим Горький применил к русскому народу: «...Народ полуголоден, измучен, <...> он совершает множество преступлений, и не только по отношению к области искусства его можно назвать “бегемотом в посудной лавке”. Это неуклюжая, не организованная разумом сила <...>» («Несвоевременные мысли», публиковавшиеся в газете «Новая жизнь» в 1917–1918 гг.) [Горький, 2005, с. 154].

«Бегемот в посудной лавке» – заглавие статьи В.А. Базарова в «Новой жизни» от 23 апреля 1918 г. Здесь речь шла о политике большевиков в области искусства, проводившейся А.В. Луначарским.

В 1920 г. появилась «басенка» Николая Агнивцева «О слонах и фарфоре»:

Покушав как-то травку,
Зашел слон по делам
В фарфоровую лавку
И повернулся там.

Мораль сей басни впереди,
Она – острей булавки:
Коль ты есть слон, то не ходи
В фарфоровые лавки [Агнивцев, 1920, с. 43].

Ранний известный нам пример поговорки в ее современной русской форме встречается в поэме Демьяна Бедного, пародирующей Новый Завет (1925): Иисус «Повел себя (согласно протокольной справке), / Как слон в посудной лавке» (об изгнании торгующих из храма) [Бедный, 1925, с. 112]. Тогда же эмигрант В.М. Чернов, идеолог эсеров, писал, что большевики, придя к власти, решили «хозяйничать в банках наподобие слона в посудной лавке» («Конструктивный социализм» (1925), гл. 9) [Чернов, 1997, с. 227].

Пантелеймон Романов быка заменил медведем – обычным символом неуклюжести в русской культуре: «[Петруша] среди тонконогих столиков чувствовал себя, как медведь в посудной лавке» (роман «Русь», ч. 2 (1923), гл. 54) [Романов, 1928, с. 248–249].

Эта форма неоднократно встречалась и позже, вплоть до нашего времени: «...Он [Ельцин] больше негативного сделал, чем позитивного. Как медведь в посудной лавке. Он зашел, разбил всю посуду. Может, медведь не хотел бить, но он такой неуклюжий, что он ходит, а у него все рушится» [Жириновский, 2007, с. 165]. «Медведем в посудной лавке» у нас называли Дональда Трампа.

* * *

Американский лексикограф Чарльз Функ (1881–1957) предположил, что басня об осле в гончарной лавке в XIX в. стала сюжетом политической карикатуры: «На этой карикатуре, как я предполагаю, изображен “Джон Буль” в роли Осла, угрожающего – с намеком на какой-то эпизод или событие, связанное с британской торговлей с Китаем, – уничтожить “китайскую” лавку, заменившую

у художника гончарную лавку из басни. Этот эпизод мог быть связан с провалом дипломатической миссии лорда Амхерста в Китае в 1816 году или же отменой монополии Ост-Индской компании на торговлю с Китаем в 1834 году» [цит. по: Trokhimenko, 1999, p. 37].

Гипотеза Функа повторена в популярной книжке об английских фразеологизмах: «В 600 году до нашей эры¹ Эзоп рассказал басню об осле в мастерской гончара. Позднее британцы, должно быть, превратили ее в “быка в китайской лавке”, чтобы изобразить “Джона Булля” и его отношения с Китаем в ту эпоху» [Nevins A., Nevins D., 1977, p. 21].

Из сказанного выше ясно, что эта версия неверна, хотя упоминание о Джоне Булле в фарфоровой лавке встречалось уже в первой половине XVIII в.

Памфлет Джона Арбетнота «История Джона Булля» появился в 1712 г., а в 1733 г. был опубликован «Постскрипtum» к «Истории ...» – вероятно, продукт коллективного творчества кружка литераторов, близких к Джонатану Свифту. Здесь сообщалось, что «эсквайр <...> устроил фарфоровую лавку в пику Нику Лягушке», а «Джон [Буль] пришел со своим констеблем, чтобы <...> расколотить фарфоровый товар эсквайра» [Swift, 1733, p. 173–174]. В этой аллегории «эсквайр» – Австрия; «фарфоровая лавка» (China-shop) – Остендская компания, созданная в 1722 г. в Австрийских Нидерландах для торговли с Ост-Индией; «Ник Лягушка» (Nic Frog) – Голландия; «констебль» – Пруссия, вступившая в союз с Англией и Голландией, что заставило австрийского императора фактически ликвидировать Остендскую компанию в 1727 г. Как видим, речь тут не идет о Китае.

Зато век спустя ‘China-shop’ выступает уже в роли метонимии Китая: «Ван Фан был бы не очень-то рад, если бы Джон Буль напросился к нему на чашку чаю; это все равно что бык в китайской лавке, и даже хуже!» [Whitehead, 1840, p. 157]. «Ван Фан» здесь – собирательное наименование китайца.

Другой пример взят из речи американского критика и эссеиста Эдвина Уиппла, прочитанной на банкете в Бостоне 21 августа 1868 г. в честь китайских дипломатов: «Разве Джон Буль, с его грубыми методами по отношению к Поднебесной империи, не вел себя порою буквально “как бык в китайской лавке”?» [Whipple, 1901, p. 1227].

¹ В действительности басня известна по сборнику II в. н.э., хотя и восходит к более раннему времени.

Во времена Свифта Джон Булль еще не изображался в виде быка; такие изображения появились лишь в XIX в. 9 марта 1898 г. в юмористической газете «The Puck» (Нью-Йорк) была опубликована карикатура «Бык в фарфоровой лавке» с подписью: «На что могут рассчитывать европейские нарушители спокойствия, если Англия не получит свободных портов в Китае» (худож. Луис Далримпл) (рис. 2). Джон Булль в образе быка несетя прямо на стеклянный шкаф с надписью «Китайский отдел»; на блюдах надписи: «Порт-Артур – зарезервировано для России», «Дзяочжоу – зарезервировано для Германии», «Даляньвань – зарезервировано для Франции». В окно витрины заглядывают дядя Сэм и женщина с зонтиком, олицетворяющая Японию.

В наше время выражение «бык/слон в посудной/фарфоровой лавке» нередко применяют к внешней политике государств, чаще всего – к США. При этом слон может выступать в качестве символа Республиканской партии: «Республиканский слон старательно бил горшки в посудной лавке мировой политики <...>» [Боровик, 1971, с. 255].

Метафору из близкого смыслового ряда использовал в середине XX в. английский историк Арнольд Тойнби: «Америка – это большой дружелюбный пес в очень маленькой комнате. Всякий раз, когда он виляет хвостом, он переворачивает стул» (выступление по радио 14 июля 1954 г.) [Cohen J., Cohen M., 1995, p. 376].

Рис. 2. Карикатура Л. Далримпла «Бык в фарфоровой лавке» (1898)

В «Новом большом англо-русском словаре» под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой выражение «a bull /an elephant/ in a china shop» толкуется как «неуклюжий и бестактный человек». Это определение слишком узко: необязательно имеется в виду человек, а кроме того, теряется ситуативный аспект идиомы. Этот аспект неизменно отмечается в англоязычных словарях, например: «Чрезвычайно неуклюжее существо в деликатной ситуации» [Spears, 2005, p. 70].

Вообще говоря, образ быка в посудной лавке в большей степени выражает понятия грубости и бесцеремонности, чем образ слона. Однако в реальности обе формы поговорки употребляются в том же самом значении; исключения крайне редки.

Список литературы

- Агнивцев Н.* Мои песенки. – Берлин : Литература, 1920. – 127 с.
- Античная басня / пер. М. Гаспарова. – Москва : Худож. лит., 1991. – 510 с.
- Бальзак О. де.* Брачный контракт / пер. В. Дмитриева // Бальзак О. де. Сочинения : в 24 т. – Москва : Правда, 1960. – Т. 3. – С. 63–204.
- Бальзак О. де.* Записки двух новобрачных / пер. Е.М. Чистяковой-Вэр // Бальзак О. де. Собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Г.Ф. Пантелеев, 1899. – Т. 20. – С. 157–339.
- Бальзак О. де.* Урсула Мируэ. Воспоминания двух юных жен. – Москва : Худож. лит., 1989. – 495 с. – Цит. по: Бальзак О. де. Воспоминания двух юных жен. Часть первая / пер. Ольги Гринберг – URL: https://librebook.me/m/moires_de_deux_jeunes_maris/vol1/3 (дата обращения: 07.01.2021).
- Бедный Д.* Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна. – Москва : Прибой, 1925. – 250 с.
- Боровик Г.А.* Один год беспокойного солнца: Американская хроника. – Москва : Сов. писатель, 1971. – 456 с.
- Горький М.* Несвоевременные мысли : заметки о революции и культуре. – Москва : Азбука-классика, 2005. – 220 с.
- Грамматин Н.Ф.* Новый англо-русский словарь. Ч.1. От А до И. – Москва : Тип. Дубровина и Мерзлякова, 1808. – 370 с.
- Жириновский В.В.* Однозначно! – Москва : Алгоритм, 2007. – 205 с.
- Короленко В.Г.* Дневник. – Харьков : Гос. изд-во Украины, 1927. – Т. 3 : 1895–1898. – 402 с.

Романов П.С. Полное собрание сочинений. – Москва : Недра, 1928. – Т. 11 : Русь : Роман. Ч. 2. – 286 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Москва, Гос. изд-во худож. лит., 1958. – Т. 90. – 469 с.

[*Уоллес М.*] Петербург, Москва и славянофилы с точки зрения англичанина // Древняя и новая Россия. – Санкт-Петербург, 1879. – Т. 15, № 10. – С. 90–121.

Чернов В.М. Конструктивный социализм. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 647 с.

A bull in a China-shop // The British Museum [Сетевой ресурс]. – URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1861-0518-1198 (дата обращения: 03.01.2021).

A Garland of New Songs. – Newcastle : M. Angus and Son, [1800?]. – 8 p.

Aleksinskiĭ G. La Russie et la guerre. – Paris : A. Colin, 1915. – 368 p.

Arnold M. Letters, 1848–1888 / Collected and arranged by G.W.E. Russell. – New York ; London : Macmillan and co., 1895. – Vol. 1. – 467 p.

[*Astell W.*] History of the Late Contest for the County of Bedford : from the Notes of a Freeholder. – London : J. Ridgway ; Bedford : Wood, 1826. – 329 p.

Balzac H. de. Memoires de deux jeunes mariees // Balzac H. de. Scenes de la vie privee. – Paris : Furne, 1842. – Т. 2. – P. 1–194.

Balzac H. de. Memoirs of Two Young Married Women / Translated by K. Wormeley. – Boston : Roberts Brothers, 1894. – 325 p.

Balzac H. de. Scènes de la vie privée : Le contrat de mariage. – Paris : Lévy frères, 1870. – 312 p.

Bellenden Ker J. An Essay on the Archaeology of Popular English Phrases and Nursery Rhymes. – London : Longman u.a., 1835. – Vol. 1. – XI, 290 p.

[*Birkenhead J., Butler S. (?)*]. Mercurius Menippeus: The Loyal Satyrst, Or, Hudibras in Prose. – London : J. Hindmarsh, 1682. – 24 p.

Boisard J.-J.-F.-M. L'Ane dans la boutique de Porcelain // *Boisard J.-J.-F.-M.* Fables faisant suite aux deux volumes publiés en 1773 et 1777. – Caen : P. Chalopin fils, 1803. – P. 55–56.

Cartwright W. Royall Slave : A Tragi-Comedy. – Oxford : W. Turner, 1639. – [64 p.]

Chivot H., Duru A. Le beau Dunois : Opéra bouffe en un acte. – Paris : L. Dentu, 1870. – 52 с.

Cohen J.M., Cohen M.J. The Penguin Dictionary of Twentieth-Century Quotations. – London : Penguin Books, 1995. – 640 p.

¹ Предполагаемые авторы: сатирики-роялисты эпохи Реставрации Джон Беркенхед (ок. 1617–1679) и Сэмюэл Батлер (1613–1680).

Description of American White-Washing. By Dr Franklin. Written in the Character of a Gentleman who corresponds with his Friend in England // The Edinburgh Magazine. – Edinburgh, 1787. – Vol. 9, N 2, April. – P. 283–285.

Déjardin J. Dictionnaire des spots ou proverbes Wallons. – Liège : F. Renard, 1863. – 628 p.

Die französische Deputirtenkammer: [Aus der englischen Presse] (Schluß.) // Magazin für die Literatur des Auslandes. – Berlin, 1841. – N 57, 12. Mai. – S. 226–227.

Doherty H.L. What Gas Business Needs // American Gas Association. First annual convention and exhibition. October 13–18, 1919. – New York : American Gas Association, 1919. – Vol. 1. – P. 156–174.

Écho de la presse // Journal général de l'instruction publique et des cultes. – Paris, 1865. – N 23, 7 Juin. – P. 355–359.

Erasmus, Desiderius. Collected Works. – Toronto; Buffalo ; London : Univ. of Toronto Press, 1982. – Vol. 31 : Adages III to IV100. – 493 p.

Fernald J.C. The New Womanhood. – Boston : Lothrop, 1891. – 369 p.

Hofland B. The Blind Farmer and his Children. – London : Harris and son, 1823. – 202 p.

[*Hopkinson F.*] [Nitidia's defence of Women and White-washing:] To the Editor of the Columbian Magazine // The Columbian Magazine. – Philadelphia, 1787. – April. – P. 375–377. – Заглавие в квадратных скобках взято из оглавления.

Houghton H.P. Moral Significance of Animals as Indicated in Greek Proverbs. – Amherst : Carpenter & Morehouse, 1915. – 65 p.

Hume D. Essays and Treatises on Several Subjects. – London : A. Millar, 1754. – Vol. 4. – 270 p.

Liebknecht K. Gesammelte Reden und Schriften. – Berlin : Dietz, 1960. – Bd. 3. – 540 S.

[*Mackenzie S.*] The Noctes Ambrosianae. N II // Blackwood's Edinburgh Magazine. – Edinburgh, 1822. – Vol. 11, N 63, April. – P. 475–489.

[*Marryat F.*] Jacob Faithful. – London : Saunders and Otley, 1835. – Vol. 1. – 309 p.

Meyer G. Der richtige Berliner in Wörtern und Redensarten. – 3. Aufl. – Berlin : Hermann, 1880. – 112 S.

More H. The Two Wealthy Farmers ; Or, the History of Mr. Bragwell. In Seven Parts // More H. The Works : In 8 Vol. – London : Strahan, 1801. – Vol. 4. – P. 65–287.

Nevins A., Nevins D. From the Horse's Mouth. – New York : Prentice-Hall, 1977. – 119 p.

Paremiographi Graeci: [Review] // The Quarterly Review. – London, 1868. – Vol. 125, N 249, July-October. – P. 217–253.

Peakman J. Prostitution in Ireland // History Today. – 2016. – Vol. 66, N 7, July. – URL: <https://www.historytoday.com/archive/feature/prostitution-ireland> (дата обращения: 10.01.2021).

Pigault-Lebrun. Mélanges littéraires et critiques. – Paris : Barba, 1816. – T. 1. – 264 p.
Porter T. The Carnival a Comedy. – London : H. Herringman, 1664. – [68 p.]. – 1-е изд.: 1663.

Remarkable Advertisements &c. To the Princess Dowager of Wales // The Oxford Magazine : Or, Universal Museum. – London, 1770. – Vol. 4, January. – P. 113.

Roth J. Werke. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1989. – Bd. 1 : Das journalistische Werk 1915–1923. – 1116 S.

Schönthan F. von. Auch ein Naturalist // Schönthan F. von. Kleine Humoresken. – Leipzig : P. Reclam jun, [188?]. – Bd. 2. – S. 43–48. – Сборник вышел в 4-х книгах в 1882–1887 гг.

Selden J. Table-Talk : Being the Discourses of John Selden, Esq., Or His Sense of Various Matters of Weight and High Consequence. Relating Especially to Religion and State. – London : E. Smith, 1689. – 60 p.

[*Seward J.*] Aphorisms for the Mind of Wit // The Gentleman's and London Magazine : Or Monthly Chronologer. – Dublin, 1785. – Vol. 15. – P. 526–527.

Seward J. The Spirit of Anecdote and Wit : in 4 vol. – London : Walker, 1823. – Vol. 2. – 366 p.

Sladen D. The Japs at Home. – 5-th ed. – London ; Melbourne : Ward, Lock & Bowden, 1895. – 354 p.

Spears R.A. McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. – New York : McGraw-Hill, 2005. – XVII, 1080 p.

[*Stevens G.A.*] A Lecture On Heads, written by G.A. S., with additions by Mr. Pilon. – London : G. Kearsley, 1785. – VI, 114 p.

Swift J. Miscellanies. – London : B. Motte, 1733. – Vol. 2. – 288 p.

The Articles of the Church of England Proved not to be Calvinistic. By Thomas Kipling, <...> Mawman. 1802 : [Review] // The Critical Review: Or, Annals of Literature. – London, 1802. – Vol. 35, August. – P. 456–458. – [Art. XIV.]

The Bulls!!! : To the Ex War-Secretary // The Spirit of the Public Journals. – London, 1803. – Vol. 6. – P. 362–368.

The Catholic. Letters Addressed by a Jurist to a Young Kinsman Proposing to Join the Church of Rome. By E.H. Derby. Boston <...>, 1856 : [Review] // Brownson's Quarterly Review. – New York, 1856. – Vol. 1, N 4. – P. 485–504.

The Congressional Globe. – Washington : J. Rives, 1852. – Vol. 21, part 2. – 1696 p.

The General Question. No. I // Blackwood's Edinburgh Magazine. – Edinburgh, 1823. – Vol. 14, N 80, September. – P. 332–342.

The New Comedy, «Debtor and Creditor» : [Review] // The Examiner. – 1814. – N 332, May 8. – P. 301–302.

The New Drunken Oration ; as spoken by Mr. Johnson, at the Theatre-Royal, Bath. Now first published // Monstrous Good Songs, Toasts and Sentiments <...> for the Year 1795. – London : J. Parsons, [1795]. – [P. 56–58 (нечисленные)].

The Pulpit ; or a Biographical and Literary Account of Eminent Popular Preachers <...>. By Onesimus. <...> : [Review] // *Satirist: Or Monthly Meteor*. – London, 1810. – Vol. 6, January. – P. 74–87.

The Senator ; or, Parliamentary Chronicle. – London : H.D. Symonds, 1800. – Vol. 27. – 641 p.

The Vocal Library : Being the Largest Collection of English, Scottish, and Irish Songs, Ever Printed in a Single Volume. – London : G.B. Whittaker, 1824. – 704 p.

Tindal M. The Rights of the Christian Church Asserted, Against the Romish and All Other Priests Who Claim an Independent Power over it. – London : [Without the publisher], 1706. – Part 1. – XCII, 416 p.

To the Reader // *Æsop at Bathe* ; or, A few select fables in verse, by a person of quality. – London : A. Baldwin, 1698. – P. I–IV.

Tréguer P. ‘Bull in a china shop’ – ‘éléphant dans un magasin de porcelaine’ // *Tréguer P.* Word Histories. [2018]. – URL: <https://wordhistories.net/2018/07/23/bull-china-shop> (дата обращения: 03.01.2021).

Trokhimenko O.V. «Wie ein Elefant im Porzellanladen» : zur Weltgeschichte einer Redensart. – Burlington (Vermont) : Univ. of Vermont, 1999. – 186 S.

Violettes parlementaires : Esquisses non politiques // *La Revue comique à l'usage des gens sérieux*. – Paris, 1849. – T. 1, 24 février. – P. 234–235.

Whipple E.P. China Emerging from Her Isolation : [Speech at the banquet given by the City of Boston, August 21, 1868] // *Modern Eloquence*. – Philadelphia : J.D. Morris, 1901. – Vol 3 : After-Dinner Speeches. P-Z. – P. 1225–1229.

Whitehead C. Tavern Heads // *Heads of the People : Or Portraits of the English*. – London : R. Tyas, 1840. – Vol. 1. – P. 113–168.

«СЛУЧАЙ, МГНОВЕННОЕ ОРУДИЕ ПРОВИДЕНИЯ»: КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ПУШКИНСКОГО АФОРИЗМА

Случай и Провидение

В наброске рецензии на второй том «Истории русского народа» Н. Полевого (1830) Пушкин писал:

«Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия Провидения» [Пушкин, 1949в, с. 127¹].

Может показаться, что (цитируем современного автора) «Пушкин парадоксально объединяет случай и предопределение» [Ларионова, 2001, с. 33]. Однако тут мы имеем дело с абберацией восприятия текста, отдаленного от нас во времени. Само по себе сближение двух этих понятий было тогда общим местом.

¹ В академическом собрании «провидение» напечатано со строчной, хотя в рукописи – с прописной [см.: Бонди, 1978, с. 219].

Во французской литературе XVIII–XIX вв. вполне обычны формулы «случай, или Провидение», «случай, или, скорее, Провидение». Нередко они используются как языковые клише, вне какого-либо философского контекста, напр.: «...Случай, или, лучше сказать, провидение хотело, чтобы она была в очень плохих отношениях с герцогиней Бургундской» (Луи де Сен-Симон, «Мемуары», 1694–1723) [Saint-Simon, 1829, p. 243].

Проблема соотношения случая и провидения (пока еще не с прописной буквы!) была поставлена стойками. Важное место она занимает у Боэция. Согласно Боэцию, «...божественный порядок все так располагает, что даже представляющееся отклонившимся от этого порядка, хотя и кажется чем-то иным, но все же остается порядком, чтобы не было места случайности в царстве провидения»; «...Кто осмелится утверждать, что в этом упорядоченном мире остается место для случайности, если Бог все располагает?» («Утешение философией» (ок. 524 г.), IV, 6; V, 1).

В христианской философии это воззрение стало аксиомой. Антуан Равель в трактате «О Провидении Божиим» (1650), гл. 12, писал: «Если случай, говоря языком Боэция, всего лишь слово, лишённое смысла, тогда то, что мы называем случаем, будучи обманчивым по отношению к нам, тем не менее строго следует Законам Провидения» [Ravel, 1650, p. 182].

Лафонтен идет в русле той же традиции: «...то, что у древних Случай, / А у нас Провидение» («...que le Hasard parmi l'antiquité, / Et parmi nous la Providence») («Астролог, упавший в колодец»; «Басни» II, 13, 1668) [La Fontaine, 1946, p. 84].

Редкий пример использования оборота «орудие Провидения» в связи с темой «случайность и Провидение» встречается в письме Хораса Уолпола (1717–1797), английского писателя и политика: «...Я держусь того странного мнения, что то, что именуют случайностью (chance), есть орудие Провидения (the instrument of Providence) и тайный агент, который противодействует тому, что люди называют мудростью, и поддерживает порядок, непрерывность и преемственность целого <...>» (письмо к графине Анне Оссори от 19 января 1777 г., опубли. в 1848 г.) [Walpole, 1848, p. 262].

«Странное мнение» Уолпола не слишком разнилось от традиционных представлений о совершенстве мироздания. «...Несмотря на все наши жалобы, – продолжает он, – почти каждый человек на земле в целом испытывает больше счастья, чем страданий; а потому, если бы мы могли исправить мир по мере наших фантазий и

с самыми лучшими намерениями, какие только можно вообразить, мы, вероятно, только произвели бы на свет еще больше страданий и беспорядка» [ibid, p. 262–263].

В пушкинском наброске тема «случай и Провидение» выступает не в «житейском» и не в общеполитическом контексте, но как проблема историософии. Понятие случая здесь конкретизируется: «...Никто не предсказал ни Нап.<олеона>, ни Полиньяка» [Пушкин, 1949в, с. 127]. (Герцог де Полиньяк, ультрароялист, был инициатором ординансов 25 июля 1830 г., ставших непосредственной причиной Июльской революции.)

Наименование Наполеона «орудием Провидения» было обычным в эпоху Империи как в эмигрантской среде, так и в самой Франции. Крайний консерватор Жозеф де Местр называл Наполеона «великим и страшным орудием в руках Провидения, которое использует его, чтобы ниспровергнуть то или иное» (дипломатическое донесение из Петербурга от 7/19 января 1809 г.) [Maistre, 1851, p. 155].

Пушкинские определения «мощное, мгновенное» по отношению к «орудию провидения» имеют близкие параллели в одном из центральных сочинений де Местра – «Рассуждения о Франции» (1797). Неожданность, необычайная скорость и всеполюющая сила происходящего всячески здесь подчеркиваются: «...Первым условием объявленной революции является то, что не существует ничего, способного ее предупредить <...>. Самое поразительное во французской Революции – увлекающая за собой ее мощь (*cette force entraînante*), которая устраняет все препятствия» (гл. 1); «Если Провидение повелело быстрее образовать политическую конституцию, то появляется человек, наделенный непостижимой мощью (*une puissance indéfinissable*)» (гл. 6) [Местр, 1997, с. 14, 84; Maistre, 1797, p. 5, 96].

Политические и религиозные взгляды автора «Рассуждений...» были чужды Пушкину, но де Местр интересовал его как оригинальный мыслитель. В библиотеке Пушкина имелось 2-е издание (1831) книги де Местра «Санкт-Петербургские вечера, или Беседы о мирском правлении Провидения»; по предположению Н.В. Измайлова, Пушкин познакомился с «Вечерами» вскоре по выходе 1-го издания (1821) [Измайлов, 1978, с. 126]. Учитывая огромный интерес поэта к Французской революции и широкую известность «Рассуждений о Франции», можно предположить, что и это сочинение было знакомо Пушкину.

Пушкин и французские историки-романтики

В научной литературе указывалось на близость пушкинской формулы «Случай – орудие Провидения» к концепции «провиденциального случая» («le hasard providentiel») Пьера Симона Балланша (1776–1847).

Эта концепция изложена в приложении ко 2-му изданию первого тома историософского сочинения Балланша «Опыты социальной палингенезии», озаглавленному «Размышления о различных предметах» (1830). Автор рассматривает вопрос о «согласии Божественного Провидения, правящего посредством вечного закона, с человеческой свободой» [Ballanche, 1830, p. 382]. С одной стороны, «человеческая свобода всегда ограничена неким общим законом». С другой стороны, существует «явление, которое не имеет названия и которое я бы дерзнул назвать провиденциальным случаем, – т.е. такое, которое, ввиду ограниченности нашего разума, выглядит как случайность, но подчиняется законам некой особой статистики, подобно колебанию маятника и равновесия жидкостей. <...> То, что случайно, что невозможно предвидеть <...>, [тем не менее] должно приниматься в расчет». «...Непредвиденное обстоятельство (contingence), единственное реализованное среди миллионов возможных непредвиденных обстоятельств, в свою очередь, изменит ближайшие или отдаленные непредвиденные обстоятельства, каждое из которых окажет различное влияние на другие миллионы непредвиденных обстоятельств». Так выглядит дело с точки зрения человека, но не для «божественного предвидения» [ibid., p. 382–383].

Фактор «встроенной» в план Провидения случайности как раз и гарантирует свободу воли, а следовательно, и совести, без чего человек не был бы нравственным существом.

А. Долинин, по-видимому, предполагает знакомство Пушкина с этой концепцией [Dolinin, 1999, p. 297]. С.А. Кибальник утверждает более определенно: в своей рецензии Пушкин «очевидным образом сосредоточен на “провиденциальном случае” (термин Балланша¹)» [Кибальник, 1995, с. 71].

Пушкинские наброски писались в октябре-ноябре того же 1830 г., в котором были опубликованы «Разышления...» Балланша. Вероятность знакомства с ними Пушкина до написания рецензии

¹ Имя Ballanche передается в русской научной литературе двояко: Баланш и Балланш.

крайне невелика: собрание сочинений Балланша было труднодоступно в России, к тому же метафизические системы подобного рода мало занимали русского поэта. Заметим также, что «провиденциальный случай» появляется у Балланша не в связи с проблемой законов истории, но в связи с проблемой морали, т.е. на микро-, а не макроуровне.

Эта концепция, сколько можно судить, не получила заметного отклика у современников, и философский термин «*hasard providentiel*» не вошел в обиход. Между тем в обыденном языке это выражение существовало уже в 1810-е годы. Так говорили о неожиданности, обычно приятной; «*par un hasard providentiel*» означало «по счастливой случайности». В вариантах к третьему тому «Войны и мира» читаем: «*Je vois un hasard providentiel de vous avoir rencontré*» [Толстой, 1953, с. 433]; возможный перевод: «В нашей встрече я вижу случай, ниспосланный провидением».

При всей стертости выражения его парадоксальная внутренняя форма давала повод для иронических замечаний:

«Разве случайность и Провидение не две взаимоисключающие антитезы? Ведь если вас спасает случайность, то это не Провидение; а если Провидение снизошло до присмотра за вашей судьбой, случай тут совершенно ни при чем. Все ли, кроме репортеров, с этим согласны?» [*Un hasard ...*, 1867];

«Француз выпал из кареты, не переломав себе кости; он встает и, отряхиваясь, восклицает: “Это поистине провиденциальный случай, что я не лишился жизни”. Ясно, что, если спасение было провиденциальным, оно не могло быть случайным; но, несмотря на очевидную антиномичность этого выражения, в выборе эпитета выказывается благочестие» [Hamerton, 1898, p. 227].

Единственное значимое упоминание Пушкина о Балланше содержится в его речи «Мнение Лобанова о духе словесности» (1836): «Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё, – который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; <...> который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо <...>» [Пушкин, 1949б, с. 69]. Балланш здесь объединен с Шатобрианом, в отличие от историков по преимуществу. Упоминание о Балланше, по предположению В.А. Мильчиной, восходит к рассказам А.И. Тургенева, который был дружен с Балланшем [Гиллельсон, Мильчина, 1987, с. 149].

Нередко в пушкинском наброске усматривают полемику с историками эпохи Реставрации. «Пушкинский исторический провиденциализм» противопоставляется «фатализму новой школы

французских историков»: «Пушкин хочет видеть историю гибким взглядом и спорит с логическим детерминизмом Гизо» [Сурат, Бочаров, 2002, с. 62].

Многие историки «новой школы» действительно были склонны рассматривать все значимые события как исторически неизбежные. Тем не менее представление о «фатализме новой школы», повидимому, преувеличено. Жесткий детерминизм характерен скорее для просветительского мировоззрения, согласно которому «мир устроен в соответствии с математическими законами» [Вольтер, 1988, с. 686]. При этом в своих исторических работах просветители как раз были склонны преувеличивать значение случая.

В последние десятилетия XVIII в. во Франции получил хождение оборот «великие следствия малых (мелких) причин». Последователь Вольтера Ж.Ф. Лагарп говорил о «своего рода удовольствии, которое мы находим в сведении великих следствий к мелким причинам. Мы, например, сто раз повторяли, что чашка с водой, пролитая герцогиней Мальборо на платье госпожи Мэшем, оказалась спасением Франции, потому что она привела к ссоре между фавориткой и королевой Анной, закончившейся отставкой герцогини Мальборо <...>. Хорошо, что история замечает такие мелочи, естественным образом связанные с более крупными событиями, и если сохранять осторожность, в этой связи нет ничего необычного» [La Harpe, 1797, p. 74].

Однако в то же самое время Луи де Бональд, предшественник французских традиционалистов, осуждал Монтескье-историка за то, что тот «всегда объясняет великие следствия малыми причинами» («Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе», кн. V, гл. 5) [Bonald, 1796, p. 384].

Эту критику продолжили историки эпохи Реставрации. Анонимный рецензент перевода трактата Гердера о философии истории писал: «...Кажется, что случай управляет событиями; человек склонен видеть причину этого в самых случайных прихотях или происшествиях и, подобно Вольтеру, пытается объяснить великие следствия малыми причинами» [Idées ..., 1828]. Год спустя Балланш по поводу «Опыта о нравах» Вольтера замечает: «Эта излюбленная система характеризуется распространенной поговоркой: великие следствия малых причин» [цит. по: Реизов, 1956, с. 518].

Воззрения «новой школы» Б.Г. Реизов в своей монографии характеризует так:

«“Сила вещей” не предуказывает всей суммы событий и действий; это лишь общее направление развития (в пушкинском

наброске – «общий ход вещей». – *К.Д.*), которое может осуществляться в самых неожиданных формах и комбинациях. Другое отличие (от фатализма. – *К.Д.*) заключается в том, что фатум – сила слепая и неразумная, но провидение, о котором толкуют доктринеры, т.е. попросту законы исторического развития, ведет человечество к разумной и благой цели. Провидение – это и есть разум, мировой и “исторический”» [Реизов, 1956, с. 139].

«Пошлое (т.е. тривиальное. – *К.Д.*) замечание о мелких причинах великих последствий» упоминается в набросках пушкинской заметки о «Графе Нулине» [Пушкин, 1949а, с. 431]. Как убедительно показал Ю.М. Прозоров, в поэме Пушкина эта мысль в конечном счете опровергается, пусть даже в шутливой, заведомо пародийной форме [Прозоров, 1994, с. 56].

Стремление к установлению исторических закономерностей Пушкин приветствовал. В речи «Мнение Лобанова...» он, имея в виду прежде всего философию и историю, с одобрением говорит о том, что «теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству» [Пушкин, 1949б, с. 72].

В наброске о Полевом та же мысль проводится применительно к «новой школе»: «Гизо объяснил одно из событий христианской истории: европейское просвещение. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие, и отклоняя все отдаленное, все постороннее, случайное, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и наконец <?> рассветающие века. Вы поняли великое достоинство фр.<анцузского> историка» [Пушкин, 1949в, с. 127].

Замечание «Провидение не алгебра» адресовано Полевому, который пытается «приноровить систему новейших историков и к России» [там же, с. 126]: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенных Гизотом из истории христианского Запада [там же, с. 127] ¹.

В сочинениях Гизо понятие «формула истории» не встречается. Понятие «общая формула истории» появилось в т. 1 «Опытов

¹ Попутно заметим, что и сам Полевой, принимая идею закономерности исторического процесса («созерцание народов и государств как необходимых явлений каждого периода, каждого века»), далек от того, чтобы сводить Провидение к алгебре: «Историк не есть учитель логики»; «Когда и как окончится история России? Для чего сей исполин воздвигнут рукою промысла в ряду других царств? Вот вопросы, для нас нерешимые!» (предисловие к т. 1 «Истории русского народа») [Полевой, 1997, с. 21–22, 26].

социальной палингенезии» Балланша [Ballanche, 1827, p. 17]. Позднее, в 1829 г., журнал «Revue de Paris» опубликовал эссе Балланша под загл. «Общая формула истории всех народов, примененная к истории римского народа» [Ballanche, 1829].

Пушкин (что представляется нам несомненным) заимствовал это понятие из анонимной французской рецензии на т. 1 «Опытов социальной палингенезии»¹. Ее перевод М. Погодин поместил в своем «Московском вестнике» в 1828 г. с собственными примечаниями. Рецензент так излагает мысли Балланша:

«События составляют одну вещественную часть Истории; в событиях же сих сокрываются идеи, которым покорствуется ум человеческий, следовательно, и само тело; сим-то доказывается возможность всеобщей формулы Истории всех народов» [Опыты ..., 1828, с. 497–498]. В примечании к этому месту Погодин восклицает: «Каков переворот в исторических мыслях у французов! Думали ли Миллоты², что их внуки станут толковать об общих формулах Истории?» [там же, с. 498; указано в работе: Гиллельсон, Мильчина, 1987, с. 149]. Собственно «формула» в ее самом общем виде заключалась, согласно рецензенту, в прохождении через три стадии: века баснословные (мифологические), исторические, «века законов, века дальнейшего усовершенствования рода человеческого» [Опыты ..., 1828, с. 498].

Свою «общую формулу» Балланш не случайно применил прежде всего к римской истории. История Франции, да и всей Европы, была для него продолжением истории Рима: «Римская история <...> вошла в состав нашей общественной жизни, наших нравов, наших мнений, наших законов; в другой своей форме она является, чтобы выстраивать наши новые мысли, те, что должны войти в состав нашей будущей общественной жизни» [Ballanche, 1829, p. 142].

Такие воззрения были вообще характерны для французских историков. «Рим, этот мир права, должен был занять большое место в формуле истории человечества», — писал Жюль Мишле [Michelet, 1833, p. 8]. Эта «формула», однако, оказывалась неприменимой к странам, оставшимся вне влияния римского права и римской церкви, что и подчеркивает Пушкин в своем наброске.

¹ О «французском рецензенте» сказано в примечаниях Погодина. В том же номере журнала была напечатана «Зимняя дорога» Пушкина.

² Клод Франсуа Клавье Милло (1726–1785) был автором многотомных исторических сочинений.

Александр Долинин, анализируя «Историю Пугачева», приходит к выводу о коренном различии исторических взглядов Пушкина и французских историков-романтиков. «Вопреки догматам новых историков, Пушкин изображает социальные потрясения как нагромождение непредвиденных обстоятельств, вторжение хаоса и непредсказуемости в установленный порядок»; «опека Провидения над Россией проявляется лишь в непредсказуемых, случайных происшествиях, в нарушении исторических законов, а не следовании им» [Dolinin, 1999, p. 298, 307].

Первый из этих выводов, относящийся непосредственно к «русскому бунту» в «Истории Пугачева», доказывается в работе Долинина как нельзя более убедительно. Однако второй вывод кажется нам неоправданным обобщением; в частности, он не согласуется с набросками по поводу «Истории...» Полевого. Пушкин отнюдь не отказывается от поисков «формулы» русской истории на вполне рациональных основаниях – социально-политических и культурно-религиозных. В знаменитом письме к Чаадаеву, в котором речь идет об «особом предназначении» России, новая русская история рассматривается как движение со вполне определенным вектором – как все более тесное вхождение России в круг европейских стран; «будущий историк», по мнению Пушкина, едва ли «поставит нас вне Европы» [Пушкин, 1949г, с. 172, 393].

Немецкая исследовательница Криста Эберт задается вопросом: «Является ли случай для Пушкина символом непредсказуемости истории или же орудием Провидения, <...> и тем самым приобретает все-таки определенную функцию в ходе исторического процесса?» Однозначного ответа тут нет – «вопрос остается открытым» [Эберт, 2013, с. 324]. Аргументы в пользу второго толкования можно усматривать в творчестве Пушкина, который выбирает «переломные моменты русской истории <...> (т.е., по Лотману, взрывные моменты, когда открывается целый спектр вероятных возможностей перехода из одного состояния в другое)» [там же, с. 324].

Афористические параллели

Если искать во французской литературе переклички с пушкинским афоризмом, то прежде всего приходит на мысль афоризм Никола Шамфора, включенный в его «Максимы и мысли» (опубл. посмертно в 1795 г.). Указано немало случаев сходства пушкинских

высказываний с «Максимами и мыслями», но эта параллель, насколько нам известно, не привлекала внимания.

У Шамфора читаем: «*Quelqu'un disait que la Providence était le nom de baptême du Hasard, quelque dévot dira que le Hasard est un sobriquet de la Providence*» [Chamfort, 1795, p. 34]. – «Кто-то заметил, что Провидение – имя, данное Случаю при крещении; человек набожный скажет, что случай – ходячее прозвище Провидения». В переводе Ю. Корнеева и Э. Линецкой подчеркнуто антиклерикальное звучание мысли Шамфора: «Кто-то заметил, что Провидение – христианское имя случая; святоша, пожалуй, сказал бы, что случай – уличная кличка Провидения» [Размышления..., 1995, с. 376].

«*Le nom de baptême*» – букв. «крестное (крестильное) имя». У Шамфора подразумевается, что языческий Случай (Фортуна римлян) в христианстве получил имя Провидения. Шамфор отвергает христианский провиденциализм, согласно которому все происходящее в мире есть часть благого Божьего промысла. В его афоризме хронологически – если можно так выразиться – на первом месте должна бы стоять вторая часть, которая «опрокидывается» скептической первой частью: Провидения не существует, случай не есть часть какого-то высшего замысла. Пушкин, казалось бы, приходит к прямо противоположному выводу; однако не следует забывать, что в его рассуждениях Провидение означает не то же самое, что у Шамфора.

Вторая часть афоризма Шамфора имела вполне конкретный источник: эпистолярный роман генуэзца Джованни Паоло Марана (1642–1693), обычно именуемый «Турецкий шпион». Два первых тома вышли одновременно на итальянском и французском языках в Париже в 1784 г. Итальянское издание называлось «Турецкий шпион и его секретные донесения, посылавшиеся в Османскую Порту, обнаруженные в Париже в царствование Людовика Великого» («*L'Esploratore turco e le di lui relazioni segrete...*»); французское – «Шпион султана и его секретные донесения константинопольскому дивану...» («*L'Espion du Grand-Seigneur...*»). В 1687–1694 гг. в Лондоне вышло уже 8-томное, расширенное издание под загл. «Письма, написанные турецким шпионом...» («*Letters Written by a Turkish Spy...*»). За ним последовали 8-томные французские издания под загл. «Шпион при дворах христианских государей...», а также немецкий перевод [Rotta, 1992].

«Турецкий шпион» обладал чертами одновременно философского и авантюрного романа. Он положил начало особому жанру эпистолярных романов о Европе, написанных от лица чужеземца,

включая «Персидские письма» Монтескье. Между прочим, именно Марана ввел в оборот сентенцию «Ничто не ново под луной» [см.: Душенко, 2018, с. 195].

Нумерация писем в различных изданиях менялась. Интересующее нас письмо в первых французских изданиях носило № 53, в позднейших – № 101, а в т. 2 английского перевода – № 15. По содержанию это философское эссе о случае и судьбе. Цитирую французский перевод:

«Язычники, изображая Фортуну слепой, тем самым показали лишь, что сами ничего не видят. Ошибкой вдвойне было приносить жертвы богине, которая не могла распознать своих почитателей. И все же, я полагаю, еще более достойны осуждения христиане, называющие ее непостоянной, пристрастной, распутной и т.д. Это профанация Провидения и нечестивые сетования на предназначенную нам участь. *Удача и случай – всего лишь ходячие прозвища, которые даются судьбе* (La fortune et le hasard ne sont que des sobriquets qu'on a donné à la destinée), ибо в мире, конечно, нет ничего случайного» (курсив наш. – К.Д.) [Marana, 1700, p. 162, Lettre LIII].

В XX в. свою версию предложил испанский писатель Мигель де Унамуно (1864–1936): «...Случай и Провидение – это одно и то же. Случай провиденциален, а провидение – случайно (El azar es providente o la Providencia es azorosa)» (роман «Туман» (1914), «Приложение») [Унамуно, 1973, с. 203; Unamuno, 1958, p. 342]¹.

В большинстве сентенций подобного рода, появившихся после афоризма Шамфора, место Провидения занял Бог. Наиболее известен афоризм Теофиля Готье из романа в письмах «Бернийский крест». Роман принадлежал перу четырех авторов; письмо III, написанное Готье, появилось в парижской «La Presse» 11 июля 1845 г. Здесь говорилось:

«Вы напрасно желали бы подчинить себе случай; просто не мешайте ему – он куда лучше Вас знает, что Вам нужно. – Случай – это, возможно, псевдоним Бога, когда он не хочет подписаться собственным именем (quand il ne veut pas signer)» [Gautier, 1845, p. 1; La croix ..., 1855, p. 28].

¹ Публиковалась и другая версия: «...Он верит в случай, т.е. в Провидение, потому что случай и Провидение случайны» [Unamuno, 1959, p. 181].

Имена авторов книги и ее отдельных частей были указаны лишь в издании 1855 г., но афоризм Готье был замечен сразу. Уже 13 июля Пьер Готье, отец Теофиля, процитировав его афоризм, спрашивал: «Кто, кроме тебя, думает так же?» [Gautier, 1986, p. 265].

Наибольшую известность изречение Готье получило в Англии в версии Томаса де Квинси: «...Как с изысканным красноречием заметил один француз¹ <...>, “Случай – всего лишь псевдоним Бога для тех особых okazji, когда он не подписывается открыто своим собственным именем (does not to subscribe openly with his own sign-manual)”» (повесть «Испанская монахиня-воительница», 1847) [Quincey, 1854, p. 17]. «Sign-manual» – юридический термин «собственноручное подписание»; в XIX в. обычно имелась в виду подпись правящего монарха.

В английских антологиях цитат второй половины XIX в. изречение Готье в версии де Квинси было приписано Сэмюэлу Кольриджу; так же поступила Елена Блаватская: «В Природе не существует “случайности”, в каждой ее части все математически точно согласовано и взаимосвязано. “Случай, – говорит Кольридж, – всего лишь псевдоним Бога (или Природы) для тех особых okazji, когда он не подписывается открыто своим собственным именем”. Замените слово “Бог” словом “Карма”, и вы получите восточную аксиому» («Тайная доктрина» (1888), т. 1, гл. 17) [Blavatsky, 1888, p. 653; указано в работе: O’Toole, 2015].

В XX в. в ряде англоязычных справочников, включая весьма авторитетные, этот афоризм был приписан Анатолию Франсу, у которого встречается нечто похожее: «В жизни следует помнить о роли случая. В конечном счете случай есть Бог» («Сад Эпикура», 1897) [O’Toole, 2015; France, 1893, p. 132].

В последние десятилетия XX в. появился еще один вариант: «Случайность – это когда Бог желает сохранить анонимность» («Coincidence is God’s way of remaining anonymous»). Ныне этот афоризм обычно приписывается Эйнштейну – надо полагать, потому, что он говорил «Господь Бог не играет в кости», оспаривая вероятностную интерпретацию квантовой механики [см.: Душенко, 2011, с. 849].

¹ Де Квинси не знал имени автора.

Список литературы

Бонди С. Черновики Пушкина : статьи 1930–1970 гг. – Москва : Просвещение, 1978. – 230 с.

Вольтер. Философия : [Статья из «Философского словаря»] / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Вольтер. Философские сочинения. – Москва : Наука, 1988. – С. 682–689.

Гиллельсон М.И., Мильчина В.А. Комментарии // Современник : Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. – Москва : Книга, 1987. – С. 41–248.

Душенко К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. – Москва : Эксмо, 2011. – 1216 с.

Душенко К.В. Цитаты из русской литературы : 5500 цитат от «Слова о полку...» до Пелевина. – Москва : Колибри : Азбука-Аттикус, 2018. – 671 с.

Измайлов Н.В. Литературный фон поэмы «Медный всадник» : вступит. заметка // Пушкин А.С. Медный всадник / изд. подгот. Н.В. Измайлов. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 125–127.

Кибальник С.А. Тема случая в творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Санкт-Петербург : Наука, 1995. – Т. 15. – С. 60–75.

Ларионова Е. «Всадник, Папою венчаный...» : Пушкин и наполеоновский миф // Пинакотека. – Москва, 2001. – № 1/2. – С. 31–34.

Местр Ж. де. Рассуждения о Франции / пер. Г. Абрамова и Т. Шмачкова. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 215 с.

Опыты о палингенезии обществ (Essai de palingénésie sociale). Соч. Балланша. 1828 // Московский вестник. – Москва, 1828. – Ч. 7, № 4. – С. 496–500. – Подпись: Л.

Полевой Н.А. История русского народа. Собрание сочинений : в 3 т., 6 кн.. – Т. 1, кн. 1/2. – Москва : Вече, 1997. – 632 с.

Прозоров Ю.М. Поэма А.С. Пушкина «Граф Нулин» : художественная природа и философская проблематика // Русская литература. – Санкт-Петербург, 1994. – № 3. – С. 44–63.

Пушкин А.С. <Заметка о «Графе Нулине». [Черновые варианты]> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949а. – Т. 11. – С. 431–432.

Пушкин А.С. Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной: (Читано им 18 января 1836 г. в Императорской Российской Академии.) // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949б. – Т. 12. – С. 67–74.

Пушкин А.С. <О втором томе «Истории русского народа» Полевого> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949в. – Т. 11. – С. 125–127.

Пушкин А.С. Письмо к П.Я. Чаадаеву. 19 октября 1836 г. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949г. – Т. 16. – С. 171–173, 392–394.

Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. – Санкт-Петербург : Terra fantastica; Корвус; РоссКо, 1995. – 544 с.

Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815–1830). – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. – 533 с.

Сурат И.З., Бочаров С. Пушкин : краткий очерк жизни и творчества. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 236 с.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Москва : Худож. лит., 1953. – Т. 14. – 447 с.

Унамуну М. де. Туман / пер. А. Грибанова // *Унамуну М. де.* Туман; Авель Санчес. *Валье-Инклан Р. дель.* Тиран Бандерас. *Бароха П.* Салакаин Отважный. Вечера в Буэн-Ретиро. – Москва : Худож. лит., 1973. – С. 37–206.

Эберт К. Случай и случайность в исторической прозе и историографии А.С. Пушкина // Случайность и непредсказуемость в истории культуры : Материалы Вторых Лотмановских дней в Таллинск. ун-те (4–6 июня 2010 г.). – Таллин : Изд-во ТЛУ, 2013. – С. 316–332.

Ballanche P.-S. Essais de palingénésie sociale. – Paris : Didot, 1827. – Т. 1 : Prolégomènes. – 406 p.

Ballanche P.-S. Formule générale de l'histoire de tous les peuples, appliquée à l'histoire du peuple romain // Revue de Paris. – Paris, 1829. – Т. 2. – P. 138–155.

Ballanche P.-S. Réflexions diverses // Ballanche P.-S. Oeuvres. – Paris ; Genève : J. Barbeza, 1830. – Т. 3. – P. 345–414.

Blavatsky H.P. The Secret Doctrine : The Synthesis of Science, Religion and Philosophy. – London : Theosophical Publishing Company, 1888. – Vol. 1 : Cosmogénésis. – 676 p.

[*Bonald L.-G.-A. de*]. Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile / Par M. de B***. – [Constance : Éditeur inconnu], 1796. – Т. 1. – 574 p.

Chamfort N. Oeuvres / Recueillies et publiées par un de ses amis. – Paris : Directeur de l'Imprimerie des Sciences et Arts, 1795. – Т. 4. – 344 p.

Dolinin A. Historicism or Providentialism? Pushkin's History of Pugachev in the Context of French Romantic Historiography // Slavic Review. – Cambridge, 1999. – Vol. 58, N 2. – P. 291–308.

France A. Le jardin d'Épiqueure. – Paris : Calmann-Lévy, 1893. – 238 p.

Gautier T. Correspondance générale. – Genève ; Paris : Droz, 1986. – Т. 2 : 1843–1845. – 392 p.

[*Gautier T.*] La Croix de Berny : Lettre III // La Presse. – Paris, 1845. – 11 juillet. – P. 1–2.

Hamerton P.G. How we are really becoming less religious // Hamerton P.G. Human Intercourse. – Boston : Little, Brown, and Co, 1898. – P. 215–231.

Idées sur la philosophie de l'histoire de l'humanité, Par Herder, Ouvrage traduit de l'allemand par Edgar Quinet // Le Pandore : journal des spectacles, des lettres, des arts... – Paris, 1828. – N 1787, 12 Avril. – P. 2.

La croix de Berny: Roman Steeple-Chase / Girardin D. de, Gautier T., Sandeau J., Méry J.. – Paris : Librairie Nouvelle, 1855. – 320 p. – 1-е изд. : 1845.

La Fontaine J. de. Fables choisies mises en vers. – Paris : Association pour la diffusion de la pensée française, 1946. – 463 p.

La Harpe J.-F. de. Réfutation du livre De l'esprit : prononcée au Lycée Républicain, dans les Séances des a6 et 29 Mars et des 3 et g Avril. – Liege : J.A. Latour, 1797. – 168 p.

Maistre J.-M. de. Considérations sur la France / Seconde édition revue par l'Auteur. – Londres [i.e. Basel : Unknown publisher], 1797. – 256 p.

Maistre J.-M. de. Lettres et opuscules inédits. – Paris : A. Vatou, 1851. – T. 1. – 590 p.

Marana G.P. L'Espion dans les cours des princes chrétiens, ou lettres et mémoires d'un envoyé secret de la Porte dans les cours de l'Europe. – Cologne : E. Kinkius, 1700. – T. 2. – 382 p.

Michelet J. Histoire romaine : République. Première partie. – Paris : Hachette, 1833. – T. 1. – 411 p.

O'Toole G. Chance, Coincidence, Miracles, Pseudonyms, and God // Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations [Авторский сайт]. – URL: <https://quoteinvestigator.com/2015/04/20/coincidence/#return-note-11023-24> (дата обращения: 07.06.2019).

Quincey T. de. The Spanish Military Nun // Quincey T. de. Selections Grave and Gay: From Writings Published and Unpublished. – Edinburgh : J. Hogg ; London : R. Groombridge, 1854 – Vol. 3. – P. 1–98. – Журн. публ. под загл. «Catalina de Erauso, the Nautico-Military Nun of Spain»: «Tait's Edinburgh Magazine», 1847.

Ravel A. De la providence de Dieu. – Tolose : J. Boude, 1650. – 510 p.

Rotta S. Gian Paolo Marana // La letteratura ligure : La Repubblica aristocratica (1528–1797). – Genova : Costa & Nolan, 1992. – Vol. 2. – P. 153–187.

Saint-Simon L. de. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la régence. – Paris : A. Sautélet, 1829. – T. 8. – 441 p.

Un hasard providentiel // L'intermédiaire des chercheurs et curieux. – Paris, 1867. – N 74, 25 janvier. – Col. 36. – Подпись: A.D.

Unamuno M. de. Mi vida y otros recuerdos personales : 1889–1916. – Buenos Aires : Editorial Losada, 1959. – T. 1 : 1889–1916. – 203 p.

Unamuno M. de. Obras completas. – Madrid : A. Aguado, 1958. – T. 8 : Autobiografía y recuerdos personales. – 1270 p.

Walpole H. Letters Addressed to the Countess of Ossory from the Year 1769 to 1797. – London : Richard Bentley, 1848. – Vol. 1. – 473 p.

«ОПРЕДЕЛЯЙТЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ...»: ОБ ИСТОЧНИКАХ ПУШКИНСКОГО АФОРИЗМА

17 января 1831 г. Пушкин набросал начало статьи, которую озаглавил «Обозрение обозрений». Написано было лишь два абзаца, опубликованных почти столетие спустя, в 1928 г. Второй абзац начинался фразой: «Определяйте значение слов, говорил Декарт». Затем, приступив к правке заметки, Пушкин добавил: «– и вы избавите свет от половины его заблуждений» [Пушкин, 1949а, с. 194, 434].

С середины XX в. этот афоризм цитируется очень часто, в большинстве случаев – как точное высказывание Декарта, иногда с вариациями: «Объясняйте значение слов...», «Уточняйте значение слов...» и т.д. В последние десятилетия в текстах русских авторов появились обратные переводы с русского на французский: «Définissez la signification des mots et vous allez délivrer l'humanité d'une moitié des tracas», «Il faut définir le sens des mots». Однако у Декарта и других французских авторов мы этих формул не отыщем.

Высказывание Декарта, наиболее близкое к афоризму из пушкинской заметки, содержалось в «Правилах для руководства ума» (незаконченный труд, писавшийся около 1628–1629 гг.). В пояснениях к Правилу XIII утверждалось: «...Si les philosophes étoient toujours d'accord sur la signification des mots, presque toutes leurs controverses cesseraient» – «...Если бы среди философов навсегда установилось согласие относительно значения слов, то почти все их споры прекратились бы» [Декарт, 1989, с. 129; Descartes, 1826, p. 288–289].

В самом известном и множество раз переиздававшемся сочинении Декарта «Рассуждение о методе» (1637), ч. VI, читаем:

«...Неясность различений и принципов, которыми они (последователи Аристотеля. – К.Д.) пользуются, позволяет им говорить обо всем так смело, как если бы они это знали, и все свои утверждения защищать от самых тонких и искусных противников, не поддаваясь переубеждению. В этом они кажутся мне похожими на слепого, который, чтобы драться на равных условиях со зрячим, завел бы его в какой-нибудь темный подвал» [Декарт, 1989, с. 291].

Наконец, первая часть афоризма имеет сходство с высказыванием Декарта в письме к Марену Мерсенну от 20 ноября 1629 г.: «Il n'y a que deux choses à apprendre en toutes les langues, à savoir la signification des mots, et la grammaire» – «В любом языке нужно изучить только две вещи, а именно: значение слов и грамматику» (т.е., в современной терминологии, семантику и синтаксис) [Descartes, 1724, p. 543].

Сведений о книгах Декарта в библиотеке Пушкина нет; нет и свидетельств о его знакомстве с сочинениями французского мыслителя. При этом наименее вероятным представляется его непосредственное знакомство с «Правилами для руководства ума», опубликованными лишь в 1824 г. в многотомном собрании сочинений Декарта. Письмо к Мерсенну увидело свет в 1724 г., во втором томе переписки Декарта, а затем – в 1824 г., в т. 6 собрания сочинений.

Следует поэтому рассмотреть гипотезу заимствования из вторых рук.

Вольная контаминация высказываний из «Правил...» и «Рассуждения...» Декарта содержалась в трактате Гельвеция «Об уме» (1758), рассуждение I, гл. 4 («О неправильном употреблении слов»):

«Декарт сказал уже раньше Локка, что перипатетики, прячущиеся за неясный смысл слов¹, были очень похожи на слепых, которые, чтобы сделать борьбу равной, завлекли бы зрячего в темную пещеру; если бы этот зрячий, прибавляет он, сумел внести свет в эту пещеру и заставить перипатетиков связывать точные представления со словами, которые они употребляют, его победа была бы обеспечена.

Вслед за Декартом и Локком я постараюсь доказать, что в метафизике и в вопросах морали неправильное употребление слов (l'abus des mots) и незнание их истинного смысла (vraie signification) являются, если можно так выразиться, лабиринтом, в котором

¹ В оригинале «l'obscurité des mots» – «темное значение слов».

иногда заблуждались (*se sont égarés*) даже величайшие гении» [Гельвеций, 1973, с. 171–172; *Helvétius*, 1758, p. 33].

Амстердамское издание трактата «Об уме» 1776 г. имелось в библиотеке Пушкина [Модзалевский, 1910, с. 221]. Отзыв о Гельвеции в статье «Александр Радищев» (1836), при всей его критичности, указывает на хорошее знакомство Пушкина со взглядами французского просветителя: «Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных, если бы мы, по несчастью, не знали, как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями» [1949б, с. 30–31].

Трактат «Об уме» представляется наиболее вероятным источником пушкинского афоризма. Однако формулировки Гельвеция менее сходны с пушкинской, чем высказывание из «Правил для руководства ума». Поэтому нельзя совершенно исключить, что Пушкин пользовался каким-то другим источником, может быть, даже устным.

Предшественником Декарта в области методологии научного познания был Фрэнсис Бэкон. В «Новом Органоне» (1620), I, 59, он замечает: «...Громкие и торжественные диспуты ученых часто превращаются в споры относительно слов и имен, а благоразумнее было бы (согласно обычаю и мудрости математиков) с них и начать для того, чтобы посредством определений привести их в порядок» [Бэкон, 1978, с. 25].

Зародыш этой методологической установки мы находим уже у Антисфена, ученика Сократа и основателя школы киников. В его трактате «О воспитании, или О словах» утверждалось: «Начало образования состоит в исследовании слов» (фрагм. 39; приведен у Ариана в «Беседах Эпиктета», I, 1) [Антология ..., 1996, с. 89].

Приведенные выше высказывания европейских мыслителей появились при обсуждении языка науки и философии. В письме к Мерсенну Декарт высказывал свои замечания о проекте универсального языка. В «Правилах...» и «Рассуждении...» он говорит о понятиях метафизики в тогдашнем значении этого слова, таких как пространство и движение. Гельвеций, ссылаясь на Декарта и Локка, имел в виду, кроме понятий метафизики, также понятия морали.

Контекст пушкинского афоризма иной: тут речь идет не о заблуждениях ученых, но о заблуждениях «света», т.е. обычных людей. «Обозрение обозрений» было связано с неосуществленным планом издания собственной газеты. Пушкин утверждает, что слова ‘журналистика’ и ‘журнал’ (в значении ‘периодическая печать’) означают не то же самое в России и Европе. В Европе не существует монополии в области периодической печати, поэтому журналистика пользуется

уважением и является органом общественного мнения. В России же нет органов печати, выражающих общественное мнение, стало быть, нет и журналистики в истинном значении слова: «Что ж тут (в европейской журналистике. – К.Д.) общего с нашими журналами и журналистами <...>? Спрашиваю, по какому праву Сев<ерная> Пч.<ела> будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь Сев.<ерный> Меркурий» [Пушкин, 1949а, с. 194].

Оказывается, что одинаковые слова из сферы общественной жизни могут обозначать различные по своей сути явления в зависимости от социально-политического контекста. Судя по упомянутым здесь периодическим изданиям и именам журналистов, под Европой Пушкин имел в виду Англию и Францию, т.е. две либеральные монархии. Статья ни в коем случае не прошла бы цензуру; вероятно, поэтому Пушкин и не пробовал ее продолжать.

Во Франции высказывание из «Правил...» Декарта не стало популярной цитатой. Чаще цитируется высказывание из письма к Мерсенну, но только в сочинениях по лингвистике. Собственно афоризм принадлежит Пушкину, который изложил мысль Декарта в виде максимы, выраженной в повелительном наклонении. Цитируется она почти всегда в «декартовском» контексте, т.е. применительно к научной терминологии или лексикографии.

Список литературы

Антология кинизма : Фрагменты сочинений кинических мыслителей. Анти-сфен, Диоген, Кратег, Керкид, Дион / сост. И.М. Нахов. – Москва : Наука, 1996. – 335 с.

Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1978. – Т. 2. – 575 с.

Гельвеций К.А. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1973. – Т. 1. – 647 с.

Декарт Р. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.

Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. (Библиографическое описание). – Санкт-Петербург, Тип. Имп. Академии наук, 1910. – 442 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949а. – Т. 11. – 600 с.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949б. – Т. 12. – 576 с.

Descartes R. Lettres De Mr. Descartes, Qui Traitent De Plusieurs belles questions concernant la Morale, la Physique, la Medecine, & les Mathematiques. – Paris : La Compagnie des Libraires, 1724. – Т. 2. – 613 p.

Descartes R. Oeuvres. – Paris : Levrault, 1826. – Т. 11 : Règles pour la direction de l'esprit. – 461 p.

Helvétius. De l'Esprit. – Paris : Durand, 1758. – Т. 1. – 318 p.

«ПРЕЗРЕННОЙ ПРОЗОЙ ГОВОРЯ»: К ИСТОРИИ ВЫРАЖЕНИЯ «VILE PROSE»

«Презренная проза», как и множество других языковых формул, введена в литературу Пушкиным: «В последних числах сентября / (Презренной прозой говоря) <...>». Эти строки поэмы «Граф Нулин», написанной в декабре 1825 г., появились в «Московском вестнике» в феврале 1827 г.

Одна из конструктивных особенностей «Графа Нулина» – контраст между прозой деревенской жизни и книжными чувствованиями главных героев поэмы; стилистически ему соответствует контраст между предметом и способом изображения. Ефим Эткинд по поводу пушкинской поэмы заметил: «Даже предельно прозаические пушкинские строки <...> содержат явное и потому радующее читателя противоречие между обыкновенностью словаря и необычайностью музыкально-ритмического звучания четырехстопного ямба. <...> Слова, входящие в эти фразы, и фразы, заключенные в эти строки, значат далеко не только то, что им свойственно значить в ином, нестиховом окружении» [Эткинд, 1970, с. 195].

Буквальный смысл хрестоматийного двустипия резко контрастирует с его совершенным ритмическим и фонетическим оформлением; в частности, слово ‘проза’ содержится в слове ‘презренная’ как почти точная анаграмма. Именно это позволило пушкинскому обороту прочно войти в язык.

Впервые же он встречается в черновом варианте строки из третьей главы «Евгения Онегина» (1824): «Унижусь до презренной прозы»; в окончательном варианте: «...до смиренной прозы».

В 1936 г. Б.В. Томашевский указал (а вернее, напомнил) источник пушкинского выражения: «Вольтер любил употреблять формулу “презренная проза” (“vile prose”) – буквально “подлая проза”» [Томашевский, 1936, с. 32].

Специально этому обороту посвящена статья В.Д. Рака. Здесь указано, что стих «Унижусь до презренной прозы» – цитата из байроновского «Дон Жуана» во французском переводе. В английском оригинале: «If ever I should condescend to prose» («Если я когда-нибудь снизойду до прозы»). Французский переводчик добавил к слову ‘проза’ эпитет ‘vile’ – «descends jusqu’a la vile prose» [Рак, 2003, с. 105]. ‘Vile’ в данном контексте ближе всего к значению ‘низкая’, ‘неблагородная’.

Вплоть до 1830 г. сочетания «унизиться (низойти) до прозы» и «презренная проза» обычны в лексиконе Пушкина [там же, с. 102], хотя соответствующие тексты – письма и незаконченные наброски – при жизни поэта не публиковались. В 1830-е годы, с повышением ранга прозы в творчестве Пушкина, из его языка исчезают все выражения, обозначавшие ее «низшее» положение в творческой иерархии [там же, с. 103].

В пушкинское время выражение «vile prose», обычное во французской литературе, использовалось без перевода. Вот известные нам примеры в хронологическом порядке.

П.А. Вяземский в письме к жене от 18 апреля 1828 г.: «Мы сидели с Пушкиным в лодочку, две дамы сходят, и одна по-французски просит у нас позволения ехать с нами, от страха ехать одним. <...> Это была сводня с девкою. <...> У пристани крепости расстались мы avec notre vile prose¹, у которой однакоже Пушкин просил позволения быть в гостях <...>» [Пушкин в неизданной ..., 1952, с. 75–76]. Заметим, что здесь, как и в пушкинской поэме, слово ‘проза’ употреблено в переносном значении, как «низкая» проза жизни.

Анонимная рецензия на альманах «Северные цветы на 1830 год»: «...Сочинитель “Полтавы”, оставив на время поэтические занятия, принялся за (как говорит Вольтер) vile prose <...>» («Галатея», 1830, ч. 12, № 8) [Пушкин в прижизненной ..., 2001, с. 238].

¹ С нашей низкой прозой (франц.).

Графиня А.Д. Блудова в письме к отцу от 3/15 ноября 1831 г.: «Знаете ли, я было попыталась, по примеру сестры и братьев, писать стихи; но это вышло так смешно и неудачно, что я должна придерживаться à la vile prose¹, как говорит Вольтер. Мне кажется однако, что он ошибается: есть такая прекрасная проза! Например, конечно, стоит его стихов проза Шатобриана» [Блудова, 1878, с. 349].

П.А. Катенин в письме к Н.И. Бахтину от 21 декабря 1833 г.: «...Я за прозу денег со Смирдина брать не хочу, а возьму книгами, что для него сходнее; но за стихи, коли буду у него помещать, прошу наличных пенязей (денег. – К.Д.), car² стихи великое дело, а проза n'est que de la vile prose³» [Катенин, 1911, с. 217].

Он же в письме к А.С. Пушкину от 1 июня 1835 г.: «Нет ли у тебя знакомого греколога, кто мог бы en vile prose⁴ рабски переложить крошечные два стихотворения Сафы...» [там же, с. 228].

Как видим, современники Пушкина дважды цитируют выражение как вольтеровское. Комментаторы пушкинской переписки замечают: «Где именно Вольтер употребляет сочетание “vile prose” <...> обнаружить не удалось» [Пушкин в прижизненной ..., 2001, с. 238]. В.Д. Рак не был даже уверен в авторстве Вольтера: «Кем и когда оно [выражение] было пущено в оборот, <...> еще предстоит выяснить» [Рак, 2003, с. 106]. В обстоятельном комментарии К.А. Соловьева (псевд.: В.М. Сретенский) к «Графу Нулину» вопрос о происхождении выражения «презренная проза» не затрагивается [Сретенский, 2010].

Есть все основания полагать, что главным источником, по которому литераторы познакомились с выражением «vile prose», был том I знаменитого сочинения Жана Франсуа Лагарпа «Лицей, или Курс древней и новой литературы», опубликованный в 1799 г.

В первой главе своего труда («Анализ поэтики Аристотеля») Лагарп пишет: «...Едва ли мы можем представить себе поэзию вне стихотворства. <...> Трудность преодоления <...> открывает обильный источник новых красот. Не следует принижать славу столь прекрасного искусства, как поэзия: если можно быть поэтом в прозе, слишком многие захотят стать поэтами <...>». Здесь, в сущности, изложены взгляды Вольтера на место прозы в иерархии видов

¹ Низкой прозы (франц.).

² Потому что (франц.).

³ Не более чем низкая проза (франц.).

⁴ Низкой прозой (франц.).

словесности [см., напр.: Вольтер, 1974, с. 73, 168]; не названные адресаты полемики – противники Вольтера в «споре о древних и новых».

И далее: «...У древних мы не найдем ни одного места, из которого следовало бы, что на прозаика смотрели как на поэта. По этому случаю, мне кажется, уместно вспомнить забавное замечание (*une expression plaisante*) Вольтера; это замечание, конечно, не следует воспринимать серьезнее, чем он сам того хотел, но в нем весьма ясно выражено то воодушевление, с каким он хотел бы, чтобы поэт относился к своему искусству. Один из его друзей¹ зашел к нему, когда он работал, и хотел уже было уйти, опасаясь побеспокоить хозяина. “Входи, входи, – говорит ему с улыбкой Вольтер, – я пишу всего лишь низкую прозу (*je ne fais que de la vile prose*)”» [La Harpe, 1799, p. 67].

Рассказ Лагарпа впоследствии многократно цитировался.

Первая известная нам цитация оборота «*vile prose*» в печати датируется 1783 г. Рецензент журнала «Литературные новости» замечает, что прозаический перевод «Георгик» Вергилия имеет свои достоинства – «постольку, поскольку *низкая проза*, пользуясь выражением Вольтера, способна выдержать сравнение с поэзией» [Nouvelles littéraires ..., 1783, p. 186].

Более надежным доказательством атрибуции этого оборота Вольтеру служат его письма 1730–1740-х годов:

«...Я отвечал на твои поэтические досадования низкой прозой (*en vile prose*) <...>» (П.П. Сидвилю, 14 августа 1733 г.) [Voltaire, 1828–1834, t. 62, p. 327];

«Простите, что пишу низкой прозой <...>» (К.А. Гельвецию, 25 февраля 1739 г.) [Helvetius, 1781, p. 574];

«...Я варвар, который ничего не пишет или пишет только низкую прозу. Твои стихи составляют мое удовольствие и приводят меня в смущение» (П.П. Сидвилю, 31 января 1745 г.) [Voltaire, 1828–1834, t. 64, p. 203].

Переписка Вольтера была прекрасно известна Пушкину. В его библиотеке все 11 «эпистолярных» томов собрания сочинений Вольтера разрезаны целиком, а латинский эпиграф к памфлету «Торжество дружбы» (1831) взят из вольтеровского письма вместе с фиктивной ссылкой на Цицерона [см.: Душенко, 2019].

¹ Этим другом вполне мог быть сам Лагарп, сблизившийся с Вольтером в 1763 г.

Выражение «vile prose» Вольтер, по всей вероятности, использовал в домашнем кругу. 26 августа 1738 г. маркиза Дю Шатле, спутница жизни Вольтера, писала наследному принцу Фридриху (будущему Фридриху Великому): «Если бы Вы, милостивый государь, прислали мне свой гений, я смогла бы доставить себе удовольствие ответить на стихи, которыми сопровождался этот милый подарок, достойным Вашего королевского высочества образом; но мне остается присылать Вам лишь низкую прозу <...>» [Frédéric II, 1788, p. 278–279].

Тот же оборот встречается в письме Гельвеция к Вольтеру от 15 октября 1771 г.: «Я устал, <...> написав так много низкой прозы без всякой надежды увидеть что-либо из этого напечатанным при моей жизни» [Helvetius, 1781, p. 607].

Спор о прозе в рамках эстетики классицизма был одним из главных пунктов «спора о древних и новых», который в новой форме продолжился в XVIII в. Речь шла прежде всего о возможности прозаической трагедии и высокой комедии, а также повествовательной поэмы в прозе [см.: Смирнов 1999]. В программном «Опыте об эпической поэзии» (1732) Вольтер спрашивал: «Почему Вергилий не мог снизойти до прозы (*descendre à la prose*), тогда как Цицерон порой возвышался до поэзии?» [Voltaire, 1828–1834, t. 13, p. 469]. Как видим, оборот «снизойти до прозы» также восходит в конечном счете к Вольтеру.

Аббат Трибле, один из главных литературных противников Вольтера, заметил: «Я бы желал, чтобы Вольтер написал “Генриаду” в прозе» (гл. «О поэзии и поэтах» четвертого тома расширенного издания «Очерков по различным вопросам литературы и морали», 1760) [Trublet, 1760, p. 234]. Вольтер, в свою очередь, заявил: «Фенелон написал своего “Телемака” прозой, потому что не умел написать его стихами» (статья «Драматическое искусство» (1770) для «Философского словаря») [Voltaire, 1828–1834, t. 52, p. 223].

Тем не менее в роли теоретика классицизма Вольтер ни разу не применяет к прозе уничижительных эпитетов, хотя и ставит ее рангом ниже поэзии. В «Советах журналисту» (1737) он осуждает использование в стихах «непоэтических» слов: слово ‘conséquentement’ (‘соответственно’, ‘следовательно’) «едва ли допустимо (даже. – К.Д.) в благородной прозе (*la prose noble*)» [Voltaire, 1828–1834, t. 18, p. 95]. Это высказывание, предполагающее четкое деление прозы на «низкую» и «благородную», стоит особняком в творчестве Вольтера. Различным прозаическим произведениям он дает разную оценку, вплоть до самой высокой. В «Веке Людовика XIV»

(1751) «Письма к провинциалу» Паскаля названы «первой гениальной книгой, написанной прозой»; «этому произведению суждено было создать эпоху в окончательном формировании языка» [цит. по: Вольтер, 1974, с. 380].

С.Г. Бочаров писал о пушкинских оборотах «презренная» и «смиренная проза»: «Два эти “рифмующихся” <...> эпитета, взаимозаменяемых в одинаковом контексте, определяют одно и то же качество прозы, но с двух прямо противоположных точек зрения» [Бочаров, 1974, с. 106].

В свою очередь, А. Долинин указал, что «смиренная проза» – калька с английского и французского клише «humble prose», употреблявшегося в XIX в. при противопоставлении прозы и поэзии [Долинин, 2007, с. 36].

Уточним: во Франции этот оборот появился в конце XVIII в., зато в Англии – не позднее 1732 г.: «обращаясь к нам <...> смиренной прозой (in humble prose)»; «[скажи] несколько слов самой скромной прозой (in downright humble Prose)» [Forrest, 1808, p. 508¹; Phillips, 1733, p. 12]. Весьма вероятно, что в литературном кругу оборот появился несколько раньше.

Между тем в 1726–1729 гг. Вольтер жил в Англии, где близко познакомился с английской литературой. В его переписке оборот «vile prose» появился в 1733 г., причем именно в значении английского «humble prose»; так что вполне резонно предположить в нем эквивалент английского оборота.

2 сентября 1813 г. В.А. Жуковский писал А.И. Тургеневу: «Получил твои два милые письма, брат и друг, и начал отвечать на них стихами: низкая проза их не стоит» [Жуковский, 2019, с. 182]. Однако в России эта форма не прижилась. Долгое время оборот цитировался по-французски, потом – уже в пушкинской версии «презренная проза».

В пародийном ключе, вне связи с вольтеровским оборотом, термин «низкая проза» использован в рецензии на учебник Н.И. Греча 1843 г., написанной предположительно Н.А. Некрасовым: «... Проза разделяется на *низкую* и *высокую*. *Низкая* проза служит только для сообщения другим мыслей; высокая, называемая иначе *красноречием*, служит для убеждения других и достижения в жизни различных полезных целей» [Некрасов, 1995, с. 46].

¹ Опубликованный здесь стихотворный дневник путешествия был написан в 1732 г.

Выражение «la vile prose» у Вольтера и его друзей неизменно носит оттенок иронического самоуничтожения – как и «humble prose» у английских авторов. В том же значении оно употреблялось после Вольтера; недаром Лагарп специально отмечает «забавность» вольтеровского выражения. Впоследствии оно, по-видимому, стало восприниматься как почти нейтральное стилистически. В словаре середины XIX в. читаем: «Проза, обычный язык, без ритма, противостоящий поэзии: низкая проза» [Prudence Boissière, 1862, p. 805].

В версии Пушкина ироническое звучание оборота подчеркнуто его помещением в поэтический ряд, и этот оттенок сохранился доныне.

Список литературы

Блудова А.Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой : конец 1831 года // Русский архив. – Москва, 1878. – № 3. – С. 348–368.

Бочаров С.Г. Повествование в прозе // Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина : очерки. – Москва : Наука, 1974. – С. 105–126.

Вольтер. Эстетика : Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения / сост., вступит. статья и коммент. В.Я. Бахмутского. – Москва : Искусство, 1974. – 392 с.

Долинин А. Пушкин и Англия : цикл статей. – Москва : Новое лит. обозрение, 2007. – 280 с.

Душенко К.В. Вольтер и Феофилакт Косичкин : об эпиграфе к пушкинскому памфлету «Торжество дружбы» // Душенко К.В. Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов. – Москва : ИНИОН РАН, 2019. – С. 437–446. [Журн. публ.: Новое литературное обозрение. – Москва, 2010. – № 5. – С. 150–155.]

Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – Москва : Языки русской культуры, 2019. – Т. 15 : Письма 1795–1817. – 1090 с.

Катенин П.А. Письма к Н.И. Бахтину. (Материалы для истории и русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века) / вступит. статья и примеч. А.А. Чебышева. – Санкт-Петербург : Н. Я Стойкова, 1911. – 250 с.

Некрасов Н.А. (?) Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, <...> изданная Н. Гречем: [Рец.] // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. – Санкт-Петербург : Наука, 1995. – Т. 12, кн. 2. – С. 44–64.

Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. – Москва : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 58 : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – С. 3–154.

Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / под общей ред. Е.О. Ларионовой. – Санкт-Петербург : Гос. пушкинский театральный центр, 2001. – 676 с.

Рак В.Д. «Унижусь до презренной прозы?» // *Рак В.Д.* Пушкин, Достоевский и другие: (Вопросы текстологии, материалы к комментариям) : сб. ст. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – 525 с. – С. 100–111. [Журн. публ.: Русская речь. – Москва, 1999. – № 5. – с. 9–17.]

Смирнов А.А. Проблема эстетического признания прозы в европейской литературной теории XVIII века // XVIII век: литература в контексте культуры. – Москва : УРАО, 1999. – С. 9–17.

Сретенский В.М. [псевд.] Псевдолотман : историко-бытовой комментарий к поэме А.С. Пушкина «Граф Нулин». – Москва : Посев, 2010. – 270 с.

Томашевский Б.В. Проза // Смена. – Москва, 1936. – № 285, сентябрь. – С. 32–33.

Эткинд Е.Г. Поэзия растет из прозы // *Эткинд Е.Г.* Разговор о стихах. – Москва : Детская литература, 1970. – С. 194–199. [Под загл. «О “презренной прозе”» перепечатано в кн.: *Эткинд Е.Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 227–230.]

Forrest E. An account of what seemed most remarkable in the five days peregrination of the five following persons, viz. Messieurs Tothall, Scott, Hogarth, Thornhill, and Forrest, begun on Saturday, May 27, 1732, and finished on the 31 st of the same Month // *Hogarth W.* The Genuine Works of William Hogarth: Illustrated with Biographical Anecdotes, a Chronological Catalogue, and Commentary / By John Nichols <...> and the late George Steevens. – London : Longman : Hurst, Rees, and Orme [etc.], 1808 – Vol. 1. – P. 493–524.

Frédéric II, roi de Prusse. Oeuvres posthumes. – Berlin : Voss et Decker, 1788. – T. 12. – 316 p.

Helvetius C.-A. Oeuvres complètes. – Londres : [La Société typographique de Bouillon], 1781. – T. 2. – 708 p.

La Harpe J.-F. de. Lycée: ou cours de littérature ancienne et moderne. – Paris : H. Agasse, 1799. – T. 1. – 508 p.

Nouvelles littéraires: Traduction nouvelle des Oeuvres Virgile <...>. Tome Ier contenant les Eglogues & les Georgiques, par M. le Blond. A Paris, [1783]: [Revue] // *Mercur de France.* – Paris, 1783. – Juin 18. – P. 178–193.

Phillips E. The Stage-Mutineers, or a Play-House to Be Lett : A Tragi-Comi-Farcical-Ballad Opera, as It Is Acted at the Theatre-Royal in Covent-Garden. – London : R. Wellington, 1733. – 40 p.

Prudence Boissière J.-B. Dictionnaire analogique de la langue française : Répertoire complet des mots. – Paris : Larousse et Boyer, 1862. – 1439 p.

Trublet N.-C.-J. Essais sur divers sujets de littérature et de moral. – Paris : Briasson, 1760. – T. 4. – 445 p.

Voltaire. Oeuvres complètes : Avec des remarques et des notes historiques, scientifiques et littéraires. – Paris : Delangle frères, 1828–1834. – T. 1–97.

«ТОЛСТЫЙ ГЕНЕРАЛ» И КНЯЗЬ ГРЕМИН: ПРЕВРАЩЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗА

С 1880-х годов представление о героях пушкинского «Евгения Онегина» в массовом сознании складывалось под сильнейшим влиянием оперы Чайковского. По замечанию Сергея Денисенко, «литературный и театральные тексты перемешались в сознании слушателя-зрителя-читателя “Онегина”, слились воедино, <...> превратившись в *сверхтекст*» [Денисенко, 2010, с. 251]. Существенной частью этого сверхтекста является образ князя Грешина, мужа Татьяны.

В опере муж Татьяны – одно из главных действующих лиц, у Пушкина – второстепенный персонаж без имени, князь Н. В гл. 7 это «какой-то важный генерал»; услышав, что он обратил на нее внимание, Татьяна недоуменно спрашивает: «Кто? Толстый этот генерал?» [Пушкин, 1937, с. 162, 163]. В гл. 8 выясняется, что Онегин ему «родня и друг»; князь с ним на «ты» и вспоминает «проказы, шутки прежних лет». Наконец, Татьяна сообщает, что «муж в сраженьях изувечен» и «нас за то ласкает двор» [там же, с. 172, 173, 175, 187].

Для Белинского муж Татьяны «с головы до ног» охарактеризован стихами «...И всех выше / И нос и плечи подымал / Вошедший с нею генерал» («Сочинения Александра Пушкина», статья восьмая, 1845) [Белинский, 1955б, с. 464]. Очевиден контраст между авторским, ироническим описанием генерала и возвышающими его

словами Татьяны в сцене объяснения с Онегиным. Следует, однако, помнить, что ближайшая цель этих слов – показать недостойность побуждений Онегина.

Вопрос о возрасте князя Н долгое время не возникал. В нашумевшей статье Д.И. Писарева о «Евгении Онегине» (1865) единственный, саркастически повторяющийся эпитет мужа Татьяны – «толстый» [Писарев, 1956]. В 1874 г. беллетрист-нравоописатель Михаил Авдеев, младший современник Пушкина, называет генерала «изувеченным стариком». Этот старик Татьяне, вероятно, противен, и замуж она вышла «не в силу ясно сознанного долга – она создала себе долг из общепринятой рутины» [Авдеев, 1874, с. 177, 188].

Представление о муже-старике окончательно закрепилось благодаря опере Чайковского (1879) и «Пушкинской речи» Достоевского (1880). «Татьяна <...> выходит замуж за старого генерала», – сообщалось в школьном пособии по литературе, изданном в 1881 г. [Цветков, 1881, с. 153].

Однако Н.О. Лернер в статье 1929 г. вполне убедительно показал, что большой разницы в возрасте между Онегиным и мужем Татьяны нет. Князь Н принадлежит к числу молодых генералов «двенадцатого года». В гл. 8, действие которой начинается осенью 1824 г., Онегину около 28 лет, а мужу Татьяны – «35 лет и уж никак не более сорока» [Лернер, 1929, с. 215]. В.Ф. Ходасевич независимо пришел к той же оценке: около 36 лет.

Кроме того, «изувечен», по Лернеру, «не значит ни калека, ни развалина, а просто человек был несколько раз ранен» [там же, с. 214]. Такое словоупотребление не вполне обычно; в словаре Даля «изувеченный» означает именно «искалеченный». Тем не менее Лернер, как мы полагаем, был прав, и «изувечен» у Татьяны скорее гипербола, подчеркивающая боевую доблесть ее мужа.

Лернер указывал и причину неверного представления о возрасте генерала: «...Когда Чайковский писал свою оперу, а Достоевский говорил речь, русские люди давно перестали вступать в общественную жизнь так рано, как во времена Пушкина» [Лернер, 1929, с. 215].

Однако можно предположить и другую причину, а именно контаминацию образа мужа Татьяны с образом князя Верейского из романа «Дубровский» (1833, опубл. в 1841 г.). Сходство сюжетных линий «Онегин–Татьяна–генерал» и «Дубровский–Маша–Вережский» очевидно, как и сходство финалов обоих произведений («Я дала клятву <...>, князь мой муж» [Пушкин, 1948, с. 221]).

Князь Верейский описан гораздо подробнее, чем князь Н. «Князю было около 50 лет, но он казался гораздо старше. Излишества

всякого рода изнурили его здоровье и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами» [Пушкин, 1948, с. 207]. Отношение Маши к навязанному ей жениху, как можно полагать, немногим отличалось от отношения Татьяны к мужу, выбранному для нее родней: «...Обращение ее со старым женихом было холодно и принужденно. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный ее безмолвным согласием» [там же, с. 213].

* * *

В 1859 г. увидела свет повесть Достоевского «Дядюшкин сон». В комментарии к «Полному собранию сочинений» отмечены черты сходства дядюшки с графом Нулиным и Хлестаковым. Между тем вводная характеристика дядюшки (гл. 2) обнаруживает куда более очевидное сходство с портретом князя Верейского: «...Князь К. был еще не бог знает какой старик, а между тем, смотря на него, невольно приходила мысль, что он сию минуту развалится: до того он обветшал, или, лучше сказать, износился». «Человек он был к тому же добрейший, разумеется, не без некоторых особенных княжеских замашек»; он мог быть «очаровательно весел», и мордасовские дамы видят в нем «милого старичка» [Достоевский, 1972а, с. 300–301].

Главная пружина сюжета – старания Марьи Александровны, «первой дамы в Мордасове», выдать свою дочь Зинаиду замуж за князя. Зина любит другого, и Марья Александровна мобилизует все свое красноречие, чтобы уговорить ее согласиться на этот брак (гл. 5). Начинает она с повторения доводов «нового поколения», не признающего брака без любви: «Ужасно поклясться перед алтарем божиим в любви к тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь!» [там же, с. 326]. Но доводы эти приводятся лишь для того, чтобы их опровергнуть, представив брак с выжившим из ума стариком как подвиг христианской добродетели и верх самоотречения:

«...Ты, красавица, – жертвуешь старику свои лучшие годы! Ты, как прекрасная звезда, осветишь закат его жизни; ты, как зеленый плющ, обовьешься около его старости <...>. Если ты не веришь в любовь, то обрати свои чувства на другой, более возвышенный предмет, обрати искренно, как дитя, со всею верою и святостию, – и Бог благословит тебя. Этот старик тоже страдал, он несчастен, его

гонят <...>. Будь же его другом, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его, – если уж все говорить! – но согрей его сердце, и ты сделаешь это для Бога, для добродетели! Он смешон, – не смотри на это. Он получеловек, – пожалей его: ты христианка! Принудь себя; такие подвиги нудятся. <...> ...Есть ангелы божии, исполняющие это и благословляющие Бога за свое назначение» [Достоевский, 1972а, с. 300–301].

В этом пассаже можно было бы усмотреть пародию на «Пушкинскую речь» Достоевского, не будь она произнесена два десятилетия спустя.

Наконец, эпилог повести содержит прямые переключки с гл. 8 «Евгения Онегина». Действие происходит в главном городе «отдаленнейшего края» (вероятно, сибирского), на балу у генерал-губернатора. Чиновник Мозгляков, прежний претендент на руку Зинаиды, узнает, что два года назад в Москве она вышла замуж за генерал-губернатора. Теперь она светская дама, «гордая и надменная»; «ее взгляд небрежно скользнул по его лицу и тотчас же обратился на какого-то другого». Муж Зинаиды – «старый воин, израненный в сражениях, с двумя звездами и с белым крестом на шее». Подобно князю N, он ведет себя «важно и чинно» [там же, с. 397]. Вероятно, уже тогда муж Татьяны представлялся Достоевскому «старым воином». «Израненный в сражениях», конечно, парафраза пушкинского «в сраженьях изувечен», что свидетельствует в пользу верности истолкования этого оборота Лернером.

* * *

Опера «Евгений Онегин», законченная в начале 1878 г., была впервые поставлена в марте 1879 г. на сцене Малого театра силами учащихся Московской консерватории. Либретто написал композитор вместе с поэтом-любителем К.С. Шиловским. Доля участия обоих авторов либретто остается невыясненной, но, судя по переписке Чайковского конца 1870-х годов, а также по другим примерам его работы с либреттистами, композитор намечал основные сюжетные линии (сценариум), а Шиловский отвечал за стихотворное оформление сюжета.

Здесь безымянный пушкинский князь получил фамилию Гремин. Эта фамилия была уже знакома читающей публике, и вовсе не с лучшей стороны. В повести А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830) князь Гремин – командир гусарского эскадрона.

Отталкиваясь от пятой и шестой глав «Евгения Онегина» (более поздние были ему еще неизвестны), Марлинский постарался «исправить» пушкинский роман. Герои повести Стрелинский и Греммин – друзья-враги, подобно Онегину с Ленским [Кулешов, 1981, с. 30]. Греммин влюблен в Алину Звездич, замужнюю даму; муж ее – больной семидесятилетний старик. У Марлинского дело обходится без трагедий: Греммин женится на Ольге, сестре Стрелинского, сумевшей помешать их дуэли.

Фамилии героев повести – «говорящие». Фамилия Звездич указывает на блестящее положение Алины в свете; Стрелинский – от слова ‘стрелять’; Греммин – от слова ‘греметь’. (В словаре Даля приведен также синоним ‘гремкать’ и прилагательное ‘гремкий’, с ударением на первом слоге.) В ряде публикаций [напр.: Денисенко, 2010] персонаж оперы Чайковского именуется Грёминым – вероятно, по театральной традиции; обстоятельства появления этой формы имени нам неизвестны.

С «Испытания» начинается Белинский разбор беллетристического творчества Марлинского в обширной статье о нем 1840 г. Среди разительных изъянов повести назван здесь язык Гремина и прочих персонажей, «склеенный из азбучных афоризмов, ходячих сентенций и острот, вычитанных из плохих романов» [Белинский, 1954, с. 40].

Именно в этой связи упомянут Греммин в «Мертвых душах» Гоголя, опубликованных два года спустя после статьи Белинского: «...[Чичиков] уже готов был отпустить ей ответ, вероятно, ничем не хуже тех, которые отпускают в модных повестях Звонские, Линские, Лидины, Гремины и всякие ловкие военные люди» [Гоголь, 1951, с. 166].

С этого времени фамилия Греммин вплоть до 1870-х годов многократно использовалась в качестве нарицательной, обычно в ряду других «романических имен».

«Фамилии действующих лиц всегда самые романические: Славины, Гремины, Альмские, Лирины, Звонские, Светины, Лидины и т.д. <...> ...Графы, князья <...> отличаются такою тонкостью обращения, таким остроумием, о каких, можно сказать решительно, и понятия не имеют люди того большого света, который существует не в романах, а в действительности» (Белинский в рецензии 1842 г.) [Белинский, 1955а, с. 442].

«Князья Звонские, Гремины и Лидины выгнаны из литературы» (Аполлон Майков в 1849 г.) [Майков, 1849, с. 81].

«Звонские, Гремины и Лидины, являвшиеся в повестях Марлинского, конечно очень смешны <...>» (Аполлон Григорьев, «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая», 1859) [Григорьев, 1967, с. 502].

«...Иные и не подозревают, что Гремины, Звонские, Лидины Марлинского – денщики, переодетые в барские мундиры» [Колошин, 1859, с. 248].

«Когда лучшие люди онегинского времени были подавлены до совершенной апатии и перемерли от хандры, за ними появились, с одной стороны, Звездичи и князя Гремины, с другой Чичиковы, Бетрищевы и вся их стая»; «Звездичи и Гремины были действительными представителями своего времени и общества. <...> ...Гремины, Стрелинские и Правины – эта пустота, одетая в блестящий лоск богатства, светскости и салонного остроумия»; «Гремины и Чичиковы существуют и процветают доселе» [Авдеев, 1874, с. 49, 50, 51]. Этот пример особенно показателен, поскольку здесь пустые и ничтожные «князя Гремины» противопоставляются «лучшим людям онегинского времени».

П.Н. Ткачев в рецензии на первые части «Анны Карениной» (1875) писал, что граф Вронский – это «Гремин или Лидин новейшего времени» [Ткачев, 1875, с. 38]. Связь сюжета толстовского романа с «Евгением Онегиным» хорошо известна, и роль Вронского соответствует роли Онегина, но, конечно, не мужа Татьяны.

Несмотря на столь одиозную репутацию фамилии Гремин, оперный Гремин – сугубо положительный лирический персонаж и к тому же старик, вопреки сложившемуся представлению о Гремине как молодом офицере. Сведений о чтении Чайковским Марлинского не имеется [Савинцева, 2016]; можно предположить, что либреттисты воспользовались «звонкой» фамилией, не задумываясь о ее литературной генеалогии.

Неоднократно отмечалось, что знаменитая ария «Любви все возрасты покорны» имеет существенно иной смысл, нежели пушкинская строфа, начинающаяся с того же стиха. У Пушкина (гл. 8, XXIX) благотворность любви для «юных, девственных сердец» противопоставляется ее бесплодности в «позднем возрасте»:

...Печален страсти мертвой след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг [Пушкин, 1937, с. 178].

У Чайковского же

Ее порывы благотворны <...>

И закаленному судьбой

Бойцу с седой головой [Евгений Онегин ..., 1963, с. 63].

«Ты, как прекрасная звезда, осветишь закат его жизни», – в устах Марьи Александровны из «Дядюшкиного сна» этот романтический штамп – чистое лицемерие, как и уподобление жены старика-князя «ангелу божьему». В арии Гремина те же образы даны как нельзя более серьезно:

Она блистает, как звезда во мраке ночи,

В небе чистом,

И мне является всегда <...>

В сиянье ангела лучистом!.. [там же, с. 64].

Во время репетиций и после первых представлений «почитатели Пушкина, как, напр., М.Н. Катков», были недовольны «отступлениями от Пушкина» [Кашкин, 1954, с. 142]. Тургенев, высоко оценив музыку Чайковского, в самых резких выражениях отзывался о либретто оперы [Денисенко, 2010, с. 250].

Оперный Гремин изъясняется едва ли не языком Марлинского¹. Отсюда не следует, будто авторы либретто сознательно обращались к творчеству автора «Испытания»; тут мы имеем дело с ходячими псевдоромантическими клише, которыми изобилует либретто и которые коробили слух тогдашних, а нередко и позднейших читателей Пушкина.

В первоначальном варианте либретто после возгласа Онегина «Ты – моя!» Татьяна, уступив чувству, падает в его объятия. Вошедший муж делает Онегину знак удалиться, после чего следовало заключительное восклицание Онегина: «Позор! Тоска! О, жалкий жребий мой!» [Денисенко, 2010, с. 445]. Более развернутый «канонический» финал появился уже после «Пушкинской речи» Достоевского.

¹ У Марлинского князь Гремин о своей возлюбленной говорит, что она «сверкает звездой на модном горизонте» (что выделено курсивом в статье Белинского 1840 г.) [Белинский, 1954, с. 39].

Эта речь была произнесена 8 июня 1880 г. Здесь муж Татьяны – «старик-генерал», и не просто старик, а «страдалец во вкусе Достоевского», как сказал бы Чехов. «...Измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его». Возможно ли «замучить всего только лишь одно человеческое существо, <...> пусть <...> смешное даже на иной взгляд существо, не Шекспира какого-нибудь, а просто честного старика» и «на слезах этого обесчещенного старика» возвести здание своего счастья? [Достоевский, 1972б, с. 142].

Читавшие «Дядюшкин сон» могли бы тут вспомнить речь Марьи Александровны перед Зинаидой: «Этот старик тоже страдал, он несчастен, его гонят. <...> Он смешон, – не смотри на это. Он получеловек, – пожалей его: ты христианка!»

Отметим также довольно неожиданное упоминание о Шекспире, и притом в составе типично гоголевского оборота. У Гоголя избыточный оборот ‘какой-нибудь’ встречается необычайно часто; особое сгущение оборотов подобного рода наблюдается в «Повести о капитане Копейкине», напр.: «Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, чорт возьми! или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе <...>» [Гоголь, 1951, с. 523].

В «Селе Степанчиково» (1859) монологи Фомы Опискина содержательно и стилистически пародируют Гоголя. Здесь интересующий нас оборот относится уже к историческим личностям, причем упоминаются они в пародийных рассуждениях о добродетели: «...преисполненного добродетелями, которым <...> может позавидовать даже какой-нибудь слишком прославленный Александр Македонский». «А тут, может быть, сам Макиавель или какой-нибудь МеркадANTE перед ними сидел, и только тем виноват, что беден и находится в неизвестности» [Достоевский, 1972в, с. 68, 90].

В «Дядюшкином сне» Марья Александровна упоминает Шекспира поминутно в той же стилистике: «начитались там какого-нибудь вашего Шекспира»; «романтизм, навеянный этим проклятым Шекспиром» и т.д. [Достоевский, 1972а, с. 405, 425]. Обращение к образам и речевым формулам «Дядюшкиного сна» в 1880 г., понятно, не могло быть сознательным, но и случайным его едва ли можно считать. Образ дядюшки в повести – не комический, а трагикомический, и некоторые его черты, как мы полагаем, отразились в «Пушкинской речи» помимо воли ее автора.

Именно тогда Чайковский переделал финал оперы. 22 октября 1880 г. А.И. Чайковский писал брату: «Донельзя счастлив, что ты согласился на эти перемены. Ей богу, почти не приходится говорить об “Онегине”, чтобы сейчас же не зашла речь о том, что ты напрасно поправлял Пушкина. Все это наделала речь Достоевского и его августовский номер “Дневника”» [Домбаев, 1958, с. 84].

Премьера новой редакции оперы состоялась в московском Большом театре в январе 1881 г. Татьяна уже не падает в объятия Онегина – она берет на себя роль проповедника-моралиста, словно бы вторя «Пушкинской речи»:

Но пыл преступный подавив,
Долг чести суровый, священный
Чувство побеждает! [Денисенко, 2010, с. 473].

Стилистическая какофония либретто достигает своей кульминации. Не случайно Станиславский в 1922 г. обратился к первоначальному тексту, и с тех пор опера ставится в двух редакциях.

* * *

Чехов относился к творчеству Достоевского настороженно, а почти все упоминания о нем и его героях в чеховских рассказах выдержаны в пародийной тональности. Наиболее известный пример такого «отталкивания от Достоевского» – рассказ «Загадочная натура» (1883). В купе первого класса встречаются «хорошенькая дамочка» и Вольдемар, чиновник и начинающий писатель.

«– О, я постигаю вас! – говорит чиновник особых поручений, целуя ее руку около браслета. – Ваша чуткая, отзывчивая душа ищет выхода из лабиринта... Да! Борьба страшная, чудовищная, но... не унывайте! Вы будете победительницей! Да!»

Дамочка охотно принимает предложенную ей роль:

«– <...> Я страдальца во вкусе Достоевского... Покажите миру мою душу, Вольдемар, покажите эту бедную душу!».

«– Чудная! – лепечет писатель, целуя руку около браслета. – Не вас целую, дивная, а страдание человеческое! Помните Раскольникова? Он так целовал» [Чехов, 1975, с. 90–91].

Однако в «Загадочной натуре» можно отыскать отсылку не только к «Преступлению и наказанию»:

«Я жаждала чего-то необыкновенного... не женского! И вот... И вот... подвернулся на моем пути богатый старик-генерал... Поймите меня, Вольдемар! Ведь это было самопожертвование, самоотречение, поймите вы! Я не могла поступить иначе. Я обогатила семью, стала путешествовать, делать добро... А как я страдала, как невыносимы, низменно-пошлы были для меня объятия этого генерала, хотя, надо отдать ему справедливость, в свое время он храбро сражался. Бывали минуты... ужасные минуты! Но меня подкрепляла мысль, что старик не сегодня-завтра умрет, что я стану жить, как хотела, отдамся любимому человеку, буду счастлива...» [Чехов, 1975, с. 91–92].

Тема «страданий по Достоевскому» уже прозвучала, поэтому «старик-генерал», который «храбро сражался» и ради которого дамочка готова принести себя в жертву, напоминает о «Пушкинской речи». В то же время мысль о возможности выйти замуж за любимого человека после смерти старика-мужа повторяет доводы, которыми Марья Александровна в «Дядюшкином сне» убеждает Зинаиду выйти замуж за князя.

В концовке рассказа гротескные «страдания по Достоевскому» доводятся до абсурда:

«— Но вот старик умер... <...> Теперь-то и отдаться любимому человеку, сделаться его подругой, помощницей, носительницей его идеалов, быть счастливой... отдохнуть... Но <...> я несчастна, несчастна, несчастна! На моем пути опять стоит препятствие! Опять я чувствую, что счастье мое далеко, далеко! Ах, сколько мук, если б вы знали! Сколько мук!

— Но что же? Что стало на вашем пути? <...>

— Другой богатый старик...» [там же].

* * *

Итак, родословная князя Гремина не сводится только к последним главам «Евгения Онегина» и опере Чайковского. Свою роль в создании этого образа сыграли роман Пушкина «Дубровский», повесть Марлинского «Испытание», «Дядюшкин сон» и «Пушкинская речь» Достоевского, а также литературная критика 1850–1870-х годов.

Список литературы

Авдеев М.В. Наше общество (1820–1870) в героях и героинях литературы. – Санкт-Петербург : тип. К.В. Трубникова, 1874. – 291 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 4. – 675 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. – Москва : Изд-во АН СССР, 1955а. – Т. 6. – 799 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. – Москва : Изд-во АН СССР, 1955б. – Т. 7. – 799 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. – Москва : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 6 : Мертвые души. [Ч.] 1. – 924 с.

Григорьев А.А. Литературная критика. – Москва : Худож. лит., 1967. – 630 с.

Денисенко С.В. Пушкинские тексты на театральной сцене в XIX веке. – Санкт-Петербург : НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2010. – 532 с.

Домбаев Г. Творчество Петра Ильича Чайковского в материалах и документах / под ред. Г.Б. Бернандта. – Москва : Гос. муз. изд-во, 1958. – 635 с.

Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон. (Из мордасовских летописей) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Москва ; Ленинград : Наука, 1972а. – Т. 2. – С. 296–398.

Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк). Произнесено 8 июня в Заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Москва ; Ленинград : Наука, 1972б. – С. 136–149.

Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели : из записок неизвестного // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. – Москва ; Ленинград : Наука, 1972в. – Т. 3. – С. 5–168.

Евгений Онегин П.И. Чайковского. На стихи А.С. Пушкина. – Москва : Гос. муз. изд-во, 1963. – 72 с. – (Оперные либретто).

Кашкин Н.Д. Воспоминания о П.И. Чайковском. – Москва : Гос. муз. изд-во, 1954. – 225 с.

Колошин С.П. Светские язвы : повесть // Утро : лит. сб. – Москва : Тип. Барфкнехта, 1859. – С. 215–343.

Кулешов В.И. А.А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения : в 2 т. – Москва : Худож. лит., 1981. – Т. 1. – С. 5–32.

Лернер Н.О. Муж Татьяны // Лернер Н.О. Рассказы о Пушкине. – Ленинград : Прибой, 1929. – С. 213–216.

[*Майков А.Н.*] Выставка в Императорской Академии художеств. Октябрь, 1849 // Современник. – Санкт-Петербург, 1849. – Т. 18, № 1. – С. 58–84 (2-я паг.).

Писарев Д.И. Пушкин и Белинский. «Евгений Онегин» // Писарев Д.И. Сочинения : в 4 т. – Москва : Гос. изд-во худож. лит. – 1956. – С. 306–364.

Пушкин А.С. Дубровский // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 17 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 8. – С. 159–223.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 17 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 6 : Евгений Онегин. – 700 с.

Савинцева В.А. Князь Гремин А. Бестужева-Марлинского : об одном гипотетическом прообразе персонажа из оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского // Музыка в системе культуры : научный вестник Уральской консерватории. – Екатеринбург, 2016. – № 11–2. – С. 32–38.

Ткачев П.Н. Критический фельетон // Дело. – Санкт-Петербург, 1875. – № 5. – С. 13–42 (3-я паг.).

Цветков А.А. Образцы русской словесности (применительно к курсу средних учебных заведений). Отдел III. Пушкинский период (до Гоголя включительно). – Санкт-Петербург : Э. Гартъе, 1881. – 616 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. – Москва : Наука, 1975. – Т. 2. – 584.

ПРЕЗРЕННЫЙ МЕТАЛЛ: ВХОЖДЕНИЕ ИДИОМЫ В ЛИТЕРАТУРУ

В «Крылатых словах» Ашукиных (1-е изд.: 1955) сообщается, что выражение «презренный металл» широко популяризировано романом Гончарова «Обыкновенная история» (1847), хотя появилось несколько раньше [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 495]. То и другое, вообще говоря, справедливо; однако обстоятельства вхождения идиомы в русскую литературу, в частности роль, которую сыграл тут роман Гончарова, заслуживают более обстоятельного рассмотрения.

* * *

Слово ‘металл’ пришло к нам в Петровскую эпоху: первый пример в словаре языка XVIII в. датируется 1698 г. ‘Металл’ без определения обычно означал железо или сталь. В терминологическом значении употреблялись обороты ‘низкий/простой/подлый металл’, в отличие от ‘высокого/драгоценного металла’.

Переносное значение ‘золота/денег’ ‘подлый металл’ приобрел в начале XIX в. в качестве кальки французского ‘vil métal’. Слово ‘vil’ означает ‘подлый, гнусный, низкий, неблагородный’. Изначально ‘vil métal’ было термином (‘неблагородный металл’). Его метафорическое значение актуализировалось в XVIII в., например: «...Согласно Генуэзскому кодексу <...> деньги могли быть приравнены к жизни человека. <...> Сколь ненавистно

правительство, которое за несколько кусочков подлого металла отдаст жизнь гражданина богатому негодяю, готовому за нее заплатить!» [Pommereul, 1779, p. 134]. В 1791 г. Жанна де Шалабр, любовница Робеспьера, писала ему: «...Золото, этот подлый металл, делающий людей глупыми и свирепыми <...>» [Papiers inédits ..., 1828, p. 173].

В этих примерах выражение ‘подлый металл’ – знак морального осуждения жажды обогащения. В том же качестве оно встречается в русской переводной литературе начала XIX в. Герой повести Франсуа Верна «Сентиментальное путешествие во Францию при Робеспьере» (1799) обращается к самому себе со словами: «Безрассудный! ты стоишь при дверях гроба, а еще боготворишь сей подлый металл – вину всех страстей, всех злодеяний человеческих!! – Нет – нет! золото всегда было предметом моего презрения; оно яд душевный; проклиная его!» [Верн, 1803, с. 118; Верн, 1805, с. 135]. Заметим, что оборот «предмет моего презрения» принадлежит переводчику; в оригинале «cette fange» – «эта грязь» [Vernes, 1799, p. 383].

В поэзию ‘подлый металл’ ввел Евгений Гребенка («Печаль», 1837):

«Люблю» – прошептала мне дева притворно;
Но златом пред нею богач прозвучал,
И я был осмеян изменой позорной:
Променяны чувства на подлый металл! [Гребенка, 1837, с. 14]

Редкий пример метафоры ‘подлый металл’ в значении ‘железо’ встречается в повести Нестора Кукольника «Старый хлам» (1846): «...И душа может ржаветь, как подлый металл» [Кукольник, 1846, с. 25].

Почти в том же значении, что ‘подлый металл’, использовался оборот «ничтожный металл»; вероятно, впервые – в прозаическом переводе шекспировского «Юлия Цезаря», выполненном Карамзиным с языка оригинала (1786): «важные достоинства продавать за ничтожный металл» («Юлий Цезарь», IV, 3) [Карамзин, 2007, с. 498]. В оригинале: «for so much trash»; возможный перевод: «за груды хлама»; в переводе М. Зенкевича: «величие нашей чести / За хлам ничтожный» [Шекспир, 1959, с. 293].

В романе В. Нарезного «Российский Жилблаз» (1814), III, 16: «Думал ли я, что ничтожный металл действует над сердцем твоим более, чем знаменитое титуло принца Голькондского?» [Нарежный,

1956, с. 349]. В повести Вильгельма Карлгофа «Мститель» (1832): «Жалкий соблазнитель – ты требуешь от людей честного имени лучших радостей жизни, а в замену предлагаешь ничтожный металл <...>» [Карлгоф, 1832, с. 54].

* * *

В XVIII в. во французском языке появляются также обороты ‘*métal méprisable*’ (презренный металл) и, реже, ‘*or méprisable*’ (презренное золото), поначалу в нравоучительном, назидательном контексте: «...Слабый государь <...> за каждую крупницу недостающей ему добродетели может положить на чашу весов во сто крат больше <...> презренного золота» [Bielfeld, 1752, р. 176]. Жозеф Шабо в оде «Ад» (1760) обращается к грешнику, претерпевающему мучения в преисподней: «Скупец, ты клянешь свою роковую страсть <...>. / Богу ты предпочел презренный металл <...>» [Chabaud, 1760, р. 354].

В 1795 г. вышла в свет «Исправленная история Робинзона Крузо» – переделка романа Дефо «для наставлению молодежи, по совету и плану Жана Жака Руссо». Здесь Робинзон, обнаруживший на потерпевшем крушение корабле золотые и серебряные монеты, восклицает: «Презренный металл!» [Histoire corrigée ..., 1795, р. 120].

В немецко-французском словаре 1824 г. ‘*or vil*’ (подлое золото) и ‘*métal méprisable*’ даны как синонимы, с немецким соответствием ‘*Lausegold*’ [Mozin, 1824, S. 15]. ‘*Lausegold*’ (букв. ‘вшивое золото’) – крайне редкое слово из старинной застольной песни. Реальными соответствиями были с XVIII в. обороты ‘*das verächtliche Metall/Gold*’ (‘презренный металл’, ‘презренное золото’), появившиеся, по-видимому, независимо от соответствующих французских. В английской литературе оборот ‘*despicable metal*’ – ‘презренный металл’ – изредка встречался в переводных текстах, а метафора ‘*vile metal*’ – ‘подлый металл’ – встречалась с XVIII в., но широкого распространения не получила.

Уже с конца XVIII в. эти выражения начинают употребляться в ироническом контексте. В 1788 г. увидела свет политическая сатира «Три разговора мертвых», приписываемая Фридриху II и написанная, вероятно, в 1770-е годы. Один из участников «Разговоров...» – глава французской дипломатии Этьен Шуазёль (1719–1785), отличавшийся крайней расточительностью. «Меня, – говорит

он, – обвиняли в растрате денег во время моего министерства; и я действительно презираю этот подлый металл» [Frédéric II, 1789, p. 157].

В сатирическом очерке Шарля Жозефа Кольне «Рукопись, найденная в бумагах юного Лаклака»¹ хозяин команды клакеров обращается к авторам пьес: «Господа, <...> вы трудитесь ради славы <...>. Откажитесь от доходов от представлений в мою пользу; подлый металл не должен осквернять ваших рук», иначе «занавес всегда будет опускаться прежде конца последнего акта и вы не получите ни славы, ни выгоды» [Colnet, 1811, p. 699; Colnet, 1825, p. 141]. В русском переводе: «...Подлый металл не должен сквернить рук ваших» [Кольне, 1826, с. 102].

* * *

Ранний пример оборота ‘презренное золото’ в русской печати находим в прозаическом переводе поэмы Вальтера Скотта «Рокби» (1813), I, 31: «...Победитель взирает на золотой венец свой, как на подлый металл; а в то же время побежденный оплакивает потерю оною и почитает еще сие презренное золото блистательнейшею наградою» [Скотт, 1823, с. 71].

Хотя на титуле значилось, что поэма переведена с английского, в действительности источником русского издания был французский прозаический перевод, опубликованный в 1821 г. под загл. «Матильда де Рокби». ‘Презренное золото’ – единственное значимое отступление от французского текста, вместо ‘faux or’ – ‘фальшивое золото’ (цитирую по изд. 1831 г., опубл. под загл. «Рокби») [Scott, 1831, p. 70].

В английском оригинале нет ни ‘подлого металла’, ни ‘презренного золота’, ни ‘фальшивого золота’:

The victor sees his fairy gold
Transformed <...> to drossy mold,
But still the vanquished mourns his loss,
And rues, as gold, that glittering dross.

¹ В 1825 г. включен в сборник Кольне «Отшельник Сен-Жерменского предместья».

Победитель видит свое волшебное золото
Обращенным <...> в ржавую крицу¹,
Но побежденный все же оплакивает свою потерю
И горюет, словно о золоте, об этой сверкающей ржавчине
[Scott, 1813, p. 42].

В переводе романа Карла Шпиндлера «Иезуит» (1829) читаем: «Корыстолюбие было побуждением ваших поступков! Возьмите же это презренное золото!» [Шпиндлер, 1847, с. 31]. В оригинале ‘das elende Geld’ (жалкое/подлое золото) – нередкий оборот в немецкой романистике 1-й половины XIX в. [Spindler, 1838, S. 36].

При французском короле Рене Добром (XV в.), сообщает в своих путевых заметках М.С. Жукова, «какой-то жид был осужден за хулы противу Пресвятой Девы <...>. Евреи предлагали 195,000 ливров за прощение несчастного. <...> ...Но король, одушевленный справедливым гневом, вскричал: неужели вы думаете, что я могу забыть оскорбление, нанесенное Матери Господа моего и продам заслуженное наказание за презренное золото? – и приговор был исполнен в назидание иудеям и неверующим» [Жукова, 1844, с. 56].

Но в 1840-е годы использование этого оборота в столь откровенно религиозно-моралистическом духе было уже анахронизмом. ‘Презренный металл’ становится приметой псевдоромантического языка. Персонаж повести Елены Ган «Суд света» (1840) восклицает: «...Я видел теперь кумир мой свергнутым, попираемым в прахе ногами людей, <...> и убеждался, что он был ничто иное как истукан, вылитый из презренного металла, и, еще хуже, женщина без совести, без сердца, без души!..» [Ган, 1843, с. 307].

Фрагмент из повести П. Фурмана «Мастерская и гостиная» (1842) цитировался Белинским как образчик ненатурального стиля автора: «...Все, чего ищут и чему завидуют люди, золото, этот презренный металл, который они обоготворяют, различие почестей и славы, все это ничто перед любовью, этим блаженным чувством <...>!» (Белинский приводит гораздо больший фрагмент текста) [Белинский, 1955, с. 558].

¹ ‘Крица’ – рыхлый ком размягченного губчатого железа в смеси со шлаком и частицами несгоревшего угля, образующийся при плавке железной руды; ‘drossy’ – нечистый, сорный, изобилующий шлаком.

Очень скоро ‘презренный металл’ получает в русской литературе значение «чужого слова», употребляемого отстраненно-иронически. Так было уже в очерке Гончарова «Иван Савич Поджабрин» (1842, опубл. в 1848 г.):

«– ...Иногда они соберутся ко мне, и пойдет вавилонское столпотворение, особенно когда бывает князь Дудкин: карты, шампанское, устрицы, пари... знаете, как бывает между молодыми людьми хорошего тону.

– И вам не жаль тратить денег на шампанское?

– Что жалеть денег? деньги ничтожный, презренный металл. Жизнь коротка, сказал один философ: надо жуировать ею» [Гончаров, 1997, с. 32].

В 1843 г. А. Герцен опубликовал «Путевые записки г. Ведрина» – пародию на «Дорожный дневник» Мих. Погодина. «Нельзя, – замечает Ведрин, – не отдать справедливости цивилизации, когда дело идет об удобствах, – кабы не вред нравам! Только не завязывай туго кошелька: цивилизация требует за все деньги; но за этот презренный металл окружает человека такими предупредительными удобствами, что менее жаль денег» [Герцен, 1954, с. 109].

Говоря же от собственного лица, Герцен ставит ‘презренный металл’ в кавычки: «...Без денег вообще нет свободного человека <...>. Пора бы перестать разглагольствовать о корыстолюбии бедных, пора простить, что голодным хочется есть, что бедняк работает из-за денег, из-за “презренного металла”...» («Письма из Avenue Marigny», II, 1847) [Герцен, 1955, с. 30].

В пародийном ключе ‘презренный металл’ дан в рассказе Вл. Одоевского «Живой мертвец» (1844¹):

«*Гриша*. А мне пришли в голову два славные стиха для элегии:

О золото! Металл презренный!
Нас до чего доводишь ты? –

только рифм не могу отыскать...

¹ Одоевский пометил его 1838-м годом, но датировка эта фиктивна. 18 января 1844 г. Краевский писал Одоевскому: «Уже 18-е число, а у меня нет ни строчки “Живого мертвеца”» [Перхин, 2003, с. 106].

Петр. Слушай, Гриша, я тебе принес рифму, и очень богатую...» [Одоевский, 1988, с. 342].

Под «рифмой» Петр имеет в виду деньги отца собеседников, тайно взятые из комода.

Главная черта героини поэмы Аполлона Майкова «Машенька» (1846) – прекраснодушие и отвлеченность от всякой реальности: «Действительность <...> / Была для Маши пламенной чужда / И называлась прозою презренной» (II, 4) [Майков, 1846, с. 402]. Свидетельством тому служит следующий монолог:

О Боже! для чего я не богата!
Ты знаешь, душка, я ведь не жадна,
И верь, презренного металла злата
Желала б я для счастья людей.
Пренебрегла бы я законы света:
Нет, где-нибудь, в лачуге, без друзей,
В страданиях нашла бы я поэта,
К нему б пришла я ангелом любви;
Сказала бы: «Ты удручен судьбою,
Но я даю тебе, своей рукою –
Любовь мою и золото: живи!» (II, 8) [Майков, 1846, с. 405].

* * *

Итак, «презренный металл» вошел в литературу еще до «Обыкновенной истории», причем у авторов первого ряда это выражение неизменно давалось в ироническом и пародийном ключе. И все же роль романа Гончарова в восприятии новой для русского языка идиомы была исключительно велика. Тому имелись три основные причины: 1) «презренный металл» стал одним из лейтмотивов крупного литературного произведения; 2) выражение всякий раз возникает не просто в ироническом контексте, но в гораздо более значимом контексте полемики с псевдоромантической жизненной установкой; 3) роман имел огромный успех у читателей, практически сразу войдя в канон русской прозы.

В одной из первых глав (I, 3) влюбленный Адуев-младший говорит дядюшке:

«– Могу ли я думать теперь о презренной пользе, когда...

– О *презренной пользе*! презренная! Ты уж лучше построй в горах хижину, ешь хлеб с водой и пей:

Мне хижина убога
С тобою будет рай... –

но только как не станет у тебя “презренного металла”, у меня не проси – не дам...» [Гончаров, 1997, с. 241 (далее цитируется то же издание)].

Пренебрежительно отзываясь о «презренной пользе», Адуев-младший неявно цитирует Моцарта из трагедии Пушкина (Пушкина он вообще охотно цитирует, и всегда в сугубо романтическом тоне): «Нас мало избранных, счастливых праздных, / Пренебрегающих презренной пользой, / Единого прекрасного жрецов», – т.е. причисляет себя к «немногим избранным».

Дядюшка напоминает еще раз: «Смотри же помни, *презренного металла* не проси, как скоро совсем предашься *сладостной неге*» (I, 3) [с. 250]. В речи Адуева-старшего курсивом выделены обороты романтического языка, превратившиеся в риторические клише: ‘презренная польза’, ‘презренный металл’, ‘сладостная нега’. Дядя и потом не устает повторять: «Как хочешь, это твое дело, только, смотри, презренного металла не проси»; «...Если понадобится служба, занятия и *презренный металл*, смело обратись ко мне» (I, 4, II, 5) [с. 265, с. 424], и, наконец, в Эпilogе: «Ну, неужели тебе и теперь не нужно презренного металла?» [с. 469].

Эпитет ‘презренный’ вообще постоянно возникает в речи главных героев; но для Адуева-старшего это «чужое слово», а для Адуева-младшего – часть его романтического лексикона. «Ох, эта мне любовь в двадцать лет! вот уж презренная, так презренная, никуда не годится!», – замечает Адуев-старший (I, 5) [с. 241].

Адуев-младший, уязвленный «изменой» любимой девушки, цитирует Пушкина:

Не попущу, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал...
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек <...> (I, 4) [с. 280].

У Пушкина «червь презренный» носит пародийный оттенок, чего герой романа не замечает.

Советы дядюшки о приемах борьбы с соперником в сердечных делах Адуев-младший с негодованием отвергает: «Презренные хитрости! прибегать к лукавству, чтоб овладеть сердцем

женщины!...» (I, 6) [с. 301]. Потерпев любовную неудачу, он твердит «о высоких страданиях, о святых, возвышенных чувствах, смятых и втоптаных в грязь – “и кем? <...> девчонкой, кокеткой и презренным развратником <...>”» (II, 1) [с. 311]. Он убежден, что любимая женщина для него «должна жертвовать всем: презренными выгодами, расчетами <...>, наконец презреть самую смерть» (II, 1) [с. 312].

Отныне ‘презренный металл’ в литературно образованном кругу уже не мог не ассоциироваться с романом Гончарова, который, по оценке Белинского, нанес «страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму» (письмо к В.П. Боткину от 17 марта 1847 г.) [Белинский, 1956, с. 352]. В позднейших письмах автора «Обыкновенной истории» ‘презренный металл’ ощущается почти как автоцитата: «Да и презренный металл – не последнее препятствие!» (1870); «Будь у меня немного – т.е. однако тысячи полторы лишнего презренного металла, я сейчас бы кинулся ловить вас в Париже <...>» (1875) [Гончаров, 1955, с. 438; И.А. Гончаров, 1997, с. 274].

* * *

В рассказе А.Н. Плещеева «Папироска», появившемся в печати год спустя после «Обыкновенной истории», ‘презренный металл’ иронически сопрягается с ‘христианскими добродетелями’: «Женихи, как известно, народ такой робкий; ума бояться, а ищут в женщинах иных качеств, качеств истинно-христианских: смирения и послушания, конечно, если при этих священных добродетелях есть и презренный металл. Но металла-то, как и вышесказанных добродетелей, за Глафирой Владимировной не водилось» [Плещеев, 1988, с. 307].

Отметим также высказывание персонажа повести «Мориц Сефарди» (1850), принадлежавшей перу зачинателя русско-еврейской литературы Осипа Рабиновича: «Напрасно золото называли презренным металлом – это неправда: презрен только тот, кто не знает настоящего его употребления. Никто же не вздумал называть дар слова презренным даром оттого, что при превратном употреблении он может быть причиной многих зол. Название презренного металла уже стало выводиться <...>. Это название еще иногда является у некоторых поэтов, вероятно, оттого, что книгопродавцы и издатели дешево им платят за поэзию. Золото можно скорей назвать опасным металлом, но ничуть не презренным» [Рабинович, 1850, с. 71].

Во второй половине XIX в. ‘презренный металл’ встречается у М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Помяловского, Н.А. Некрасова, П.А. Вяземского, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева и т.д. Но самый заметный пример цитирования этого оборота после «Обыкновенной истории» – сцена из комедии А.Н. Островского «Тяжелые дни» (1863), II, 2. Стряпчий наводит страх на купчиху словами из книжной премудрости:

Мудров. Да, есть слова, есть-с. В них, сударыня, таинственный смысл сокрыт, и сокрыт так глубоко, что слабому уму-с...

Настасья Панкратьевна. Вот этих-то слов я, должно быть, и боюсь. Бог его знает, что оно значит, а слушать-то страшно. <...>

Мудров. Вот, например, металл! Что-с? Каково слово! Сколько в нем смыслов! Говорят: «презренный металл!» Это одно значит; потом говорят: «металл звенящий». – «Глагол времен, металла звон». Это значит, сударыня, каждая секунда приближает нас ко гробу. И колокол тоже металл. А то есть еще благородные металлы [Островский, 1974, с. 466].

Слово ‘металл’ со всеми его эпитетами пугает купчиху так же, как слово ‘жупел’: «Разуму у меня немного, сообразить я ваших слов не могу; мне целый день и будет представляться» [там же].

* * *

Как мы видели выше, шекспировский оборот «for so much trash» («Юлий Цезарь», IV, 3) Карамзин переводил: «за ничтожный металл». В переводе П.А. Козлова (1903) здесь появился ‘презренный металл’: «И честь свою, и славу продают / За пригоршни презренного металла!» [Шекспир, 1903, с. 195].

‘Презренный металл’ дважды использовался переводчиками шекспировской драмы «Король Генрих VIII» (1613), но не в качестве синонима ‘золота’, что представляется нам стилистической неточностью. В переводе П. Вейнберга (1864) кардинал Вулси говорит придворным, требующим, чтобы он удалился от дел (III, 2): «Теперь я вижу ясно, / Какой металл презренный послужил, / Чтоб вылить вас: металл тот – злая зависть» [Шекспир, 1864, с. 87]. В переводе В. Томашевского (1960): «Из зависти вы отлиты природой, / Из самого презренного металла» [Шекспир, 1960, с. 288].

В оригинале: «Now I feel / Of what coarse metal ye are moulded – envy» – «Теперь я вижу, / Из какого грубого металла вы отлиты – из зависти». (‘Coarse metal’ – ‘грубый/необработанный/низкосортный металл’.)

Список литературы

Аиукин Н.С., Аиукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – Москва : Худож. лит., 1960. – 752 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – Москва : АН СССР, 1956. – Т. 12. – 596 с.

Белинский В.Г. [Рец.:] Сказка за сказкой. Том II. Санкт-Петербург. <...> 1842 // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – Москва : АН СССР, 1955. – Т. 6. – С. 550–559.

Верн [Ф.] Самоубийство (Отрывок из сочинения г. Верна) / [пер. П.И. Макарова] // Московский Меркурий. – Москва, 1803. – Ч. 1, № 2, февраль. – С. 81–131.

Верн [Ф.] Швейцар в Париже // Макаров П.И. Сочинения и переводы. – Москва : Тип. П. Бекетова, 1805. – Т. 1. – С. 94–152.

[Ган Е.А.] Сочинения Зенеиды Р-вой. – Санкт-Петербург : тип. К. Жернакова, 1843. – Т. 2. – 435 с.

Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. – Москва : АН СССР, 1954. – Т. 2. – 512 с.

Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. – Москва : АН СССР, 1955. – Т. 5. – 511 с.

Гончаров И.А. Полное собрание сочинений : в 20 т. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – Т. 1. – 831 с.

Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1955. – Т. 8. – 576 с.

Гребенка Е. Печаль // Библиотека для чтения. – Санкт-Петербург, 1837. – Т. 25, № 11. – С. 13–15.

[Жукова М.С.] Очерки Южной Франции и Ниццы: из дорожных записок 1840 и 1842 годов М. Ж-к-вой. – Санкт-Петербург : А. Иванов, 1844. – Ч. 1. – 342 с.

И.А. Гончаров в кругу современников : неизданная переписка. – Псков : Изд-во Обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 1997. – 453 с.

Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. – Т. 16. – Москва : Терра, 2007. – 526 с.

Карлгоф В.И. Повести и рассказы. – Санкт-Петербург : Тип. Департамента народного просвещения, 1832. – Ч. 1. – 299 с.

Кольне [Ш.Ж.]. Пустынник Сен-Жерменского предместья, или Замечания о нравах и обычаях французов в начале XIX столетия / пер. с франц. А.О. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Воспитательного дома, 1826. – Ч. 1. – 148 с.

Кукольник Н.В. Старый хлам (предание) // Новоселье [Альманах]. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1846. – Ч. 3. – С. 21–70.

Майков А.Н. Машенька. Поэма // Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца, 1846. – Т. 1. – С. 391–442.

Нарежный В.Т. Избранные сочинения : в 2 т. – Москва : Гос. изд-во худ. лит., 1956. – Т. 1. – 624 с.

Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. – Москва : Худож. лит., 1988. – 382 с.

Островский А.Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. – Москва : Искусство, 1974. – Т. 4. – 541 с.

Перхин В.В. Из эпистолярного наследия редакторов газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1846–1914). К научной истории газеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. – Санкт-Петербург, 2003. – Вып. 4(26). – С. 104–111.

Плещеев А.Н. Папироска. Истинное происшествие // Живые картины : повести и рассказы писателей «натуральной школы». – Москва : Моск. рабочий, 1988. – С. 306–328.

Рабинович О. Мориц Сефарди. Повесть // Литературные вечера. Издание Николая Фумели. Вечер второй. – Одесса : Тип. Л. Нитче, 1850. – С. 5–154.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. – Москва : Худож. лит., 1965–1967. – Т. 1. – 463 с.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. – Москва : Худож. лит., 1965. – Т. 2. – 559 с.

Скотт В. Матильда Рокби : поэма в шести книгах. Часть первая, книги II и III : пер. с английского. – Москва : Тип. А. Семена, 1823. – 275 с.

Шекспир В. Король Генрих Восьмой. Драматическая хроника в пяти действиях / пер. П.И. Вейнберга // Современник. – Санкт-Петербург, 1864. – Т. 104, № 9. – С. 5–138 (1-я паг.).

Шекспир У. Король Генрих VIII / пер. В. Томашевского // Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Искусство, 1960. – Т. 8. – С. 213–334.

Шекспир У. Юлий Цезарь / пер. М. Зенкевича // Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Искусство, 1959. – Т. 5. – С. 219–323.

Шекспир У. Юлий Цезарь / пер. П.А. Козлова // Шекспир В. Полное собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1903. – Т. 3. – С. 146–210. – (Библиотека великих писателей).

Шпиндлер К. Иезуит : характеристическая картина из первой четверти осмнадцатого столетия : пер. с немецкого. – Санкт-Петербург : П.Н. Мартынов, 1847. – 132 с.

Bielfeld J.-F. von. Progres des Allemands dans les sciences, les belles-lettres & les arts... – Amsterdam : Changuion, 1752. – 411 p.

Chabaud J. L'Enfer. Ode // Chabaud J. Le Parnasse chrétien / [Compilé par Joseph Chabaud]. – Paris, 1760. – P. 352–356.

Colnet [C.-J.]. L'hermite du Faubourg Saint-Germain, ou Observations sur les mœurs et les usages français au commencement du XIXe siècle. – Paris : Pillet, 1825. – T. 1. – 344 p.

[*Colnet C.-J.*]. Manuscrit trouvé dans les Papiers du jeune Laclaque, Cabaleur dramatiques // L'Ambigu: ou Variétés littéraires, et politiques. – Londres, 1811. – T. 35, N 315, 30 décembre. – P. 695–701.

Frédéric II. Deuxième dialogue des morts. Entre le Duc de Choiseul, Comte de Struensée, et Socrate // Frédéric II, roi de Prusse. Oeuvres posthumes. – Amsterdam : [Changuion], 1789. – T. 6. – P. 149–161.

Histoire corrigée de Robinson Crusoe, dans son isle déserte: Ouvrage rendu propre à l'instruction de la jeunesse, sur l'avis et le plan de Jean-Jacques Rousseau. – Paris : Aubry [etc.], 1795. – Part. 1. – 384 p.

Mozin D.-J. [u.a.] Neues vollständiges Wörterbuch der deutschen und französischen Sprache. Deutsche Theil. – Stuttgart ; Tübingen : Gotta, 1824. – Bd. 2. – 254 S.

Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc. – Paris : Baudouin frères, 1828. – T. 1. – 392 p.

Pommereul F.-R.-J. de. Histoire De L'Isle De Corse. – Berne : La Société typographique, 1779. – T. 3. – 279 p.

Scott W. Rokeby, poème en six chants // Scott W. Oeuvres. – Paris : Furne, 1831. – T. 2 : Romans poétiques et poésies diverses / Traduction de M. Defauconpret. – P. 53–184.

Scott W. Rokeby : A Poem in Six Cantos. – Edinburgh : Ballantyne, 1813. – 413 p. – (The Poetical Works ; Vol. 9).

Spindler C. Der Jesuit: Charaktergemälde aus dem ersten viertel des Achzehnten Jahrhunderts. – Stuttgart : Arnold, 1838. – Theil 3. – 149 S.

Vernes F. Le voyageur sentimental en France sous Robespierre. – Geneve : Paschoud ; Paris : Maradan, 1799. – T. 1. – 400 p.

«МОРАЛЬ СЕЙ БАСНИ ТАКОВА»: ОТ ДИДАКТИЗМА К ПАРОДИИ

Фраза «Мораль сей басни такова» обычно считается традиционным зачином басенной морали:

«...Последние ее [басни] строчки зачастую так и называются “моралью”. “Мораль сей басни такова”» [Маршак, 1952, с. 206];

«В басне <...> основная суть произведения, идеал, которому писатель призывает следовать, формулируются прямо и непосредственно в традиционной концовке: “Мораль сей басни такова” или “Смысл этой басни ясен” <...>» [Борев, 1957, с. 79].

Ныне строка «Мораль сей басни такова» чаще всего приписывается И.А. Крылову [напр.: Ушаков, 2014, с. 309]. В 2019 г. она стала названием выставки к 250-летию со дня рождения Крылова. Под этим девизом устраиваются турниры знатоков его творчества и конкурсы инсценировок его басен. Однако у Крылова такой строки нет.

«Мораль этой басни» – калька с оборота, появившегося в западноевропейских языках в XVI–XVII вв.: *франц.* «la morale de la fable», *ит.* «la morale della favola», *англ.* «the moral of the fable (story)», *нем.* «die Moral dieser Fabel» и «die Moral von der Geschichte».

Формулой «Fabula docet» («Басня учит») нередко начиналась мораль басен Эзопа в латинском переложении. У Эзопа было «Басня показывает», *др.-греч.* «Но logos déloi» [Душенко, Багриновский, 2017, с. 213]. Но оборот «мораль этой басни» почти не встречается в творчестве европейских баснописцев Нового времени, а также

в переводах античных басен. В новых языках его обычное место – в научной, критической и художественной прозе.

В русском языке этот оборот появился не позднее 1830-х, в т.ч. в полемическом контексте, с осуждением узкого дидактизма басенной морали – например, в рассказе Вл. Одоевского «Импровизатор» (1833): «Обрати мораль этой басни в правило, последуй за его приложениями, и ты дойдешь до того, что, по строгой логике, больного отнюдь не должно лечить: “он болен, следственно он виноват, следственно должен быть наказан!”» (о басне Лафонтена «Цикада и муравей») [Одоевский, 1975, с. 101]. Также: «...Мораль этой басни не слишком-то похвальна; а между тем детей заставляют затверживать на всех языках эту басню одну из первых <...>» [Яковлев, 1850, с. 115].

Редкий пример использования этого оборота в басенном творчестве находим в басне Константина Масальского «Две коровы» (1850) на тему пословицы «Бодливой корове Бог рог не дает»:

Какая басни сей мораль?

А та, что меж людьми комолый (т.е. безрогий. – *К.Д.*) враль
Имеет вечно страсть по пустякам бодаться.

Желаем всем врялям счастливо оставаться [Масальский, 1850, с. 97].

Строка «Мораль сей басни такова» принадлежит поэту-сатирику и переводчику Петру Исаевичу Вейнбергу (1831–1908)¹. Его басня «Тростник и спина» появилась в № 5 сатирического журнала «Искра» за 1860 г. под псевдонимом «Гейне из Тамбова», а в 1863 г. вошла в сборник Вейнберга «Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова». Иронический подзаголовок «Басня для детей» лишь подчеркивал ее остросатирическую направленность.

Гибкая спина обращается к тростнику, который хвастался тем, что гибче его нет никого:

«...Конечно, и меж нами
Такие спины есть,
Которые стоять какими-то шестью
Считают за большую честь;
Но эти спины –

¹ Впервые указано в справочнике: [Душенко, 2005, с. 66].

Какие-то дубины,
 И им за то на свете нет житья.
 Перед такими же, как я,
 Ты, о тростник, ничто; в способности согнуться
 И думать нечего со мною потянуться.
 Притом сгибание твоё
 Тебе копейки не приносит,
 Ну, а мое
 Обогащает и возносит!»
 Тут понял истину тростник
 И головой в смущении поник...
 Мораль сей басни такова:
 Нам гибкая спина нужней, чем голова [Поэты «Искры», 1987,
 с. 274].

«Мораль» басни Вейнберга очевидным образом пародирует традиционное басенное нравоучение. Не позднее 1880-х годов строка «Мораль сей басни такова» стала крылатым речением, причем нередко использовалась – как и у Вейнберга – в сугубо ироническом плане:

«Туз, утомившись винтом, идет в надлежащую комнату, кокетливо разваливается на софе и “ну-ка, брат, ликерцу!” Все шло тихо, смирно до тех пор, пока двое акцизных не пришли и не составили акта... Мораль сей басни такова: так как ликер пили тузы, то акт порвали, а акцизным дали по шапке...» (А.П. Чехов, «Осколки московской жизни», 1884, 13 октября) [Чехов, 1979, с. 124];

«Вывод из всего этого ясен, “мораль сей басни такова”: если муж пьянствует и развратничает, то жена пьянствовать не должна, <...>, а ей следует приискать себе молодого конторщика <...>» [«Спутница», 1886, с. 243].

Что же касается баснописцев, то в XX в. строка Вейнберга встречается либо в пародийных, либо в ученических и заведомо эпигонских баснях.

К первому разряду относится басня сатириконовца Петра Потемкина «Бандит и две гишпанки» (1912), выдержанная в прутковском духе:

Мораль сей басни такова:
 Познай, что всякая стрельба
 Страшна для девы робкой,
 Хотя б стрелял ты пробкой [Поэты «Сатирикона», 1966,
 с. 104].

В анонимной «Современной басне» (1906, подпись: Дон-Лоло):

Мораль сей басни такова:

Что, сколько бы вы басен ни марали,

Всё «Петербургская газета» – вне морали <...> [Стихотворная сатира, 1969, с. 568].

Первые попытки литературного творчества крестьянского поэта Петра Замойского относятся к 1905 г., когда ему было 9 лет:

«Увлёкся Крыловым, стал писать басни. Скорее всего, это были раешники, но... с моралью. Обычно под каждой басней писал: “Мораль сей басни такова”.

Что такое “мораль”, я, конечно, не знал» [Замойский, 1931, с. 347].

Первая, ещё детская басня Сергея Михалкова – главного баснописца послевоенного СССР – называлась «Культура» и заканчивалась нравоучением:

Мораль сей басни такова,

Что много тех людей на свете белом,

Которым надо подсказать,

Что людям лучше помогать

Не только словом, но и делом! [Михалков, 1974, с. 13].

А в его же взрослой басне «Лев и ярлык» («Правда», 22 мая 1957) читаем:

Мораль у басни такова:

Иной ярлык сильнее Льва! [Стихи ..., 1958, с. 65].

Именно эта эпигонская басня названа первоисточником оборота «Мораль сей басни такова» в популярном справочнике по крылатым словам [Серов, 2003, с. 417].

В советское время самым ярким и самым известным примером использования строки Вейнберга в пародийном ключе стала басня Леонида Филатова «Таганка и Фитиль» из цикла «Таганка-75». В этой басне, написанной в 1975 г. для театрального капустника, Филатов пародировал басенное творчество Михалкова, который в 1962 г. стал главным редактором сатирического киножурнала «Фитиль».

Фитиль говорит Таганке:

«Вот, я... Могу воткнуть свечу,
Кому хочу.
Однако же, молчу!
А ты? – Фитиль Таганку поучает. –
Худа, бледна,
Всегда в загоне и всегда одна...»
Таганка слушает и головой качает,
Потом тихонько отвечает:
«Фитиль, Фитиль, пошел ты на...»

Мораль сей басни такова:
Таганка не всегда права.
Нельзя, когда стоишь с лауреатом,
Браниться матом... [Филатов, 1990].

Как мы видели выше, Ю. Боров в качестве традиционного введения к басенной морали приводит также строку «Смысл этой басни ясен». Но эта строка появилась лишь в XX в. Она имелась в басне Михалкова «Арбуз» (1945), однако в литературной среде, надо думать, опознавалась как цитата из басни «Эзоп и ГПУ» (1933).

«Эзоп и ГПУ» – наиболее известная из сатирических басен Ник. Эрדмана и Вл. Масса, распространявшихся рукописно или изустно в начале 1930-х годов [Киянская, Фельдман, 2018, с. 121–122]. Ее канонического текста не существует; ниже приведена версия Е. Эткинда:

Однажды ГПУ пришло к Эзопу
И хватъ его за жопу.
Смысл этой басни ясен:
Не надо басен [323 эпиграммы, 1988, с. 56].

Почти та же строка встречается в басне тех же авторов «Непреложный закон»:

Смысл этой краткой басни ясен:
Когда б не били нас, мы б не писали басен [Москва с точки ..., 1991, с. 215].

Возникновение этих двух басен обычно связывают с арестом Эрдмана и Масса осенью 1933 г. и их последующей высылкой в Сибирь.

Список литературы

- 323 эпиграммы / сост. Е. Эткинд. – Париж : Синтаксис, 1988. – 174 с.
- Борев Ю.Б.* О комическом. – Москва : Искусство, 1957. – 232 с.
- Душенко К.В.* Цитаты из русской литературы : Справочник. 5200 цитат от «Слова о полку...» до наших дней. – Москва : ЭКСМО, 2005. – 703 с.
- Душенко К.В., Багриновский Г.Ю.* Большой словарь латинских цитат и выражений / под науч. ред. Д.О. Торшилова. – Москва : Азбука-Аттикус. – 2-е изд., испр. и доп. – 2017. – 911 с.
- Замойский П.И.* Автобиография // Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во худ. лит., 1931. – С. 343–350.
- Киянская О., Фельдман Д.* Словесность на допросе : следственные дела советских писателей и журналистов 1920–1930-х годов. – Москва : Неолит, 2018. – 382 с.
- Маршак С.Я.* Литература – школе // Новый мир. – Москва, 1952. – № 6. – С. 197–208.
- Масальский К.В.* Две коровы // Сын отечества. – Санкт-Петербург, 1850. – № 10. – С. 96–97 (8-я паг.).
- Михалков С.В.* Моя профессия. – Москва : Сов. Россия, 1974. – 253 с.
- Москва с точки зрения : эстрадная драматургия 20–60-х годов. – Москва : Искусство, 1991. – 365 с.
- Одоевский В.* Русские ночи. – Москва : Наука, 1975. – 317 с.
- Поэты «Искры» : в 2 т. – Ленинград : Сов. писатель, 1987. – Т. 2. – 464 с.
- Поэты «Сатирикона». – Москва ; Ленинград : Сов. писатель, 1966. – 363 с.
- Серов В.* Крылатые слова : энциклопедия. – Москва : Локид-пресс, 2003. – 831 с. – Переиздавалась под загл. «Энциклопедический словарь крылатых слов».
- «Спутница». Л. Симоновой. – Санкт-Петербург, 1886. – [Рец.] // Русская мысль. – Москва, 1886. – Кн. 4. – С. 241–244 (3-я паг.).
- Стихи 1957 года. – Москва : Сов. Россия, 1958. – 120 с.
- Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). – Ленинград : Сов. писатель, 1969. – 716 с.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. 100 000 слов и словосочетаний. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с. – 1-е изд.: 2012.
- Филатов Л.А.* Сергей Михалков. Таганка и Фитиль (басня) // Филатов Л.А. Бродячий театр. – Москва : Книга, 1990. – С. 147.
- Чехов А.П.* Осколки московской жизни // Чехов А.П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Сочинения : в 18 т. – Москва : Наука, 1979. – Т. 16. – С. 34–178.
- Яковлев В.Д.* Письма из Италии. V // Библиотека для чтения. – Санкт-Петербург, 1850. – Т. 103, август-сентябрь. – С. 83–116 (1-я паг.)

«НАД ВСЕЙ ИСПАНИЕЙ БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО»: МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ПОЭЗИЕЙ

Фраза «Над всей Испанией безоблачное небо» прочно вошла в русский язык и культуру. Первоначально она связывалась с франкистским мятежом 1936 г., но постепенно ее значение расширялось.

С лета 1936 г. главной международной темой советской печати стала Гражданская война в Испании. Вечером 17 июля против республиканского правительства выступили военные части, расквартированные в испанской колониальной зоне Марокко – городах Тетуана, Мелилья и Сеута. В сборнике «Испания в борьбе против фашизма» (подписан к печати 5 октября 1936 г.) сообщалось: «В ночь с 18 на 19 июля радиостанция Сеуты передала условный сигнал (военного мятежа. – *К.Д.*): “По всей Испании безоблачное небо”» [Испания в борьбе, 1936, с. 62]. Так же излагалось начало мятежа в сборнике «Героическая Испания», подписанном к печати практически одновременно, 7 октября [Героическая Испания, 1936, с. 41].

Версия о «радиостанции Сеуты» надолго стала основной; она вошла в советские исторические труды и учебники.

Вскоре появилось и поэтическое описание начала мятежа – стихотворение Григория Санникова «Хаиме Премьеро». Имелся в виду броненосец «Jaime Primo» – «Хайме I», в честь короля Арагона Хайме I Завоевателя (1208–1276). Экипаж броненосца в Гражданской войне выступил против франкистов.

В городе Картахене, / Там, где зданье морского штаба, <...>
 К радисту <...> / Входит начальник – штабной офицер.
 <...> «Приказывает: / “Срочно... / По кораблям... / На базу...”
 «По всей Испании безоблачное небо». / «Что это значит?»
 «Не ваше дело, я требую / Немедленной передачи...»
 «Условный сигнал?» / «Возможно». / «К восстанию?» / «Да».
 «Против Республики? / Против Испании? / Заговор?»
 И сломан пролог / Коротким ударом в бок.
 И связанный бьется в истерике
 Бесславный герой-офицерик [Санников, 1936, с. 61].

Получается, что сигнал к началу мятежа так и не был передан, но эта несообразность осталась незамеченной автором, а вероятно, и читателями. Заметим еще, что Картахена была единственной военно-морской базой, в течение всей Гражданской войны остававшейся под контролем Республики, а значит, самым неподходящим местом для передачи сигнала к мятежу.

Затем фразу подправили: «18 июля 1936 г. севильская радиостанция оповестила: *над всей Испанией безоблачное небо...*» [Вольский, 1937; курсив наш]. Разумеется, севильская радиостанция сигнала к мятежу дать не могла: Севилья полностью контролировалась республиканским правительством.

В испанских источниках эпохи Гражданской войны этой фразы нет. К настоящему времени насчитывается не менее шести ее испаноязычных версий, что ясно указывает на ее переводной характер. В литературе на других европейских языках она также заимствована из советской печати.

В 2001 г. Александр Пеунов, председатель Координационного совета соотечественников, проживающих в Испании, рассмотрел вопрос о достоверности фразы на своем сайте «Испанские Хроники». Он отверг возможность ее использования в качестве сигнала уже потому, что в июле небо над Испанией почти всегда безоблачно. «...Хорош сигнал, который передается в эфир ежедневно и каждые полчаса! <...> Ну ладно, предположим все же, что договорились не шибко умные заговорщики именно об этой фразе-пароле. <...> Подходит день X, на Канарах штормит, по всей Испании ливневые дожди (бывает и такое, хотя не очень часто), а диктор в эфир со своим безоблачным небом! А ну как путч не удастся? Расследование начнется, то, се... И спросят диктора: “А чего это ты там про безоблачное небо-то ляпнул во время сплошной непогоды, аккурат перед тем, как все началось?”» [Пеунов, 2001].

Здесь же цитировалось письмо одной из читательниц «Испанских Хроник»:

«...Стала я у всех допытываться, как эта фраза звучит в подлиннике – “Над всей Испанией безоблачное небо”? <...> Мой дед воевал за Республику. Мой свекор воевал за Республику. Все, кого я спрашивала, – воевали за Республику. <...> Но этой фразы никто не знает. Есть у нас в Валенсии юридический переводчик. Ее отец – солдат, переводчик, писатель. Я к ним. И они мне сказали, что не было этого сигнала. По-испански это фраза не звучит так красиво, и что *это выдумка Ильи Эренбурга, и что он сам это признал*» (курсив наш).

Эренбург, насколько нам известно, этого не признавал (во всяком случае, печатно); тем не менее версия о его авторстве наиболее правдоподобна. Первоначальный вариант «сигнала» появился в корреспонденции Эренбурга из Парижа от 4 августа 1936 г.: «Следствие установило, что сигнал к мятежу был дан радиостанцией Тетуана, которая сообщила условный пароль: “По всей Испании безоблачная погода”» [Эренбург, 1936].

Собственно, именно так и должен был выглядеть условный сигнал, замаскированный под метеосводку; замена «погоды» «небом» сдвигала семантику фразы в сторону ее поэтизации. Эренбург, как видим, говорил о радиостанции г. Тетуана – столицы Иберийского Марокко. Позднее называлась еще радиостанция Мелильи (кроме упомянутых выше Сеуты, Севильи и Картахены).

Фраза, отчасти сходная с легендарным сигналом к мятежу, действительно прозвучала по радио 18 июля 1936 г. Но это было сообщение Министерства внутренних дел Испанской республики, переданное по мадридскому радио: «Правительство подтверждает, что на всем полуострове царит полное спокойствие (la absoluta tranquilidad en toda la Península)» [Nota radiada, 1936].

Легенда о фразе-сигнале появилась почти одновременно с другой легендой о Гражданской войне в Испании – будто бы Франко (или кто-то из его генералов) говорил о своей «пятой колонне» в республиканском Мадриде [см.: Душенко, 2018, с. 296–299].

В 1975 г. был снят франко-болгарский фильм о военном перевороте в Чили. Его французское название – «Над Сантьяго идет дождь» («Il pleut sur Santiago»), в советском прокате (1978) – «В Сантьяго идет дождь». Так же называлась получившая широкую известность музыкальная тема фильма (*исп.* «Llueve sobre Santiago»), написанная знаменитым аргентинским композитором Астором Пьяццоллой.

Солнечным утром 11 сентября 1973 г. голос радиодиктора произносит: «Мы начинаем передачи немного раньше, чем обычно. Нет, нет, никаких важных сообщений. Просто несколько слов о погоде. <...> На небе ни облачка, и только в Сантьяго идет дождь. Вы, конечно, посмотрели в окно, увидели сияющее солнце и улыбнулись». И далее: «Сегодня в Сантьяго идет дождь. Повторяю: в Сантьяго идет дождь».

По сценарию, это кодовый сигнал начала переворота, причем дикторский текст, несомненно, должен вызывать ассоциации с фразой-сигналом «Над всей Испанией безоблачное небо». Эта версия была воспринята в СССР как исторически достоверная, хотя в фильме она всего лишь художественный прием. В испаноязычной литературе фраза «*Llueve sobre Santiago*» упоминается исключительно в связи с фильмом и музыкой Пьяццоллы.

Порою обе легендарные фразы воспринимаются и цитируются у нас как части единого целого. В 2011 г. посетительница «Живого Журнала» под ником *margarita_const* вспоминала о своих впечатлениях в день путча 19 августа 1991 г.: «Они меня-таки напугали! Не люблю таких сюрпризов :) Я ж с детства напуганная – “Над всей Испанией безоблачное небо”, “В Сантьяго идет дождь”... Ну, думаю, щас как танки понаедут!» [ihistorian, 2011].

Фраза «Над всей Испанией безоблачное небо» своей популярностью, как мы полагаем, обязана двум обстоятельствам не столько исторического, сколько эстетического порядка. Во-первых, это резкий контраст между ее безмятежным буквальным значением и трагическим подразумеваемым. Во-вторых, ее фонетическое и ритмическое оформление: перед нами, в сущности, одностишие, написанное шестистопным ямбом, с инструментовкой на ‘б’ и ‘н’.

Ритмический рисунок и звуковая инструментовка (на ‘l’ и ‘n’) сохраняются в переводах с русского на французский язык: «*Dans toute l’Espagne, le ciel est sans nuages*»; «*Sur toute l’Espagne, le ciel est sans nuages*» [Histoire de la diplomatie, 1947, p. 592; Bezymenskiĭ, 1966, p. 113]. В романе Пьера Гамарра «Пиренейская рапсодия» (1963): «*Dans toute l’Espagne, le ciel est sans nuage*» – вероятно, тоже косвенное заимствование с русского [Gamarra, 1963, p. 115]. То же мы видим в переводе с русского на английский (с инструментовкой на ‘l’ и ‘s’): «*Over all Spain the sky is cloudless*» [Maĭskii, 1966, p. 40].

Неудивительно, что в советское время фраза-одностишие неоднократно включалась в стихотворения, построенные на контрасте безмятежности слов о «безоблачном небе» и их значения как символа грядущих потрясений. Вот несколько примеров.

...Сквозь толщу лет
Мадрид мне чудится. Нет, я в Мадриде не был.
Но я опять в ту ночь июльскую вхожу.
«Над всей Испанией безоблачное небо» –
Пароль Сеуты призывает к мятежу [Хелемский, 1967, с. 127].

На узких улицах, на склонах скал,
Где жалюзи зажали окна слепо,
В тот день раздался радиосигнал:
«Над всей Испанией безоблачное небо!» [Долматовский,
1982, с. 18].

Над всей Испанией безоблачное небо.
Полдневный зной, покой и тишина.
Но спит Испания. Беспамятно и немо.
Как будто заживо погребена [Коллегорский, 1982, с. 137].

В 1990 г. фраза «Над всей Испанией безоблачное небо» стала названием российской рок-группы (распавшейся в 1996 г.), т.е. использовалась уже вне контекста.

Характерным примером цитирования фразы в постсоветской поэзии может служить стихотворение Андрея Грицмана «Когда луна осенний ножик вынет...» (ок. 2000 г.). Легендарная фраза здесь совершенно самодостаточна:

Над всей Испанией безоблачное небо.
Век кончился. Осталось меньше года.
Смысл жизни остается где-то слева,
у дачного загадочного пруда.

Далее следовало: «Над всей Голландией плывут головки сыра...»; «Над всей Россией тучи ходят хмуро...»; «Над всем Китаем дождь идет из риса...», и так до конца [Грицман, 2003].

Список литературы

- Вольский К.* Уроки шести месяцев // «Известия». – Москва, 1937. – 18 янв. – С. 3.
- Героическая Испания / под ред. Д. Монина и Э. Теумина. – Ленинград : Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. – 64 с.

Грицман А. Когда луна осенний ножик вынет... // Октябрь. – Москва, 2003. – № 3 [Сетевая версия]. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2000/3/gricman.html> (дата обращения: 5.06.2019).

Долматовский Е. Интерстих. – Москва : Молодая гвардия, 1982. – 222 с.

Душенко К.В. Красное и белое : из истории политического языка : сборник статей. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – 306 с.

Испания в борьбе против фашизма : сборник статей и материалов. – Москва : Партиздат, 1936. – 184 с.

Коллегорский В. «Над всей Испанией – безоблачное небо...» // Поэзия : альманах. – Москва : Молодая гвардия, 1982. – Вып. 32. – С. 137.

[Пеунов А.В.] Не трогайте небо... (Первый опыт исторического расследования) // Испанские Хроники. – Мадрид, 2001. – Ноябрь. – URL: <http://spalex.narod.ru/guerra/nebo.html> (дата обращения: 20.04.2019).

Санников Г. Хаиме Премьеро // Новый мир. – Москва, 1936. – № 11. – С. 60–61.

Хелемский Я. Вторая половина дня : книга лирики. – Москва : Сов. писатель, 1967. – 142 с.

Эренбург И. Героическая борьба // Известия. – Москва, 1936. – 5 авг. – С. 3.

ihistorian [никнейм]. Как я провел день 19 августа 1991 года // «Живой журнал» ihistorian, запись от 19 августа 2011 г. – URL: <https://ihistorian.livejournal.com/322804.html> (дата обращения: 7.06.2019).

Bezymenskiĭ L. Les généraux allemands avec Hitler et sans lui. – Moscou : Progrès, 1966. – 583 p.

Gamarra P. Rhapsodie des Pyrénées: roman. – Paris : Français Réunis, 1963. – 230 p.

Histoire de la diplomatie / Éd. par V.P. Potemkin. – Paris : Librairie de Médicis, 1947. – Т. 3 : 1919–1939. – 915 p.

Maĭskiĭ I.M. Spanish Notebooks. – London : Hutchinson, 1966. – 208 p.

Nota radiada desde ministerio de la Gobernación ... [Электронный ресурс]. – URL: https://es.wikisource.org/wiki/Nota_radiada_desde_ministerio_de_la_Gobernaci3n_de_18_de_julio_de_1936, Madrid (дата обращения: 6.06.2019).

«КАПЛЯ НИКОТИНА УБИВАЕТ ЛОШАДЬ»: ИСТОРИЯ ЗАГАДОЧНОГО ПЛАКАТА¹

Образ лошади, убитой каплей никотина, — часть советской популярной культуры, вербальной и визуальной. Истоки этого образа восходят к XIX в., а его бытование в СССР представляет собой любопытный пример превращения иронической фразы в медицинский слоган.

Обычно считается, что слоган помещался на советских плакатах. Упоминания о таких плакатах нередки, например:

«... Уныло скалилась с плаката тощая зеленая лошадь, проглотившая каплю никотина» [Сузин, 1981, с. 186];

«... На видных местах висели красочные плакаты, которые предупреждали, что один грамм неразбавленного никотина убивает лошадь» [Штейман, 1999, с. 144].

Авторы обычно не уточняют, о каких плакатах идет речь — печатных или рисованных. В ряде случаев явно имеется в виду второе:

«Пока (в курилке. — *К.Д.*) дымили, переписал еще один — во всю стену — плакат: “Памятка начинающему курильщику”. <...> “Памятка” призывает знать, что капля никотина убивает лошадь, а две — слона» [Чертов, 1985, с. 9];

¹ Автор выражает признательность за содействие сотрудникам Отдела изобразительных изданий Российской государственной библиотеки, и в особенности Екатерине Михайловне Михалкиной.

«Однажды я собственноручно изготовил огромный плакат “Капля никотина убивает лошадь!” Повесил его на самом видном месте и многозначительно смотрел на маму, когда она вернулась с работы» [Сегаль, 2002, с. 52].

Но в романе Михаила Голубкова «Миусская площадь» (2007) описан именно печатный плакат, и даже с точными выходными данными:

«Его содержание трудно было назвать оптимистическим: на переднем плане в черной пепельнице, чем-то напоминающей гроб, извивались гигантские папиросные окурки, зловонием сизого дыма обволакивавшие массивный лошадиный труп с неестественно вспухшим животом и раскоряченными копытами. Трагическую гибель несчастного труженика полей комментировала красная эпиграмма, выведенная аккуратным почерком отличника и создающая композиционную целостность плаката: “Капля никотина убивает лошадь”. Внизу, уже черным, но достаточно крупным шрифтом значилось: “Госкультпросветиздат” и ниже, мельче: “1952 г. Тираж 100 000 экз.”» [Голубков, 2007, с. 280].

О реальных советских плакатах будет сказано ниже, пока же обратимся к истокам темы, а именно к капле никотина, убивающей животных. Никотин в неочищенном виде (табачное масло) был получен в 1572 г. путем перегонки листьев табака. Век спустя, 3 мая 1665 г., придворный врач Карла II Дэниэл Кокс прочел в лондонском Грэшем-колледже доклад о губительном действии этого вещества. В ходе доклада он, как сказано в «Истории Королевского общества» (фактически – Академии наук), умертвил здоровую кошку, капнув ей на язык каплю табачного масла, дистиллированного им самим [Birch, 1756, p. 42]. Точная доза неизвестна, но, судя по позднейшим опытам подобного рода, капля была немалой.

Чистый никотин выделили немецкие врачи Христиан Вильгельм Поссель и Карл Людвиг Рейманн в 1828 г. В их статье «О никотине, новооткрытом веществе, содержащемся в табаке» (1829) сообщалось, что доза в $\frac{1}{4}$ капли никотина смертельна для кролика, а доза от $\frac{1}{2}$ до 2 капель – для собаки [Posselt, Reimann, 1829, S. 250]. Год спустя эти сведения уже излагались в немецких учебниках по химии.

Занявшиеся этим вопросом французы получили близкие результаты. 31 января 1842 г. Жан Огюстен Барраль прочитал во французской Академии наук доклад, где говорилось, что «собака среднего размера умирает менее чем за три минуты, если ей на язык поместить каплю никотина весом менее 5 мг» [Barral, 1842, p. 225].

В 1850 г. бельгийский врач Виктор Влеминкс умертвил кошку четырьмя каплями никотина [Experiences ..., 1850, p. 213].

Довольно долго эксперименты проводились на животных не крупнее собаки, но в конце концов и лошадь пала жертвой науки. В диссертации немецкого врача Августа Кульмана «О влиянии табака на организм» (1864) сообщалось:

«Если ввести несколько капель никотина в слизистую оболочку носа и рта лошади, <...> животное сразу же начинает беспокоиться, оглядывается и пытается убежать, но не может сделать ни шагу; дыхание ускоряется, становится затрудненным и слышимым; вскоре животное начинает дрожать, <...> тело покрывается холодным, липким потом, дрожь сопровождается тремором, лошадь начинает спотыкаться <...> и, наконец, падает, растянувшись, на землю, где вскоре издыхает» [Culman, 1864, S. 12].

В 1889 г. парижский «Медицинский бюллетень» уточнил, что смертельная доза для лошади – восемь капель никотина. Этот факт установил ветеринар Камиль Леблан, член французской Медицинской академии [Huchard, 1889, p. 643; Gy, 1913, p. 10]. С тех пор, по видимому, лошади никто никотином не убивал, но формула «восемь капель никотина убивают лошадь» стала обычной в работах о вреде курения. Позднее назывались и другие дозы – четыре, шесть, девять капель, но эти значения получены путем экстраполяции, а не экспериментально. К тому же химики давно не измеряют смертельную дозу каплями.

Понятно, что умерщвление человека в планы ученых не входило. Тем не менее первый (и, возможно, единственный) человек был умерщвлен никотином уже в 1850 г., и этот случай вошел в анналы криминалистики. Убийцей был бельгийский граф Ипполит де Бокарме, убитым – его шурин, на наследство которого рассчитывал граф.

Бокарме, впечатленный французскими опытами с умерщвлением никотином животных, проконсультировался в Генте у профессора химии, купил 80 кг табака и за 10 дней получил стакан чистого никотина. После испытаний яда на кошках и утках граф решил на убийство шурина. 20 ноября 1850 г. он влил ему в рот не несколько капель, а чуть ли не полстакана никотина. В то время считалось, что обнаружить растительные яды в человеческом организме невозможно; на это Бокарме и рассчитывал. Однако привлеченный в качестве эксперта бельгийский химик Жан Серв Стас путем новаторских опытов доказал, что причиной смерти было отравление никотином, и граф не избежал гильотины.

Одну каплю отважился испробовать на себе французский врач и антрополог Гюстав Лебон. В 1872 г. он опубликовал работу «Табачный дым» («La fumée de tabac»), где рассказывал, что, капнув на язык каплю никотина, он почувствовал лишь «несколько учащенное сердцебиение и головокружение и некоторую склонность к сонливости» [цит. по: Гу, 1913, р. 11]. Позднее столь слабый эффект объясняли тем, что Лебон, вероятно, воспользовался не самым чистым препаратом. Добавим также, что прославился Лебон не этими опытами, а книгой «Психология толпы» (1895) – первым научным исследованием подобного рода.

Одним из самых непримиримых врагов курения в XIX в. был французский врач Ипполит Деспьерри (1810–1889), завещавший 400 тыс. франков Обществу против злоупотребления табаком. В 1876 г. он опубликовал книгу «Социальная физиология табака», где привел сведения об опытах по умерщвлению никотином животных, не упоминая о лошади [Depierris 1876]. Три года спустя в сборнике для детского чтения, изданном в Сан-Франциско, появилась статья Деспьерри «О вреде табака» (на французском языке, хотя почти весь остальной текст сборника был на английском). Здесь утверждалось, что «одна частица (d'un atome) (никотина. – К.Д.) <...>, введенная в тело лошади, <...> или же одна капля, закапанная ей в глаз, убивает ее» [Depierris, 1879, р. 301–302]. Никаких ссылок на источники Деспьерри не привел. Его статья, адресованная несовершеннолетним читателям, не претендовала на научную строгость, и сообщение о капле никотина, убивающей лошадь, кануло в лету. Авторы позднейших работ о вреде курения об этом факте не упоминают, и связь советского слогана с практически неизвестной в XX в. статьей крайне маловероятна.

Уже в XIX в. появились шутки о капле никотина: «Говорят, что капля никотина на кончике языка хлыща убивает щенка. Мы в это не верим» [It is said ..., 1891].

Широкую русскую публику познакомил с губительной каплей врач-литератор Николай Курочкин, старший брат поэта Василия Курочкина, редактора сатирического журнала «Искра». В «Искре» Н. Курочкин публиковал цикл назидательно-юмористических фельетонов «Житейские выводы и размышления» (под псевдонимом «Пр. Преображенский», который сейчас кажется взятым из булгаковского «Собачьего сердца»). Из фельетона, помещенного в № 41 за 1863 г., читатели «Искры» узнали, что «одна капля никотина достаточна, чтоб убить собаку» [Курочкин, 1863, с. 583].

В лекции, прочитанной в Харькове в 1891 г., сообщалось: «...Одна капля чистого никотина (табачной эссенции) убивает почти моментально животное и человека» [Прейс, 1892, с. 11]. В научно-популярной заметке 1904 г. не забыта и лошадь: «На человека одна капля никотина производит опасное действие; восемь капель убивают лошадь» [Влияние табаку ..., 1904].

В советской России 1920-х годов смертоносная капля никотина продолжала служить делу антитабачной пропаганды: «Одна капля никотина убивает собаку» [Чесноков, Семашко, 1928, с. 379]; «Четверть капли убивает кролика, две капли смертельны для человека» [Гуревич, 1929, с. 116].

В 1930 г. по заказу Института санитарной культуры Мосздравотдела была напечатана серия антитабачных плакатов впечатляющим для того времени тиражом 15 тыс. экз. По-видимому, это была первая в СССР визуальная антиникотиновая кампания. Именно тогда капля никотина впервые появилась на плакате:

Никотин – яд! Одна капля никотина убивает мелкое животное

В правом верхнем углу были изображены два кролика, на которых сверху из пипетки падает белая капля. Далее сообщалось: «Человек курящий в течение 30 лет выкуривает 200.000 папирос или 160 килограмм табаку, в котором содержится 800 грамм никотина» (рис. 1).

Рис. 1. Плакат «Никотин – яд!» (1930)

Вообще же антитабачный плакат был почти незаметен в наглядной агитации и пропаганде первых десятилетий советской власти, оставаясь в тени превосходно поставленной рекламы папирос. Именно на рекламном плакате в 1924 г. появилась лошадь с папиросой во рту. Лошадь рекламировала новинку московской табачной фабрики «Красная звезда» – папиросы «Клад». В каждую пачку вкладывался лотерейный купон; лошадь была одним из обещанных выигрышей наряду с дачей, трактором и коровой. Плакат Александра Родченко с огромной лошадыю, выпрыгивающей из пачки папирос, представлял собой истинный шедевр плакатного искусства (рис. 2). Текст Вл. Маяковского и Ник. Асеева сильно уступал графике: «Тот, кто купит / моссельпромовский “КЛАД”, / Может выиграть ЛОШАДЬ / без всяких затрат». Еще на одном из плакатов той же серии Родченко изобразил корову, и тоже с огромной дымящейся папиросой во рту.

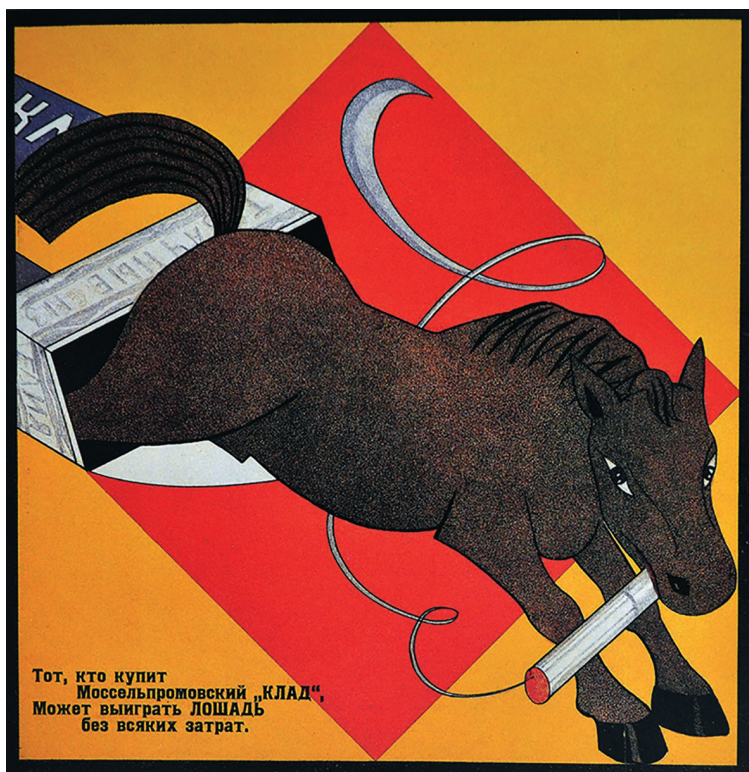

Рис. 2. Плакат А. Родченко с рекламой папирос «Клад» (1924)

В 1929 г. Маяковский сочинил слоган противоположного содержания для плаката Госмедиздата из серии «Личная гигиена» (художник И. Лебедев):

Курить –
бросим.
Яд в папиросе.

В 1931 г. в Харькове была напечатана серия плакатов на украинском языке о вреде курения. На одном из них сообщалось: «10 гр никотина могут убить 166 человек». Следующий известный нам плакат на эту тему появился лишь в 1952 г. в Иркутске, причем адресовался он не взрослым, а детям: «Не кури! Содержащийся в табаке яд – никотин особенно вредно действует на молодой организм».

В то же время с 1947 г. Главтабак (Главное управление табачной промышленности) развернул активную рекламную кампанию, включая плакатную, под слоганом «Курите сигареты» (заметим, что до 1966 г. советские сигареты выпускались без фильтра).

Лишь в середине 1950-х годов власти серьезно озаботились антиникотиновой пропагандой, и с тех пор она уже не прекращалась. В 1956 г., после более чем 20-летнего перерыва, появились антиникотиновые плакаты, адресованные взрослым. Слоганы на них были не слишком изобретательны: «Бросить курить», «Курение разрушает здоровье», «Чем вредно курение», «Не курить», «Курил – Бросил!» и прочее в том же духе.

В популярных статьях и брошюрах снова замелькала почти забытая капля никотина: «Семь-восемь капель никотина, впрыснутые под кожу лошади, убивают ее за несколько минут» [Островский, 1955, с. 3]; «Для того чтобы убить кролика, достаточно ввести ему $\frac{1}{4}$ капли никотина. Смертельной дозой для собаки являются $\frac{1}{2}$ –2 капли в зависимости от размера животного» [Косяков, 1957, с. 11]. Автором книжки, откуда взята первая цитата, был врач-гигиенист А.Д. Островский (1897–1962). В 1928 г. он опубликовал брошюру «Охрана здоровья детей и гигиена школьника», а с 1955 г. снова оказался востребован в качестве деятеля антиникотиновой пропаганды.

Фраза «Капля никотина убивает лошадь» вошла в обиход с конца 1950-х годов. Однако появилась она не на плакатах и не в медицинских статьях, а в юмористических рассказах и комедиях; при этом лошадь легко заменялась слоном. Вот несколько иллюстраций за 1959–1966 гг.

«(Достает сигареты, дает Маше.) Однако поймите в виду – капля никотина убивает лошадь. Курите.

Маша неумело и нервно закуривает, давится дымом» (А. Штейн, «Весенние скрипки», 1959) [Штейн, 1978, с. 60].

«С одной стороны – капля никотина шутя убивает, извиняюсь, слона. А с другой – табачные коробки выглядят красивее шоколада, не говоря уже о других продуктах питания» [Привалов, 1959, с. 155].

«Одной капли никотина достаточно, чтобы убить большую, грубую, хорошо упитанную лошадь.

Капля ядовитого сомнения проникла в сердце худенькой, хрупкой, по-женски дьявольски самолюбивой жены архитектора и сделала свое дело...» [Ленч, 1962, с. 67].

«– ...Ведь ты же знаешь, что одна капля папиросного яда убивает лошадь.

Вот так раз! Я посмотрел на папу. Он был большой, спору нет, но все-таки поменьше лошади. Он был побольше меня или мамы, но, как ни верти, он был поменьше лошади и даже самой захудалой коровы. Корова бы никогда не поместилась на нашем диване, а папа помещался свободно. Я очень испугался» [Драгунский, 1961, с. 27].

«КОСТЯ (берет книгу). “О вреде курения”. Зачем мне это?

ЛЮБА. Нет, ты почитай! (Раскрывает книгу, читает.) “Одна капля никотина убивает слона”.

ЮЛЯ (удивленно). А разве слоны курят?» (А. Тур, «Лунная соната», 1962) [Тур, 1975, с. 293].

«– Учти, что одна капля никотина...

– Убивает лошадь, знаю! – прервал я его. – Но на тебя хватило бы и половины капли!

– Почему? – спросил Вася.

– А потому, – грубо сказал я, – что ишак в два раза меньше лошади» [Санин, 1963, с. 18].

«Солидное учреждение. Кабинеты, коридоры, приемная прокурены в дым. Таблички “Не курить!”, “У нас не курят!” уже не помогают. Решили устрашить: “Одна капля никотина убивает лошадь!” Сотрудники только посмеивались:

– Лошадь – скотина нежная!» [Полотай, 1966, с. 108].

Между тем уже цитировавшийся А.Д. Островский в 1960 г. сообщал: «...Четыре капли [никотина] способны убить лошадь» [Островский, 1960, с. 77]. (Ранее, как мы видели, он же говорил о восьми каплях.) Версия об «одной капле» еще не была усвоена антитабачной пропагандой.

И все же со временем юмористический слоган был принят на веру, мало того – взят на вооружение некоторыми медиками. Примером может служить брошюра доктора медицинских наук Левона Атанасяна «Опухоли легких», выпущенная обществом «Знание» в 1976 г.: «Уже стало трюизмом выражение, что “капля никотина убивает лошадь”. Увы, это правда. Если человек выкурит подряд 25 папирос, смерть наступит через пятнадцать секунд» [Атанасян, 1976, с. 25]. К сожалению, доктор Атанасян не указал, откуда почерпнуты сведения о столь поразительном эксперименте.

В 1973 г. Александр Житинский оживил слоган, представив его в виде овеществленной метафоры:

«Навстречу мне шел мальчик и катил перед собою каплю никотина величиной с футбольный мяч. Капля была приплюснута и по виду напоминала ртуть.

– Она только что убила лошадь, – сообщил мальчик гордо.

И мне представилась эта лошадь, которую капля ударила в бок, а потом прокатилась по спине, не оставляя живого места» [Житинский, 1973].

В 1984 г. сотрудник журнала «Химия и жизнь» уже сомневается в действенности примера убитой лошади: «Где та лошадь, которую убила та капля никотина? Нет ее, этой лошади, и, наверное, не было никогда, да и кто видел каплю никотина...» [Либкин, 1984, с. 7].

В повести А. Цыганова 1994 г. описывается изображение убитой никотином лошади, но не на плакате, а в книге, которую повествователь держал в руках в детстве: «Лежащая сверху копытами лошадь с тоскливо закрытыми навек огромными глазами, а рядом всего-навсего лишь папироска с дымно вычерченной надписью: капля никотина убивает лошадь» [Цыганов, 1994, с. 47]. Автор повести родился в 1955 г., а значит, такая книга должна была выйти в первой половине 1960-х годов. Возможно, три десятилетия спустя Цыганов неточно описал иллюстрацию к рассказу Виктора Драгунского «Одна капля никотина убивает лошадь» из книги «Он живой и светится...» (1961, художник В. Горяев): издыхающая лошадь с папиросой во рту свешивается за перекладину кресла [Драгунский, 1961, с. 29].

Долгое время слоган цитировался вне связи с каким-либо плакатом. Первое известное мне упоминание о плакате датируется 1976 г.: «...Плакат, доказывающий, что капля никотина убивает лошадь, может сам стать последней каплей, которая сделает больного до предела взвинченным человеком, каким он иногда и предстает

перед врачом... Ну, взрослые – ладно. Они эти плакаты как-нибудь перетерпят. А дети?» [Филиппов, 1976, с. 238].

Упоминание это весьма неопределенно, и речь во всяком случае идет не о печатных плакатах. В разделе «Здравоохранение. Медицина» «Летописи изобразительных изданий» Книжной палаты за 1934–1976 гг. плакат с интересующим нас слоганом не зарегистрирован. Это относится и к плакату 1952 г., столь подробно описанному в романе М. Голубкова.

В Отделе изобразительных искусств Российской государственной библиотеки обнаружен лишь один советский плакат с изображением издохшей лошади. Это двуязычный плакат, напечатанный в Баку в 1964 г., т.е. практически неизвестный в остальной части СССР. Вверху помещена надпись: «Табак – яд. Никотин, извлеченный из 5 папирос, убивает кролика. Из 100 папирос – лошадь» (рис. 3).

Откуда же взялся слоган? Можно предположить, что он возник в устной речи под влиянием популярных лекций, статей и брошюр о вреде курения – из высказываний наподобие следующего, где есть и лошадь, и капля никотина: «В течение нескольких минут погибает лошадь после того, как ей введут под кожу восемь капель никотина. Одной капли этого яда <...> достаточно, чтобы лишить жизни нескольких собак» [Островский, 1958, с. 5].

И лишь после того, как слоган стал частью популярной культуры, появились *рисованные* плакаты с этой надписью. Наконец, уже в годы «перестройки» фантом окончательно превратился в реальность: вышел в свет *печатный* плакат с легендарным слоганом. Плакат был издан в Киеве в 1987 г. мизерным тиражом (500 экз.) в составе серии из 25 плакатов о вреде пьянства и курения. Сверху школьной прописью выведено:

Папа!
Капля никотина
убивает лошадь!

Под текстом художник (Д.М. Бродский) изобразил лошадь – но не издохшую или издыхающую, а детскую лошадку-качалку.

Слоган, как это нередко бывает с популярными фразами, имеет четкую ритмическую организацию: его можно рассматривать как двустишие, написанное трехстопным хореем. В качестве двустишия он включен в стихотворение Гарольда Регистана «В комнате, как после...»:

Мысли, легковесны,
Кружатся, как снег, —
«Капля никотина
Убивает лошадь...»
Все равно не брошу...
Я ведь человек!.. [Регистан, 1984, с. 112].

С 1970-х годов слоган получил известность в Польше («Kropla nikotyny zabija konia») – надо думать, под влиянием переводов с русского. Его и поныне можно встретить в польских сетевых публикациях о вреде курения.

Рис. 3. Плакат «Табак — яд» (Баку, 1964)

Итак, высказывание, возникшее как иронический перепев антитабачной пропаганды, позднее стало восприниматься как медицинский факт не только широкой публикой, но даже врачами. В то, что капля никотина убивает лошадь, верит едва ли не большинство россиян. Тем не менее гиперболический характер слогана ощущается; отсюда множество шуток на тему «капли», как авторских, так и фольклорных:

«Никого уже не напугать смертельной для лошади каплей никотина. Лошадь, во-первых, не курит, а во-вторых, не читает популярных медицинских изданий» [Каганский, 1985, с. 73];

«Капля никотина убивает лошадь, поэтому лошади и не курят»;

«Капля никотина убивает лошадь, а хомяка разрывает на части»;

«Капля никотина убивает пять минут рабочего времени» (Ратмир Тумановский);

«Капля никотина убивает лошадь, а чашечка кофе – клавиатуру».

В наши дни лошадь, убитая никотином, нередко изображается на сетевых постерах и карикатурах. Судя по всему, ей предстоит еще долгая жизнь в отечественной популярной культуре.

Список литературы

Атанасян Л.А. Опухоли легких : пути борьбы. – Москва : Знание, 1976. – 63 с.

Влияние табаку на организм // Знание и искусство. – Санкт-Петербург, 1904. – № 13, 5 апр. – С. 103.

Голубков М.М. Миусская площадь : трем поколениям москвичей посвящается. – Москва : Центрполиграф, 2007. – 397 с.

Гуревич Г.Я. Об отравлениях организма // Новый мир. – Москва, 1929. – № 6. – С. 105–119.

Драгунский В.Ю. Одна капля никотина убивает лошадь // Драгунский В.Ю. Он живой и светится ... : Денискины рассказы. – Москва : Детский мир, 1961. – 65 с.

Житинский А.Н. Фантастические миниатюры: Капли // Молодой Ленинград. – Ленинград : Сов. писатель, 1973. – С. 263.

Каганский М.А. Лечение без врача? // Химия и жизнь. – Москва, 1985. – № 9. – С. 70–74.

Косяков К.С. Почему вредно курить. – Москва : Медгиз, 1957. – 32 с.

[*Куручкин Н.С.*] Житейские выводы и размышления: (Посвящается неродившимся детям) [Продолжение] // Искра. – Санкт-Петербург, 1863. – № 41, 25 октября. – С. 580–583. – Подпись: Пр. Преображенский.

Ленч Л. Спасибо, Тобик!: [Юморист. рассказ] // Ленч Л. На грешной земле: Рассказы и сказки. – Москва : Сов. писатель, 1962. – 222 с. – Рассказ впервые опублик. в 1960 г.

[*Либкин О.М.*] Подумаем о ближних // Химия и жизнь. – Москва, 1984. – № 3. – С. 7–9. – Подпись: О. Ольгин.

Островский А.Д. Курить вредно // Наука и жизнь. – Москва, 1960. – № 2. – С. 77–79.

Островский А.Д. О вреде курения для детей. – Москва: Медгиз, 1955. – 8 с.

Островский А.Д. О вреде курения для детей. – Москва: Медгиз, 1958. – 18 с.

Полотай Н.И. А я – курю!: [Юмореска] // Полотай Н. Крымские веснушки. – Симферополь : Изд-во «Крым», 1966. – С. 108.

Прейс Н.П. Вред от употребления табака и вина для здоровья : публичная лекция, читанная <...> в Харькове, в зале городской Думы, 15-го декабря 1891 года. – Харьков : Тип. Губернского правления, 1892. – 70 с.

Привалов Б.А. Друг никотина: [Юморист. рассказ] // Наш современник. – Москва, 1959. – № 1. – С. 155–157.

Регистан Г. Избранное : стихотворения, поэмы, песни, переводы. – Москва : Современник, 1984. – 486 с.

Санин В.М. Наедине с Большой медведицей. – Москва : Сов. Россия, 1963. – 124 с. – Повесть впервые опублик. в 1962 г.

Сегаль А. Свет старой лампы: память о России. – Ашкелон : [Без указания изд-ва], 2002. – 255 с.

Сузин Ф.Н. Единственная высота : повесть. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во., 1981. – 238 с.

Тур А.С. Лунная соната : комедия // Тур А., Тур П. Единственный свидетель : пьесы. – Москва : Сов. писатель, 1975. – С. 255–318.

Филиппов О. Чужая боль : записки сельского врача. – Москва : Молодая гвардия, 1976. – № 6. – С. 220–240.

Цыганов А.А. Всякое дыхание : повесть. – Вологда : Наше поколение, 1994. – 114 с.

Чертов Ю. «Давай закурим!» : [Очерк] // Литературное обозрение. – Москва, 1985. – № 8. – С. 7–9.

Чесноков Б.М., Семашко Н.А. Энциклопедический словарь по физической культуре. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. – 748 с.

Штейнман И.А. Образ жизни и образ мыслей евреев Латвии и Литвы. – Даугавпилс : Sa-Ša, 1999. – 230 с.

Штейн А.П. Пьесы : в 2 т. – Москва : Искусство, 1978. – Т. 2. – 647 с.

Barral J.-A. Note sur la nicotine ou alcali du tabac // Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des sciences. – Paris, 1842. – T. 14. – N 5, 31 janvier. – P. 224–226.

Birch T. The History of the Royal Society of London. – London : Millar, 1756. – Vol. 2. – 502 p.

Culman A. Ueber den Einfluss des Tabaks auf den Organismus: Inaugural-Dissertation. – Würzburg : Becker, 1864. – 22 S.

Depierris H.A. Les dangers du tabac // For Our Boys: A Collection of Original Literary Offerings by Popular Writers at Home and Abroad / Ed. by A.P. Dietz. – San Francisco : Bancroft, 1879. – P. 299–307.

Depierris H.A. Physiologie sociale : le tabac, qui contient le plus violent des poisons, la nicotine abrège-t-il l'existence? – Paris : Dentu, 1876. – 512 p.

Expériences sur la nicotine // Presse médicale belge. – Bruxelles, 1850. – T. 3, N 27, 29 juin. – P. 213–214.

Gy A. L'intoxication par le tabac. – Paris : Masson, 1913. – 184 p.

Huchard [H.]. Action générale du tabac sur l'organisme // Bulletin médical. – Paris, 1889. – P. 643–646.

It is said that ... // Judge's Library: A Monthly Magazine of Fun. – New York, 1891. – N 22. – P. 27.

Posselt C.W., Reimann K.L. Ueber das Nikotin, ein neuentdeckter Stoff im Taback // Archiv des Apotheker Vereins im nordlichen Deutschland. – Lemgo : Meyer-sche Hof-Buchhandlung, 1829. – Bd. 31. – S. 247–250.

БЫЛ ЛИ ДОСТОЕВСКИЙ КРЕСТНЫМ ОТЦОМ СЛОВА «СТУШЕВАТЬСЯ»?

После нововведений Карамзина в русском языке появилось очень немного общеизвестных слов, принадлежащих конкретным писателям. Преобладают среди них существительные, такие как ‘головотяпство’, ‘мягкотелость’ и ‘злопыхательство’ (Салтыков-Щедрин), ‘бездарь’ (Игорь Северянин), ‘стрекозел’ (Маяковский), ‘сталкер’ (бр. Стругацкие). Редким исключением является глагол ‘стушеваться’, введенный в литературу, по его собственному утверждению, Достоевским.

В ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский поместил заметку «История глагола “стушеваться”». «...Мне, – писал он, – в продолжение всей моей литературной деятельности, всего более нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь <...>» [Достоевский, 1984, с. 67].

Введено оно было в повести «Двойник. Приключения господина Голядкина»¹, опубликованной в февральском номере «Отечественных записок» за 1847 г. Слово ‘стушеваться’ встречается здесь трижды, причем каждый раз с оборотами, поясняющими его значение.

¹ В редакции 1866 г.: «Двойник. Петербургская поэма».

Гл. 4: «...Ему пришло было на мысль как-нибудь, этак под рукой, бочком, втихомолку улизнуть от греха, этак взять – да и стушеваться, т.е. сделать так, как будто бы он ни в одном глазу, как будто бы вовсе не в нем было дело»¹ [Достоевский Ф., 1847, с. 296].

Гл. 6: «...Любит стушеваться и зарыться в толпе <...>» [там же, с. 310].

Гл. 9: «...Глядел так, что чуть что, – так он и стушуеться, так он и в соседнюю комнату, а там, пожалуй, задним ходом, да и того...» [там же, с. 345].

По толкованию Достоевского, ‘стушеваться’ значит «исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, на нет. Но уничтожиться не вдруг, не провалившись сквозь землю, с громом и треском, а, так сказать, деликатно, плавно, неприметно погрузившись в ничтожество» [Достоевский Ф., 1984, с. 66]. Ныне оно чаще употребляется в значении ‘оробеть, смутиться’.

На своем авторстве Достоевский не настаивал: «Словцо это изобрелось в том классе Главного инженерного училища, в котором был и я <...>. Все планы чертились и оттушевывались тушью, и все старались добиться, между прочим, уменья хорошо стушевывать данную плоскость, с темного на светлое, на белое, и на нет <...>. И вдруг у нас в классе заговорили: “Где такой-то? – Э, куда-то стушевался!” <...> Или <...>: “Я вас давеча звал, куда вы изволили стушеваться?” Стушеваться именно означало тут удалиться, исчезнуть, и выражение взято было именно с тушевывания, т.е. с уничтожения, с перехода с темного на нет. Очень помню, что словцо это употреблялось лишь в нашем классе, <...> и когда наш класс оставил Училище, то, кажется, с ним оно и исчезло. Года через три я припомнил его и вставил в повесть» [там же, с. 67].

В 1849 г. Достоевский был арестован, а затем сослан на каторгу. В 1877 г. он вспоминал: «Помню, что выйдя, в 1854 году, в Сибири из острога, я начал перечитывать всю написанную без меня за пять лет литературу <...>, начав перечитывать, был даже удивлен, как часто стало мне встречаться слово “стушеваться”» [там же, с. 66].

В 1965 г. эту версию вхождения слова ‘стушеваться’ в язык и литературу поставил под сомнение С.Ю. Сорокин: «Появление в переносном употреблении в литературной речи этого профессионального слова чертежников и художников Достоевский

¹ В редакции 1866 г.: «было и дело».

<...> приписывал своей инициативе, но вряд ли с достаточными основаниями» [Сорокин, 1965, с. 501]. Так же считает Олег Федосов, сотрудник Университета им. Л. Этвеша (Будапешт): «Версия Достоевского о его (слова. – К.Д.) лавинообразном распространении <...> видится по крайней мере маловероятной». «Глаголы тушеваться/стушеваться не являются изобретением одного, пусть даже гениального, писателя, а возникли в разговорной стихии в одном или нескольких профессиональных сленгах (художников, печатников, студентов и т.д.), распространившись затем как в общем разговорном, так и в литературном языке» [Федосов, 2015, с. 88, 90].

Мы видели, что сам Достоевский указывал на возникновение слова в профессиональной среде и в заслугу себе ставил лишь его введение в литературу. Петербургские литераторы впервые услышали и заметили это слово еще до публикации повести:

«...В начале декабря 45-го года Белинский настоял, чтоб я прочел у него хоть две-три главы этой повести. <...>. На вечере, помню, был Иван Сергеевич Тургенев, прослушал лишь половину того, что я прочел, похвалил и уехал <...>. ...Новое словцо не возбуждало никакого недоумения в слушателях, напротив, всеми было вдруг понято и отмечено. Белинский прервал меня именно с тем, чтоб похвалить выражение. Все слушавшие тогда <...> тоже похвалили. Очень помню, что похвалил и Иван Сергеевич Тургенев <...>. Хвалил потом очень и Андрей Александрович Краевский» [Достоевский Ф., 1984, с. 65–66].

В этом сообщении имеется нестыковка, отмеченная комментаторами академического собрания сочинений: слово ‘стушеваться’ впервые встречается в конце 4-й главы «Двойника», а значит, Достоевский читал и ее тоже. Тургенев, прослушавший лишь половину прочитанного, едва ли мог слышать чтение этой главы.

После огромного успеха «Бедных людей» «Двойник» вызвал большой интерес у читающей публики. И, хотя критические отзывы преобладали, не приходится сомневаться, что повесть прочли все видные литераторы, а значит, заметили и новое слово, трижды употребленное в ней.

Подтверждением этому служат две ранние цитаты, где автором слова назван Достоевский. Первая из них появилась сразу после публикации «Двойника», в мартовском номере «Отечественных записок» за 1847 г.: «Сын Отечества!.. Помним, что у нашего отечества был такой “Сын”, но вдруг он исчез, стушевался, как говорит

Достоевский, – умер, или пропал без вести – не знаем» [Внутренние известия, 1847, с. 82].

Двенадцать лет спустя Аполлон Григорьев (который в 1846 г. жил в Петербурге) писал: «Мы готовы довести себя до состояния нуля, чистой *tabula rasa* – стушеваться, говоря словом сентиментального натурализма» [Григорьев, 1859, с. 33]. Очевидно, что речь здесь идет о Достоевском, тогда еще не вернувшемся из ссылки; стало быть, в 1859 г. память о его авторстве была жива.

Достоевский, как мы полагаем, не вполне точен, утверждая, что уже в годы его ссылки (1850–1854) слово ‘стушеваться’ стало «часто встречаться» в литературе. Следующий известный нам пример его употребления после цитаты 1847 г. относится к 1848 г. и принадлежит брату Ф.М. Достоевского Михаилу: «...Все поспешили выйти на крыльцо, и таким образом несколько стушевалась эта неприятная сцена <...>» [Достоевский М., 1848, с. 276]. Еще один пример относится к 1853 г.: «...Лакированная Минерва <...> совершенно стушевалась в померкшем углу» [Михайлов, 1853, с. 178]. Разумеется, эти данные неполны, но все же «лавинообразное» распространение слова в печати началось, по-видимому, лишь с конца 1850-х годов.

Слова, родственные слову ‘стушеваться’, включены в академический словарь 1847 г., в частности: ‘вытушевать’ – «отделять тушью», ‘вытушеваться’ – «быть вытушевываемому»; ‘оттушевать’ – «оттенять рисунок тушью или чем-нибудь другим», ‘оттушеваться’ – «быть оттушевываемому» [Словарь ..., 1847, т. 1, с. 237; т. 3, с. 136]. Слово ‘оттушевать’ Белинский уже в 1836 г. употребил в переносном значении: «...Дополнить, расцветить изображением известные факты, оттушевать фантазией сухой очерк» [Белинский, 1953, с. 191].

Заметим также, что в 1847 г. в переводном французском романе, опубликованном в «Современнике», встречается слово ‘стушевать’ (которого в академическом словаре 1847 г. нет) в значении ‘скрыть’, ‘утаить’: «Доротея, дочь ее, хотела стушевать такое неприятное происхождение сколько возможно для себя самой и совершенно для сына» [Карр, 1847, с. 64]. В оригинале употреблено слово ‘effacer’, букв. ‘вычеркнуть’, ‘затереть’, ‘изгладить» [Карр, 1847, р. 408].

В 1963 г. Л.Я. Боровой указал на цитату из дневника А.В. Никитенко от 8 февраля 1826 г.: «...Честолюбие, сопровождаемое успехом, с каждым шагом вперед умалывает в глазах честолюбца

предметы, остающиеся у него позади, и так до тех пор, покуда они совсем ступают <...>» [Боровой, 1963, с. 115; Никитенко, 1955, с. 12]. По мнению С.А. Рейсера, у Никитенко слово употреблено «в том самом значении, автором которого Ф.М. Достоевский считал себя и своих сокурсников» [Рейсер, 1979, с. 148]. Вслед за Рейсером этот тезис повторен в комментарии к т. 26 академического «Полного собрания сочинений» Достоевского. Мы полагаем, что это не так: у Никитенко прямое, предметное значение слова все еще ощущается. У Достоевского слово применено к человеку, а не к предмету, что и позволило впоследствии появиться преобладающему ныне значению «оробеть, смутиться». Именно поэтому слово было воспринято современниками как авторское.

Список литературы

Белинский В.Г. Михаил Васильевич Ломоносов. Сочинение Ксенофонта Полевого // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. – Москва : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 2. – С. 185–195.

Боровой Л.Я. Путь слова : старое и новое в языке русской советской литературы. – 2-е изд. – Москва : Сов. Писатель, 1963. – 745 с.

Внутренние известия // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1847, № 3. – С. 73–112 (8-я паг.).

Григорьев А.П. И.С. Тургенев и его деятельность по поводу романа «Дворянское гнездо» <...>. Письма к Г.Г. А.К. Б. Статья вторая // Русское слово. – Санкт-Петербург, 1859. – № 5. – С. 20–41 (2-я паг.).

Достоевский М.М. Дочка : повесть // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1848. – Т. 59. – С. 233–306 (1-я паг.).

Достоевский Ф.М. История глагола «стусеваться» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1984. – Т. 26. – С. 65–67.

Достоевский Ф.М. Двойник. Приключения господина Голядкина // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1847. – Т. 44, № 2. – С. 263–428 (1-я паг.).

Карр А. Семейство Аланов. (Повесть). Часть первая // Современник. – Санкт-Петербург, 1847. – Т. 5, № 9. – С. 57–79 (4-я паг.).

Михайлов М.Л. Марья Ивановна : роман. Часть первая // Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1853. – № 5. – С. 147–242.

Никитенко А.В. Дневник : в 3 т. – Москва : Гос. изд-во худ. лит., 1955. – Т. 1. – 542 с.

Рейсер С.А. Стусеваться // Современная русская лексикография. 1977. – Ленинград : Наука, 1979. – С. 147–150.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук : в 4 т. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии Наук, 1847. – Т. 1–4.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. – Москва : Наука, 1965. – 564 с.

Федосов О. Ф.М. Достоевский и глагол стушеваться // Szlávok és magyarok köszöntő könyv Zoltán András 65. születésnapjára. – Budapest : [Без указания изд-ва], 2015. – С. 83–90.

Karr A. La Famille Alain: Première partie // Revue des deux mondes. – Bruxelles, 1847 – P. 402–421.

Первые публикации статей, включенных в сборник

Фигуры и символы : Архитектурное пространство утопии // Феномен утопии в общественном сознании и культуре : сборник. – Москва : ИНИОН РАН, 2021.

Голубь мира : языковая метафора и визуальный символ. Опубликовано в виде двух статей : Символика голубя мира от Античности до Нового времени // Вестник культурологии. – Москва, 2022. – № 4; Символика голубя мира в Новейшее время // Там же. – 2023. – № 1.

Метафоры деспотизма : от «железной руки» до «железной пяты» // Вестник культурологии. – Москва, 2020. – № 3.

«Аристократия духа» и «орден интеллигенции» : генеалогия понятий // Вестник культурологии. – Москва, 2019. – № 4.

«Парадокс о мандарине» : этический эксперимент в литературе // Вестник культурологии. – Москва, 2020. – № 2.

«За четверть часа до смерти он был еще живой» : литературный образ Ла Палиса и феномен «бестолкового стиля» // *Studia Literarum*. – Москва, 2021. – Т. 6, № 3 (сентябрь).

Мужчина как недовершенная женщина : сюжет из истории феминизма // Вестник культурологии. – Москва, 2020. – № 3.

«...В СССР секса нет» : о понятии «секс» в советской культуре // Вестник культурологии. – Москва, 2022. – № 3.

«Одна ночь Парижа», или «Бабы еще нарожают» // Вестник культурологии. – Москва, 2022. – № 4.

Homo unius libri, или Человек одной книги : эволюция понятия // Вестник культурологии. – Москва, 2022. – № 4.

Увидеть и умереть : от Неаполя до Парижа // Литературоведческий журнал. – 2021. – № 3.

Хорошо забытое старое, или Ничто не ново под луной // Литературоведческий журнал. – Москва : ИНИОН, 2021. – № 1.

«Слон в посудной лавке» : к истории выражения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – Москва, 2022. – № 4.

«Случай, мгновенное орудие Провидения» : культурно-исторический фон пушкинского афоризма // Литературоведческий журнал. – Москва, 2021. – № 1.

«Определяйте значение слов...» : об источниках пушкинского афоризма // Литературоведческий журнал. – Москва, 2022. – № 3.

«Презренной прозой говоря» : К истории выражения «vile prose» // Новое литературное обозрение. – Москва, 2021. – № 1(137).

«Толстый генерал» и князь Гремин : превращения литературного образа // Литературный факт. – Москва, 2022. – № 24.

Презренный металл : вхождение идиомы в литературу // Литературный факт. – Москва, 2022. – № 24.

«Мораль сей басни такова» : от дидактизма к пародии // Литературоведческий журнал. – Москва, 2021. – № 2.

«Над всей Испанией безоблачное небо» : между историей и поэзией // Вестник культурологии. – Москва, 2019. – № 4.

«Капля никотина убивает лошадь» : история загадочного плаката // Вестник культурологии. – Москва, 2019. – № 4.

Был ли Достоевский крестным отцом слова «стушеваться»? // Вестник культурологии. – Москва, 2019. – № 4.

К.В. Душенко

МЕТАФОРЫ, ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ: ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА

Сборник статей

Оформление обложки И.А. Михеев

Верстка А.М. Первова

Корректор В.И. Чеботарева

Подписано к печати 05.07.2023

Формат 60×84/16 Бум. офсетная № 1

Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ. л. 22 Уч.-изд. л. 18,5

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ № 137

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Нахимовский пр-кт, д. 51/21,

Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96

e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов,

ул. Чернышевского, д. 88, литера У